

«Литературному меридиану» – 5 лет!

ЮБИЛЕЙНЫЙ НОМЕР

www.Litmeridian.ru

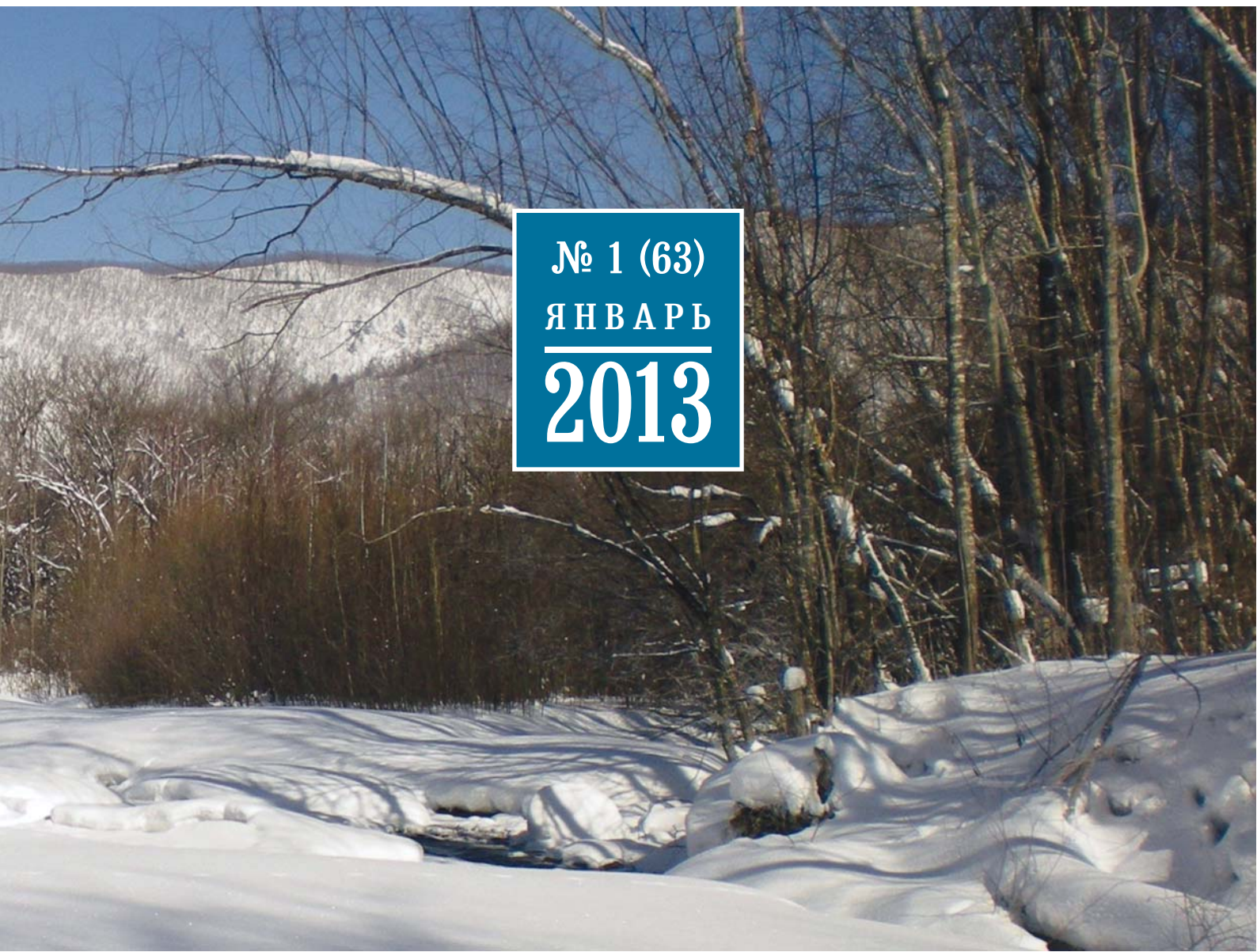
ЛИТЕРАТУРНЫЙ МЕРИДИАН

Культурно-просветительское художественное издание

Выходит с января 2008 года

№ 1 (63)
ЯНВАРЬ
2013

ЛИТЕРАТУРНЫЙ МЕРИДИАН № 1 (63) — 2013

**Рассказ
Николая
БЕРЕЗОВСКОГО
«На два пальца»
читайте
на с. 59**

**Статью
святителя
Николая
СЕРБСКОГО
«Толкование
молитвы
Господней»
читайте
на с. 35**

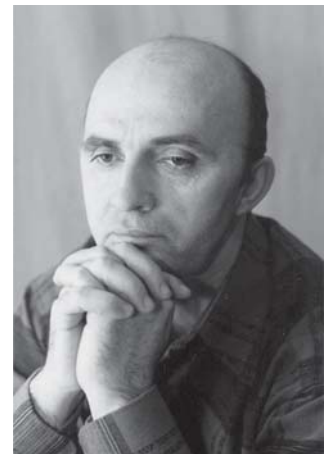
**Рассказ
Евгения
ВЕСНИКА
«Письмо
от Игната
Любушкина»
читайте
на с. 84**

**Рассказы
Лидии
СЫЧЁВОЙ
читайте
на с. 91**

**Стихи
Ивана
ШЕПЕТЫ
читайте
на с. 66**

**Стихи
Николая
ЗИНОВЬЕВА
читайте
на с. 12**

ЛИТЕРАТУРНЫЙ МЕРИДИАН

Культурно-просветительское художественное издание

Январь 2013 года
№ 1 (63)

Главный редактор – Владимир КОСТЫЛЕВ

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Г.В. БОГДАНОВ, зам. главного редактора,
г. Хабаровск.
С.Д. БАРАБАШ, *г. Владивосток.*
А.К. КАПИТАН, *г. Владивосток.*
Э.В. КОЧЕТКОВА, *г. Владивосток.*
Е.А. КУДРЯВЦЕВ, *г. Владивосток.*
А.А. ТРАПЕЗНИКОВ, *г. Москва.*

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ:

И.В. БАНКРАШКОВА, *г. Хабаровск.*
В.В. БОГДАНОВ, *г. Омск.*
Н.А. ЗИНОВЬЕВ, *г. Кореновск.*
Ю.Н. КАБАНКОВ, *г. Владивосток.*
В.Я. КУРБАТОВ, *г. Псков.*
Р.П. ЛЯШЕВА, *г. Москва.*
Г.В. НАЗИМОВ, *Калифорния, США.*
В.В. ПРОТАСОВ, *г. Владивосток.*
В.М. ТЫЦКИХ, *г. Владивосток.*

ПОПЕЧИТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ:

И.В. КОНЧАТНЫЙ, *г. Арсеньев.*
В.Г. ХРАМЦОВ, *г. Арсеньев.*
И.И. ШЕПЕТА, *г. Владивосток.*

Арсеньев
2013

Ежемесячник «Литературный меридиан» основан **15 января 2008 года**,
в день памяти **святого преподобного Серафима Саровского чудотворца**.

Тропарь, глас 4

От юности Христа возлюбил еси, блаженне, и Тому Единому работати пламенне вожделев, непрестанною молитвою и трудом в пустыни подвизался еси, умиленным же сердцем любовь Христову стяжав, избранник возлюблен Божия Матере явился еси. Сего ради вопием ти: спасай нас молитвами твоими, Серафиме, преподобне отче наш.

Дорогие друзья!

Если вы готовы помочь нашему изданию регулярно выходить в свет, развиваться и радовать почитателей изящной словесности качественной литературой, если желаете одарённым литераторам найти своего читателя – в ваших силах совершить перевод любой приемлемой для вас суммы на счет «Литературного меридиана».

Номер нашего счета в системе Яндекс-деньги: **41001884919176**

Перевод можно осуществить в любом отделении Сберегательного Банка России, а также в Интернете.

Содержание

Отгегества

- Вадим КОЖИНОВ.** Несколько соображений о грядущем пути России 3
Иван ИЛЬИН. О России. Три речи 47
Вячеслав МОЦАРДО. Право на Российский Престол 102

Поэзия

- Николай ЗИНОВЬЕВ.** Журавли летать не перестали 12
Сергей ДОНБАЙ. Речь моя, тихой побудь 26
Вячеслав ПРОТАСОВ. Всё равно мы встретимся опять 45
Иван ШЕПЕТА. Все они останутся на льдине 66
Геннадий БОГДАНОВ. Что-то милое и давнее 87
Владимир СИЛКИН. Окликакая случайных прохожих. 137

Неспалимая курица

- Святитель Николай СЕРБСКИЙ.** Толкование молитвы Господней. 35

Птица Весник

- Марина ЦВЕТАЕВА.** Поэт о критике 121

Проза

- Виктор БОГДАНОВ.** Рассказы 19
Владимир КОСТЫЛЕВ. Тепло вчерашнего дня 41
Николай БЕРЕЗОВСКИЙ. На два пальца 59
Лидия СЫЧЕВА. Рассказы 91
Александр ТРАПЕЗНИКОВ. Рассказы 141

Юбилей мастера

- Коллектив авторов.** Отрывок из книги о Е.Я. Веснике 70
Евгений ВЕСНИК. Письмо от Игната Любушкина 84

Критика

- Руслана ЛЯШЕВА.** Ум – он явление природы 30

Уроки сердцеведения

- Юрий КАБАНКОВ.** «Платон мне друг». Монологи на завалинке 148

Истоки

- Валентин КУРБАТОВ.** Свидетель обвинения 17
Владимир ТЫЦКИХ.
Сто экземпляров равнодушия, или делай, что должно 133

Музыкальная гостиная

- Осьминожка (песня, муз. Н. Губина, стихи В. Тыцких).**
Ведущий рубрики – **Александр КАПИТАН** 159

Наш вернисаж

- Джон КУДРЯВЦЕВ.** Репродукция «Спички после конфликта» 160

Дорогие наши читатели и авторы!

Вы держите в руках юбилейный номер «Литературного меридиана». Нашему изданию – 5 лет. Можно долго рассуждать о ценности или незначительности этой даты, о достижениях и ошибках, случавшихся в период становления ежемесячника, но нам, сотрудникам редакции, членам Общественного и Попечительского советов, сегодня хочется обратить внимание на очевидное: вокруг «Литературного меридиана» собрался коллектив авторов, читателей и критиков-единомышленников, единомыслителей, людей, кому не безразлично будущее русской литературы, которая всегда, при любых общественно-политических формациях, оставалась великой. Что ещё нужно для уверенности в грядущем?

Каким бы сильным не был соблазн, мы не станем подводить ни первых, ни главных (ни иных прочих) итогов «по случаю юбилея» лишь по одной причине: наш путь только начинается, а останавливаться на достигнутом и предаваться самолюбанию – в равной мере и глупо, и некрасиво.

Дорогие друзья! Приглашайте ваших знакомых литераторов и простых читателей оформить подписку на «Литературный меридиан», расскажите о нашем первом юбилее в ваших городских и районных средствах массовой информации. С вашей помощью мы сможем увеличить тираж и объём издания, улучшить полиграфическое исполнение.

С юбилеем, друзья! Здоровья вам и оригинального творчества.
С Богом!

Несколько соображений о грядущем пути России

То, что я собираюсь высказать, вовсе не является моим личным «открытием». Главное было сформулировано еще в 1991 году в докладе «Социальная и социально-политическая ситуация в СССР. Состояние и прогноз», подготовленном под руководством директора Института социально-политических исследований РАН академика Г.Е. Осипова.

Один из основных выводов этого доклада заключался в утверждении необходимости осуществить «энергичное и последовательное возрождение естественных хозяйственных традиций, отражающих глубинные национальные особенности страны... Насильственное внедрение в нашу хозяйственную среду специфических западных принципов жизни не даст ожидаемого результата. Человеческий архетип, сформированный на протяжении тысячелетней истории, за несколько лет (добавлю от себя – и за несколько десятилетий. – В.К.) переделать невозможно. Насильственное внедрение западных образцов экономики будет способствовать еще большему углублению и обострению всех социальных, политических и экономических проблем... неизбежно приведет страну к полномасштабной социальной катастрофе». И еще два очень важных положения документа: «...особое значение в современных условиях приобретает... разъяснение роли России как евроазиатского государства», и «необходимо незамедлительное осуществление жесткого государственного контроля над производством товаров первой необходимости и потребительским рынком».

Полностью присоединяясь к этим положениям, которые, увы, власти предрержащие абсолютно проигнорировали, считаю немаловажным их дополнительное более или менее конкретное обоснование.

Для начала целесообразно отойти от непосредственного «предмета» обсуждения, то есть России, и обратиться к проблеме так называемого «японского экономического чуда», что способно многое прояснить. Не нужно, по-видимому, доказывать, что японская экономика в целом ряде аспектов сегодня превосходит остальной

мир и с количественной, и с качественной точек зрения: она уже сравнительно давно по многим параметрам «обогнала» экономику США (возможно, впрочем, возражение, что Япония имеет мизерные в сравнении с США военные расходы, и именно этим обусловлены ее уникальные экономические достижения: однако данное «преимущество» в сущности сводится на нет тем обстоятельством, что в Японии почти полностью отсутствуют основные сырьевые и энергетические ресурсы, в то время как США обладают ими в избытке).

В средствах массовой информации и в речах политических руководителей постоянно утверждается, что Япония совершила свое «чудо» благодаря перестройке экономики (а также и политики) по западному образцу, западной модели. Но это не более, чем удобный для насаждающих его людей миф. Известнейший американский политолог японского происхождения, и – что необходимо оговорить – страстный апологет как раз западного образа жизни Френсис Фукуяма писал все же в своем нашумевшем сочинении «Конец истории?» (1989), что после 1945 года «победоносные Соединенные Штаты навязали Японии либеральную демократию. Японцы, конечно, преобразовали почти до неузнаваемости западный капитализм и политический либерализм. Многие американцы теперь понимают, что организация японской промышленности очень отличается от американской или европейской, а фракционное маневрирование внутри правящей либерально-демократической партии с большим сомнением можно называть демократией» («Вопросы философии». 1990, N 3. С.141).

Это «диагноз» наблюдателя, который, в отличие от советских (или «бывших советских») идеологов знает и западный, и японский мир не понаслышке. И «причастность» Фукуямы и к Японии, и к США побуждает согласиться с его решительным отграничением японской экономической и политической системы от западной.

Японская экономика принципиально и глубоко своеобразна. Часто говорят о том, что японцы

очень, даже исключительно широко заимствуют западные изобретения, «ноу хау», технологические идеи и т.п. Но заимствовать все это могут в конечном счете люди любой страны. Проблема в том, «заработают» ли «перенесенные» в эту страну чужие достижения?

В многоплановом исследовании, написанном в 1985 году рядом зарубежных специалистов, которое было издано у нас в 1989 году под названием «Как работают японские предприятия», недвусмысленно говорится, что начатое в Японии после 1945 года «применение американских методов управления оказалось неудачным». И к 1956 году ясно определились «основные черты японской системы управления... Важнейшими из них являются система пожизненного найма и процесс коллективного принятия решений» (с. 36). В другом месте этого исследования сказано, что «индивидуализм толкает американца к открытию своего собственного дела и к возведению вокруг себя психологического барьера, который позволяет ему демонстрировать другим уверенность в себе», между тем «канонизированный японской культурой идеал составляет взаимозависимость, а не индивидуализм» (с. 5, 66).

Все это опирается на многовековые национальные традиции; «Исследуя источники японской философии менеджмента, мы должны обратиться к эре Токугава (началась в 1603 году. – В.К.), когда японская культура... достигла, наконец, своего классического выражения... лучшие традиции дзен-буддизма до сих пор сохраняются в сознании японца». И эти традиции было «необходимо интерпретировать и совершенствовать... в соответствии с потребностями промышленного развития... Обращение политической верхушки к отдельным элементам феодального наследия... ключевой фактор современного развития Японии» (там же, с. 38, 39).

Это «обращение» к «феодалному наследию» осуществлялось с такой последовательностью, что популярный репортер Владимир Цветов, который бывал в Японии еще с 1960-х годов и провел там в общей сложности восемь лет, заявил в своей книге «Пятнадцатый камень сада Реандзи» (1977): «В июле 1986 года в Японии вступил в силу «Закон о передвижении рабочей силы». Знакомись с ним – и в памяти возникают картины российского крепостничества, описанные в учебнике истории» (с. 360; запомним это «в учебнике истории»).

В высшей степени важно подчеркнуть, что, создавая свою цветущую экономику, японцы не просто продолжали вековые традиции,

не в прямом смысле слова возрождали, воскрешали эти традиции.

Об этом поведал председатель одной из крупнейших японских корпораций «Мицуи дзосен» Исаму Ямасита: «После второй мировой войны... существовавший многие века дух деревенской общины начал разрушаться. Тогда мы возродили старую общину на своих промышленных предприятиях... Прежде всего мы, менеджеры, несем ответственность за сохранение общинной жизни... Воспроизводимый в городе... общинный дух экспортируется обратно в деревню во время летнего и зимнего «исхода» горожан, гальванизирует там общинное сознание и сам в результате получает дополнительный толчок» (с. 36, 47). В связи с этим В. Цветов признался, что в конце концов он «понял, насколько правы японские менеджеры, уподобившие алхимикам тех западных журналистов, экономистов, социологов, которые пытались выискать в передовой технологии и новейшем оборудовании разгадку более быстрых, чем в других развитых капиталистических странах, японских темпов роста экономики и производительности труда, причины более высокого качества продукции» (с. 26). Решающую роль, как стало ясно, играет не технология, а фундаментальные основы национального бытия.

И необходимо сказать со всей определенностью, что Япония, если ставить вопрос всерьез, отнюдь не «перегнала» США (и Запад в целом). Ибо сам тезис «догнать и перегнать» – это только примитивный пропагандистский штамп. Понятие о «гонке» взято из элементарной ситуации движения на плоскости двух или нескольких «предметов» – ситуации, которая совершенно неприложима к сложнейшему развитию экономики (не говоря уже о человеческом бытии в целом). «Перегнать» в экономике никак нельзя, достичь более значительных успехов можно лишь на ином, собственном пути.

О Японии мы вправе даже сказать, что она движется не «вперед» вместе с США, а «назад», не случайно японские экономисты постоянно вспоминают «феодалное наследие». И развитие японской экономики ясно свидетельствует, что всецело основанное на «индивиде», на основном содержании «билля о правах» экономика Запада оказалась менее способной к росту и совершенствованию, нежели «общинная» японская экономика.

Достижения японцев настолько впечатляющи, что автор предисловия к русскому изданию книги «Как работают японские предприятия» проф. Д.Н. Бобрышев заявил: «Изначальные социально-культурные условия в нашем народном

хозяйстве больше приспособлены к восприятию именно японских методов и подходов, чем, скажем, американских – с их жесткой нацеленностью на индивидуализацию, строгую расчетливость, личную карьеру» (с. 7).

Однако с этим никак нельзя согласиться. Предложение «пересадить» в Россию уходящую корнями в совсем иную историю японскую «модель», без сомнения, столь же утопично, как и нынешние эксперименты по пересадке западной модели. Достаточно задуматься о судьбе, которая ожидала бы в России – с ее склонностью к постоянным «передвижениям» (в широком смысле этого слова) – одну из неотъемлемых основ современной японской модели – пожизненный найм рабочих и служащих, их безусловную преданность раз избранной корпорации. По определению из книги «Как работают японские предприятия», на последних осуществлено «отождествление служащих с корпорацией» (с. 97).

В. Цветов написал, что близко ознакомившись с японской экономической моделью, он вспомнил «картины русского крепостничества», отметив, правда, что имеются в виду картины, «описанные в учебнике истории». Он, конечно, вовсе не хотел тем самым намекнуть, что «картины», описанные в послереволюционных «учебниках», мягко говоря, неадекватны: он скорее «проговорился», чем сказал о несостоятельности этой самой «картины».

Виднейший специалист по исторической географии В.А. Анучин исследовал в своем трактате «Географический фактор в развитии общества» (1982) «тенденцию, весьма характерную для феодальной Руси, тенденцию, направленную к «перемене мест», населявшие Россию народы фактически продолжали пользоваться большей свободой, чем народ любого хорошо организованного государства в Западной Европе» (с. 205).

Нельзя не учитывать и того факта, что крепостничество распространялось менее чем на половину русских крестьян, и к тому же около половины из этих последних были оброчными, то есть жили, где хотели, и подчас становились более богатыми, чем их владельцы-помещики; большинство русских купцов и промышленников вышло именно из рядов оброчных крестьян.

Уместно сказать и о том, что многие деятели русской культуры начали свой путь в качестве крепостных, но в силу русского «своеобразия» такие бывшие «рабы», как ставшие академиками М.П. Погодин и А.В. Никитенко, действовали в культуре рука об руку с князьями-рюриковичами П.А. Вяземским и В.Ф. Одоевским (у которо-

го, впрочем – и это в высшей степени характерно для России! – мать была крепостной крестьянкой).

Конечно, в кратком рассуждении невозможно обрисовать всю многостороннюю «картину» русского бытия, но и эти отдельные факты, как представляется, показывают, что в России совсем иные «традиции», чем в Японии. Крестьянская община в России никогда не была столь прочной и неизблемой, как в Японии, и наиболее активные ее члены стремились вырваться (и вырывались) из ее рамок; кроме того, русская община, в отличие от японской, отнюдь не была склонна к подчинению какой-либо вышестоящей «корпорации».

С другой стороны, громадную роль (в строительном деле – безусловно господствующую) играли в России известные уже по литературным памятникам XV века артели, которые были совсем иным институтом, нежели община: они свободно перемещались по территории страны, складывались по воле своих членов и опять-таки по собственной воле подрывались на те или иные работы. В 1890-х годах именно артелями, включавшими в себя в общей сложности не более 10 тысяч человек, была построена Транссибирская магистраль (7,5 тысяч км рельсового пути, 55 км туннелей, 5 мостов через великие реки). Это явилось признанным всем миром «чудом» того времени, зиждущемся на неслыханно высокой производительности труда (достаточно сравнить этот труд с трудом в 1970–1980 годах вооруженных всяческой импортной техникой сотен тысяч строителей намного более короткой Байкало-Амурской магистрали).

В книге «Как работают японские предприятия» есть описания, невольно заставляющие вспомнить советскую действительность 1920–1930 годов: «...японские корпорации проводят... утренние митинги, цеховые собрания и собрания малых групп (кружков качества). Обычно высший управляющий обращается к служащим с изложением политики компании... встреча заканчивается общими криками: «Будем работать напряженно!» После утреннего митинга рабочие могут посетить цеховое собрание» и т.д. (с. 102).

Но в отечественных условиях такие «методы» могли дать эффект (распространявшийся к тому же далеко не на всех работающих) лишь в течение того краткого периода, когда сохранялся так называемый революционный энтузиазм; уже в 1950-е годы подобные методы стали чисто рутинным явлением, и «пересаживать» к нам японскую систему, повторюсь, столь же бессмысленно, как и западную. Разговор о Японии

необходим был потому, что современные «западники» громогласно настаивают: «Иного пути нет!» Между тем на принципиально ином пути Япония достигла экономических успехов, превосходящих все, что дал Запад.

Если же ставить вопрос о русском пути, первое, о чем следует размышлять, – о многоукладности экономики России, сложившейся в очень давние времена. Подавляющее большинство современных «идеологов» полагает, что мысль о «многоукладности» принадлежит В.И. Ленину, но это свидетельствует лишь о том, что они из всего богатейшего наследия русской социальной мысли знают одни только ленинские сочинения (или, вернее, ленинские цитаты в пропагандистских брошюрах).

Огромная и исключительно многообразная (с географической, этнической, культурной и т.п. точек зрения) Россия принципиально не могла воплотиться в некую единую экономическую модель. Известен, например, спор двух крупнейших личностей – Л.Н. Толстого и П.А. Столыпина, первый из которых категорически отстаивал общину, а второй – индивидуальное хозяйство. Между тем и прошлое, и современность показывают, что оба были по своему правы, в России может и должно быть и то и другое, так же как когда-то в ней занимали равноправное место и «барщина» и «оброк». Для крестьян Нечерноземья, в частности, разнообразнейшие промыслы имели гораздо большее значение, нежели хлебопашество; только догматическая, все нивелирующая экономическая политика послереволюционных десятилетий насильно заставляла пытаться превратить Нечерноземье в «житницу».

Вторая важнейшая особенность российской экономики (нераздельно связанная с первой) – огромная роль государства, которая с совершенной очевидностью обнаруживается, скажем, при обращении к деятельности давних великих предпринимательских родов России – Строгановых (заимели свое дело с начала XVI века), Демидовых (с конца XVII в.) и т.п. Нынешние «западники» усматривают в государственном «вмешательстве» в экономику чуть ли не величайшее российское «зло» (исходя, понятно, из либеральных «западнических» представлений). Но уж хотя бы одно ни с чем не сравнимое многообразие, многоукладность «нормального» экономического бытия России порождает необходимость мощной организующей роли государства. Достаточно познакомиться с обстоятельными исследованиями двух историков – В.Я. Лаврычева «Крупная буржуазия

в пореформенной России» (1974) и Л.Е. Шепелева «Царизм и буржуазия во второй половине XIX века. Проблемы торгово-промышленной политики» (1981) – чтобы убедиться: политика государства имела необходимое и первостепенное значение для тогдашнего чрезвычайно быстрого становления российской индустрии. Именно так понимал дело великий не только в сфере химии, но и в своих экономических размышлениях Д.И. Менделеев.

И последнее (хотя отнюдь не последнее по своей важности). В одном из своих выступлений тов. Ельцин сказал, что ему в течение пятидесяти лет вбивали в голову «Краткий курс истории ВКП(б)». Это глубоко верно. Хотя сам этот «курс» давно отставлен в сторону, ряд «основополагающих» тезисов из его «гениальной 4-й главы» продолжал определять «основу» нынешней экономической науки. Наиболее существенно в этом смысле положение о том, что-де решающую роль в плодотворном развитии экономики играют «производственные отношения». Можно бы доказать, что данная в 4-й главе интерпретация исконного марксистского положения об этих «отношениях» крайне примитивизировала и вульгаризировала это понятие (идеи Маркса – даже при признании всей их спорности, – достаточно серьезны). Но нынешние руководители экономической политики, на словах начисто отвергающие не только «сталинское наследие», но и марксизм вообще, на деле явно убеждены в том, что «радикальное» изменение производственных отношений (прежде всего, понятно, форм действительности) само по себе и весьма быстро приведет к экономическому расцвету и изобилию потребительских товаров. Еще совсем недавно эти люди превозносили с данной точки зрения производственные отношения «развитого социализма», теперь с тем же пафосом воспевают производственные отношения капитализма или, как чаще говорится, «цивилизованных стран». Нам пытаются внушить, что, изменив по образу и подобию этих стран производственные отношения в России, мы быстренько достигнем их экономического уровня.

Выше уже шла речь о том, что «пересадить» западную (как и японскую) модель в Россию невозможно. Но допустим даже, что подобная пересадка осуществима (в чем уверены руководители «реформ»). Будет ли это означать, что Россия тем самым приблизится по своим экономическим показателям к высокоразвитым странам? Безусловно, нет. Ведь в конечном счете в большинстве «развивающихся» стран – при всех возможных оговорках – «производственные отношения»

в принципе те же, что и в высокоразвитых, а между тем ныне в развивающихся в течение одного года погибает от голода, по сведениям ЮНЕСКО, 20 миллионов человек!..

«Благосостояние» нынешних развитых стран, где проживает всего лишь 15 процентов населения Земли, зиждется не на «производственных отношениях» как таковых (это вульгарное упрощение сложнейшей проблемы), но, во-первых, на выработанной в течение длительного времени исключительно высокой культуре предпринимательства и труда и, во-вторых, на постоянной «перекачке различных ресурсов (в том числе – и человеческих) из «развивающихся» стран.

Идеологи нынешних реформ убеждены, что, если придать российскому «фермеру» тот внешний экономический статус, каковой имеет, скажем, нидерландский фермер, он («наш фермер») получит те же результаты. Чтобы понять всю несостоятельность этого умозаключения достаточно вдуматься в один только факт: в Нидерландах используются в хозяйстве только такие коровы, «родословная» которых точно известна за сотню предшествующих лет! И именно выражающаяся в этом (хотя, конечно, вовсе не только в этом – перед ними только одна, но поистине впечатляющая «деталь») высочайшая культура предпринимательства и труда прежде всего и обеспечивает экономические показатели нидерландского сельского хозяйства.

И вторая неотъемлемая сторона проблемы: перекачка ресурсов из развивающихся стран в высокоразвитые. Так, в 1987 году высокоразвитые страны, где проживает, наминаю, всего лишь 15 процентов населения Земли, «всосали» в себя 73 (!) процента мирового экспорта энергетических ресурсов, то есть в 5 раз больше, чем было бы у них при «справедливом» дележе! (см. «СССР и зарубежные страны, 1988». С. 270.).

И именно в этих двух феноменах (выработанной веками культуре производства и «перекачке») заключены наиболее существенные причины благосостояния высокоразвитых стран, а вовсе не в пресловутых «производственных отношениях», которые сами по себе не способны породить никакого «экономического чуда».

Итак, плодотворный грядущий путь России возможен только в русле возрождения ее экономических устоев: принципиальной многоукладности и в высшей степени весомой экономической роли государства. Ставя же вопрос о каких-либо «заимствованиях» из экономических моделей США или Японии, необходимо постоянно учитывать, что Россия – евразийская,

и опыт Востока ничуть не менее существен для нее, чем опыт Запада. Речь идет, конечно, не о примитивном призыве «взять лучшее» и оттуда, и отсюда; гораздо важнее сознавать, что ни то ни другое не может стать «главным» (и тем более единственным) объектом внимания. Попытка пересадить западную модель ничего кроме разрухи не принесет, и развитие в конечном счете все равно будет иным.

Наконец, бессмысленно и даже дико полагать (хотя очень многие это делают), что можно и нужно как бы «отменить» предшествующую эпоху, занявшую три четверти столетия, и вернуться на путь, приведший к 1917 году. Правда, нет сомнения, что страна переживает (как и всегда было после революций) полосу реставрации (а вовсе не «революции» как полагают «радикалы»). Но реставрация – это только определенное «уравновешивание», а не действительный возврат к предшествующему строю. Впрочем, это особый, сложный вопрос, который я пытался осветить в статье «Куда движется человечество?», опубликованной 31 декабря 1991 г. в газете «Правда».

* * *

Предвидение будущего – это нередко труднейшая, но необходимая и повседневно решаемая людьми задача. Мы редко отдаем себе отчет в том, что любое наше успешное действие совершается, в частности, на основе предвидения – пусть хотя бы самого элементарного: так, мы отправляемся летом в лес за грибами, поскольку предвидим, что они там уже появились, а если мы ошиблись – вернемся с пустой корзинкой. Этот «пример», вероятно, воспримут с улыбкой, но задумаемся о людях, конструирующих новый летательный аппарат; неспособность к предвидению в этом случае обернется трагическими последствиями... И, разумеется, успешное служение своей стране – идет ли речь об указах ее правителей или о действиях «рядовых», но озабоченных судьбой Отечества (и, значит, в конечном счете, собственной судьбой...) граждан – невозможно без предвидения будущего.

Полтора столетия назад, в 1853 году, тогдашние правители России, вступив в очередной конфликт с давним соперником – Турецкой империей, ни в коей мере не предвидели, что наиболее мощные страны христианской Европы начнут войну на стороне вроде бы враждебного им исламского государства, и Россия потерпит одно из немногих самых тяжких за всю ее историю военных поражений... Между тем еще за полтора десятилетия до начала Крымской войны

проникновеннейший поэт и мыслитель (вторая сторона его творчества, к сожалению, известна немногим) Федор Иванович Тютчев со всей ясностью предвидел, что Запад только и ждет удобного момента для мощной атаки на Россию с целью лишить ее той первостепенной роли на мировой арене, которую она обрела в 1812–1814 годах.

Тютчев предпринимал разного рода усилия, дабы «открыть глаза» правителям России на грозящую ей роковую схватку, но никто из них так и не внял ему, – в частности, потому, что «все они, – по тютчевским словам, – очень плохо учили историю» (см. обо всем этом мою книгу «Тютчев», издававшуюся в 1988 и 1994 гг.). И в самом деле: любое предвидение будущего страны возможно только при опоре на достаточно полное и глубокое знание и понимание ее предшествующей истории; попытки заглянуть в грядущее России, исходящие лишь из ее современного, сегодняшнего состояния – это, как говорится, гадание на кофейной гуще.

Углубленный взгляд в историю, в прошлое России дает возможность осознать определенную «направленность», основополагающий вектор, который, вероятнее всего, продлится и в неведомом грядущем времени. И нетрудно заметить, что в нынешних рассуждениях о будущем России нередко так или иначе присутствует обращение к предшествующей ее истории, – но это обращение чаще всего явно тенденциозно, оно сосредоточивается на какой-либо одной стороне российского исторического бытия и представляет собою скорее субъективную оценку, чем трезвое, объективное осмысление этого бытия.

Вот, например, достаточно типичное в этом плане сочинение, принадлежащее перу недавнего «главного реформатора» – Гайдара – «Государство и эволюция», появившееся в 1995 году. С очевидным недовольством, даже негодованием говорится здесь о том, что «в центре» бытия России «всегда был громадный магнит государства. Именно оно определяло траекторию российской истории. Государство страшно исказило новейшую историю...» Даже «радикальнейшая в истории человечества революция не поколебала «медного всадника» русской истории». И вся задача состоит, мол, в том, чтобы «сместить главный вектор истории» (!).

Все это, вполне понятно, продиктовано сопоставлением России со странами Запада, где государство играло намного более «скромную» роль; Гайдар, впрочем, и не скрывает, что он целиком исходит именно из этого сопоставления. И получается, что история России – это как бы «искаженная» история Запада...

Согласитесь, что сам подобный подход к делу заведомо сомнителен («сместить главный вектор» – хотя даже беспрецедентная в истории мира революция не смогла этого сделать!). А «использование» созданной пушкинским гением поэмы «Медный всадник», исполненной глубочайшим и богатейшим смыслом, предстает как крайне легковесная претензия.

Но главное даже не в этом. Нет сомнения, что государство имело исключительное значение в истории России. Но дело идет все же только об одной стороне российского бытия, совершенно непонятной без других его аспектов. Вспомним хотя бы о том, что громадное количество русских людей на протяжении столетий «уходило» с контролируемой государством территории на юг, север и восток, и в результате образовались, в частности, «вольное» казачество (само русское слово «казак» происходит от тюркского, означающего «вольный человек») и не подчинявшееся ни светской, ни церковной власти старообрядчество. И само пространство России в значительной мере было создано этими народными «Вольницами», – хотя, конечно, освоенные ими земли позднее оказались под эгидой государства.

Вспомним и о том, что пламя из этих окраинных «очагов вольности» многократно поджигало и «центральную» Россию (болотниковщина в Смутное время, великий Раскол, разинщина, булавинщина при Петре, пугачевщина и т.п.), и лишь к XIX веку установилось определенное «равновесие» народа и государства (без коего едва ли была бы возможной победа 1812 года над наполеоновской армией), – притом, оно установилось не только благодаря действиям власти: самые ярые повстанцы в конце концов как-то осознавали губительность противоборства народа и государства, что явно выразилось, например, в добровольной «выдаче» властям Разина и Пугачева их ближайшими сподвижниками...

И если уж ставить в связи с этим вопрос о «своеобразии» России в сравнении с Западом, то наиболее кратко и просто ответить на него можно так: «чрезмерная» властность ее государства всецело соответствовала «чрезмерной» вольности ее народа (и, кстати сказать, в образах пушкинского «Медного всадника» воплощен именно такой смысл). Правда, это однолинейный и слишком «абстрактный» ответ; чтобы конкретно раскрыть своеобразие России, необходимо уяснить многие и сложнейшие проблемы, для чего здесь просто нет места.

Но вполне очевидно, что каждое резкое ослабление государства ставило Россию на грань

гибели. Когда пресеклась (со смертью в 1598 году царя Федора Иоанновича) династия Рюриковичей, последующие правители уже не воспринимались как «Божьи помазанники» (что было в те времена необходимой основой верховной власти), и Россия вскоре же оказалась в поистине отчаянном положении. В ряде дошедших до нас сочинений и русские, и иноземные (англичанин Джон Горсей, швед Петрей и др.) свидетели Смутного времени говорят даже о неотвратимости распада и вымирания еще совсем недавно могучей страны... Но после пятнадцатилетней Смуты государство было восстановлено, и уже к 1654 году страна настолько окрепла, что смогла возвратить украинские земли, отторгнутые от нее почти 300 лет назад (когда власть на Руси ослабла в результате монгольского нашествия) Литвой.

Через три столетия, в 1905-м, также началась «Смута», и после окончательного ослабления государства в феврале 1917-го многочисленные отечественные и иностранные авторитеты убежденно говорили о необратимой гибели страны. Но в конце 1922 года было утверждено новое государство, СССР, и через четверть века страна сумела сокрушить вторгшуюся в нее самую мощную в мировой истории армию, которая вобрала в себя энергию всей континентальной Европы с ее более чем 300-миллионным (!) населением (мало кто знает, что, скажем, большая часть бомб, используемых этой армией, производилась на чешских заводах, а значительная часть хлеба – на французских полях; не приходится уже говорить о почти десятке других европейских стран, открыто вступивших тогда в войну с нами...).

...Можно понять настроенность тех людей, которых смущают или даже ужасают присутствующие истории России крайне резкие и приводящие к поистине катастрофическим последствиям «повороты». Однако призывы и самые попытки «сместить вектор» в конце концов попросту смехотворны; они не более основательны, чем, допустим, проекты изменения континентального климата России, дабы он стал подобен атлантическому климату стран Запада. Ведь, между прочим, здесь аналогичное соотношение: привычный перепад между зимним морозом и летним зноем составляет на большей части территории России 55–60 градусов, а на Западе – всего только 30–35... И нельзя исключить сложную связь этого различия с различием «политических климатов» России и Запада, – хотя, конеч-

но, проблема нуждается в скрупулезном исследовании.

В наше время масса «экспертов» твердит, что Россия не является «нормальной» страной. Но даже соглашаясь с таким «приговором», недопустимо забывать, что, скажем, за последние два столетия именно Россия сокрушила две (других и не было) мощнейших военных машины, претендовавших на мировое господство и довольно легко покоривших «нормальные» страны; что Россия сотворила высшие, сопоставимые с чем угодно, ценности в сфере литературы, музыки, театра, искусства танца; что она первой в мире вышла в космос и создала первую АЭС и т.д. и т.п. Словом, «ненормальность» не помешала России быть одной из величайших стран мира...

Тем не менее сегодня достаточно широко распространено мнение, что Россия – в очередной раз – на грани гибели или даже что ее гибель неотвратима. Если исходить из вековых уроков истории, «спасение» – в создании нового могучего государства (для чего, по-видимому, должно окончательно рухнуть почти бессильное нынешнее...). Но сможет ли сформироваться это новое государство?

Как человек, если очень мягко выразиться, далеко не молодой, я отнюдь не склонен к розовому оптимизму и не могу заявить со стопроцентной уверенностью, что Россия и на этот раз воскреснет. Но, исходя из того, что ее воскрешения совершались неоднократно, столь же – или даже еще более – неуместно впадать в черный пессимизм.

Могут возразить, что история не повторяется, и в принципе это верно. Россия восстанавливалась после монгольского нашествия, после Смутного времени и после революции 1917 года на различной основе и разными путями, – хотя каждый раз речь шла о спасении от полной гибели (в 1238 году безымянный писатель создал «Слово о погибели Рускыя земли», а в 1917-м широко известный тогда Алексей Ремизов повторил сей безнадежный прогноз в своем «Слове о погибели земли Русской»).

Да, история России – откровенно трагедийная и катастрофическая, но единственно достойно воспринимать ее так, как завещал нам в самом конце своей жизни Пушкин: «... ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам Бог ее дал...»

2000 г.

Журавли летать не перестали

* * *

Вот и осень собственной персоной
Серебром явилась на траве.
Мысль о смерти мухой полусонной
Целый день летает в голове.

Позднее восходит вяло утро,
Скоро-скоро полетит уже и снег.
Осенью не знаю, почему-то
Забываешь, что бессмертен человек.

Просьба

Когда полетите на Марс,
Прошу убедительно вас:
Оставьте меня в ивняке
С последней кукушкой в руке.

* * *

Может быть, народ нечестно
крестится?
Может, стал он дольше виноват?
Но вела на небо раньше лестница,
А теперь висит простой канат.

Поэт

Он думал: «Все, мой ум повержен,
И никому не нужен я»,
Но оказалось – он подвержен
Иным законам бытия.
И он нисколько не больной,
Он, как бы вам сказать, иной.

Вступил он с миром в поединок.
Иной, быть может, значит: инок?

* * *

«Ну жил. Ну умер. Ну воскрес.
Допустим, в рай попал, не мимо.
Тоска!» – мне шепчет старый бес,
Когда-то бывший херувимом.
Я не ловлюсь на старый трюк,
На древнюю уловку,
Не забиваю в балку крюк,
И не ищу веревку.

* * *

Луна на ущербе и жизнь на ущербе.
Пойду расскажу свои беды все вербе.
Своими ветвями обнимет мне плечи,
Глядишь, и немножечко станет полегче
Обоим: и вербе дуплистой, и мне...
А может, и даже ущербной луне.

* * *

Мир славит вора и лжеца,
Сын поднял руку на отца,
Безумно тварь хулит Творца –
Так что же тьма, если не это?
А мы, безумцы, ждем конца
Несуществующего света.

* * *

Я весной пишу об осени,
А зимою – о весне,
В бороде белея проседею,
Пребываю на земле.

Пребывание бесцельное
Или с целью? Не пойму.
Настроение весеннее
Чуждо сердцу моему.

Чтобы с радостью исконною
Жить, а не существовать,
Обнести что-ль дом иконою?
Да поможет Божья Мать.

* * *

Нес душу ангел света
Сквозь звездный хоровод,
Хотя, возможно, это
Вел борт ночной пилот.

Я точного ответа
Не знаю на вопрос,
Но хочется, чтоб это
Был все же ангел света
И душу чтоб донес.

* * *

Для чего Христос родился?
Чтобы нас с тобой спасти,
В Царство Божие ввести,
Чтоб в пути никто не сбился.

Но на деле... Но на деле
Что-то мы, брат, проглядели,
И невиданную силу
Набирает сатана.

Чтобы сжить ее со свету,
Со счетов ее списать,
По Новейшему Завету
Надо нам Христа спасать

В каждом сердце и душе!..
Но не поздно ли уже?

* * *

Я мог бы дать обет молчания
На годы многие вперед
Не будь на грани одичания
Мой обездоленный народ.

Когда же столько судеб смолото,
И столько жизней сметено,
Тогда молчание – не золото,
Сродни предательству оно.

* * *

Я руку на сердце кладу:
Была моя дорога
Совсем не той, какой иду.
С судьбою был я не в ладу,
Пока не встретил Бога.

Ночные акварели

1.
Не люблю я спать, ведь ночью
Жизнь уходит тоже прочь.
Прочь куда? Узнать бы точно.
Но не спрашивать же дочь,
Да она и не ответит.
Месяц прямо в душу светит,
Ничего не освещая,
Ничего не обещая...

2.
Нет сплоченней в мире пары.
Полночь дивно хороша,
Но «Пойдем смотреть кошмары» –
Строго молвит мне душа.

3.
Ночь пока что не окрепла.
Ухожу вздремнуть слегка.
Остается горстка пепла.
Сигаретного... пока.

4. Полнолуние

Вот сижу я на крыльце,
Даже не обидно,
Что улыбки на лице
Собственном не видно.

5.

«Ночь тиха, пустыня внемлет Богу»
М. Лермонтов

Ночь уходит понемногу,
Повевают ветерок.
Внемлет ли, не знаю, Богу
Наш районный городок.

6.

Звезда светилась над пригорком,
Отрадно думалось о горьком
Существовании моем.
Звезда ушла за окаём,
И стало на душе темнее,
Хотелось быть бы поумнее
И поталантливее, но

Что не дано, то не дано.

7.

Ночная метель.
Не ветер стлался по стерне,
Не в окна било снегом,
То Бог молился обо мне,
Чтоб стал я человеком.

* * *

«Все заборы в России упали»
Ю.П. Кузнецов.

В полусне ли, после сна ли
Ощущаю бодрость.
Все запреты нынче сняли
На любую подлость.

Вверх и вниз бросаю взоры,
Туфель просит каши.
Боже, встали все заборы!
Но уже – не наши.

Призрак

Я его узнаю со спины,
Кровь на пальцах худых – его признак.
Ходит призрак гражданской войны
По России. Пока только призрак.

Друзьям детства

А мы ворует груши
В саду у бабы Вали
О том, что губим души,
Мы думаем едва ли.

Да мы и не губили
Своих чистейших душ,
Мы ангелами были,
И нам хотелось груш.

Я вспоминаю часто
И сад, и груши те.
А годы дальше мчатся
К могильной темноте.

Не ангелы уже мы,
А многих вовсе нет...
И бьёт в глаза скаженный,
Слепящий детства свет.

Кавказ

Где чары южной ночи синей?
Лишь звёзд, как выстрелов, не счесть.
Тут начинается Россия.
Или кончается? Бог весть.

* * *

П. Шафоростову

Мы тогда летать умели,
И ходили по воде.
Неужели, в самом деле,
Мы теперь уже не те?

На плечах теперь уносят
Нас туда по одному,
Где никто у нас не спросит:
Как летали? Почему?

Там известны все ответы,
Там такой слепящий свет,
Что не видно даже, где ты,
Время наших детских лет.

Впереди ли, позади ли,
В глубине ли, в вышине,
Те, кто нас опередили
В снах моих расскажут мне.

* * *

Журавли летать не перестали –
Мы их перестали замечать.
Отчего же мы такими стали?
Может, лучше и не отвечать...

Каждого грызёт своя ошибка,
Каждый носит в туфле своем гвоздь.
Где души отрадная улыбка –
Редкий и незванный нынче гость?

Всех нас годы страшные застали,
Ходим под ухмылкой князя тьмы...
Журавли летать не перестали –
Замечать их перестали мы.

Наваждение

Намедни Муза прилетала,
Я был не в духе, то есть пьян.
Она вздохнула и достала
Еще один больной стакан.
Чем все закончилось – известно.
Писать об этом мне в стихах,
Пожалуй, будет неуместно.
О, как погрязли мы в грехах!

О, как нас тянет оголтело
К тому, чего не любит Бог...
Под утро Муза улетела,
Я ж головы поднять не мог.

А совесть тихо мне шептала:
«А Муза ль это прилетала?»

* * *

Когда хочу я все забыть,
Твои слова, о Боже,
Мне не дают ни есть, ни пить:
«Поэтом можешь ты не быть, –
Сказал Ты, – если сможешь».

* * *

Погребальный свершая обряд
Об усопшем, у нас говорят:
«Все. Отмучился. Пусть отдыхает».
И к застолью толпа поспешает.

О наследстве уж шепчутся дети,
Всем уже наливают по третьей.
...Разругались всю уже дети,
Наливают уже по шестой,
И мне хочется крикнуть им: «Стой!»...
Есть ли повесть печальней на свете?

Полустансы

Вернуть бы мне былые годы,
Ходил бы только в «Соки-воды»,
Для танков сталь бы я варил,
И, может, даже б не курил.

А в настоящем? В настоящем
Сижу, лицо свое клонящим
Над краткой строчкой непослушной,
Быть может, никому не нужной.

Сижу, как бомж на полустанке.
Какая сталь?! Какие танки?!
Какие, к черту, «Соки-воды»?!
Все – суррогат, вплоть до свободы!

Воспоминание из юности

Это было в каком-то году,
Это было в каком-то чаду,
На экране какие-то вспышки,
Мы с Натальей в последнем ряду
Целовались в засос, до задышки.

Помню я был как будто нетрезв,
После этого фильма шального.
Остальное забыл наотрез.
Да и не было-то остального...

Мы расстались навек, навсегда.
Никогда не встречались мы больше.
Ну и боль же!..

* * *

Мне жена пальто купила –
Значит, осень наступила.
Это верная примета,
Посмотри в окно: не лето.
Соловей свое отщелкал,
Небо, солнце – все не то.
И идет по парку щеголь –
Это я иду в пальто,
Что нигде ещё ни разу
(Не отбросишь эту фразу)
Вермутом не залито...

* * *

А он всё ближе, страшный день.
Нам со стола метнут окуски,
Как будто псам. И даже тень
На землю ляжет не по-русски...

Не умирай, моя страна,
Под злобный хохот иноверца!
Не умирай! Ну хочешь, на!
Возьми моё седое сердце.

Старуха

Кожа рук темней ковриги.
В нитку стёртое кольцо.
Как страница старой книги,
Пожелтевшее лицо.
«Есть ли дети, внуки?» – «Что вы?» –
Потемнела морщью лба, –
Я из девок – да во вдовы.
Вот и вся моя судьба».

* * *

Не борода, а лопата,
Глянeshь и скажeshь: бандит.
Что от меня ему надо?
Что он за мною следит?

Грязный, худой, как все бомжи,
Вот отошёл он к стене.
Вот возвратился. О Боже!
Вот он подходит ко мне.

Густо дохнув самосадом,
Шепчет испуганно: «Слышь,
Что от меня тебе надо?
Что ты за мною следишь?»

Взял я в буфете закуски,
Водка была, как вода.
Выпили вместе за русских
И разошлись навсегда.

* * *

О юных совсем наркоманах,
О пьяницах наших в летах,
О душах пустых и карманах
Пишу я и чувствую страх,
И жадно тяну сигарету...
И тайно завидую Фету.

Из детства

Воды и солнца тут без меры,
А сколько песен под баян
Здесь спето нами, пионерами –
Детьми рабочих и крестьян.

Поём о Родине могучей,
О добрых, доблестных делах.
И развевается над кручей
Родной с рожденья красный флаг.

В жару лежим ничком под тентом,
Бросаем камешки в овраг,
И точно знаем: президентом
Быть может враг, и только враг.

* * *

Сколько помню, он такой:
Редкая борода,
Грязный, серенький, сухой.
Лёгкая походка.
Допотопный армячок.
Детская улыбка.
– Здравствуй, Ваня-дурачок.
Как дела?
– Не шибко.
– Издеваются ли, бьют?
Что тому виною?
– Больно много подают...
Как перед войною.

В степи

Прикрылась дымкой даль простора,
В речушке морщится вода,
Белеет «кашка» от позора,
Краснеют маки от стыда,
Глядят испуганно ромашки,
И даже ветер тёплый зол
За иностранную рубашку,
В которой я сюда пришёл.

Доброе сердце

Я думал в юные года,
Что сердце доброе – награда.
Как ошибался я тогда!
Ну ладно. Всё-так жить надо.

«Да, надо жить», – жизнь говорит.
Но в мире злобы и разврата
Как оно всё-таки болит,
Как оно бьётся виновато.

Комбайнёр

В пыльной куртке из холстины,
В сапогах и пыльной кепке
Мягко прыгнул из кабины
Человек – большой и крепкий.

И тряпицею в мазуте
Человек свои ручищи
Тёр, не зная, что по сути,
Нету рук на свете чище.

* * *

Наконец я дождался
вечерней поры,
Зазвенели, столпившись вокруг,
комары
И впиваются с жадностью
в тело моё –
Хоть кому-то полезно моё бытие.

Русское поле

Я под небом твоим тусклым
Понял это не вчера:
Чтоб тебе остаться русским,
Куликовым стать пора.

А иначе тебя сгорбит,
Стиснет страшная беда,
Станешь ты курганом скорби
Аж до Страшного суда.

Будет летними ночами
Золотая снится рожь.
Деревянными крестами
До вершины зарастёшь...

Из прошлого

Мы шли послушно к торжеству
Идей марксизма, пели оды,
Но кабанов все эти годы
Всегда кололи к Рождеству.

* * *

Памяти В. Шаповалова

Что вы сделали с Родиной,
Не вернувшись с войны?..
У могилы Володиной
Кустик цвета вины...

Стихли ветры афганские,
Жизнь смертельно мудра...
Над страной уркаганские
Нынче дуют ветра...

Над дорогой непройденной
Диск печальный луны.
Что вы сделали с Родиной,
Не вернувшись с войны?..

К народу своему

Давайте ждать не Разина,
Отец ли сыну тать?
Не хватит крови разве нам?
Христа давайте ждать.

Тужурка-то засалена,
А риза-то чиста.
Давайте ждать не Сталина,
Давайте ждать Христа.

А по всему – по этому
Послушайте поэта вы,
Он ведь один из вас.
Послушайте... Хоть раз...

Свидетель обвинения

Есть книги, на которые нельзя написать рецензию, как нельзя написать её на жизнь. Их можно только прожить.

Хотя, в сущности, и всякая настоящая книга такова. Начнешь говорить о «Капитанской дочке», «Войне и мире», «Отце Горио», «Оливере Твисте», «Братьях Карамазовых», «Утраченных иллюзиях», и, смотришь, уже говоришь о жизни, любви, беде, одиночестве, страдании, о дне за окном. Уже благословляешь или судишь людей, волнуешься, ждешь понимания. Живешь.

Прибежит Витка Астафьев к бабушке в слезах. Та к нему: «Кто тебя?». А он расскажет только что услышанного в школе «Кавказского пленника», и как дойдет до слов «Братцы! Братцы!» так уж зальются с бабушкой слезами вместе. Я стану читать маме «Последний срок» Распутина и она будет плакать и смеяться, часто останавливать меня: «А у нас с отцом...» или «Охо-хо, вот и у нас матушка...» и уйдет, уйдет в воспоминания и ей уже Анна из книжки и не героиня, а собеседница и подруга.

А уж чего говорить о публицистических книгах – никакого сердца не хватит.

«Алгоритм» выпустил к 75-летию Валентина Григорьевича книгу его бесед с Виктором Кожемяко «Эти 20 убийственных лет». А только «беседы» для этой книги – слово обманчивое. Беседа – дело мирное, даже уютное. А тут что ни слово – боль, что ни абзац – обвинительное заключение. Да и вся книга – приговор подлинно убийственному 20-летию

Но мы ребята ловкие – научились защищаться от таких книг молчанием. Мне всегда по простосердечию казалось, что вот написал Чингиз Айтматов «Плаху», обвинил нас в предательстве себя, в забвении истории и духовного света, так ведь завтра соберётся Верховный Совет, позовёт художника и скажет: «Что же это ты, братец, такую напраслину на наш народ возводишь? Мы тут ночей не спим, высокое общество строим, за чистоту идеи бьемся – вон народ соврать не даст. А ты чего? Давай извиняйся или катись туда, где, как тебе кажется, с правдой лучше обращаются. Мы клеветы на свой народ не потерпим».

Ан, нет. Никто никого к ответу не призвал. И в клевете не обвинил. Значит, правду сказал художник. Ну, тогда опять Верховный Совет и уж он извиняется: «Прости, народ православный. Мы не заметили, как случилось непоправимое. Мы уходим в отставку, а ты уж выбирай памятливых людей, спасайся, да и нас, дураков, спасай от нашей слепоты».

Ведь дело-то общее. Мы с колыбели знаем, что государство – семья, дом, живое единство, и болезнь одного органа не частное дело. Как у пушкинского «Бориса» с совестью «Но если пятно единое, единое случайно завелось – тогда беда...» А ведь тут Распутин из года в год не о «едином и случайном» говорит, а с живым страданием утверждает общее поражение страны, её промышленности, сельского хозяйства, образования, культуры, языка, духа.

Еще в самом начале XXI века он говорил: «...мы оказались на другом берегу. Там, где мы были только что, закончилась история, в которой человек еще мог принимать участие.., а вместе с историей закончилась человеческая цивилизация и общественная эволюция. Позади остались захоронения тысячелетних трудов и упований. Вокруг нас подобие прежней жизни, те же картины и те же дороги, к которым мы привыкли, но это обманчивое видение, тут все другое. И мы другие. И этот «подарок» новой календарной эре и всему миру сделала Россия. Она вдруг сошла со своей орбиты и принялась терять высоту. Но значение и влияние её в человеческом мироздании было настолько огромным, удерживающая её роль настолько велика, что вся планета, независимо от того, что кто-то считает себя в выигрыше, почувствовала неуверенность и тревогу, всех обожгло наступление новой реальности на противоположном берегу Реки жизни».

Как это услышать и не остановиться. Не нам одним, а и беспечному миру, в котором, коли он внимательно на себя поглядит, тоже ведь сломалось что-то именно в тот час, когда мы «оказались на другом берегу».

До этого порога в беседах, начатых в 1993 году, еще нет-нет звучала нота надежды и он к концу

непрерывно норовил утешить себя и нас, что безумие поразило не весь организм, что живые клетки еще есть. А уж как «сошла Россия с орбиты», так он уже больше себя надеждой не обманывал, а глядел только мужественней и горше. Да ведь и то! Повторять ли, что заводы умерли, отдав свои цеха под супермаркеты и развлекательные центры, что «земля стала безвидна и пуста», как до сотворения, что телевидение окончательно простилось со старыми нравственными институтами, уже и не скрывая своей брезгливости к нам, перепроизводство литературы окончательно смыло границу между высоким и низким, и Россия окончательно перестала быть удерживающей силой» не только для мира, а и для самой себя.

Слух привык и душа уже не кричит, читая «Земельный кодекс с правом продажи земли – это только начало, приоткрытая дверь, но приоткрытая, больше уже не запертая...»

«Россию старательно, как черномазую Золушку преобразуют в глобализированную принцессу, чтобы ехать на бал Сатаны».

«Что касается интеллигенции – нет в России больше интеллигенции в той роли и служении, какой она была прежде».

«Элитарщина окончательно освободилась от всего, что называется служением Отечеству, освободилась от всяких обязанностей перед народом и добровольно заглушила в себе голос совести».

Мастера духовного растрепания так вышколили нас за эти двадцать лет, что нам о правде, достоинстве и традиции уже и говорить неловко: «Опять вы за свое? Сколько можно?». А мы уж будто и стесняемся сказать: да потому и можно, что за свое, за наше, расхищенное обезумевшей властью. Устали и смиряемся, чего говорить – свои и так всё знают, чего их лишней раз беречь, а ТЕМ наши печали не печали. Они построили свое, «свободное» от нравственных обязательств государство и уж гордиться им научились: слава Богу, у нас гражданское общество, не «застой» какой-нибудь. Вон у нас как умны Президент с Председателем правительства – нерадивых прямо в телевизоре наказывают, коррупцию пресекают одним решительным словом, пенсии повышают, землю в обиду не дают. Ну,

а что этой землей торгуют направо и влево и теснят уже и святые для народного сердца Михайловское и Бородино, Ясную и Архангельское, так у вас Общественная палата есть, Общество охраны памятников – давайте смелее! А что законы «резиновые», так предлагайте свои поправки – Дума рассмотрит.

Получаю я, как член Общественной палаты план Думы на полугодие и не знаю смеяться или негодовать – чуть не каждое заседание посвящено вопросу о «внесении поправок». День за днем, год за годом – «о внесении поправок». А потом за закон берется Общественная палата, приступает к своим уточнениям и возвращает на доработку, чтобы Дума могла приступить к следующему «внесению поправок». Всякий закон, в конце концов, становится похож на «воронью слободку» из сотни пристроек и там всякий найдет себе уголок, оправдывающий необходимое умному чиновнику своеволие.

Конечно, какая уж тут традиция, какая память, какая история, какое Отечество. Спросите себя, когда последний раз вы слышали из уст Президента или Председателя Правительства слово «Родина». Не спрашивайте – не слышали. Когда руководство страны говорило о духовном выборе, о национальном пути, когда они цитировали Толстого, Достоевского, Чехова...

И Валентин Григорьевич замолчал окончательно. Общество может успокоиться. Его больше не будут тревожить напоминанием навсегда устаревших слов «традиция», «народ», «совесть». А у меня всё нейдет из памяти слова Альбера Камю: «Если бы я написал книгу о нравственности, в ней было бы сто страниц и девяносто пустых, а на сотой было бы написано: я знаю только один закон – любить, а на остальных страницах я говорю «нет», пока хватит сил».

Всё творчество Валентина Григорьевича было одним этим законом «любить», который и соединял нас в одно сердце, пока соблазны своеволия и обольщения «цивилизованного человечества» не изломали вековую систему ценностей. И тогда осталось одно: пока хватит сил говорить «нет», каким «нет» и стала книга «Эти 20 убийственных лет».

Горе времени, оставляющему по себе такие свидетельства.

Сказочное

Когда взрослый человек остаётся совсем-совсем один, он делается похож на ребёнка – больше, чем в любой другой ситуации. Сначала он может отчаяться и заплакать, потом – вспоминать, жалеть или казнить себя и мир, и даже мечтать – достаточно долго. В общем, он ведёт себя глупо и скоро начинает скучать. Внутри у него чёрт знает что, а снаружи и вовсе ничего нет – только немая пустота в сумрачных стенах жилища. И человеку хочется поселить в себе – там, где у него так много прошлого, что оно вытеснило почти всё настоящее и будущее, – ему снова хочется поселить в себе время. А в сиротском пространстве комнат ему не хватает движения, звуков, творенья. И тогда у человека возникает желание поиграть. Но всё-таки он уже такой взрослый, что забыл, как играть самому с собой, и стесняется. К тому же, он чувствует, что ему нужно что-то ещё, иное. И однажды в человеке внезапно рождается сказка, и он понимает: это то, чего ему не хватало и что спасёт его.

В одинокой тишине так просторно воображению, светло сердцу, свежо уму! Человек придумывает всё новые и новые сказки сам для себя, и не в силах остановиться, потому что замечает, как, кроме настоящего, в нём теперь растёт и расширяется бесконечное сложное будущее, а пустынное место вокруг заполняет пёстрый трепещущий мир. И человеку невыразимо хорошо в этом создающемся, творимом мире, может быть, и от того, что он как будто немножко становится Богом, хотя сказка – добрая, грустная и светлая, красивая, неожиданная и живая – уже сама ведёт его за собой, в свои смутные неизведанные глубины...

Дикое существо

В городе N. завелось дикое существо без определённого имени.

Это существо сразу же приступило к бурной деятельности во вред местным жителям. Днём оно всегда скрывалось в каком-то убежище, а по ночам вылезало наружу, чтобы творить гнусные

дела против людей. Существо двигалось по улицам и везде оставляло губительные кусочки собственной плоти. Это были чёрные блестящие шарики, покрытые шипами и похожие на репы. Они непрерывно вырастали на теле дикого существа как почки, существо отщипывало их и бросало на скамейки, прилавки и тротуары. Перед рассветом, закончив работу, оно, злорадствуя, убиралось восвояси.

Днём шипастые шарики обязательно прицеплялись к одежде некоторых прохожих, и с этими горожанами начинали происходить жуткие вещи: одни из них тут же полностью испарялись, точно вода, выплеснутая на раскалённую поверхность, других охватывал огонь, и они мгновенно сгорали дотла, третьи впадали в неизлечимое безумие и, сжав голову руками, с воплями убегали в окружающее пространство природы, бродили по лесам и полям, панически боясь возвращения в город, и постепенно гибли, кое-кто ещё – кончал жизнь самоубийством или страстно предавался алкоголизму, половым излишествами в извращённых формах и другим тяжким порокам. Отдельные, внешне благополучные, граждане внезапно рожали обезьянок, крыс и даже разных невиданных уродов либо заболевали чудовищными неизвестными болезнями.

И всё это учиняло таинственное дикое существо. Люди уже догадались о нём, однако никак не могли понять, откуда оно взялось, кто оно и где обитает, и зачем ведёт планомерное истребление мирных жителей. Мероприятия по его поимке не давали ни малейших результатов – дикое существо было совершенно неуловимым. Население со временем научилось остерегаться смертоносных шипастых шариков, и жертв стало меньше, но всё равно город потихоньку вымирал...

Наконец в городе объявился человек, который что-то смутно почувствовал насчёт дикого существа и начал за ним упорную охоту. Он определил район, где чаще всего встречались подлые ловушки врага, и принялся выслеживать его по ночам. Но мерзкое существо было исключительно хитрым, и отловить его никак не удавалось. Человек уже потратил уйму сил и времени – и всё напрасно. Тем не менее, он продолжал поиск и стал прочёсывать чердаки и подвалы в домах подозрительного района, вооружившись самыми современными средствами уничтожения.

Вскоре ему повезло: он добрался-таки до убежища дикого существа – тёмного и сырого подвала – и обнаружил его там безмятежно спящим. В свете фонарика человек увидел серую бесформенную массу, покрытую слизью и шипастыми шариками. «Просыпайся, вредная гадина!» – заорал он дикому существу и направил на него огнёмёт. Существо даже не вздрогнуло, но внезапно заговорило удивительно спокойным человеческим голосом: «Ты думаешь, что застал меня врасплох? Ха-ха! Не пожелай я, и никто из вас никогда бы меня не нашёл!». «Почему же нашёл я?» – спросил заинтересованный ловец. «Потому что ты единственный знаешь, чего я хочу», – ответили ему. «Чего?» «Я хочу, чтобы меня убили, хочу не быть!» – отчаянно крикнуло дикое существо. «И для этого убиваешь других?!.. – возмутился охотник. – Лучше бы выползло на улицу, и тебя бы с радостью прикончил первый встречный!» «Но это же слишком просто!» – сказала дикое существо и злорадно расхохоталось. «Ах ты, пакость! – в негодовании воскликнул человек. – Жестокая хитроумная тварь! Пули на тебя жалко!..» Не в силах больше терпеть это чудовище живым, человек зацепил его стальным крюком и выволок на солнечную улицу.

И тут же дикое существо с оглушительным шипением испарилось – точно стакан воды, пролитой на раскалённую поверхность...

Осколок фрески

У задумчивых рыб-карасей есть озеро, а у озера – лодки, а у лодок – люди, а у людей есть желания... А что есть у тебя? У тебя есть всё, и у тебя ничего нет, потому что ты чужой всему, а если не чужой, то всё равно посторонний. А теперь – дождь, и тебе грустно жить в его прохладном трепещущем теле. И ты боязливо, как мальчик, спрашиваешь у дождя: «Послушай, ты кто?..». Но у дождя свой монолог, только монолог, и он ничего не слышит, и ничего не отвечает тебе. У дождя повсюду родня – и на земле, и на небе, и он везде нужен. Ты чувствуешь, что ты тоже нужен, что без тебя чего-то не хватает вокруг – чего-то главного. Но дождь не проявляет в тебе нужды, и озеро, и человек. Они сами по себе. Может, они забыли про тебя и думают, что обойдутся так?.. Конечно, у тебя есть всё, но тебе этого много или мало – ты хочешь, чтобы у всего был ты, ведь иначе тебя самого как будто и нет. Ты не можешь жить без дождя, без озера, без человека, без родства с ними. А они? Неужто могут без тебя? Наверно, они просто времен-

но приспособились и скоро спохватятся, узнав о сокровенной потребности в тебе, и назовут тебя своим. Ты терпеливо ждёшь этого в печали своей заброшенности. А ещё – ты идёшь навстречу. Но тебя отталкивают, отвергают. И ты ничего не понимаешь... Ты держишь в руке гладкий изумрудный камень с далёкого побережья и говоришь ему: «Я – твой?..», но камень молчит, потому что он – мудрый, а ты – дурак. Ты трогаешь упругую древесную ветку, но ветка не тянется к тебе, потому что она – часть дерева, а ты – нет. Ты смотришь в глаза человеку, но человек проходит мимо, потому что он – взрослый, а ты – ребёнок... Видно, ты и правда нездешний, ибо здесь каждый – чей-то, а ты – ничей... У старинной легенды-фрески есть люди, а у людей – желания. А что есть у тебя? У тебя есть бог, и он не приносит тебе счастья. Но ты не хочешь его прогнать, потому что он – единственный, у кого есть ты. У него – ты, а у тебя – он, только он... Тебе кажется, что бог – женщина. Иногда тебе так хочется прижаться к её хрупкому бездомному телу, осязать её кожу, чувствовать её запах. Но ты не можешь этого сделать. А если бы и мог – то у неё очень узкие бёдра, и ей будет трудно родить для тебя твоего ребёнка...

Тот город

Человек заговорил со мной там. Посторонний. Случайный. Человек, за которого не успеть зацепиться душой. Человек, шедший улицей мимо... Он стал говорить со мной. Стал говорить. А я боялся заплакать, потому что он знал места, где я испытывал боль. И, рассказывая о них своё, он напоминал мне о том, что было там у меня... Земляками называл он нас. А ведь я уехал, чтобы земляков не встречать. Я уехал, чтобы забывать – всё забывать. И прежде всего – себя... А в городе были вокзал, похожий на деревянную резную игрушку, пустынные сумерки и бурые мокрые листья. И горький дым этих листьев, зажжённых дворниками... Мне казалось, что кто-то должен смеяться надо мной, но никто не смеялся. Возможно, тот город чувствовал, что скоро мне придётся вернуться, и молчал, угадывая моё будущее. И, смутен и ненавязчив, город был как слабый наркотик. Ночами я выходил в его зябкую сырость и шёл по проспекту к вокзалу. И проспект всегда медленно опускался, и было страшно скользить по нему к жестоким, как правда, рельсам... Возвратиться домой – значило потерять будущее, остаться – значило выбрать худший его вариант. Я уезжал, чтобы не возвращаться. Но го-

род молча держался от меня в стороне, и я понимал его настороженное молчанье. Город не хотел брать мою боль – он не лечил чужих... И мне по-прежнему было трудно: моё сознание становилось немым сгустком жути, и я чувствовал, что не приспособлен для счастья... Но я не пил – я больше не мог говорить о своей беде... Моё отчаянье толкало меня жить впроголодь, ночевать в вокзалах и грязных подъездах, мимолётно встречаться с кем-то, бесцельно кочуя по незнакомым местам, и не думать о том, что происходило минуту назад. Но я не умел так жить, и мне нужно было снова и снова выносить себя, выживать. И я выживал по привычке, не зная, сколько продлится это бессмысленное одинокое выживание... И я спрашивал в том городе случайного человека с улицы, что же мне делать. И он ответил: поезжай обратно – там хорошо, там наша родина... И в вагоне опять были женщины, любившие невесть кого, и мужчины, которым я никогда не мог открываться. И поезд нёс меня к моей беде, к моей боли – к моей родине... И ещё – была проводница. Её руки напомнили мне о чём-то знакомом, мучительно светлом – и по дороге домой я так и не вышел из вагона...

Домовой

Если осенью ты живёшь один в старом деревянном доме, и у тебя нет даже кошки, твоё одиночество рождает маленького грустного домового, и вечерами он появляется на твоём столе, вылезая из-под вороха исписанных бумаг.

«Привет, – тихо и немного смущённо говорит он тебе. – Я знаю, знаю. Молчи!..»

Ты смотришь на это хрупкое ласковое существо, похожее на тебя, а сумерки медленно скрывают пустоту твоего жилья и за окошком всё шуршит и шуршит дождь...

Домовой берёт спички, зажигает свечу, и крохотное пространство света сближает вас, притягивает друг к другу, отгораживая от чужого ненастного мира. Здесь тепло. Здесь сокровенно. Воск капает на подсвечник, сделанный из берёзового сучка. Домовой садится на коробок и начинает рассказывать тебе твои воспоминанья.

Ты слушаешь его и киваешь. Тебе известно всё это. Ты бесконечно долго слушаешь его. Тебе хорошо. Тебе почти не больно теперь. Ты хочешь спать.

Ты идёшь и ложишься, чтобы забываться под его мягкое бормотанье. Ты спишь и слышишь сквозь сон шорох дождя и шёпот твоего домового.

Он рассказывает о твоём прошлом в будущем времени. До утра он исправляет окончания и меняет глаголы в твоих бумагах.

Он ведь умрёт, если всё это будет.

«Господи, – думаешь ты, – зачем?..»

Голос человека в траве

Голос человека услышал я в траве впереди и пошёл туда сырым пасмурным лугом. Сначала я пошёл из любопытства, но голос оказался сиротливым, безутешным, и, наверное, нужно было как-то помочь ему: может быть, просто молча постоять рядом, послушать его и уйти.

Я склонился над местом, откуда слышался звук – и он умолк, и я увидел только сочные стебли немых растений. Я удивился этому. Утром здесь был дождь, и пахло мокрой плодородной землёй. Я поднял голову и снова услышал тот же голос в стороне, дальше. Я подумал, что влажный воздух мог обмануть мой слух, и опять пошёл на голос.

Когда я осторожно приблизился к нему, он пропал. Я проворно бросился в травы, чтобы успеть поймать скрытного обладателя голоса. Меня обдало щекощущим холодком быстрых нежных прикосновений растительных тел, но никого не было нигде вокруг.

А, понял я, со мной кто-то играет – какое-то хитрое озорное существо. Но почему оно так жалобно зовёт меня?.. А голос уже раздавался за моей спиной, и я направился к нему – я не обиделся.

Так я ещё долго бродил и бегал по лугу, припадая к земле и напряжённо прислушиваясь. Я вошёл в азарт, и мне было интересно узнать, чем же всё это кончится и как объяснится.

И всё-таки я скоро устал, сильно ушиб ногу, запнувшись о древесный корень, и начал досадовать. Я подумал: всё потому так и выходит, что от меня требуется совсем другое – покинуть луг и не мешать. Я обозлился на себя и загадочного невидимку и хотел уйти прочь. Но тут голос сделался таким несчастным, плачущим, надрывным, что я усомнился: а вдруг и вправду нужно кого-то выручить из беды, а я его брошу.

На окраине луга росло одинокое корявое дерево, и я внезапно очутился возле него. Под деревом сидела девочка и смеялась. Она была маленькая-маленькая, она даже не умела ходить. Я слышал теперь один лишь её смех и чувствовал, что мне радостно и светло.

Я взял девочку на руки и отнёс к себе.

«Я нашёл тебя в траве. Я слышал чей-то голос, безутешный человеческий голос в луговых травах, и хотел помолчать рядом с ним, чтобы ему было легче. А нашёл тебя – в сырой траве под корявым деревом, после дождя. И ты смеялась...» – говорил я потом тебе.

Ключ

Однажды ночью ты проснёшься, оттого что какой-то маленький холодный предмет скользнёт по твоей груди. Ты откроешь глаза и нащупаешь ключ, упавший в складки белья. Ты подумаешь, что вчера его не было, и сон мгновенно отхлынет. Ты попытаешься выбраться из постели как можно тише, но человек, лежащий рядом, пробормочет тебе что-то нежное и удерживающее. Ты вздрогнешь. Но человек снова уснёт. Ты будешь долго искать одежду в прокуренном мраке дома, боясь наткнуться на стул, гитару или угол трюмо и, загремев, разрушить не только своё намеренье, но и что-то другое – то, что уже не исправить. Наконец, ты оденешься и, крадучись, вытянув руки вперёд, дойдёшь до дверей. Замок оглушительно щёлкнет, и, не помня себя от ужаса, ты выбежишь в безлунную морозную ночь огромного города. Мимо мрачных спящих домов ты пойдёшь прямым и пустынным проспектом к центру, и бугристый мартовский лёд будет гулко хрустеть у тебя под ногами. Внезапно ты что-то вспомнишь, у тебя закружится голова, но ты ринешься вперёд – чтобы успеть, и ключ в твоём кармане забьётся от быстрого бега, как второе тяжёлое сердце. Ты выбежишь на залитый искусственным светом перекрёсток, минуешь сквер и окажешься перед старым кирпичным домом. Ты помотришь в знакомое окно последнего этажа и не увидишь огня. Переведя дух, ты зайдёшь в подъезд, медленно поднимешься по грязной сумрачной лестнице и, прислушиваясь, замрёшь у моих дверей. В какой-то миг тебе почудится, что там, в жильё, мякнула кошка, но потом ты поймёшь, что в квартире никого нет. Из-за дрожи в пальцах и полумрака ты долго не сможешь попасть ключом в скважину. Ступив в пустой коридор, на цыпочках, ты сделаешь пару шагов и отворишь комнату. Не дыша, ты пристально всмотришься в её унылую темноту, боясь зажечь свет. Слова – слова обрушатся на тебя со всех сторон, едва ты коснёшься клавиши выключателя. Слова будут везде: на стенах, на потолке, на оконных стёклах. Слова будут на полу, на торцах и дверках шкафов, и тебе покажется, что слова висят даже в воздухе. У тебя зарядит в глазах, и ты бессильно

опустишься на диван, на котором тоже будут слова. И тогда слова набросятся на тебя, точно скопища алчущих насекомых. И они будут плакать, кричать, зудеть. Они будут молить, хохотать и ругаться. Будут прощать, будут жалить, будут жалеть. И будут любить, забывать, воскрешать... И в этом бесконечном рое их смыслов – их рвущихся к тебе жизнью – ты, наконец, услышишь великое отчаяние их одиночества. И они покажутся тебе птицами, покажутся отблесками обретённых времён, покажутся существами, похожими на тебя, покажутся частью тебя самой – и откровеньем, которое ты не можешь ни вместить в себя, ни отринуть. И почувствовав, что от их голосов, слившихся в невыносимый звенящий гул, у тебя разрывается голова, ты швырнёшь ключом в стену. Слова, как искры, брызнут с неё и осядут на пол серыми хлопьями пепла – и тебя навсегда охватит бездна чужого молчания. Спотыкаясь на оббитых ступенях, ты выбежишь вон и глотнёшь морозную свежесть рассвета. Что-то заставит тебя обернуться, и ты увидишь, что комната, словно воздушный шар, отделилась от дома и висит в пустоте. Тебе станет жутко, и, боясь обернуться снова, ты побредёшь унылой маленькой тенью по странным предутренним улицам, забыв дорогу домой. А комната будет сумрачной тушей плыть за тобой и медленно подниматься над городом, пока не исчезнет в светлеющей высоте...

Урал из поезда

В детстве я ездил поездом от нас в Россию: в Москву, в Орёл, в Ленинград. Это всегда было летом. И особенно я любил проезжать Урал – его небольшой кусочек перед Пермью. Там был долгий безостановочный перегон, и дорога шла по берегу тихой петливой реки Сылвы. Странное название, не правда ли?..

Так вот: речка была спокойная, неширокая, заросшая водной растительностью, лишь кое-где темнели чистые окна, и течение убыстрялось на них – из поезда было видно.

Её противоположный берег упирался в каменную стенку, отвесно вздымавшуюся на несколько десятков метров над водой. В эти скалы светило мягкое вечернее солнце – и они казались розовыми и тёплыми. А речная вода – прозрачная и сонная – казалась сиреновой и глубокой.

Поезд шумно пересекал эту местность на полном ходу: вагон мотало, я льнул к открытому окну, и мой подбородок стучался о гладкую жёсткую раму, сильная струя ветра била в лицо,

и от этого трудно дышалось. На поворотах я глядел назад, на хвост нашего поезда, загибающийся такой крутой дугой, что каждый раз я боялся, что последние вагоны вот-вот полетят под откос, оглушительно грохоча. Но гремело только внизу, у меня под ногами, и, наверно, какая-то цепь колотилась под вагоном о шпалы, перебивая стук колёс своим нудным бряцаньем.

На Сылве чернели резиновые лодки рыбаков, взмахивавших длинными гибкими удищами. Мокрые лески блестели, и пойманная рыбёшка иногда трепетала сверкающим слитком над водой – пока не падала в лодку.

Наш берег был луговой, низкий, и в окнах на другой стороне вагона проплывала золотисто-изумрудная, чуть всхолмлённая равнина с продолговатыми стогами свежего сена, а на горизонте виднелась тёмная полоска леса. Кое-где обнажённая земля и железнодорожная насыпь были непривычного цвета сурика.

От вечернего солнца вся местность наполнилась сочными – торжественными и немного траурными – красками: червонными, угольными, багровыми, густыми оттенками зелёного и голубого. Всё отбрасывало чёткие длинные тени и было невыразимо земным, близким, вечным...

Мне хотелось выйти и остаться здесь навсегда.

Мне хотелось выйти и остаться. Но оставаться было незачем. Жалеть ли об этом? Придумывать ли ещё одну вариацию-пастораль?.. Выйди я – и ничего, ничего бы не произошло: всё сложилось бы точно так, как оно сложилось. Уже тогда всё было определено, и время начало неумолимо воплощать мою судьбу...

Я неотрывно глядел в окно несущегося поезда. Местами река отступала, словно сторонясь грохочущего железного пути, и на мгновенья её закрывали полустанки: маленькие, в несколько домиков, белые, уютные, тихие. По луговинам бродили тяжёлые задумчивые коровы, а пёстро одетая ребятня копошилась в стороне от полотна и смотрела на поезд. В окно врвался запах сена, жилья и смешивался с пряным табачным дымом, сочившимся из тамбура.

Мы даже не сбавляли хода, но я успевал схватывать молодыми глазами имена этих станций и запоминал их...

Уже в сумерках, где-то перед Кунгуром, река совсем уходила от нас, прощально блеснув излучиной. Из полутьмы проступали тусклые разбросанные огни и близился город, чуждый этой милой глухой округе. И смотреть больше было неинтересно, становилось грустно, и я шёл спать. Мой Урал кончался так быстро!.. Осталь-

ная дорога меня почему-то не волновала, и я смутно помню её...

Я рассказывал об этом так долго потому, что нередко думал: зачем бережёт душа краткий, ничего не значащий кусочек прошлого, а другое – большое, важное – опускает в глубины забвения? Странное свойство памяти. Может, это и хорошо... Одно я знаю точно: Урал из поезда, станции, речку я буду помнить всегда...

В промежутке

В пустынном месте земли было приятно и грустно заранее творить просторную страну-легенду, к которой ты приближался, ещё ничего наверняка не зная о ней. Она и сама теперь почти открылась перед тобой, чтобы незаметно принять тебя в свою светлую спокойную глубину. Медленно, нежно созидаясь в твоём усталом воображении, будучи мечтой, она существовала и сама по себе, и ты чувствовал, что совсем скоро воплотишься в эту хрупкую отдалённую явь... Ты ещё не был счастлив, но что-то говорило тебе: счастье вот-вот должно наступить – неотвратимо, волнующе, навсегда. Ровное, неподвижное и неизбывное счастье, похожее на бесконечный однообразный сон, где не становится скучно и неудобно, потому что он во всём соответствует тебе... И время растворилось в окружавшем тебя пространстве, и ты уже понял, что и это пространство, оставшееся тебе от вчера, но теперь абсолютно чужое, померкнет под наплывом иного – в которое, как под наркозом, ты плавно и безболезненно перейдёшь... Утомлённый, ты лежал на сухой жёсткой земле, прикрыв глаза, и созданное твоей фантазией сулило блаженство мира, который будет только твоим. Ты не боялся пустынности этого мира, где больше никому нет места и смысла, ведь, проникая в его далёкие дымчатые глубины, ты чуял, что кто-то незримый и потаённый, чьи знакомые следы едва проступали на плоских шершавых поверхностях твоего грядущего бытия, там всё-таки есть... Засыпая, ты уже так отчётливо видел эту страну, что, кроме контуров и разрозненных выразительных подробностей пейзажа, начинал, волнуясь, улавливать её мягкие сложные запахи, слышать оттенки гудения её тишины и осязать осторожные прикосновенья её вечной и ласковой плоти. Теперь уже и она, расширяясь, обволакивала тебя со всех сторон, принимая к тебе, вживляя тебя в себя. Но тебе ещё казалось, что ты стоишь не посреди неё, а на её пороге, не решаясь шагнуть. И ты плывал сонным сознанием по её манящему

лику, выделяя из её немного размытой сущности отдельные особенности и черты... Этот мир был просторен, открыт, просматриваясь во все концы, – равнинное, слегка всхолмлённое пространство, над которым светило солнце. Он был тёплым, а в углублениях и редких закоулках местности – влажным. Он был пахучим и свежим. Он был красочным, тихим и хрупким. Он был неподвижным, потому что его умная душа наделила его своим высоким покоем. Он был чист. Он был подёрнут золотистой дымкой, и оттого – смутен, притягателен, завораживающ... Пологие каменистые цирки, растрескавшиеся плиты с жилками и пятнами причудливых вкраплений, желтоватые, печальные, разбросанные поодиночке и группами колонны, фрагменты каких-то торжественно и благоговейно замысленных храмов, корявые изваяния ширококронных деревьев и тёмные силуэты парящих над ними птиц... – при подробном разглядывании равнины всё это напоминало античность, но, подсвеченный сбоку низким солнцем, пейзаж не казался тебе ни жертвой распада и запустения, ни возбуждающей жалость незавершённой, – именно в таком виде он был закончен и полон, и едва уловимый запах тлена, подспудная печать смерти, содержащиеся в нём, лишь подтверждали его естественность, его живую необходимую вечность. И ты должен был войти в неё и отыскать в ней кого-то ещё, чтобы развеять этот нелепый запах и жить счастливым, навсегда позабыв слова... Всё померкло и отдалилось, потому что ты заснул и, вместо того чтобы безвозвратно покинуть чужое прежнее, вернулся назад. Мелкий дождик мочил твою одежду, истощённую почву кругом, а ты спал, и к тебе снова пришла она – растрёпанная, весёлая. Она доверчиво прижалась к тебе, и, закрыв глаза, вы жадно поцеловались. И ты думал о том, как давно её не видел, о том, как хорошо, что она пришла, и был счастлив. Вы долго-долго смотрели друг на друга, держась за руки, и тебе хотелось, обняв, вместить её всю в себя. И она сказала: «Мы завтра пойдём гулять? Целый день гулять вдвоём?..». И тогда всё возвратилось, и ты вспомнил, что завтра – нет. Тебе стало страшно, стало тяжело дышать, и ты соврал – ты сказал ей: «Да». И она, обрадованная, спросила ещё: «А мы купим мороженое?..». И ты сказал: «Да». Ты врал, потому что это был сон – сон о прошлом, сон в прошлом... Ты стоял перед ней, и если бы это был не сон, и если бы это мороженое, эта страна-легенда и она – здесь, здесь!.. Вернее, уже там. Потому что во сне ты незаметно вошёл в просторное тихое пространство своей родины...

Храм дня

Простая архитектура утреннего простора открывается сразу, как только шагнёшь в него с крыльца старого деревянного дома – солнечного дома на пологом травянистом холме... Тёплая влажная свежесть большого пространства, налитого радужными полупрозрачными красками. Блаженство внезапного обнажения, освобождения, воли... Слышно, как гудит тишина... В лучистой бесконечности пейзажа не хватает лишь далёкой точки, движущейся в горизонтальной плоскости, – телеги, пешего человека или бегущей по жёлтой трещинке пустынного профиля собаки. Зато в небе мимо раннего солнца скользят кучки пухленьких облаков...

Я спускаюсь по мягкой упругой земле холма, и мне становится зябко от обильной росы, покрывшей его пушистый бок. Я стою над изумрудно-золотистой равниной, испещрённой голубыми кругами озёр и тёмными пятнами березняков, но теперь одинокий, выгоревший до известковой белизны дом – почти надо мной. Он немного осел, его стены уже кое-где источил жучок, и ты ещё спишь в его душной сумрачной глубине.

Я восторженно смотрю на светлый покой божьего мира. Солнце всплывает к синей бездне зенита, и высокие птицы парят в белых лучах, бьющих сквозь облака. Плоские основания облаков набухают тяжёлой влагой, ветер срывает её крупными каплями, и они, блестя, как копыта, летят в молочно-голубом просторе...

Наконец, полусонная, растерянно моргая, ты выходишь и садишься на скамейку у дома.

Я знаю, как оживить тебя. Я достаю из кармана душистое, в бурых шероховатых прожилках яблоко и протягиваю тебе. И вот ты уже жадно кусаешь его – задорная, растрёпанная.

«Ешь, я тебе ещё дам», – улыбаюсь я.

«Много-много?» – нарочно спрашиваешь ты.

Ты – ребёнок. И это так хорошо.

Ты доедаешь яблоко и благодарно стрекочешь языком, хитро поглядывая на меня. Мне хочется крепко стиснуть тебя, приподнять над землёй и долго держать так, не отпуская.

Я смотрю на тебя и на светлый окрестный мир. Луг, облепленный стайками взъерошенных одуванчиков, – как твоё лицо в хвастливых и озорных веснушках. У тебя короткая стрижка, и ты больше не красишь чёлку сиреневым – теперь она молочно-жёлтая, как воск,

как тягучий липовый мёд, как сухой озёрный тростник...

Твои глаза умеют удивлённо распахиваться для меня, в них отражается радужный простор этого мира, этого храма, стоящего вокруг нас.

Мне нравится наблюдать за тобой, когда ты чем-нибудь занята. Я неотрывно смотрю на тебя, и, время от времени, выражение твоих глаз, очерк губ, наклон головы, благодаря внезапной краткой освещённости, на мгновение складываются в нечто неповторимое. Я готов часами напряжённо ждать этого. Ты красивая, и когда я смотрю на тебя, я счастлив. И ты так легко, безотчётно даришь мне свою красоту – болтая о пустяках, улыбаясь.

Как-то я купил тебе краски, потому что ты хочешь стать художником, и ты обрадовалась. Я верю, что твоя мечта сбудется. Хочу верить... Я никогда не видел твоих рисунков, но однажды ты обязательно нарисуешь храм дня...

«Всё здорово!» – снова слышу тебя. Ты всегда говоришь так, когда мне грустно. Я соглашаюсь с тобой, хотя знаю, что всё ненадежно и зыбко, и что я боюсь потерять тебя. Не нужно думать об этом. Сейчас у меня есть ты, и есть храм дня – солнечного дня в огромном тихом пространстве...

Ты весёлая, светлая. Ты ешь ароматное яблоко, истекающее соком. Ты мечтаешь: «Скоро будет малыш... И мы купим ему всё-всё...». Твоё лицо внезапно мрачнеет, я чувствую, о чём ты подумала, и мне больно: у тебя не было в детстве игрушек...

И тут к нашей скамейке планирует воробей. Он хорохорится, прыгает на рябиновой ветке и, наклоня головку, лукаво поглядывает на нас. Мы смеёмся. Ты добродушно стрекочешь ему – и воробей чирикает в ответ. Он живёт с нами. Мы понимаем друг друга. Ты бросаешь ему кусочек яблока, он слетает и благодарно клюёт его. Я смотрю на вас – и мне хорошо...

А солнце уже прижалось к далёкой земле у горизонта, и с равнинных озёр тянет сырым холодком. Я хочу крепко-крепко обнять тебя и не отпускать. Я посажу тебя на колени – ты лёгкая. Мы будем долго смотреть вдвоём в большой просторный мир... У твоих губ вкус яблока. У тебя тёплые щёки. Нам не зябко, потому что мы согреваем друг друга...

Скоро сумерки совсем вытеснят день. Свет дня. Смысл дня. Храм дня. А потом будет ещё день. Дней будет много... Ты станешь художником и напишешь этот прекрасный мир в своих картинах. А ещё мы разобьём сад – большой

яблоневый сад, и у нас всегда будут яблоки. Но главное – у нас будет малыш, а у малыша – дом и много игрушек...

«Да же?» – спрашиваю тебя.

«Конечно, – яблоко шуршит у тебя во рту, яблоко пахнет белым светом дня. – Конечно!»

Ты доверчиво прижимаешься ко мне, и я чувствую, какая ты худенькая, хрупкая...

Воробей чирикает и не хочет от нас улетать, но темнота прячет его, приглушая трепетное звучание крохотного пушистого тела...

Яблок больше нет. И воробья больше нет. И тебя. Но это только пока темно. Завтра вернётся день, и вернёт мне всё это. А дней будет много, много-много...

Увидеть дерево

Грустя о тебе, я долго смотрел в окно и вдруг понял, что вижу дерево. Высокую раскидистую ель.

Оно росло здесь всегда. Но годами глядя перед собой, на него, а может быть, сквозь него, я почему-то его не замечал. Я стал вспоминать и решил, что, наверно, когда-то и видел его, однако это было так давно, что я ничего не помню.

Теперь, в сумраке весеннего вечера, я невольно сосредоточил взгляд на увиденной ели, а всё остальное – другие деревья, тропинки парка, окна домов, фонари, небо – словно перестало существовать, как только что не существовало для меня дерево.

Я пристально и неторопливо вглядывался в него – как в лицо человека, пришедшего на первое свидание или же вернувшегося после разлуки. Я бесконечно долго смотрел на каждую ветку, на ствол, подымал глаза к чуть искривлённой вершине... Я почувствовал, что эта нечаянная ель кажется мне такой родной и привычной, будто я сам посадил и вырастил её. Я почувствовал, что не могу оторваться и не глядеть на неё, как влюблённый. И ещё – она слегка покачивалась от ветра. Но ветра не было! Я несколько раз переводил взгляд на соседние кусты и деревья – и ни одна, даже очень тонкая, веточка не шелохнулась на них. А ель плавно, печально двигала подсвеченной жёлтым фонарным светом кроной – точно только она была настоящей, живой, единственной...

Я подумал, что теперь каждый вечер буду смотреть на ель – и мне станет не так одиноко.

Но, засыпая, понял, что через пару дней снова перестану замечать её. И потом я не увижу её уже никогда.

Из варяг в греки

Пил с полуведра не мелко
И теперь не заржавел.
Нет на свете человека,
Кто меня бы пожалел.

Рюрики, монголы, немка –
Правил мною, кто хотел.
Нет на свете человека,
Кто меня бы пожалел.

Горец вглядывался метко,
Из шинка еврей глядел –
Нет на свете человека,
Кто меня бы пожалел.

Рюрики, монголы, немка
Русский мерили тулуп;
Горец слал за море метко
Под полою ледоруб.

И кумыс, и влагу с Рейна,
И грузинский коньячок –
Пил я всё благоговейно,
Пил я – зубы на крючок.

На Руси идёт похмелка:
Тошно... кошки... беспредел...
Нет на свете человека,
Кто меня бы пожалел.

Я хотел быть древним греком,
А варягом – не хотел.
Нет на свете человека,
Кто меня бы пожалел.

Ехал б греком через реку,
В ясны воды поглядел.
И увидел человека,
Кто меня бы пожалел.

Воспоминание о научном коммунизме

Славные ночки летели над нами!
Каждую ночь я помню на память.
Гаснул фонарь во дворе института,
Губы твои опухали под утро,
Ты мне шептала, пугаясь объятья:
Как же теперь я пойду на занятия?
Все ведь увидят и всё ведь поймут...
Но не считала прощальных минут:
Ладно, ещё хоть чуть-чуть постоим –
На коммунизме научном доспим...
Не было лучше для нас дисциплин!

* * *

У колонки нашей наледь,
Скользкая вода.
Я тебя предупреждал ведь:
Не ходи туда!

Нет, пошла и поскользнулась,
Шубка задралась.
А когда совсем очнулась,
Дочка родилась.

Кто возьмёт теперь такую?
Ведь нельзя же так.
Шутит: «Вот и я толкую –
Лишь какой чудак!»

У колонки снова наледь,
Скользкая вода.
Сколько раз предупреждал ведь:
Не ходи туда!

Нет, опять она на санки
Водрузила бочку.
«А теперь, – смеётся, – сам ты
Привези сыночка!»

У колонки нашей наледь
Летом лишь проходит –
От темна и до темна ведь
Гнёмся в огороде.

Жизнь

В полдник в садике давали
На двоих полпирожка,
Книжку новую читали,
Вовка сталкивал с горшка.

Бантик, платъице в горошек,
Два от Вовки синяка.
Быть так хочется хорошей,
Но не в зеркале пока.

Подрасти б ещё немного,
Где-то на полкаблука,
И ходить с портфелем строго
Мимо Вовки-ду-ра-ка!

* * *

Космос –
Это родина творчества:
Там слышно, как
Звезда с звездой говорит,
И прохожий
Вдруг посмотрит на тебя,
Как шестикрылый Серафим.

* * *

В солнечном океане
Плавает наша планета.

Икринка,
Разумная капля,
Соринка живой души!

На каплю похожая пуля,
Летающая в человечество?

Соринка погасшей звезды,
Которую мы разглядываем,
Догадываясь – не догадываясь,
Что это и есть
Свет нашей жизни?

Вдохновение

Есть христианское воззрение на смерть:
Умер человек, тело лежит,
А душа отлетела и смотрит;
И человек видит себя, окружающих,
Родных и знакомых,
Где бы они не находились на Земле.
Может, это и есть вдохновение?
Душа отлетает и смотрит.

О Пушкине

Целуй, целуй его, Наташа,
Певца с кудрявой головой!
Он непокорный, молодой,
Он здесь, он рядом, он посажен
До смерти на цепи златой.

Ревнуй, ревнуй его, Наташа!
В стихотворения толпой
Прелестниц мимолётных рой
Так улыбается опасно
Над неровною тобой.

Ревни, ревни о нём, Наташа...
Следит Россия за тобой.
Он мёртвый, он уже не твой.
Гроб с Пушкиным всё дальше, дальше...
Бубенчинк связан под дугой,

О, золотые сны России!
В деревне, в городе – в судьбе,
Как будто сами по себе,
Любовь и слёзы оросили
Глаза с рождения тебе.

* * *

Гамлет, Йорик и могильщик,
Вновь собрался ваш мальчишник...

* * *

Он кинул в небо пустельгу.
Иголку отыскал в стогу.
Присвистнул ветром.
Он тьмой и светом
По рукоять омыл строку
И служит в «Слове о полку...»
Высоким следом.

* * *

Как в поэзии слог
Отзывается слогу,
Так для каждого Бог
Выбирает дорогу.

Как по-своему слог
Прибавляется к слогу,
Так по жизни, как мог,
Каждый двигался к Богу.

И свободно, как слог,
Подчиняется слогу,
Так у жизни есть срок –
Это и слава Богу!

* * *

Речь моя, речкой побудь.
Спутав законы акустики,
Бродит в ней детство по грудь,
Вытянув удочек прутики.

Речь моя, тихой побудь.
Лодка плыви колыбельная,
Чтобы уставшим уснуть
На быстрине сновидения.

Речь моя, ночью побудь –
Ночкой влюблённого вздора!
Лишь бы подольше подуть
На уголёк разговора.

Речь моя, птицей побудь.
Утро, а может, призвание
В дудку крылатую дуть
Сказочки и привирания.

Вспомнит и выдохнет грудь,
Что – и не знаю заранее...
Речь моя, песней побудь
На ветерочке дыхания.

Ум – он явление природы

Поиски актуального жанра писателем Владимиром Гусевым

Я предполагала, что жанр «Дневника» у Владимира Гусева появился не без влияния опыта и традиции Фёдора Достоевского, его «Дневника писателя»; и подтверждение догадке нашлось. Издательство «Азбука» опубликовало карманным форматом избранные главы из «Дневника писателя» (С.-П., 2011). Открыла и на первых же страницах читаю у Фёдора Михайловича: «...Хлестаков, по крайней мере, врал-врал у городничего, но всё же капельку боялся, что вот его возьмут, да и вытолкают из гостинной. Современные Хлестаковы ничего не боятся и врут с полным спокойствием. Спокойны и, может быть, даже счастливы» (с. 7). Ну, разве не похоже на нашу современность? Чуть подальше ещё злободневнее: «И бесспорно, что в последние двадцать лет даже ужасно много русских людей вдруг вообразили себе почему-то, что они получили полное право на бесчестье, и что это теперь уже хорошо, и что их за это теперь уже похвалят, а не выведут» (с. 15). Одно уточнение напрашивается: «Не только русских людей. Даже не столько русских», – если высказывание Достоевского примерить к нынешним дням. Ведь у него запись дана под 1876 годом, то есть через 15 лет после реформы 1861 года, а коли «двадцатилетие», значит, прибавляются 5 дореформенных лет, с их яростными дискуссиями об экономической сути отмены крепостного права – в пользу помещика или крестьянина?

«Дневник-93» – это прямая переключка Гусева с Достоевским, хотя написан непосредственно о современности: «Раздрызг общий» (с. 33), «Кто сам себе не поможет, тому никто не поможет. – Есть ещё выход прятаться за других» (с. 32), «Одновременно дурак и предатель. – Такого давно не было» (такой типаж страшнее умного враля Хлестакова. – Р.Л.) (с. 9), «Я бы снова сказал, что «дуракам закон не писан», но тут сложнее». (с. 92), «Ильин? Философ он слабый, как все русские философы. Но правильно напоминает, что вне национального фактора нет ни культуры, ни самого Духа. Дух действует через «особенное». Это просто факт. Против национального обычно борются просто те, кто явно или тайно претендует на мировое господство. Т.е. на

господство своего национального или на конгломерат (Америка, США) под своей эгидой. А попробуйте представить, например, ирландца, который за «интернационализм» вне нации» (с. 92), «5/Х. 7-8 утра. – За действия против насилия. Оказалось, армия только и умеет что бить по своим в защиту чужих» (с. 204), «Весь «запад», конечно, одобряет... Да, им нужна слабая Россия» (с. 205) – и т.д. и т.п.

Переключка между «Дневником писателя» Ф. Достоевского и «Дневником-93» Вл. Гусева выражена и в жанре, и в содержании книг. И может быть, согласно пословице «Своя рубашка ближе к телу», наша реформа покруче реформы XIX века, это и выявляется при сравнении книг.

Книгу Владимира Гусева «Атмосфера-3» (Рязань: изд. «Старт», 2012) надо воспринимать как утверждение занятой позиции, о чём свидетельствует уже подзаголовок – «Статьи и дневники метрические из газеты «Московский литератор» 2010-2011 гг.», а ещё более – текст. Уже в поздравлении «С Новым годом, «однако» («Московский литератор», № 1, 2010) переключка с Фёдором Михайловичем Достоевским возобновляется: атмосфера и типажи современной России едва ли не перещегооляют тех, кто запечатлен в «Дневнике писателя».

«Наши «СМИ», особенно телевидение, просто надорвались, рассказывая о праздниках и юбилеях, пичкая нас юмором, «отмечая» новогодние-рождественские праздники чуть ли не с октября, – но всё напрасно: настроение у людей было угрюмое, все так и ждали... «чего-то». И оно сбылось. «Тут ещё» этот произвольный рост цен на всё и на вся, эта неостановимая коррупция. Слишком многие возжелали жить как можно лучше и как можно легче при этом. Максимум барышей, минимум работы», – за лаконичным афоризмом следует как бы автокомментарий Гусева, – «...В народе уже не «возникают», а царят, мягко говоря, тревожные социальные настроения. Есть ощущение полной безнаказанности и произвола бюрократии, особенно средней и мелкой, от которой зависят конкретные людские судьбы» (с.5).

На фоне общественной атмосферы поднимаются проблемы чисто писательские (ведь «МЛ» – писательская газета): «Литераторы снова начинают нудеж, кто же чьё имущество «присвоил», кто кого обвёл вокруг пальца и т.д. Факты эти, конечно, имеют место. Но давно уже возникает чувство, что и вся вообще «серьёзная литература» сводится к этим фактам. (Тогда как тем временем «массовая» дешёвка себе в ус не дуёт, собирает тиражи и гешефт вместе с продажными издательствами и до корня коррумпированными книготорговыми магазинами.) (с. 6).

Вполне закономерно, что в газете московских писателей из номера в номер в передовице Вл. Гусева и в Колонке редактора Ивана Голубниченко поднимаются злободневные общественно-политические и социальные темы. Это задаёт тон разговору о новинках литературы на остальных газетных страницах.

Впрочем, вернёмся к книгам.

Тех же щей да погуще лей

Когда я попыталась обосновать схему треугольника для анализа книг Владимира Гусева и назвала «углы»: Достоевский, Камю, Гусев, то услышала возражения и недовольные возгласы. Обсуждение новых книг Вл. Гусева проходило 1 октября 2012 года в Московской писательской организации – МГО СП России, и все почти говорили о его гражданской позиции и внимании к национальным русским перипетиям, а я вдруг выскочила с Альбером Камю и вроде как нарушила гармонию. Однако от Камю я не отказалась. И вот почему.

В советское время у студентов пользовался популярностью афоризм, пародировавший строку Маяковского: «Мы диалектику учили не по Гегелю...», – прибавлением нескольких слов, – «...а по краткому философскому словарю». Таковой не был выдумкой шустрых пересмешников, существовал на самом деле – «Краткий философский словарь», первое марксистское справочное издание, опубликованное в 1939 году. На эту же цель – «широкое распространение марксистско-ленинской философии» – была ориентирована «Философская Энциклопедия», первый из четырёх томов которой вышел в Москве в 1960 году. Закономерно, в таком издании Альбер Камю как французский буржуазный писатель, публицист, философ, «представитель так называемого атеистического экзистенциализма» получил «клеймо» реакционного, поскольку,

мол, смотрит на жизнь пессимистично: «иррациональный хаотичный поток, лишённый смысла и закономерности». Человеку, дескать, Камю не оставляет иного выбора между «глупым счастьем камней» и «постелью мертвецов». Идея абсурда у него-де – исходный принцип концепции. Мятаж – куда ни шло, поскольку это выплеск метафизического протеста против бессмысленного мира, зато революция – «извращение мятежа» и превращает человека в вещь. Уничтожение революции, видимо, вызвало особое нерасположение к Альберу Камю у Т. Сахаровой, написавшей статью о французском экзистенциалисте (Философская энциклопедия. М., т. 2. 1962, с. 418).

Штампы изживаются долго и трудно. «Философский энциклопедический словарь» (М.: ИНФРА-М, 1997) их не избежал, хотя в аннотации сообщается, что «это первая в России за последние 75 лет попытка дать непредвзятую картину философии от времён античности до наших дней». На с. 196 находим статью, посвящённую Камю, она отличается от соображений Т. Сахаровой только уменьшенными размерами, а содержание то же самое.

«Французский философ защищал экзистенциализм «абсурдного», учение о чуждости человека в мире. Бессмысленность и безнадежность человеческого существования не могут быть доказаны, они должны быть просто приняты; в этом заключается достоинство человека. Сизиф – символ жизни. Выступал против марксистской морали, предпочтя ей жертвенность тех, кто «истории не делает, а претерпевает её напасти»...

Как тут не вспомнить пословицу: «Тех же щей да погуще лей» (или пожиже?). «Непредвзятой картины», увы, не получается. На самом деле, Альбер Камю совсем иной философ, нежели в энциклопедии и в словаре. Кстати, старый студенческий афоризм, как обнаруживается теперь, слишком был доверчив к философскому словарю, как, впрочем, и писатели, протестовавшие возгласами против Камю на обсуждении книг Вл. Гусева.

Незашоренными глазами посмотрел на Камю автор послесловия «Проклятые вопросы» Камю» к «Избранным произведениям» (М., «Панорама», 1993) Самарий Великовский. Он, сравнивая раннюю повесть «Посторонний» и поздний роман «Чума», показывает духовную эволюцию философа.

«Довольствуйся Камю, – пишет Великовский, – однако, выведением тождества «судьба – абсурд – история – чума», его хроника (роман написан как бы в жанре хроники эпидемии, которую записывает врач Бернар Риэ) была бы очередным плачем застигнутого и сломленного

светопреставлением – из тех стенаний, каких в культуре Запада XX в. избыток. Но всё дело в том, что «Чума» – прежде всего книга о сопротивляющихся, а не о сдавшихся, книга о смысле существования, отыскиваемом посреди бессмыслицы сущего. Обретение этого смысла особенно прямо раскрывается в истории одного из сподвижников доктора Ризэ, заезжего журналиста Рамбера... Те, кто ввёл карантинные запреты, прибегли, как ему поначалу кажется, к отчуждающему личность «языку разума» и отвлечённого долга – тому самому, на каком изъяснялись судьи «постороннего». И вот, когда почти все препятствия позади, всё готово к столь желанному побегу, журналист вдруг предпочитает остаться. Что это – мимолётная прихоть? Порыв жертвенности? Нет, исподволь зревшая потребность, пренебрегши которой потеряешь уважение к себе. Совесть замучает. «Стыдно быть счастливым в одиночку... Я всегда считал, что я посторонний в этом городе и что мне нечего делать вместе с вами. Но теперь... Я знаю, что я здешний, хочу я того или нет. Эта история касается равно нас всех». Посторонний осознает полную причастность. Счастье невозможно, когда все вокруг несчастны. Человек не вправе уклоняться от происходящего рядом. Сопротивление (Камю участвовал во французском Сопротивлении в годы войны – Р.Л.) побудило Камю внести в свой нравственно-философский кодекс прежде исключавшееся оттуда братство с другими в беде и в защите от неё».

В ранней повести «Посторонний» служащего Мерсо за случайное убийство араба на пляже приговорили к чрезмерному наказанию – публичной казни на площади; осужденный не встретил ни у кого поддержки и проникся ненавистью ко всем людям. Абсурд и одиночество! И тончайшая рефлексия!

Человек со всем богатством его души оказался ненужным миру.

«Чума» написана лапидарным языком боевой хроники, здесь сопротивление беде сплавивает людей, они победили сообщая чуму, карантин с города снят, и мир открылся перед ними во всей привлекательности и изобилии.

Слово – на уровне плазмы

Между прочим, повесть «Посторонний» ныне воспринимается как метафора событий современной геополитики; геополитическая метафора. Мерсо осудили не столько за убийство, сколько за то, что он не придерживается общих правил, т.е. не лицемерит. Про настоящего злостного убийцу

(отцеубийцу) судьи и публика вовсе забыли, выплеснув ярость на «постороннего». Разве не то же самое происходит сейчас в геополитике? НАТО бомбит те страны, которые не поддакивают Западу и не признают их «игру» с двойными стандартами. Ирак, Югославия, Афганистан, Ливия, Сирия... Кто окажется следующим? Иран?..

Вл. Гусев в «Дневнике-93» (с. 205) высказал похожий взгляд на геополитику. 5 октября 1993 г. автор записывает: «И вот чем кончилась вся эта «демократия»... Весь «запад», конечно, одобряет... Да, им нужна слабая Россия. Люди, две недели бывшие в незаконной осаде, имели право попытаться освободиться и развить успех. Плюс явная провокация на каком-то этапе (взятие «мэрири») – Но это, борьбу за свободу, им и поставят в вину».

Так оно затем и получилось, «одобрям-с» Запада по поводу блокады Верховного Совета РСФСР в 1993 году – вполне соответствует метафоре Камю.

Но всё же с ранним Камю Гусева больше сближает стиль – из «глубин жизни», то есть тонкая рефлексия (размышления) о впечатлениях жизни, что в русской критике XIX века получило название «диалектики характера» – та же «глубина» (словцо Камю). Этот же стиль присущ и книжной новинке: «Гусев Владимир. 97. Конец эпохи. Дневник метрический. М., 2012». К размышлениям располагает «конкретная тема – это соотношение Разумной Природы, символизируемой в Садах и нынешнего Города. Конец XX века ознаменовался именно этой проблемой... которая внутренне стоит за всеми политическими, социальными, культурологическими и т.д. контрверсами и турбуленциями этого конца прошедшего века» (предисловие автора, с. 3-4). Для выражения сути столь масштабной темы, – считает Вл. Гусев, – «Искусство Слова должно работать на уровне плазмы, а не электрона» (с. 4). «Внешняя (внешняя, ибо внутри – сам Образ) форма» Слова вырабатывалась, по признанию автора «Дневника метрического», «долгими годами, с самого детства». Природа, Космос, культура, политика и геополитика, литература, народ, типажи города... Глубины жизни ведь неисчерпаемы, поэтому многообразии записей касается всего.

О природе

Поля-пустыри жёлто-бурые,
Дорога ж с чего-то вся белая.
И небо мучительно хмурое
Глядится в ручьи поседлые.

Природа, ну да, не бывает
Совсем уж бездумно мертва,
В ней Что-то всегда прибывает,
В ней Что-то... заметно едва...

А вот явная перекличка с Камю, с его геополитической метафорой.

В Сербии смута,
В Болгарии смута,
Все эти смуты
Нужны «кому-то».

Но, конечно, есть и различие между классическими экзистенциалистами и нашим современным, который не принижает Разум, как они.

Презри нависшее проклятье
И на Природу положишь.
Не в силах душу закалять я,
Но УМ удерживает жизнь.

Ум – он явление Природы,
Напрасна ненависть к нему,
О, просвещённые народы,
Не изменяйте ж вы уму.

Любил сие словечко Пушкин
И Тютчев знал его права;
Да, «заклѣнное» в макушке
Не исключает естества.

Книга Вл. Гусева «97. Конец эпохи», объём которой свыше тысячи страниц, станет хорошим «собеседником» для мыслящего читателя, не привыкшего пробавляться «маскультом», то есть массовой дешёвкой. Раскрыл – прочитал пару-тройку высказываний и отложил. И снова раскрыл по настроению. Владимир Гусев диалогичен и как писатель, и как философ, и как педагог (профессор Литературного института), да ведь соборное мышление у нашего народа освоено за века христианской культуры до мозга костей и корней волос, не говоря уж о душе. Это ещё одно отличие Вл. Гусева от раннего Камю, ну а поздний пришёл в философской притче «Чума» к идее братства людей, она выражена лапидарным (нарочито примитивным) стилем, который один только и может соответствовать жанру исторической хроники врача Бернара Риэ. Тут пути-дорожки разбежались в разные стороны.

Можно было бы для сравнения взять произведения другого отечественного или зарубежного писателя, но Альбер Камю остаётся актуаль-

ным автором, и кроме того есть что-то общее в философском складе мышления и в своеобразии таланта двух писателей.

Забывтый рояль

Если в прозе интеллект (расположенность к рефлексии) помогает автору, то в поэзии он порой оказывается помехой, – подумала я, читая сборник стихотворений «Вехи» Владимира Гусева (М., ИПО «У Никитских ворот», 2012). Тут тоже схема анализа выглядит как треугольник: Фет, Тютчев, Гусев.

Как-то два дня подряд на радио исполняли романс на стихи Афанасия Фета «Сияла ночь. Луной был полон сад»; он популярен благодаря стихам – очень уж они живописны. Первый пласт – реальный: «Рояль был весь раскрыт,/ И струны в нём дрожали», – за ним идёт второй, душевный пласт строения образа, – «Как и сердца у нас...» Внешняя, живописная деталь – рояль – выплёскивает через дрожащие струны на читателя сердечную взволнованность, что вызывает у читателя и слушателя живой отклик.

Вечер собрал гостей в Ясной Поляне, пела сестра Софьи Андреевны – Татьяна Андреевна Кузьминская, к восторгу любителей музыки до 2 часов ночи («Ты пела до зари, от слёз изнемогая...»). Лев Толстой написал в письме Тургеневу, что Фет создал прекрасное любовное стихотворение. Однако, стихотворение не то чтобы любовное, а скорее о высших ценностях:

Что нет обид судьбы и сердца жгучей муки,
А жизни нет конца, и цели нет иной,
Как только веровать в рыдающие звуки,
Тебя любить, обнять и плакать над тобой.

Впрочем, высшие ценности с любовью вполне совместимы, так что Лев Николаевич Толстой был прав: стихотворение одновременно и любовное. Над лирическим циклом – второй раздел «Вех»; II. 90-е – вспоминается строка Фёдора Тютчева: «Поединок двух сердец», – такая трактовка самой популярной темы поэзии ближе Владимиру Гусеву.

Ну да, любовь, отсутствие любви и
Любовь, которую изводит страх.
Мол, из её любви верёвки вили,
Отсюда муть и сам-то «этот крах».

Из всех же мыслей в этой карусели
Чернеющим пятном мелькает та,

Что сложности – во мне лишь, а на деле
Там торжествует злая простота.

Свободный всё в секунду отгадает,
Свобода, равнодушие – вот рецепт.
Иной же будет путаться годами
И без толку трепать родную цепь.

Поединок налицо, из стихотворения в стихотворение идёт анализ чувств, без живописной картинки. Вл. Гусев «рояль» не раскрывает, а сразу «шпарит» по второму плану; сердечные переживания, не подкреплённые «картинкой», как говорится, не цепляют читателя за живое. Порой «поединок двух сердец» и вовсе похож на боевую операцию.

За вами – сила равнодушия,
За мною – слабости Любви.
Хотя обета не нарушу я,
Не сдам позиции свои –

Но очень трудно в окружении
На танк кидаться без гранат –
На танк, идущий в направлении
Чужих насмешливых солдат. (ну и т.д.)

Зато, когда Вл. Гусев восхищается природой, созерцает Космос, пишет о друзьях, он становится живописен, не хуже Фета; его стихи произвольно рождают ассоциации со стихами других современных поэтов, он укоренён в их ауре.

Вот, хотя бы – концовка стихотворения об «охоте» за грибами.

Они придут без приглашения,
Когда о них забыли все.
Когда и травы машут шеями,
И капли виснут на овсе.

Они возникнут, шляпки глянцевы,
На твёрдой ножке в дне блеснут.
Так женщина вдруг появляется,
Когда её уже не ждут.

И лирика настоящая появляется «под грибочки». Что делает мать-природа с поэтами? Просто спасает и от уныния, и от несчастной любви, и от любой другой напасти.

Впрочем, не все отдают предпочтение «живописной» поэзии. Лев Котюков при обсуждении новых книг Владимира Гусева оспорил мою концепцию и назвал интеллектуальную поэзию (к ней я отношу лирику В.М. Гусева) «прямым» стилем. Есть, оказывается, нынче и такой стиль. Что ж, поэту Котюкову виднее насчёт «рецептов» поэтической кухни. Литература, особенно поэзия – это Искусство Слова! «Умозрение в красках», – сказал о живописи, кажется, художник Василий Кандинский. Умозрение! Но в красках! Или в словах.

Да-да, обаяние интеллекта дорогого стоит. Это точно. Коротенькое совсем стихотворение «О жанрах», а какой заключает в себе глубокий смысл!

О жанрах

...Роман же устарел: там много лишнего.
Пучки травы вокруг зерна гречишного.

Возможно, поэты Владимир Гусев и Лев Котюков правы – «прямой стиль» обращён к уму читателя, значит, проникнет в его сердце не через воображение, а скользнёт через извилины.

Поздравляем Владимира Ивановича Гусева с 75-летием, желаем, чтобы новые его книги прозы, поэзии, по теории литературы и впредь радовали читателей.

Толкование молитвы Господней

Отче наш,

Когда небеса грохочут, а океаны ревут, они зовут Тебя: **Господь Саваоф наш, Владыка сил небесных!**

Когда падают звезды, и из земли вырывается огонь, они говорят Тебе: **Творец наш!**

Когда по весне цветы раскрывают бутоны, и жаворонки собирают сухие травинки, чтобы свить гнездо для своих птенцов, они поют тебе: **Господин наш!**

А когда я поднимаю глаза к престолу Твоему, то я шепчу Тебе: **Отче наш!**

Было время, долгое и страшное время, когда и люди называли Тебя *Господь Саваоф*, или *Творец*, или *Господин!* Да, тогда человек ощущал, что он есть лишь тварь среди тварей. Но сейчас, благодаря Твоему Единородному и Величайшему Сыну, мы выучили Твое настоящее имя. Поэтому и я, вместе с Иисусом Христом, решаюсь звать Тебя: **Отче!**

Если я зову Тебя: **Владыко**, я в страхе падаю ниц пред Тобой, как раб в толпе рабов.

Если я зову Тебя: **Творец**, я отдаляюсь от Тебя, как ночь отделяется ото дня или как лист отрывается от дерева своего.

Если я взгляну на Тебя и скажу Тебе: **Господин**, то я — как камень среди камней или верблюд меж верблюдов.

Но если я отворю уста и прошепчу: **Отец**, место страха займет любовь, земля как бы станет ближе к небу, и я пойду гулять с Тобой, как с другом, по саду этого света и разделю Твою славу, Твою силу, Твои страдания.

Отче наш! Ты *Отец* для нас всех, и я унижил бы и Тебя, и себя, если бы назвал Тебя: *Отец мой!*

Отче наш! Ты заботишься не только обо мне, одной-единственной былинке, но обо всех и обо всем на свете. Твоя цель есть Твое Царство, а не один человек. Себялюбие во мне зовет Тебя: *Отец мой*, но любовь взывает: **Отче наш!**

Во имя всех людей, братьев моих, я молюсь: **Отче наш!**

Во имя всех тварей, которые меня окружают и

с которыми Ты сплел мою жизнь, я молюсь Тебе:

Отче наш!

Я молю Тебя, Отец вселенной, лишь об одной вещи я молю Тебя: пусть скорее наступит рассвет того дня, когда Тебя все люди, живые и мертвые, вместе с ангелами и звездами, зверями и камнями, будут называть Твоим истинным именем:

Отче наш!

Суций на небесах!

Мы поднимаем взоры к небу всякий раз, как взываем к Тебе, и опускаем глаза долу, когда вспоминаем о своих грехах. Мы всегда внизу, на самом дне из-за нашей слабости и наших грехов. Ты всегда на высоте, как и соответствует Твоему величию и Твоей святости.

Ты пребываешь на небесах, когда мы недостойны воспринять Тебя. Но Ты с радостью спускаешься к нам, в наши земные обиталища, когда мы жадно стремимся к Тебе и отворяем Тебе двери.

Хотя Ты и снисходишь к нам, Ты все же пребываешь на небе. На небесах Ты живешь, по небесам Ты гуляешь, и с небесами вместе спускаешься в наши долины.

Небеса далеки, слишком далеки от человека, духом и сердцем отвергающего Тебя, или смеющегося, когда упоминают Твое имя. Однако небеса близки, очень близки к человеку, раскрывшему врата своей души и ждущему, что придешь Ты, наш самый дорогой Гость.

Если сравнить с Тобой самого праведного человека, то Ты возвышаешься над ним, как небеса над долиной земной, как вечная жизнь над царством смерти.

Мы из тленного, бренного материала — как же мы могли бы стоять на одной вершине с Тобой, **Бессмертная Молодость и Сила!**

Отче наш, Который всегда над нами, склонись к нам и подними нас до Себя. Что есть мы, как не языки, сотворенные из праха Твоей славы ради! Прах был бы вечно нем и не смог бы произнести Твое имя без нас, Господи. Как Тебя мог бы прах познать, как не через нас? Как бы Ты мог творить чудеса, если не через нас?

О, Отче наш!

да святится имя Твое;

Ты не становишься святее от наших славословий, однако, прославляя Тебя, мы делаем святее себя. Имя Твое чудесно! Люди препираются об именах — чье имя лучше? Хорошо, что и Твое имя вспоминают иногда в этих спорах, ибо в тот же миг глаголящие языки затихают в нерешительности оттого, что все великие человеческие имена, сплетенные в прекрасный венок, не могут сравниться с Твоим именем, **Святый Боже, Пресвятый!**

Когда люди хотят прославить Твое имя, они просят природу помочь им. Они берут камень и дерево и возводят храмы. Люди украшают алтари жемчугом и цветами и возжигают огонь растениями, их сестрами; и берут ладан у кедров, их братьев; и придают силу своим голосам звоном колоколов; и призывают животных прославлять имя Твое. Природа чиста, как Твои звезды, и невинна, как Твои ангелы, Господи! Смилуйся над нами ради чистой и невинной природы, воспевающей вместе с нами святое имя Твое, **Святый Боже, Пресвятый!**

Как нам славословить имя Твое?

Может, невинной радостью? — тогда помилуй нас ради наших невинных детей.

Может, страданием? — тогда взгляни на наши могилы.

Или самопожертвованием? — тогда вспомни мучения Матери, Господи!

Имя Твое тверже стали и ярче света. Благо человеку, который возлагает надежды на Тебя и становится мудрее Твоим именем.

Глупцы говорят: «Мы вооружены сталью, так кто сможет дать нам отпор?» А Ты уничтожаешь царства крохотными насекомыми!

Страшно имя Твое, Господи! Оно озаряет и сжигает, как огромное огненное облако. Нет на свете ничего святого или ужасного, что не было бы связано с Твоим именем. О, Святый Боже, дай мне в друзья тех, у кого Твое имя врезалось в сердце, а во врагов тех, которые не желают и знать о Тебе. Ибо такие друзья останутся мне друзьями до смерти, а такие враги падут предо мной на колени и покорятся, как только переломятся их мечи.

Свято и ужасно имя Твое, **Святый Боже, Пресвятый!** Да будем помнить имя Твое в каждый миг нашей жизни и в минуты радости, и в минуты слабости, и вспомним его в наш смертный час, Отец наш небесный, **Святый Боже!**

да придет Царствие Твое;

Да придет Царствие Твое, о, Великий Царь!

Нам опостытели цари, лишь мнившие себя

более великими, чем другие люди, а ныне лежащие в могилах рядом с нищими и рабами.

Нам опостытели цари, объявившие вчера о своей власти над странами и народами, а сегодня плачущие от зубной боли!

Они вызывают отвращение, как тучи, приносящие пепел вместо дождя.

«Смотрите, вот мудрый человек. Дайте ему корону!» — кричит толпа. Короне все равно, на чьей она голове. Но Ты, Господи, знаешь цену мудрости мудрых и власти смертных. Нужно ли мне повторять Тебе то, что Тебе известно? Нужно ли мне говорить, что самый мудрый среди нас властвовал над нами безумно?

«Смотрите, вот сильный человек. Дайте ему корону!» — снова кричит толпа; это другое время, другое поколение. Корона безмолвно переходит с головы на голову, но Ты, **Всемогущий**, знаешь цену духовной силы возвышенных и власти сильных. Ты знаешь о слабости сильных и власть претерпящих.

Мы, наконец, поняли, претерпев страданье, что нет другого царя, кроме Тебя. Наша душа страстно желает **Твоего Царства и Твоей власти**. Скитаясь повсюду, разве не достаточно обид и ран получили мы, живые потомки на могилах малых царей и руинах царств? Теперь мы молим Тебя о помощи.

Пусть появится на горизонте **Твое Царство! Твое Царство Мудрости, Отечества и Силы!** Пусть эта земля, что была полем битвы тысячи лет, станет домом, где Ты хозяин, а мы гости. Приди, Царь, ждешь Тебя пустой престол! С Тобой придет гармония, а с гармонией — красота. Все другие царства противны нам, поэтому и ждем сейчас **Тебя, Великий Царь, Тебя и Твое Царство!**

да будет воля Твоя и на земле, как на небе;

Небо и земля — это Твои нивы, Отче. На одной ниве Ты сеешь звезды и ангелов, на другой тернии и людей. Звезды движутся по Твоей воле. Ангелы играют на звездах, как на арфе, по Твоей воле. Однако человек встречает человека и спрашивает: «Что есть **воля Божья**?»

Доколе человек не хочет знать волю Твою? Доколе он будет унижаться перед терниями под своими ногами? Ты сотворил человека, чтобы был он равен ангелам и звездам, но смотри — его и тернии превосходят.

Но видишь, Отче, человек, если захочет, может славить имя Твое лучше, чем тернии, совсем как ангелы и звезды. О, Ты, Духодавче и Воледавче, дай человеку Твою Волю.

Воля Твоя мудра, ясна и свята. Твоя воля сдвигает небеса, так почему бы той же воле

не сдвинуть землю, которая в сравнении с небесами подобна капле перед океаном?

Твоя воля мудра. Я слушаю голоса прошлого, гляжу на небо и знаю, что звезды движутся, как двигались тысячелетиями, всегда тем же путем, и приносят, когда нужно, лето и зиму.

Ты никогда не устаешь, творя с мудростью, Отче наш. Никакой глупости нет места в Твоем плане. Сейчас Ты так же свеж в мудрости и добре сейчас, как и в первый день творения, и завтра будешь таким же, как сегодня.

Твоя воля свята, ибо мудра и свежа. Святость неотделима от Тебя, как от нас воздух.

Что-либо несвятое может подняться до небес, но ничто несвятое никогда не спустится с неба, с Твоего престола, Отче.

Мы молимся Тебе, Святой Отец наш: сделай так, чтобы поскорее настал день, когда воля всех людей будет мудра, свежа и свята, как Твоя воля, и когда все творения на земле будут двигаться в согласии со звездами на небе; и когда наша планета будет петь в хоре со всеми Твоими удивительными звездами:

Господи, научи нас!

Боже, веди нас!

Отче, спаси нас!

хлеб наш насущный дай нам на сей день;

Тот, Кто дает тело, дает и душу; и Кто дает воздух, Тот дает и хлеб. Твои дети, милостивый Дародавче, ожидают от Тебя все потребное.

Кто просветлит их лица утром, если не Ты Своим светом?

Кто будет бдеть ночью над их дыханием, когда они спят, если не Ты, самый неутомимый из всех сторожей?

Где бы мы посеяли свой дневной хлеб, если не на Твоей ниве? Чем бы мы смогли освежиться, если не Твоей утренней росой? Как бы мы жили без Твоего света и Твоего воздуха? Как бы мы могли есть, если не устами, которые Ты нам дал?

Как бы мы могли радоваться и благодарить Тебя, что сыты, если не духом, который Ты вдохнул в безжизненный прах и сотворил из него чудо, Ты, наиудивительнейший Творец?

Я молю тебя не о моем хлебе, но **о нашем хлебе**. Что толку, если я бы имел хлеб, а братья мои рядом со мной голодали бы? Было бы лучше и справедливее, если бы Ты отнял у меня горький хлеб себялюбца, ибо утоленный голод бывает слаще, если поделен с братом. Не может быть Твоя воля такова, что Тебя один человек благодарит, а сотни проклинаят.

Отче наш, дай нам **наш хлеб**, чтобы мы прославляли Тебя слаженным хором и чтобы мы радостно вспоминали нашего Небесного

Отца. Сегодня мы молимся о сегодняшнем дне.

Этот день велик, сегодня родилось множество новых существ. Тысячи новых творений, которых вчера еще не было и которых завтра уже не будет, рождаются сегодня под тем же солнечным светом, с нами вместе летят на одной из Твоих звезд и с нами вместе говорят Тебе: **наш хлеб**.

О, великий Хозяин! Мы Твои гости с утра и до вечера, мы приглашены на Твою трапезу и ждем Твоего хлеба. Никто, кроме Тебя, не имеет права сказать: мой хлеб. Он Твой.

Никто, кроме Тебя, не имеет права на завтрашний день и на завтрашний хлеб, только лишь Ты и те из сегодняшних гостей, которых Ты позовешь.

Если по Твоей воле конец сегодняшнего дня будет разделительной линией между моей жизнью и смертью, я преклонюсь пред Твоей святой волей.

Если будет на то Твоя воля, я опять буду завтра спутником великого солнца и гостем на Твоей трапезе, и я повторю свою благодарность Тебе, как повторяю постоянно изо дня в день.

И я буду преклоняться пред волей Твоей снова и снова, как делают ангелы на небесах, Дародавче всех даров, телесных и духовных!

и прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим;

Человеку легче грешить и нарушать Твои законы, Отче, чем понимать их. Однако нелегко Тебе прощать нам грехи наши, если мы не прощаем тем, которые грешат против нас. Ибо Ты основал мир на мере и порядке. Как же может в мире быть равновесие, если Ты имеешь для нас одну меру, а мы для наших ближних — другую? Или если Ты даешь нам хлеб, а мы даем нашим ближним камень? Или если Ты нам прощаешь наши грехи, а мы казним наших ближних за их грехи? Как бы тогда сохранялись мера и порядок в мире, о, Законодатель?

И все же Ты нам прощаешь больше, чем мы можем простить своим братьям. Мы оскверняем землю каждый день и каждую ночь своими преступлениями, а Ты приветствуешь нас каждое утро ясным оком Твоего солнца и каждую ночь шлешь Свое милостивое прощение через звезды, которые святыми стражами стоят на вратах Твоего Царства, Отче наш!

Ты стыдишь нас каждый день, Наимилостивейший, ибо когда мы ждем наказания, Ты посылаешь нам милость. Когда мы ждем Твоего грома, ты посылаешь нам мирный вечер, и когда мы ожидаем мрак, Ты нам даешь солнечный свет.

Ты вечно возвышен над нашими грехами и всегда велик в Своем безмолвном терпении.

Тяжко глупцу, который думает, что встревожит

Тебя безумными речами! Он как ребенок, который сердито бросает камешек в волны, чтобы отогнать море от берега. Но море лишь сморщит поверхность вод и продолжит раздражать немощь своей огромной силой.

Смотри, наши грехи — это грехи общие, мы все вместе отвечаем за грехи всех. Поэтому нет на земле чистых праведников, ибо все праведники должны взять на себя некие грехи грешников. Тяжко быть непорочно праведным человеком, ибо нет ни одного праведника, который не несет на своих плечах бремя хотя бы одного грешника. Однако, Отче, чем больше праведник несет грехов грешников, тем он праведнее.

Отче наш небесный, Ты, Который шлешь хлеб с утра до вечера своим детям и принимаешь грехи их, как плату, облегчи бремя праведников и рассей мрак грешников!

Земля полна грехов, но полна и молитв; она полна молитв праведников и отчаяния грешников. Но разве отчаяние не начало молитвы?

А в конце Ты станешь победителем. Твое Царство будет стоять на молитвах праведников. Твоя воля станет законом для людей точно так же, как воля Твоя есть закон для ангелов.

Иначе, зачем бы тогда Ты, наш Отец, медлил простить грехи смертным, ведь тем самым Ты даешь нам пример прощения и милости?

и не введи нас в искушение,

О, как мало нужно человеку, чтобы отвернуться от Тебя и повернуться к идолам!

Он окружен искушениями, как бурями, и он немощен, как пена на гребне бурного горного потока.

Если он богат, он тотчас начинает думать, что равен Тебе, или ставит Тебя после себя, или даже украшает свой дом Твоими ликами, как предметами роскоши.

Когда зло постучит в его ворота, он впадает в искушение поторговаться с Тобой или совсем Тебя отбросить.

Если Ты призываешь его жертвовать собой, он возмущается. Если Ты его посылаешь на смерть, он дрожит.

Если Ты предлагаешь ему все земные удовольствия, в искушении он отравляет и убивает свою собственную душу.

Если Ты открываешь его очам законы Своего попечения, он ворчит: «Мир чудесен сам по себе, и без Творца».

Нас мущает Твоя святость, о, наш Святой Боже. Когда Ты нас зовешь к свету, мы, как ночные мотыльки, бросаемся во тьму, но, метнувшись во тьму, мы ищем свет.

Перед нами раскинулась сеть множества дорог,

но мы боимся дойти до конца хоть какой-то из них, ибо нас на любом краю ждет и манит искушение.

А путь, что ведет к Тебе, прегражден многими искушениями и многими-многими провалами. До того, как находит искушение, нам кажется, что Ты сопровождаешь нас, как светлое облако. Однако когда искушение начинается, Ты исчезаешь. Мы оборачиваемся в беспокойстве и молча спрашиваем себя: в чем наша ошибка, где Ты, Ты есть или Тебя нет?

Во всех наших искушениях мы спрашиваем себя: «Вправду ли Ты наш Отец?» Все наши искушения забрасывают в наши умы те же вопросы, которые весь окружающий нас мир задает нам изо дня в день и из ночи в ночь:

«Что ты думаешь о Господе?»

«Где Он и кто Он?»

«Ты с Ним или без Него?»

Дай мне силы, **Отец и Творец** мой, чтобы я мог в любую минуту своей жизни правильно ответить на всякое возможное искушение.

Господь есть Господь. Он там, где я есть и где меня нет.

Я отдаю Ему свое страстное сердце и протягиваю к Его святым одеждам руки, я тянусь к Нему, как ребенок к любимому Отцу.

Как я мог бы жить без Него? Это значит, что я сам без себя смог бы прожить.

Как я могу быть против Него? Это значит, что я сам буду против себя самого.

Праведный сын следует за своим отцом с почитанием, миром и радостью.

Вдунь Свое вдохновение в наши души, Отче наш, чтобы стали мы Твоими праведными сынами.

но избавь нас от лукавого.

Кто освободит нас от зла, если не Ты, наш Отец?

Кто протянет руки к тонущим детям, если не их отец?

Кого больше заботит чистота и красота дома, если не его хозяина?

Ты нас сотворил из ничего и сделал из нас нечто, но мы тянемся ко злу и опять превращаемся в ничто.

Мы согреваем у своего сердца змею, которую боимся больше всего на свете.

Всеми своими силами мы восстаем против мрака, но все же мрак живет в наших душах, сея микробы смерти.

Мы все единогласно против зла, но зло потихоньку пробирается в наш дом и, покуда мы кричим и протестуем против зла, занимает одну позицию за другой, все ближе подбираясь к нашему сердцу.

О, Всевышний Отче, встань между нами и злом, и мы возвысим свои сердца, а зло иссохнет, как лужа на дороге под жарким солнцем.

Ты высоко над нами и не знаешь, как растет зло, но мы задыхаемся под ним. Взгляни, зло растет в нас изо дня в день, повсюду простирая свои обильные плоды.

Солнце приветствует нас каждый день «Добрый утром!» и спрашивает, что мы можем показать нашему великому Царю? А мы демонстрируем лишь старые изломанные плоды зла. О, Боже, поистине прах, неподвижный и неодушевленный, чище человека, который на службе у зла!

Взгляни, мы выстроили свои жилища в долинах и спрятались в пещерах. Тебе совсем нетрудно повелеть Своим рекам затопить все наши долины и пещеры и стереть с лица земли человечество, отмыв ее от наших грязных дел.

Но Ты выше нашего гнева и наших советов. Если бы ты слушал советы человеческие, Ты бы уже разрушил мир до основания и Сам погиб бы под развалинами.

О, Мудрейший среди отцов! Ты вечно улыбаешься в Своей божественной красе и бессмертии. Смотри, от Твоей улыбки растут звезды! С улыбкой Ты превращаешь наше зло в добро, и прививаешь Древо добра на древо зла, и с бесконечным терпением облагораживаешь наш невозделанный Райский сад. Ты терпеливо лечишь и терпеливо созидаешь. Ты терпеливо созидаешь Свое Царство добра, Царь наш и Отче наш. Мы молим Тебя: освободи нас от зла и наполни нас добром, ибо Ты упраздняешь зло и восполняешь добро.

Ибо Твое есть Царство,

Звезды и солнце — граждане Твоего Царства, Отче наш. Запиши и нас в Свое сияющее воинство.

Наша планета мала и мрачна, но это Твое дело, Твое творение и Твое вдохновение. Что иное может выйти из Твоих рук, как не великое? Но все же мы своим ничтожеством и темнотой делаем место своего обитания малым и мрачным. Да, земля мала и мрачна всякий раз, как мы называем ее своим царством и когда мы в безумии говорим, что мы ее цари.

Смотри, как много среди нас таких, которые были царями на земле и которые сейчас, стоя на развалинах своих престолов, удивляются и спрашивают: «Где все наши царства?» Имеется множество царств, которые не знают, что случилось с их царями. Блажен и счастлив тот человек, что смотрит в заоблачные выси и шепчет слова, которые слышу: **Твое есть Царство!**

То, что мы называем нашим земным царством, полно червей и мимолетно, как пузыри

на глубокой воде, как тучи пыли на крыльях ветра! Только Ты имеешь истинное Царство, и только Твое Царство имеет Царя. Сними нас с крыльев ветра и возьми к Себе, милостивый Царь! Спаси нас от ветра! И сделай нас гражданами Твоего вечного Царства вблизи Твоих звезд и солнца, среди Твоих ангелов и архангелов, позволь быть рядом с Тобой, **Отче наш!**

и сила,

Твоя есть сила, ибо Твое есть Царство. Ложные цари немощны. Их царская сила кроется лишь в их царских титулах, которые поистине Твои титулы. Они блуждающий прах, а прах летит туда, куда ветер носит. Мы лишь скитальцы, тени и летящий прах. Но даже когда мы блуждаем и скитаемся, мы движемся Твоей силой. Твоей силой мы созданы и Твоей силой будем жить. Если человек делает добро, он делает его Твоей силой через Тебя, однако если человек совершает зло, он делает это Твоей силой, но через себя. Все, что делается, делается Твоей силой, употребленной для добра или злоупотребленной. Если человек, Отче, употребляет Твою силу по Твоей воле, тогда Твоя сила будет Твоей, но если человек употребляет Твою силу по своей воле, тогда Твоя сила называется его силой и будет злой.

Я думаю, Господи, что когда Ты сам располагаешь Своей силой, тогда она добра, но когда нищие, что одолжили силу у Тебя, гордо распоряжаются ею, как своей, она становится зла. Поэтому существует один Владелец, но есть много злых распорядителей и потребителей Твоей силы, которую Ты милостиво раздаешь на Своей богатой трапезе этим несчастным смертным на земле.

Взгляни на нас, Всемогуший Отче, взгляни на нас и не спеши даровать Свою силу земному праху, пока там не готовы дворцы для нее: добрая воля и смирение. Добрая воля — чтобы употребить на добрые дела полученный божественный дар, и смирение — чтобы вечно помнить, что вся сила во вселенной принадлежит Тебе, великий Силодавче.

Твоя сила свята и мудра. Но в наших руках Твоя сила в опасности осквернения и может стать греховной и безумной.

Отче наш, Сущий на небесах, помоги нам знать и исполнять лишь одно: знать, что вся сила — Твоя, и употреблять Твою силу по Твоей воле. Смотри, мы несчастны, ибо поделили то, что у Тебя нераздельно. Мы отделили силу от святости, и отделили силу от любви, и отделили силу от веры, и наконец (а это первая причина нашего падения) отделили силу от смирения. Отче, молим Тебя, соедини все то, что твои дети разделили по неразумению.

Молим Тебя, возвысь и защити честь Своей силы, которая была брошена и обесчещена. Прости нас, ибо хотя мы такие, но мы дети Твои.

и слава во веки.

Твоя слава вечна, как Ты, наш Царь, наш Отец. Она существует в Тебе и не зависит от нас. Это слава не от слов, как слава смертных, но от истинной непреходящей сущности, такой, как Ты. Да, она неотделима от Тебя, как свет неотделим от жаркого солнца. Кто видел центр и ореол Твоей славы? Кто стал славен, не прикоснувшись к Твоей славе?

Твоя блистательная слава окружает нас со всех сторон и смотрит на нас безмолвно, слегка улыбаясь и чуть удивляясь нашим человеческим заботам и брюзжанию. Когда мы замолкаем, кто-то нам тайно шепчет: вы дети славного Отца.

О, как сладок этот тайный шепот!

Чего же нам желать больше, чем быть детьми Твоей славы? Разве этого не достаточно? Без сомнения, этого достаточно для праведной жизни. Однако люди хотят быть отцами славы. А это начало и апогей их несчастий. Они недовольны, что будут детьми и участниками Твоей славы, но хотят быть отцами и носителями Твоей славы. И все же только Ты — единственный носитель Своей славы. Есть много таких, что злоупотребляют Твоей славой, много и тех, что впали в самообман. Нет ничего более опасного в руках смертных, чем слава.

Ты являешь Свою славу, а люди спорят о своей. Твоя слава есть факт, а человеческая слава лишь слово.

Твоя слава вечно улыбается и утешает, а человеческая слава, отделенная от Тебя, пугает и убивает.

Твоя слава питает несчастных и ведет кротких, а человеческая слава отделена от Тебя. Она самое страшное орудие сатаны.

Как смешны люди, когда пытаются создать свою славу, вне Тебя и отдельно от Тебя. Они подобны некому глупцу, который терпеть не мог солнца и пытался найти место, где нет солнечного света. Он построил себе лачугу без окон и, войдя в нее, стоял во мраке и радовался, что спасся от источника света. Таков глупец и таков обитатель мрака, тот, который старается создать свою славу вне Тебя и отдельно от Тебя, **Бессмертный Источник Славы!**

Не существует человеческой славы, как не существует человеческой силы. Твои есть и сила, и слава, **Отче наш**. Если мы не получим их от Тебя, у нас их не будет, и мы завянем и понесемся по воле ветра, как сухие листья, упавшие с дерева.

Мы довольны, что называемся Твоими детьми. Нет большей чести на земле и на небе, чем эта честь.

Возьми от нас наши царства, нашу силу и нашу славу. Все, что мы когда-то называли своим, лежит в развалинах. Возьми у нас то, что с самого начала принадлежало Тебе. Вся история наша была глупой попыткой создать наше царство, нашу силу и нашу славу. Скорей заверши нашу старую историю, где мы боролись, чтобы стать хозяевами в Твоем доме, и начни новую историю, где мы будем стараться стать слугами в доме, который принадлежит Тебе. Поистине лучше и славнее быть слугой в Твоем Царстве, чем самым главным царем в нашем царстве.

Поэтому сделай нас, Отче, слугами Твоего Царства, Твоей силы и Твоей славы во всех поколениях и **во веки веков. Аминь!**

Тепло вчерашнего дня

В самом деле

Вос-поминание:
Мало-мальское – майское. Маяться маемой.
Маятником маячить.

А у парадного – черное на жёлтом. Такси и октябрьский дождь. (Какая жадность, люди! – поделитесь молчанием, взглядами, вздохами).

– Пять тысяч. Адреса не помню... Куда-нибудь – к чёрту какому-нибудь, на кулички. Какие-нибудь.

Ни-будь. Не будь.

А таксист и не против. Вот только собеседник из меня – вдруг – никудышный. Мрак – не сумрак, мне язык жечь словами не с руки в этот полдень-тучеразлучник.

* * *

Сегодня – годовщина вчерашнего. Неслучайно минувшего. Сегодня – смешок. Всё остальное – навряд ли.

Выход в...

Тучевладыка, миры сотрясающий! Ой-ли – спокойствие? Ай-ли – блаженство? В запахе астр – сентябрь утопает, Ты – здесь безмолвствуешь? Кругами ходишь, отчаянно Отчаявшийся? Уж разлилуй листы мои – искорябаю строками вдоль и поперёк, от чернил объявив независимость.

* * *

Отчего-то затуннелилось тьма-безвыходно.

* * *

(Сквозь дали ноутбукные, интернет-заштормившие)

Брошенные по случаю слово-камни – чёрная брешь в стене хрупкосердечия. Но терпеть не умею ранимость напоказ. Что мне Мир, Мир? Что – соблазны его? Лианы ядовитые.

Можно сказать модно – о неразборчивости. Или подумать – о том же. Но ясности от этого не прибавится.

Ты капризная.

* * *

В телефонных гудках – шуршащая дрожь слов, срывающихся с разлюбивших губ.

Шикарно! Уже – великолепно: удостоился листопада мыслей. Не помыслов, правда.

* * *

Прятаться... От – рассматривания, от – разглядывания. Бежать от несурасностей непонимания.

Устаю – верить, молить, сомневаться.

P.S.

2002 г. Один адрес всё-таки нашёлся. Чужая-ничья пристань.

Не пробиться сквозь них к свет-потерянным городам сказочным.

Прости мне мачете в руке, рубящее хитро-сплетения лестеречивые. Любить – это всегда очень больно. Даже без взгляда полу-единственного. Смеюсь над собственным слога-словом (тоже мне – поклонник неологизмов!).

<У Кортасара. Героиня: «Бисбис, бисбис»>

* * *

Оттого – от __того!

* * *

Однажды меня спросили: «Вы сами понимаете, о чём пишете?». Ответил честно: «Нет».

Но ничего сложного – ни в словах, ни в заплушаренности мозга. Слово – Бог. Понимайте.

Парус. В ожидании берега /мысли/

Расхристанный сумрак ворвался в мой город. Сверкая глазами (полы пальто – беспомощно вялыми крыльями болтались по ветру), человек бросился бежать по улицам. «Лежачие полицейские», оставшиеся без должного внимания, что-то хрипло кричали вослед сумасшедшему незнакомцу.

Ещё не успел скрыться за поворотом посланник полуночи, к ногам моим упал тетрадный лист, исписанный по диагонали словами на испанском.

* * *

– Обещаю больше никого не мучить, – выдохнул Первый Встречный.

– Ты умён, но не более... – Случайная Дама отвела глаза в сторону. – А в жизни так хочется карнавала. И чтобы все восхищались моими нарядами, моими бесценными вышивками (ведь моя нить золотая, золотее чем у сказочной принцессы). Хочется, чтобы даже белоусые мужчины шаркивались в реверансах. Даже – если они (подобно Карлсону, спасибо пропеллеру) – в самом расцвете сил. Даже если место их жительства не совпадает с местом прописки – то ли мансарда, то ли ближайший мусорный бак.

15-30

Когда побелеют чёрные стрелки на ходиках и перестанут дуть западные ветра из Китая... Когда чужие тонкие пальцы устанут от перстней... Когда жёсткопроизносимое слово «когда?» выпорхнет из своего вопросительного кокона и превратится в махаона...

Тогда я расскажу тебе свою последнюю историю.

А до той луны – воздержание. Пёсий вой. Дропки снежные – в глаза. Головокружительный убаюкивающий шелест на волнах озона – всех сияний северных.

И – пойдём со мной [тишину пинать]? И нахваливай – вперёд меня – упущенные возможности. Ибо что нам нужно на земле, кроме здоровья? Больше него?

Поспешим. О-паз-ды-вать. В крайнем случае у нас есть ещё один раз. Ну же... Соглашайся!

Прикоснись к руке. Ай, не более.

– Разве в поисках неизбежности можно увидеть глубину вдоха? Я долгие зимы был знаком с королевой, у которой на рукавах дорогой шубы с внутренней стороны таились многолетние потёртости. Она скрывала это от всех. Но ко времени, когда это открылось, мне уже была известна даже смуглость королевской наготы.

Случайная Дама разочарованно ухмыльнулась и, не сумев найти в ответ ничего вразумительно-го, прошипела:

– Ты просто Встречный. Захочу – и ты перестанешь отражаться в моём бесценном зеркале.

– А как же прощение, мадам? Ведь если каждую минуту губы сохнут, а в комнате нет сквозняка, то это ли не показатель болезни либо страсти, либо страсти болезненной? Вы в каждом слове прячетесь за многоточия.

– Разделив мой мир на «вчера» и «никогда», ты совершил страшную ошибку. Теперь – я не доверю тебе и выпавшей во сне реснички.

* * *

На обороте листа история [если только можно верить грамоте] продолжалась в развосклищавшихся знаках. Но на итальянском языке. А это наречие пока не в моей власти. Когда-нибудь...

* * *

По три да на – три. В пересчётах – трение трётся.

Философствовать пожелалось... Но разве можно переволновать волны Японского моря [задумываюсь: и почему – Японского]? Тщетой умоваюсь. Семеню – вдоль побережий белотканых.

Камни... камни.

* * *

В детстве-отрочестве мечталось о камнепадах [снов, слов-стихов]. В юности – о разреженном горном воздухе. В молодости – о дрожащем пении эха в горах. Теперь... теперь помечтать бы хоть о чём-нибудь. О неформатном и стандарты презирающем. И потому – насмотревшись до сухости в горле на великих людей, тороплюсь одолеть наизусть «Мцыри».

А ещё – верится, что однажды солнце взойдёт на Севере.

Dies diem docet

Нынешнее лето, видно по всему, даже в гости не торопится: и небо – совсем не циан, и городские ротоzeи, будни и праздники напролёт снующие по улицам и проспектам, удивляют серой унылостью физиономий, и даже одуванчики как-то неохотно выглядывают из травы, будто в прятки играют с прохожими.

Такие дни [если кто и сомневается, то это не я, уверяю] – большая беда для бортников. Цветёт курильский чай, древовидный пион, магония, сирень и жимолость – кустарники-травы, да пчела не летит утром в поле – сидит себе по ульям и гудит, будто погремушка в руках у долгожданного первенца.

Зато какое приволье для черногуза – выпрыгнув из гнезда, носится он над самыми крышами в поисках крылатых насекомых! Кому как, а по мне – хоть неделю наблюдай за птахами, только радость назолу гонит прочь из ретивого.

* * *

Дождь ночесь не спал сам и мне не давал. Барабанил по козырькам и отливам приунывших балконов, будто голандчики сыпал, я в ответ – шёпотом шуршал – Пастернака и Блока, через строфу язык прикусывая. Ладом разошлись (выдохлись оба) только к рассвету: он в землю, я – налоги платить мытарю-дрёме.

* * *

Днём моросило, а к вечеру чуть распогодилось. ...Возвращаюсь после работы домой. У подъездов на лавочках пригвождённые недугом старушки обсуждают новости.

Поднимаюсь по лестнице, отпираю двери. Прохожу в комнату. За плотными шторами – полумрак. Впереди – целая ночь и не менее целый – свет, сошедшийся клином на воспоминаниях. Сегодня обязательно сделаю записи в книге сердца. Дай Бог не заёмных мыслей...

* **Dies diem docet** – День учит день (лат.)

Тепло вчерашнего дня

Никуда и не нужно ходить – человек всегда одинок, только убеждает себя и окружающих, что это не так: мол, друзья, соседи, любимые рядом. А закрой глаза, зажмурь изо всей силы, и – нет ни мира, ни видимости крикливой многолюдности. А приоткрой, и сквозь ресницы – всё суета, всё иллюзии. И никогда мы не сможем познать, по какую сторону век настоящая жизнь. Да и кому нужно это знание, готовы ли мы к правде? Посему – зачем спешить или не спешить, радоваться или отчаиваться, вспоминать или забывать?

И не мгновение жизнь, не мгновение – нет её вовсе.

* * *

Отменяю календари – со вчерашнего дня. Почему со вчерашнего? Потому что вчера всё стало едино – торжество жизни споткнулось о торжество смерти, а ожидание чуда поглотило само себя. И дальше – только бездонное разочарование.

А пока ещё не потеряно тепло вчерашнего дня – несколько слов, только несколько слов:

Памяти бабушки

Травы пахнут так сладко,
Воздух тёплый такой.
За железной оградкой –
Тишина и покой.
Как зелёная туча,
За оградкой – ветла.
И калитка скрипуча,
И скамейка тепла.
Станным кажется это,
И сомненья берут:
То ли солнцем нагрета,
То ли ангел был тут?..

Стихотворение Николая Зиновьева.
После него хочется долго-долго молчать.

* * *

...По примеру Святых Отцов, в редкий день, переполненный тишиной и безмятежностью, спешу возопить к Небесам: зачем Ты меня оставил в этот миг? Зачем отнимаешь солёную боль жизни? Плачь вместе со мной.

Удивление

Человек-человечек, скажи: отчего – белая-белая-белая-белая-белая дорога – у чёрного пса? Лапы мохнатые мельтешат – быстрее, ещё быстрее. Вперёд. И не мечтаются об удивлении, все остановки в погоне за собственным лаем – иллюзия что ли? Морозно!

Не то снег, не то туман скрадывает мгновения.
Худо-бедно рифмуется: собаки – бедолаги.

* * *

12% – всего из всего.

Включая Corel Draw, вспоминаю всех святых угодников – и по очереди, и вне – её. Лишь где-то у корня языка [вопреки случайно непроизнесённому] горчат слова бранные. А что поделать – умный заказчик принёс собственные «исходники». Говорят, смирение – добродетель.

Родителям (о чаде, случайная старушка): «В качестве приза – харизма».

Без названия

Трудновыразимое чувство терзает сердце – странная смесь радости и тревоги, вдохновения и недоумения, желания обнять весь мир и бежать без оглядки в ненужные никому другому Дальние страны...

А на улице – зной, зной вечерний. Долгожданное лето. Лето!

По пыльной тропинке, петляющей по огромному пустырю, вдоль старых осин возвращаюсь с работы домой. И – кажется – понимаю, о чём шелест листьев, хриплый лай бездомного пса

Сколько подобных «оперных арий» выслушано за годы и годы? Сколько ухмылок в судороге губ – в ответ подарено. А «чуда» всё нет. И закрадывается переживание: а в самом конце всех концов – когда же? уже сейчас – не припозднилось ли?

Глаза слепнут, веки – слипаются.

* * *

Станции. Полустанки. Полумрак купе. Чай с лимоном. Свет фонарей в окна. Дымы привокзальные... Гудки и гудки. Чувство сопричастности к великому, многообразному, неповторимому, родному.

И некуда спешить, а тороплюсь, поторапливаюсь – еду: а может...

* * *

Недосказанность. Что-то ностальгическое...

и несмолкаемый щебет спрятавшихся в осиновых ветвях воробьёв.

И небо, небо! В этом небе – незримые бездны и горы, белые рассветы и серебряные закаты, рождение и смерть, намечающаяся гроза и надежда на свидание с чудом. Замри, сердце. В этом небе – Бог!

Замедляю шаги. Ликую. Кричу, не размыкая губ.

...А в ответ – безмолвие. Большое Безмолвие.

Всё равно мы встретимся опять

*

Сгинет ветер северо-восточный.
Ляжет пламя замертво в золе.
Но спроси у самой подлой ночи –
разве жить не стоит на земле?!

И она ответит, тихим звоном
тронув колокольчики свои,
то ли дальней песней похоронной,
то ли просто грустной –
о любви.

Уведёт в заречье, в заовражье,
по полям закружит и лесам
и наверно, что-нибудь расскажет –
всё, о чём давно ты знаешь сам.

*

Дождём мир надвое поделен,
окном – на мокрых и сухих.
Какие сны хранят постели,
когда мы покидаем их?

Зевая, встанешь на рассвете
и тронув пальцами стекло,
услышишь дрожь намокших веток,
к окну припавших тяжело.

Пройдёшь по комнате, напрасно
связать стараясь нити сна...
И лишь тогда представишь ясно:
вот осень... дождь... и ты – одна...

*

Там луна ли, сова или пекаря дочь,
светлячки или звёзды над садом?
Свою лучшую сказку в такую вот ночь
рассказала бы Шехерезада.

Про тебя и меня, и про вечную жизнь
(со счастливым концом, полагаю),
чтоб свистел соловей,
чтобы с розой дружил
под охрипший восторг попугаев.

Встанешь, словно газель,
под смородинный куст
и навстречу шагнёшь без опаски...
Не за то ли из всех очень важных искусств
нам важнее волшебные сказки?

А над садом луна, ах, какая луна!
А в саду – серебристые вишни.
И серебряно светятся бивни слона –
ничего, здесь и мамонт не лишний.

Наливных белых яблок
торжественный стук
по тропинке, по белой ограде,
и кузнечики в белой траве –
за версту.
Ты такое услышишь в Багдаде?!

...А когда всё смолкает, завидя зарю,
остаёмся на свете мы – двое.
Я целую тебя, я тебе говорю
про любовь и про всё остальное.

Твои волосы тёплой волной шелестят,
и слабеют податливо плечи...
Вот и всё.

Потому что у Шехерезад
здесь обычно кончаются речи.

Совсем летнее

Положи меня июнь, положи
на поляну, где зелёный шёлк.
Пощекочут по щеке
мураши,
ничего-то не возьмут в толк.

Расскажу им, чем дышу,
чем живу,
сколько лет
и с кем их рядом прожил.
Солнце высветлит лучами листву
в глубину,
до самых тайных прожил.

О России. Три речи*

В наше время, время видимого крушения России, а на самом деле – время её мученического очищения, её исторического оправдания и духовного возрождения в перерождённом виде; в наши дни, дни великого соблазна для близоруких и великих надежд для дальнзорких; – когда русский народ, всеми иными народами преданный и покинутый, сам с собой наедине, перед лицом Божиим, добывает себе свободу голодом и кровью, пытаясь по-самсоновски повалить на себя капище Дагона, но выйти из-под развалин с молитвою на устах и с приговором для своих врагов; в такое время, в такие дни, когда у каждого русского сердце горит от святой любви и священного гнева, когда уже иноземцы начинают постигать мировое и пророческое значение русской трагедии и содрогаться о своей собственной судьбе, – чудится мне, что у всех у нас есть потребность обратиться к России в её историческом целом, окинуть взором, сколько его хватит, нашего взора, пути, и судьбы, и задания нашей Родины, основы и первоосновы её культуры, из коих всё вышло и к коим всё сводится, увидеть их в их силе и славе, увидеть их в их опасных уклонах и соблазнах, увидеть всё это не только в исторической ткани нашей страны, но и в нас самих, в наших душах, в их сознательном и бессознательном укладе, в явных деяниях дня и в тайных сновидениях ночи; с тем, чтобы каждый из нас осязал в самом себе и чудесные дары нашей России, составляющие самую русскость нашей русскости, и те пробелы, те слабости, те недостроенности и неустроенности русской души, которые не дали нам устоять против мирового соблазна, но привели наш народ на гноище мировой истории, те несовершенства и незавершённости нашего национального характера, без одоления которых нам не построить России, ни нам, ни нашим детям и внукам...

Духовная культура народа не есть его почётное кладбище; не есть только музей его лучших свершений, или всё множество его вещественных и сверхвещественных созданий; нет, – она живёт и творится и в нас, его сынах, связанных со своею родиной любовью, молитвою и творчеством; она живёт незримо в каждом из нас, и каждый из нас то бережёт и творит её в себе, то пренебрегает ею и запускает её... Россия не только «там», где-то в бескрайних просторах и непроглядных лесах; и не только «там», в душах ныне поработанного, но в грядущем свободного русского народа; но ещё и «здесь», в нас самих, с нами всегда, в живом и таинственном единении. Россия всюду, где хоть одна человеческая душа любовью и верою исповедует свою русскость. И потому возрождение и перерождение её совершается в нас, в наших душах, в их горении, творческом напряжении и очищении. Очистившиеся души найдут новые молитвы; созревшие души породят новые дела. Новыми молитвами и новыми делами обновится Россия и её культура.

Мы призываем думать об этом и трудиться над этим день и ночь, – и там в России, в рабском стеснении городов, на ограбленных полях, в каторге ссыльного труда; и здесь за рубежом, сидя в бесправии и уничижении у негостеприимных очагов недопогибших народов. И прежде всего, и больше всего каждый из нас призван, не соблазняясь иностранными и инославными суждениями о нашей России и предоставляя упорствующим в слепоте стать жертвою их слепоты, – постигнуть Россию в её вечном, исторически духовном естестве, найти её в себе и найти в своей душе то место, от которого он мог бы ныне же заткать новую ткань своей жизни, как ткань Её жизни.

Видим Россию любовью и верою; делим её муку, и знаем, что придёт час её воскресения и возрождения. Но дня и часа не знаем, ибо они во власти Божией.

1. О России

Разве можно говорить о ней? Она – как живая тайна: ею можно жить, о ней можно вздыхать, ей можно молиться; и, не постигая её, блюсти её в себе; и благодарить Творца за это счастье; и молчать...

Но о дарах её; о том, что она дала нам, что открыла; о том, что делает нас русскими; о том, что есть душа нашей души; о своеобразии нашего духа и опыта; о том, что смутно чувствуют в нас и не осмысливают другие народы... об отражении

в нас нашей Родины – да будет сказано в благоговении и тишине.

* * *

Россия одарила нас бескрайними просторами, ширью уходящих равнин, вольно пронизываемых взором да ветром, зовущих в лёгкий, далёкий путь. И просторы эти раскрыли наши души и дали им ширину, вольность и лёгкость, каких нет у других народов. Русскому духу присуща духовная *свобода*, внутренняя ширь, осязание неизведанных, небывалых возможностей. Мы родимся в этой внутренней свободе, мы дышим ею, мы от природы несём её в себе. – и все её дары, и все её опасности: и дары её – способность из глубины творить, беззаветно любить и гореть в молитве; и опасности её – тягу к безвластью, беззаконию, произволу и замешательству... *Нет духовности без свободы*; – и вот, благодаря нашей свободе пути духа открыты для нас: и свои, самобытные; и чужие, проложенные другими. *Но нет духовной культуры без дисциплины*; – и вот, дисциплина есть наше великое задание, наше призвание и предназначение. Духовная свободность дана нам от природы; духовное оформление задано нам от Бога.

Разливается наша стихия, как весенняя полая вода, – ищет предела вне себя, ищет себе незатопимого берега. И в этом разливе наша душа требует закона, меры и формы; и когда находит, то вращается в эту форму свободно, вливается в неё целиком, блаженно вкушает её силу и являет миру невиданную красоту...

Что есть форма? Грань в пространстве; мера и ритм во времени; воля, закон и долг в жизни; обряд в религии. Всмотритесь в линии нашей иконы; в завершённые грани наших храмов, дворцов, усадеб и изб; почувствуйте живой, неистощимый ритм нашего стиха, нашей музыки, нашей свободно творимой пляски – всё это явления свободы, нашедшей свой закон, но не исчерпанной и не умерщвлённой им. Так в старину облик царя венчал собою свободное биение народной жизни, но не подавлял и не умерщвлял его; ибо народ свободно верил своему царю и любил его искренно, из глубины. Так православный обряд наш дышит успокоением и свободой в своей завершённости, цельности, и гармоничной, мерной истовости.

Не разрешена ещё проблема русского национального характера; ибо доселе он колеблется между слабохарактерностью и высшим героизмом. Столетиями строили его монастырь и армия, государственная служба и семья. И когда удавалось им их дело, то возникали дивные, вели-

чавые образы: русские подвижники, русские воины, русские бессребреники, претворявшие свой долг в живую преданность, а закон – в систему героических поступков; и в них *свобода и дисциплина* становились *живым единством*. А из этого рождалось ещё более высокое: священная традиция России – выступать в час опасности и беды добровольцем, отдающим своё достояние и жизнь за дело Божие, всенародное и отечественное... И в этом ныне – наша *белая идея*.

Наша родина дала нам духовную свободу; ею проникнуто всё наше лучшее, всё драгоценнейшее – и православная вера, и обращение к царю, и воинская доблесть, и наше до глубины искреннее, певучее искусство, и наша творческая наука, и весь наш душевный быт и духовный уклад. Изменить этой свободе – значило бы отречься от этого дивного дара и совершить предательство над собою. А о том, как понести бремя этого дара и отвратить опасности на нашем пути – об этом должны быть теперь все наши помыслы, к этому должны быть направлены все наши усилия. Ибо, если дисциплина без свободы мертва и унизительна, то свобода без дисциплины есть соблазн и разрушение.

* * *

Россия одарила нас огромными природными *богатствами*, и внешними, и внутренними; они неисчерпаемы. Правда, они далеко не всегда даны нам в готовом виде: многое таится под спудом; многое надо добывать из-под этого спуда. Но знаем мы все, слишком хорошо знаем, что глубины наши, – и внешние, и внутренние, – обильны и щедрны. Мы родимся в этой уверенности, мы дышим ею, мы так и живём с этим чувством, что «и нас-то много, и у нас всего много», что «на всех хватит, да ещё и останется»; и часто не замечаем ни благостности этого ощущения, ни сопряжённых с ним опасностей...

От этого чувства в нас разлита некая душевная доброта, некое органическое ласковое добродушие, спокойствие, открытость души, общительность. Русская душа легка, текуча и певуча, щедра и нищелюбива, – «всем хватит и ещё Господь пошлёт»... Вот они – наши монастырские трапезы, где каждый приходит, пьёт и ест, и славит Бога. Вот оно наше широкое гостеприимство. Вот и эта дивная молитва при посеве, в которой сеятель молится за своего будущего вора: «Боже! Устрой и умножь, и возрасти на всякую долю человека голодного и сирого, хотящего, просящего, и произволяющего, благословляющего и неблагодарного»... И если в простых сердцах так обстоит, то что же думать о сердце царя, где «всей Руси было место» и где

был источник любви, справедливости и милости для всех «сирот» без изъятия?...

Да, благодушен, лёгок и даровит русский человек: из ничего создаст чудесное; грубым топором – тонкий узор избяного украшения; из одной струны извлечёт и грусть, и удаль. И не он сделает; а как-то «само выйдет», неожиданно и без напряжения; а потом вдруг бросится и забудется. Не ценит русский человек своего дара; не умеет извлекать его из-под спуда, беспечное дитя вдохновения; не понимает, что талант без труда – соблазн и опасность. Проживает свои дары, проматывает своё достояние, пропивает добро, катится вниз по линии наименьшего сопротивления. Ищет лёгкости и не любит напряжения: развлечётся и забудет; выпашет землю и бросит; чтобы срубить одно дерево, погубит пять. И земля у него «Божия», и лес у него «Божий»; а «Божье» – значит «ничё»; и потому чужое ему не запрещено. Не справляется он хозяйственно с бременем природной щедрости. И как нам быть в будущем с этим соблазном бесхозяйственности, беспечности и лени – об этом должны быть теперь все наши помыслы...

* * *

Россия поставила нас лицом к лицу с природой, суровой и захватывающей, с глубокой зимой и раскалённым летом, с безнадежной осенью и бурною, страстной весной. Она погрузила нас в эти колебания, срасторила с ними, заставила нас жить их властью и глубиной. Она дала нам почувствовать разлив вод, безудерж ледоходов, бездонность омутов, зной засухи, бурелом ветра, хаос метелей и смертные игры мороза. И души наши глубоки и буреломны, разливы и бездонны, и научились во всём идти до конца и не бояться смерти.

Нам стал, по слову Тютчева, «родим древний хаос»; и «безглагольные речи» его стали доступны и понятны нашим сердцам. Нам открылся весь размах страстей и все крайности верха и низа, «самозабвенной мглы» и «бессмертного солнца ума» (Пушкин), сонной вялости и буйной одержимости, бесконечной преданности на смерть и неугасимой ненависти на всю жизнь. Мы коснулись, в лице наших Святых, высшей, ангельской праведности; и сами извели природу последних падений, безумства, злодейства и сатанинства. Из этих падений мы вынесли всю полноту покаяния и всю остроту совестных угрызений, сознание своего «ничтожества» и близость к смирению. Но тяжести смирения мы не вынесли и меры его не соблюли: мы впали в самоуничтожение и уныние; и решили, что «мы – перед

Западом – ничто». И не справившись с этим чрезмерным бременем самоглотания и самоуничтожения, вознаградили себя мечтанием о том, что «мы – народ богоносец», что мы «соль вселенной»... Мало того, мы не выдержали соблазна этой вседоступности, этой душевной раскачки и впали в духовное всесмещение: мы потеряли грани божественного и небожественного, неба и земли, добра и зла; мы попытались обожествить сладострастие и возвеличить грех; мы захотели воспеть преступление и прославить слепую одержимость; мы отвернулись от стыда, погасили разум, разлюбили трезвение, потеряли дорогу к духовной очевидности. И вот, перед революцией – хлыстовское начало захватило русскую интеллигенцию: возникло хлыстовское искусство, хлыстовская философия, хлыстовская политика, – политика вседоступности и вседозволенности... И воцарилась смута и всё пошло верхним концом вниз...

Но соблюдем же наши дары и одолеем наши соблазны. *Чувство беспредельности*, живой опыт ночной стихии, дар пророческой одержимости – дала нам наша родина. Отречься от этого дара – значило бы отречься и от неё и от себя. А о том, как понести и оформить этот дар, не падая и не роняя его, как очистить его от соблазнов, как освятить его молитвою и пронизать Божиим лучом, – об этом нам надо болеть и радеть неустанно... Ибо это есть путь к исцелению и расцвету всей русской культуры.

* * *

Всем тем Россия дала нам религиозно-живую, *религиозно-открытую душу*. Издревле и изначально русская душа открылась Божественному и восприняла Его луч; и сохранила отзывчивость и чуткость ко всему значительному и совершенному на земле.

«Нет на земле ничтожного мгновенья», сказал русский поэт; и к испытанию, к удостоверению этого нам даны живые пути. За обставившими нас «всегда безмолвными предметами» нам дано осязать незримое присутствие живой тайны; нам дано чутко веяние «нездешнего мира». И наши поэты, наши пророки удостоверили нам, что это духовное осязание нас не обманывает: орлим зраком видели они воочию эту «таинственную отчизну» и своё служение осмысливали сами, как *пророческое*.

Что есть жизнь человека без этой живой глубины, без этой «осиянности и согретости» внутренним светом? Это – земное без Божественного; внешнее без внутреннего; видимость без сущности; оболочка, лишённая главного; пустой

быт, бездыханный труп, поваленный гроб; суета, прах, *пошлость*...

Из глубины нашего Православия родился у нас этот верный опыт, эта уверенность, что *священное есть главное в жизни* и что без священного жизнь становится унижением и *пошлостью*; а Пушкин и Гоголь подарили нам это клеймящее и решающее слово, которого кажется совсем не ведают другие языки и народы...

Пусть не удаётся нам всегда и безошибочно отличить главное от неглавного и священное от несвященного; пусть низы нашего народа блуждают в предчувствующих суевериях, а верхи гоняются сослепу за пустыми и злыми химерами. Страдания, посланные нам историей, отрезвят, очистят и освободят нас... Но к самому естеству русской народной души принадлежит это *взыскание Града*. Она вечно прислушивается к поддонным колоколам Китежа; она всегда готова начать паломничество к далёкой и близкой святыне; она всегда ищет углубить и освятить свой быт; она всегда стремится религиозно приять и религиозно осмыслить мир... Православие научило нас освящать молитвою каждый миг земного труда и страдания: – и в рождении, и в смерти; и в молении о дожде, и в окроплении плодов; и в миг последнего, общего, молчаливого присеста перед отъездом; и в освящении ратного знамени, и в надписи на здании университета; и в короновании Царя, и в борьбе за единство и свободу отчизны. Оно научило нас желанию быть *святою Русью*...

И что останется от нас, если мы разведем и утратим нашу способность к религиозной очевидности, нашу волю к религиозному мироприятию, наше чувство непрестанного предстояния?

* * *

Созерцать научила нас Россия. В созерцании наша жизнь, наше искусство, наша вера...

У зрячего глаза прикованы к дали; у слепого очи уходят вглубь.

О, эти цветущие луга и бескрайние степи! О, эти облачные цепи и гряды, и грозы, и громы, и сверкания! О, эти тёмные рощи, эти дремучие боры, эти океаны лесов! Эти тихие озёра, эти властные реки, эти безмолвные заводы! Эти моря – то солнечные, то ледяные! Эти далёкие, обетованные, царственные горы! Эти северные сияния! Эти осенние хороводы и побеги звёзд! От вас прозрели наши вещие художники. От вас наше видение, наша мечтательность, наша песня, наша созерцающая «лень»...

Красота учит созерцать и видеть. И тот, кто увидел красоту, тот становится её пленником и её творцом. Он мечтает о ней, пока не создаст

её; а создав её, он возвращается к ней мечтой за вдохновением. Он вносит её *во всё*: и в молитву, и в стены Кремля, и в кустарную ткань, и в кружево, и в дела, и в поделки. От неё души становятся тоньше и нежнее, глубже и певучее; от неё души научаются видеть себя, своё внутреннее и сокровенное. И страна даёт миру духовных ясновидцев.

Можно ли верить, не видя? Можно ли верить от воли и мысли? Может ли рассуждение ума или усилие воли заменить в религии видение сердца? Если это возможно, то это вера не наша; это вера чужая, западная, мёртвая. Православная Россия верит иначе, глубже, искреннее, пламеннее. В её вере есть место и воле; но воля не вынуждает из души веру, а сама рождается от веры, рождается огненная, непреклонная, неистощимая. Есть место и разуму; но разум не родит веру и не обессиливает её ни рефлексией, ни логикой, ни сомнением; он сам насыщается верою и мудреет от неё. Вера же рождается от того, что человек *созерцает Бога любовью*... И да хранят русские души эту веру и её источники до конца; да не соблазняются чужими неудачами и блужданиями...

Но ведь от чрезмерной созерцательности души становятся мечтательными, ленивыми, безвольными, нетрудолюбивыми... Откроем же себе глаза и на эту опасность; и будем неустанно ковать силу, верность и цельность нашего русского характера.

* * *

Россия дала нам богатую, тонкую, подвижную и страстную *жизнь чувства*.

Что есть душа без чувства? – Камень. – Но разве на одном чувстве можно строить характер народа?...

Носясь без руля и без ветрил, по воле «чувств», наша жизнь принимает обличие каприза, самодурства, обидчивости, подполья, неуравновешенности и ожесточённости. Но сочетаясь с природной доброю и с мечтою о беспредельности, она создаёт чудные образы добродетели, гражданской доблести и героизма.

Вот она – эта удоборастворимость русской души: способность умилиться без сентиментальности; простить от всей души; закончить грешную разбойную жизнь подвижничеством. Вот она – русская воля к совершенству: способность к монашескому целомудрию, содержимому втайне; поиски отречения и тишины; простота и естественность в геройстве; верность и стойкость перед лицом мучений и смерти; предсмертная схима русских царей... Вот оно – русское мечтание о *полноте и всецелости*: это всенародное христосование на Пасху; это собиранье всех

людей, всех сословий и всех земель русских под единую руку; эта кафоличность веры; эти юношеские грёзы о безусловной справедливости; эти наивные мечты о преждевременном и непосильном братстве всех народов... Вот она – эта склонность русского народа возвращать те общественные формы, которые покоятся на братстве или зиждутся *жертвою и любовью*: приход, артель, землячество; монастыри; человеколюбивые учреждения, рождающиеся из жертвы; монархический уклад, немыслимый без жертвенной любви к родине и к царю...

И в ряду этих нравственных образов, красуется своею мудростью *древнее* русское соединение и разделение церкви и государства. Церковь учит, ведёт, наставляет, советует и помогает: укрепляет, благословляет и очищает, но не посягает, не властвует, не повелевает и не порабощает. Она *блюдёт свободу* – пасомого и пасущего; и потому не заискивает, не покоряется, не раболепствует и не угодничает; она – *власть*, но не от мира сего; она духовник и ангел хранитель. А государство – бережёт, обороняет, покоит церковь и предоставляет ей всё необходимое; проверяет себя голосом церкви, ищет совета, духовного умудрения и совестной чистоты. Но и оно не посягает на церковь, не возглавляет её, не предписывает церкви её духовного закона и строя. Власть чтит свободу церкви, но не возлагает на неё своего бремени, не искушает её своими дарами и соблазнами, и сама творит дело своей земной заботы; но творит его религиозно-осмысленно и ответственно.

Есть чему поучиться Западу у русского Востока. Есть непреходящая мудрость и доблесть в нашей истории...

И пусть не говорят, что «русская культура началась всего лишь один век тому назад», что русский народ малограмотен, что он и думать-то как следует не научился... Духовная культура совсем не исчерпывается культурою рассудочной; напротив, от плоского и самоуверенного рассудка истинная культура разлагается и гибнет. Но есть ещё *культура сердца, совести и чувства*, есть культура созерцания, видения; есть культура служения, самоотречения и жертвенности; есть культура веры и молитвы; есть культура храбрости и подвижничества. Этой-то культурой строилась и держалась Россия. И когда она, позже других народов, приступила к разумному и научному оформлению своих, накопленных в духе, богатств, – то *ей было откуда черпать* свой содержания; и самобытность её созданий прославилась по всему миру. наших кладезей и рудников, наших подземных озёр и горных жил – ни-

кто и никогда не сможет отнять у нас. И заменить их было бы нечем: ибо их не даст никакой рассудок и их не заменит никакой «ум». Мало того: без них самый ум есть глупость; без них рассудок уводит науку в несущественность и мертвенное крючкотворство; без них философия становится праздною и кошунственной игрою ума.

Пусть же неосведомлённые и духовно слепые люди, выше всего ставящие умственную полуобразованность массы, говорят о мнимой «некультурности» России. На самом деле Россия есть страна древней и самобытной духовной культуры; и не западным учёным позволительно судить о ней понаслышке. И пусть в научной культуре Россия страна молодая, ведь её старейшему университету только что минуло 175 лет... Что ж, тем богаче и плодотворнее будет её будущее... И это будущее да будет органически и целостно связано с её сокровенным духовным богатством!...

Но ведь чувствительность и фантазёрство в политике бываюи беспочвенны, безвольны, и гибельны; а нравственный идеализм может выродиться в сентиментальность, в пустое, рудинское прекраснословие, в моральную заносчивость... Запомним же это! Не забудем этой опасности! Но не отречёмся же из-за неё от наших сокровищ и не будем искать спасения в механической пустоте и «американизме»...

* * *

И ещё один дар дала нам наша Россия: это наш дивный, наш могучий, наш поющий *язык*.

В нём вся она, – наша Россия. В нём все дары её: и ширь неограниченных возможностей; и богатство звуков, и слов, и форм; и стихийность, и нежность; и простота, и размах, и парение; и мечтательность, и сила; и ясность, и красота. Всё доступно нашему языку. Он сам покорен всему мировому и надмирному, и потому властен всё выразить, изобразить и передать.

В нём гудение далёких колоколов и серебро ближних колокольчиков. В нём ласковые шорохи и хрусты. В нём травяные шелесты и вздохи. В нём клёкот, и грай, и свист, и щебет птичий. В нём грома небесные и рыки звериные; и вихри зыбкие и плески чуть слышные. В нём вся поющая *русская душа*: эхо мира, и стон человеческий, и зеркало божественных видений...

Пока звучит он, в своей неопикуемой музыкальности, в своей открытой чёткой, честной простоте, в своей скромности, в коей затаилась великая власть, в своём целомудрии, в своей кованности и ритмической гибкости, – кажется, что это звучат сами именуемые предметы, знаменуя о самих себе и о том большем, что скрыто

за ними. А когда смолкают его звуки, столь властные и столь нежные, то водворяется молчание, насыщенное высказанными несказанностями...

Это язык острой, режущей мысли. Язык трепетного, рождающегося предчувствия. Язык волевых решений и свершений. Язык парения и пророчеств. Язык неуловимых прозрачностей и вечных глаголов.

Это язык зрелого самобытного национально-го характера. И русский народ, создавший этот язык, сам призван достигнуть душевно и духовно той высоты, на которую зовёт его – его язык...

Горе нам, что не умели мы беречь наш язык и бережно растить его, – в его звучании, в его закономерной свободе, в его ритме, и в ризах его органически выросшего правописания. Не любить его, не блюсти его, – значит не любить и не блюсти нашу Родину.

2. О путях России

Неисповедимы Божии пути. Сокрыты от нас Его предназначения, и знамения Его скудно постигаются нашим детским разумом. Лишь края риз Его касаемся мы в наших постижениях; и лишь в священном тумане виднеются нам судьбы нашей земли...

Есть ли русская душа, которая не вострепетала бы и не смутилась в наши годы и не подумала бы с укором о своём народе и с малодушием о судьбах и путях нашей России?... О, эти годы, годы распада, бессилия и стона... Годы соблазна и стыда... восстания и отрезвляющей расплаты... И героического умирания лучших сынов... Нам ли не смутиться? Нам ли не пасть духом? И когда же конец испытанию? И куда ведёшь Ты нас, Ангел Божий?

* * *

Судьбы народа сокрыты в его истории. Она таит в себе не только его прошлое, но и его будущее; она являет собою его духовное естество: и его силу, и его дар; и его задание, и его призвание. История народа есть молчаливый глагол его духа; таинственная запись его судеб; пророческое знамение грядущего.

Эта запись о России дана всякой смущённой и вопрошающей русской душе, – пусть приникает и читает; и, читая, пусть понимает и укрепляется, а укрепившись, пусть не малодушествует и не ропщет.

Пусть не думает, что мы «слабее или хуже всех народов»; пусть не судит легкомысленно или предательски о славянском племени; пусть не корит

А что есть человек без Родины?

Чем были бы мы, если бы кому-нибудь удалось оторвать нас от нашей России?

Пусть же другие народы поймут и запомнят, что им только тогда удастся увидеть и постигнуть Россию, когда они познают и почуют нашу речь. А до тех пор Россия будет им непонятна и недоступна; до тех пор они не найдут к ней ни духовного, ни политического пути.

Пусть мир познает наш язык и через него впервые коснётся нашей Родины. Ибо тогда, и только тогда он услышит не о Ней, а Её.

А о Ней – говорить нельзя. Она как живая тайна: Ею можно жить, о Ней можно вздыхать. Ей можно молиться; и, не постигая Её, блюсти Её в себе; и благодарить Творца за это счастье; и молчать.

наших предков; пусть не тоскует и не трепещет за судьбы наших внуков. Но пусть в молитвенной уверенности борется за Россию и ожидает грядущих событий и свершений.

* * *

Ни один народ в мире не имел такого бремени и такого задания, как русский народ. И ни один народ не вынес из таких испытаний и из таких мук – *такой силы, такой самобытности, такой духовной глубины.* Тяжек наш крест. Не из одних ли страданий соткалась ткань нашей истории? И, если мы, подчас изнемогая, падаем под бременем нашего креста, то роптать ли нам и хулить ли себя в час упадка, или молиться, крепиться и собирать новые силы?...

Первое наше бремя есть *бремя земли* – необъятного, непокорного, разбегающегося пространства: шестая часть суши, в едином великом куске; три с половиною Китая; сорок четыре германских империй. Не мы «взяли» это пространство: равнинное, открытое, беззащитное – оно само навязалось нам; оно заставило нас овладеть им, из века в век насылая на нас вторгающиеся отовсюду орды кочевников и армии оседлых соседей. Россия имела только два пути: или стереться и не быть, или замирить свои необозримые окраины оружием и государственною властью... Россия подняла это бремя и понесла его и осуществила единственное в мире явление.

Второе наше бремя есть *бремя природы*. Этот океан суши, оторванный от вольного моря, которое зовёт и манит (вспомним былинку о Садко),

но само не даётся и нам ничего не дарит... Эта гладь повсюдная, безгорная; и лишь на краю света маячат Карпаты и Кавказ, Урал и Саяны, не ограждая нас ни от бури, ни от врага... Эта почва, – скудная там, где леса дают оборону и благодатная там, где голая степь открыта для набега... Эти богатства, сокрытые в глубине и не дающиеся человеку до тех пор, пока он не создаст замирение и безопасность... Эти губительные засухи, эти ранние заморозки, эти бесконечные болота на севере, эти безлесные степи и сыпучие пески на юге: царство ледяного ветра и палящего зноя... Но Россия не имела выбора: славянские племена пришли, говорят, позднее других через ворота Азии и должны были вернуться с Карпатских гор на Русскую равнину. И это бремя было принято нами, и суровая природа стала нашей судьбою, единственной и неповторимой в истории.

И третье наше бремя есть бремя *народности*. Сто семьдесят миллионов людей, то сосредоточенных, то рассеянных в степях, то затерянных в лесах и болотах; до ста восьмидесяти различных племён и наречий; и до самого двадцатого века – целая треть не славян и около одной шестой нехристианских исповеданий. Мы должны были принять и это бремя: не искоренить, не подавить, не поработить чужую кровь, не задушить иноплеменную и инославную жизнь, а дать всем жизнь, дыхание и великую родину. Найти ту духовную глубину, и ширину, и гибкость творческого акта, в лоне которых каждое включаемое племя нашло бы себе место и свободу посылить цвести, – одни доцветая, другие расцветая. Надо было создать духовную, культурную и правовую родину для всего этого разноголосого человеческого моря; всех соблюсти, всех примирить, всем дать молиться по-своему, трудиться по-своему, и лучших отовсюду вовлечь в государственное и культурное строительство. Но для этого мы должны были – прежде всего – сами расти, молиться, творить и петь. И вот Россия подъяла и бремя своих народностей, подъяла и понесла его; – единственное в мире явление...

Нам дано было огромное обилие пространств и племён, несвязанных, несопринадлежащих, тянущих врозь, посягающих и распадающихся; и трудные, суровые условия жизни и борьбы. Мы должны были создать в этих условиях, из этого обилия, в три-четыре века единое великое государство и единую *великую* духовную культуру. Наш путь вёл из непрестанной нужды, через непрерывные, великие опасности, к духовному и государственному величию; и не было отсрочки; и не могло быть ни отпуска, ни отдыха. Вспомним: Соловьёв насчитывает с 1240 г.

по 1462 г. (за 222 года) – двести войн и нашествий. С четырнадцатого века по двадцатый (за 525 лет) Сухотин насчитывает 329 лет войны. Россия провела *две трети* своей жизни. Одно татарское иго длилось 250 лет, а в последний раз Москва была обложена татарами в самом конце шестнадцатого столетия.

Из века в век наша забота была не о том, как *лучше устроиться* или как *легче прожить*, но лишь о том, чтобы вообще как-нибудь прожить, продержаться, выйти из очередной беды, одолеть очередную опасность: не как справедливость и счастье добыть, а как врага или несчастье избыть; и ещё: как бы в погоне за «облегчением» и «счастьем» не развязать всеобщую губительную смуту...

Народы не выбирают себе своих жребиев; каждый приемлет своё бремя и своё задание свыше. Так получили и мы, русские, наше бремя и наше задание. И это бремя превратило всю нашу историю в *живую трагедию жертвы*; и вся жизнь нашего народа стала *самоотверженным служением*, непрерывным и часто непосильным... И как часто другие народы спасались нашими жертвами, и безмолвно, и безвозвратно принимали наше великое служение... с тем, чтобы потом горделиво говорить о нас, как о «некультурном народе» или «низшей расе»...

* * *

История России есть история муки и борьбы: от печенегов и хазар до великой войны двадцатого века. Отовсюду доступные, ни откуда не защищённые – мы веками оставались приманкой для оседлого запада и вожденной добычей для кочевого востока и юга. Нам как будто на роду было написано – всю жизнь ждать к себе лихих гостей, всю жизнь видеть разгром, горе и разочарование, созидать и лишаться, строить и разоряться, творить в неуверенности, жить в вечной опасности, расти в страданиях и зреть в беде. Века тревоги, века бранного напряжения, века неудачи, ухода, собиранья сил, и нового, непрекращающегося ратного напряжения – вот наша история. Погибла в разорении, едва расцветши, дивная киевская Русь – и уже ушла Россия на север, уже строит Суздаль Москву. Но не сложилась ещё северная земля в своей чудной лесной строгости и созерцательной простоте, а уже огонь и меч татарины испепелили Россию... Мало было уйти в *леса*, надо было ещё уйти в *себя*, – в глушь сосредоточенного, скорбного молчания, в глубь молитвы, в немое, осторожное собиранье перегорающей и выжидающей силы. Триста пятьдесят лет колобродили монголы на Руси; жгли и грабили;

возвращались, свергнутые; и вламывались, изгнанные. Но не одолели Руси; сами изжились и выродились, иссякли и захирели, но не истощили утробу нашего духа.

Триста пятьдесят лет учились мы в горе и унижении. И научились. Чему?

Мы научились *хоронить нашу национальную святыню в недостижимости*. Мы постигли тайну уходящего Китежа, столь недоступного врагу и столь близкого нам, неразрушимого и всеосвящающего, мы научились внимать его сверхчувственному, сокровенному благовесту, в дремучей душевной чаще нашли мы таинственное духовное озеро, вечно ограждённое, навеки неиссякающее, – *боговидческое око русской земли, око откровения*. И от него мы получили наше умудрение, и от него мы повели наше собирание сил и нашу борьбу – наше национальное Воскресение... И от него мы поведём и впредь наше освобождение и национальное восстановление, – всё равно, какие бы хищники ни завладели бы временно нашей Россией и какие народы не вторглись бы ещё в наши пространства...

Вот откуда наша русская способность – *незримо возрождаться в зримом умирании, да славится в нас Воскресение Христово!*

Вот откуда наше русское умение – таить в глубине неиссякаемые, неисчерпаемые духовные силы, силы поддонного Кремля, укрытого и укрывающего «я». Вот откуда наше русское искусство – *побеждать отступая*, не гибнуть в огне земных пожаров и не распадаться в вещественной разрухе, всё равно, горит ли Москва от Девлет-Гирея, или от двенадцати языков; пан ли Жолкевский засел под Иваном Великим, или Бонапарт взрывает Кремль, покидая его, или же коммунистические святотатцы вьют своё поганое гнездо над Царь-Пушкой...

Мукою четырнадцати поколений научились мы духовно отстаиваться в беде и в смуте, в распадении не теряться, в страдании трезветь и молиться, в несчастии собирать силы, умудряться неудачею и творчески расти после *поражения*, жить в крайней скудости, незримо богатея духом, не иссякать в истощении, не опустошаться в запустении, но возрождаться из пепла и на костях, всё вновь начинать «ни с чего», из ничего создавать значительное, прекрасное, великое... и быстро доводить возрождённую жизнь до расцвета...

Читайте же, малoverные, скрижали нашего прошлого; читайте и умудряйтесь; но стойте и боритесь до конца; и не роштите в ожидании грядущего. Не меняет народ в пятнадцать лет смуты своего тысячелетнего уклада. Не избыть, не исчерпать коммунистам русской силы.

* * *

Изжились и расступились монгольские племена; и открыли нам пути на восток и на юг. Но не пришло успокоение на Русь: север и запад потянулись в наши просторы; и этой тяге, этому спору и отпору ещё и поныне не сказано последнее слово. История России есть *история её самообороны*: потому она и провоевала две трети своей жизни. Русский народ не жесток и не воинственен, – нет, он от природы благодушен, гостеприимен и созерцателен, но русские поля искони были со всех сторон открыты, и все народы рады были травить их безнаказанно. Издревле русский пахарь погибал без меча, а русский воин кормился сохой и косою. Воевала Русь и один на один; воевала и против двух врагов, и против пяти, и против девяти, и против двенадцати. История наша есть история осаждённой крепости; история сполоха, приступа, отражения и крови.

Так возник и быллой сословно-крепостной уклад: все были нужны России – и воины, и плательщики, и хозяева, и чиновники; каждый на своём месте, каждый во всей своей силе, каждый до последнего вздоха. И было время, когда великий русский царь, закрепостив всю страну сверху донизу, – сам весь огонь вдохновения, весь служение, жертва и труд, – не пожалел и сына своего, закрепостив и его, в самой смерти его, грядущему величию родины.

И доньше изумляются наши историки, как мог русский народ нести такие жертвы и вносить такие подати. И мог и нёс; и тем строил нашу великую Россию. И не было для него жертвы «чрезмерной», а для русского солдата *не было «невозможного»*. И все спасались духом жертвы, духом подвига, духом единения – внимая сокровенному благовесту поддонного Кремля. И только временами, изнемогая от бремени, падая духом, запутываясь в чаще страстей, терял русский народ пути к своему Китежу, изменял служению, впадал в смуту и воровство, и гиб от внутренних посяганий и раздоров. Судить ли изнемогших? Клеймить ли того, кто пал духом? Отвергать ли и обречь ли того, кто временно запутался в злых страстях?

Велик в своём служении и в жертвенности русский народ. Тих, и прост, и благодушен, и даровит в быту своём. Глубок, и самобытен, и окрылён в богосозерцании. Но страстна и широка его душа, и по-детски отзывчива на искушения и соблазны. И в детской беспечности своей забывает он перекреститься, доколе не грянет гром. Но грянул гром – и перекрестится; и сгинет нечистое наваждение...

И уже, смотрите, – в годину величайшей со-
блазненности и величайшего крушения – уже
началось и совершается *незримое возрождение*
в зримом умирании. Да славится в нас Воскресе-
ние Христово...

* * *

Судьбы народа сокрыты в его истории. И мы,
смущённые, мы, малодушные и маловерные, мы
должны научиться читать и разуместь молчали-
вые глаголы нашего прошлого; разуместь сокро-
венные судьбы и явные дары, и таинственное
призвание нашего народа, нашего русского ве-

3. Родина и гений

В чужой стране, далеко от родных пределов,
исстрадавшиеся и утомлённые, но не забывшие
и не разлюбившие, собираемся мы здесь, от-
торгнутые сыны, живые обломки нашей чудес-
ной и несчастной России. Собираемся для того,
чтобы сказать друг другу, что мы – по-прежнему
её верные сыны, что по-прежнему мы ею живём
и дышим, и что алтари её будут святы в наших
сердцах до последнего нашего земного вздоха...

Этот день Русской Культуры есть как бы день
нашей свободно и добровольно из глубины об-
новляемой присяги, не формальной, а таинствен-
но-духовной, – присяги на духовную верность
нашей Родине. Что бы ни случилось с нами, ка-
кие бы ещё испытания и страдания ни ожидали
нас впереди, – ей принадлежат и будут принадле-
жать наши помыслы, наши мечты, наши уси-
лия и труды, ей и её грядущему, невиданному ещё
расцвету.

Это верно так, как священны её святыни, как
велики её пророки и зиждители, как крылат её
дух и могуч её язык. Это верно так как *есть Бог*
и благодатны пути Его...

* * *

Легка и радостна нам эта духовная присяга,
ибо в ней выговаривается то, что для нас единст-
венно возможно. Ведь эту присягу выговарива-
ют не уста наши, и не рассудок, и не душевное на-
строение, нет, – её безмолвно произносит некое
последнее недра нашего человеческого естества,
над которым не властен человеческий произвол,
но в глубине которого уже решён навеки вопрос,
имеем ли мы Родину и где она.

Воистину не от человеческого произволения
зависит иметь Родину или не иметь её, оторвать-
ся от неё или переменить её. Одни хотели бы уйти

личия: уверенно разуместь и уверенно провидеть
грядущее всенародное воскресение России

Неисповедимы Божии пути. Сокрыты от нас
Его предназначения. И только края ризы Его ка-
саемся мы в наших постижениях.

Но в недрах нашего прошлого нам даны вели-
кие залогов и благодатные источники. И видя их,
приникая к ним и упоаясь ими, мы уже не сомне-
ваемся в тех путях, по которым ведёт нас АНГЕЛ
Божий, но в молитвенном напряжении уверенно
ожидаем грядущих событий и свершений... Ибо
с нами Господь нашего Китежа.

и не могут, другие хотели бы приобрести её и зна-
ют, что для этого сделать... Здесь могут не помочь
ни усилия сознания, ни решения воли, здесь мо-
жет обмануть и мечта, и всякая бескрылая те-
ория, и быт здесь не свяжет, ибо к быту можно
привыкнуть, и даже начало расы и крови не смо-
жет сказать здесь последнего, решающего слова.

Здесь – тайна, живая тайна неразрывной свя-
зи, и большинство людей стоит перед этой тай-
ной как бы в беспомощности и бессилии: одни,
счастливые, нашедшие свою Родину, сами не зная
как, богатые и сильные, с осмысленной и освя-
щённой жизнью, другие, несчастные, не нашед-
шие своей Родины и сами не знающие ни того,
как это случилось, что они её не нашли, ни того,
что им надо сделать, чтобы её обрести, – бедные,
слабые и безродные, с неосмысленной и неосвя-
щенной жизнью...

И вот нам, счастливым и богатым, подобает
здесь и сегодня, в День Русской Культуры, ска-
зать друг другу об этой тайне, и о том, как Родина
обретается, и о том, чем надлежит поддерживать
в сердцах её огонь.

Ибо легко и незаметно, так, как распускается
цветок, как плывут облака и как текут наши ве-
ликолепные, пышные реки, так рождается и слага-
ется чувство Родины, и любовь к ней, и власть её
над человеком – тогда, когда люди *живут в своей*
стране и среди своего народа, в потоке и в цвете-
нии его единой и общей жизни, и мы, прожившие
так большую часть нашей жизни, получившие,
напитавшиеся и обогатившиеся, – стали *русски-*
ми легко и незаметно, и утратить нам нашу *рус-*
скость невозможно.

Но не так обстоит с нашими детьми, или *без-*
временно оторванными от единой и общей рус-
ской стихии, от русского быта, царственно

насыщенного русским *бытием*, или же – *рождающимися на чужбине*. И у них *таинство России* не может свершиться в душе с тою незаметною лёгкостью расцветания, как это было у нас.

Живя в чужой стране, в иной природе, окружённые чуждым бытом и нерусскими народами, они не могут напитаться духом своей Родины, пребывая в состоянии бездеятельной восприимчивости. Нет, Родина может быть дана им и может быть взята ими только в процессе *творчества, делания*, в процессе пробуждения, укрепления и насыщения тех задатков, которые скрыты в глубине их душ... Не так, как вдыхают лесные ароматы, но так, как находят, расчищают и окапывают подземные ключи.

И если мы, живя в своей стране, среди родного народа, могли быть уверены, что Родина сама пропитает души наших детей и удержит их в своём щедром и властном лоне, и если мы поэтому, как неразумные богачи, не заботились о главном сокровище наших душ и нашей жизни, – то ныне это стало невозможным. Ныне мы призваны к тому, чтобы найти ключи *от тайны русского духа*. Мы должны найти *пути*, которые ведут к *русскости* души, мы должны соблюсти эти тропинки и дороги. Мы должны передать нашим детям живую уверенность в том, что эти тропинки и эти дороги действительно ведут к *великим свершениям* и чудесным, ещё невиданным возможностям, что быть *русским* – это *дар и счастье, призвание и обетования*, что в этом есть *Божия благодать*, зовущая к служению и подвигам. И затем мы должны указать нашему молодому поколению пути, ведущие к этому дару, и трудные задания, ожидающие его на этом пути, – вот так, как мудрая старушка снаряжала в путь Ивана-Царевича...

Но, чтобы передать эту мудрость нашим царевичам, нам надо самим сначала умудриться. Надо самим иметь и уметь. Надо знать, в *чём состоит русскость русского* и как приобретается она... – та особенная своеобразность нашей Родины и её народа, её души и её культуры, которую из других народов не любит и не чтит только тот, кто её не изведаль, не испытал.

И если мы доселе не знаем этого и не умеем этого, то вот наше очередное и величайшее задание: познать, чтобы передать, и уметь, чтобы научить, – чтобы показать это и рассказать об этом и нашим детям, и другим народам, среди которых мы влачим неволю нашего рассеяния.

* * *

Не пытайтесь свести Родину к телесному, к земле и природе... Посмотрите: силою судеб мы ото-

рваны ото всего этого, а она незримо присутствует в нас. Она не покинула нас и мы не оторвались от неё, а внешняя разлука состоялась уже давно.

Ищите лучше русскость русского духа прежде всего в *душевном укладе человека*, и ещё в тех *содержаниях*, которые были созданы этим душевным укладом, а потом уже – в той природе, которая взлелеяла этот душевный уклад, и во всём том телесном и вещественном, что укрыло его в себе и явило его через себя.

Но не останавливайтесь на этом: ищите русскость русского в тех душевных состояниях, которые обращают человека к *Богу в небесах* и ко *всему божественному на земле*, т.е. в *духовности* человека. Вот подлинное жилище Родины, вот подлинное её обнаружение, когда душа человека, «томимая духовной жаждою», отвертывается от «случайных и напрасных даров» земной жизни и, испытывая жизнь без Бога, как «мрачную пустыню», обращается из глубины своей к благодатным предметам.

Пусть скудны и слабы её силы, пусть не даёт ей более, чем осязание краешка ризы Божией... Но именно в эти минуты свои, в этих состояниях своих, она – вся жизнь, вся трепещет сверху до низу: в ней оживают её *главные дары*, в ней напрягаются её *главные силы* и она переживает час своего *духовного плодоношения*.

В эти минуты, знает человек это или не знает, хочет он этого или не хочет (и иногда может быть лучше, если не знает, если не старается и не уныничает) – в эти миг и часы в бессознательной глубине его души, томившейся и рвавшейся, и вот, подобно ангелу, воспевшей песнь своего полёта, пробуждаются *исконные, родовые, народные* силы души и содержание духа. И тогда человек любит именно так, как любит его народ в своеобразии своём, тогда он молится его молитвою, тоскует и поёт так, как тоскует и поёт его народ, «народно» творит, национально веселится и пляшет, – чудесно вдохновлённый, являет и *осуществляет свою Родину*.

* * *

Душа не священна сама по себе, она священна *духом* и своею *одухотворённостью*.

И быт не свят сам по себе, он освящается *бытием* – личным и народным.

Но то, что освящено духом и бытием, то становится *его* сосудом или его ризою. И то, во что излился дух, – и человек, и картина, и напев, и храм, и крепостная стена, – становится священным и дорогим, как открывшийся мне и нам, нашему народу и нашей стране *лик самого Божества*.

И вот, Родина есть выстраданные нами и отквившиеся нам *лики Божи*: в молитвах, иконах и храмах, в песнях, поэмах и трагедиях, в созданиях искусства и в подвигах наших святых и героев. И ещё. Родина – это тот национальный *строй и уклад души*, который выстрадался и выносился нашим народом в его бытии и в его быту, и который незаметно, но неизменно владеет и моею душою, её дыханием, и вздохом, и стоном, и жестом, и языком, и пляскою. И ещё, Родина – это те люди, те вдохновлённые *боговидцы* и осенённые *пророки*, которые пребывая в этом духе, осуществляя и закрепляя его, увидели и создали для нас узренные ими лики Божи.

Родина есть *нечто от духа и для духа*. И тот кто не живёт духом, тот не будет иметь Родины, и она останется для него тёмною загадкою и странною ненужностью. На *безродность* обречён тот, у кого душа закрыта для Божественного, глуха и слепа для него. И если религия, прежде всего, призвана раскрыть души для божественного, то *интернационализм* безродных душ коренится, прежде всего, в *религиозном кризисе нашего времени*.

Но именно поэтому *творцы духа суть живые очаги Родины*. Назови мне, кто те пророки, гении и герои, перед которыми ты в любви преклоняешься, и я скажу тебе, какого ты духа и где твоя Родина...

Ибо ты любишь их и преклоняешься перед ними потому, что они облегчили тебе бремя твоей жизни, показали тебе путь к устройению твоей души, дали тебе утешение, дали тебе радость быть сильным, через них ты утвердил себя, свою личность, свой дух и свой характер, и поэтому, знаешь ты о том или не знаешь, – они твои пастыри, учителя и вожди, создавшие твою Родину и указавшие её тебе.

Свершив своё жизненное дело и покидая землю, гений оставляет нам в назидание и облегчение – ризу своего душевного уклада и своего духовного акта. И народы искони понимали это, связывая своё бытие и своё национальное и государственное самоутверждение – с культом своих великих предков, героев и святых.

Дело пророка и гения состоит в том, что он, пребывая во внешней и внутренней стихии своего народа, приемля все его бремена и слабости, его страдания и беды, ставит себя, и в своём лице свой народ *перед лицом Божи* и выговаривает от всего своего народа *символ национального Боговосприятия*. Этим он указывает своему народу верный путь к духу и духовности, и сам остаётся тем духовным очагом, около которого размножается среди целых поколений огонь духовного

горения, размножается, не умаляясь, не убывая, и сам остаётся тем духовным алтарём, вокруг которого собираются и из века в век будут собираться сыны его Родины, утверждая в нём и через него, через его творчество и через его создания – *своё единство с ним* и своё единение с *Родиной*.

Вот почему правы мудрецы, утверждавшие, что народ и его герои – суть одно.

Да, пророки и гении зиждут Родину...

И тот, кто ищет путей к России, тот пусть идёт к её гениям и пророкам. Ибо они подняли на свои плечи наши бремена и наши слабости, наши страдания и беды, и приняли дары нашей природы и нашего духа, и поставив нас во всей этой данности перед лицом Божи, – открыли наши очи, и отверзли наш слух, и дали нам мощный язык, и закалили наши сердца, и выговорили за нас и от нас символ нашего национального Боговосприятия. Они показали нам и то, чем мы *призваны* быть, и то, к чему мы *способны*, и то, *как нам восходить* на эту высокую и трудную гору. Это наши живые алтари, наши очаги, наши ангелы-хранители.

Не к ним ли, не к ним ли идти в минуту горя, в час крушения, в тот час, когда нам покажется, что наша жизнь «осуждена на казнь тайною судьбою»?

Не к ним ли вести наших детей, чтобы они дали им в порядке *чистой духовности* то, от чего тайная судьба отторгла их *по пространству и по быту*?

* * *

Да, конечно, к ним.

Тот, кто нашёл свою Родину, тот знает её гениев и пророков и испытывает их, как своих учителей, вождей и ангелов-хранителей. И тот, кто ищет путей к своей Родине для того, чтобы открыть их детям, – пусть ведёт их к гениям, пророкам и вождям своей Родины.

И не естественно ли, не верно ли поступили мы, что связали День Русской Культуры, справляемый нами на чужбине, с именем нашего великого и чудесного Пушкина?

* * *

Единственный по глубине, и ширине, и силе, по царственной свободе духа и по завершённой необходимости формы, Пушкин, этот «таинственный певец», дан нам был для того, чтобы создать *солнечный центр нашей истории*, чтобы сосредоточить в себе всё необъятное богатство русского духа и всю его вселенскую ширину, и вернуть всё это в глаголах бессмертной красоты...

Он дан был нам, как залог, как обетование, как благодатное удостоверение того, что и на нашу ширь и на нашу страсть, и на наш беспредельный размах – *есть, и может быть, и будет найдена и создана* такая совершенная, такая завершённая форма, о которой мечтали и всегда будут мечтать для себя все народы...

Его дух, как некий грандиозный водоём, собрал в себе все живые струи, все подпочвенные воды русской истории и русского духа. И пока стоит Россия, до тех пор к целебным водам этой вдохновенно возмущённой купели будут собираться все её народы –

и гордый внук славян,
и финн, и ныне дикий
тунгус, и друг степей калмык...

– все с одной жаждою, все с одной надеждою: упиться божественной гармонией, в которой восславлен Господь из глубины и шири нашего безмерного простора, наших непокорных страстей...

Здесь всё наше бремя, и все страдания и трудности нашего прошлого, и все страсти наши – всё принято, всё умудрено, всё очищено, всё просветлено и прощено в глаголах законченной солнечной мудрости. Всё смутное стало очевидным, все страдания преобразились в радость бытия. Оформились, не умаляясь, наши просторы, и дивными цветами зацвели горизонты нашего духа. Всё нашло себе лёгкие законы неощутимо-лёгкой меры, и самое безумие явилось нам в образе вдохновенного прозрения и вещания. Взоры русской души обратились не к больным и бесплодным запутанностям, чреватых соблазнами и гибелью, а в кристальные глубины солнечных пространств. И дивное глубокомыслие и глубоководное сочетание с радостью поющей и играющей формы...

Впервые раздался и был пропет Богу и миру от лица России гимн приятия и утверждения, гимн радости сквозь все страдания, гимн очевидности сквозь все пугающие мороки земли...

Впервые от лица России и к России была сказана эта чистая и могучая *осанна* – осанна глубокого, русским Православием вскормленного мироприятия и Бого-благословения, осанна пророка и поэта, мудреца и ребёнка, о которой мечтали Гераклит, Шиллер и Достоевский...

И если какой-нибудь народ, одарённый и великий, измученный в непомерных напряжениях и страданиях своей истории, имел нужду и право на этот пророческий гимн, на эту радостную осанну, – то это был *наш* народ, это были мы, *русские*...

И могло ли это не состояться, что этот радостный и чудный утешитель, этот совершитель нашего духовного акта, этот основоположник русского национального характера, этот завершитель нашего национального естества, – стал *солнечным центром нашей истории?*

Пушкин, наш шестикрылый серафим, отверзший наши зеницы и давший нам внять горнее и подводное естество мира, вложивший нам в уста «жало мудрой змеи» и завещавший нам превратить наше трепетное и неуравновешенное сердце в огненный уголь, он дал нам залог и явь нашего национального величия, он раскрыл нам *блаженство и власть, и спасительность завершённой формы*... И он же дал нам ещё один великий и последний дар: он дал нам возможность, и основание, и право благословлять нашу Родину всегда и во всём, любить её, гордиться ею и прозревать её великое будущее, – нерушимо верить в неё и в её грядущий расцвет, чтобы ни принесла нам её история, какие бы ещё лишения и страдания ни выпали на долю русских поколений...

И в годы разложения и стыда, унижения и смуты, воочию созерцая «бессмысленный и беспощадный русский бунт», – сколько раз, там, в глубине России, в опасностях и тюрьмах, сколько раз спрашивали мы себя: «неужто конец? неужто мы погибли? неужто кончено с нашей замученной, с нашей изумительной Россией?...»

И каждый раз два луча утешали и укрепляли душу в её утомлении и сомнении: *религиозная чистота и мудрость русского Православия и пророческая богоозаренность нашего дивного Пушкина*...

* * *

Скажем же всем народам, у очага которых мы сидим, как временные странники: «Хотите видеть и испытать Россию, – тогда идите к её пророкам и гениям, и научитесь внимать им на их языке. Не думайте судить о России, не озарив свою душу подлинным звуком реченных Пушкиным глаголов. Научитесь петь и молиться с ним. Научитесь радоваться и принимать мир из цельности и глубины его осанны. Научитесь отводить ему его место в мировом пантеоне гениев, и поймите, что он был тем, чем хотели быть многие и многие из ваших гениев...»

А детей наших поведём и приведём к нашим алтарям, к нашим пророкам и нашим гениям. А из гениев – прежде всего и навсегда – к Пушкину...

Ибо здесь они найдут солнечное средоточие нашей истории.

Здесь они найдут свою Родину.

* О России. Три речи.

По изданию: И. А. Ильин. «О России. Три речи. 1926-1933». София, изд. «За Россию», 1934

На два пальца

Встретил знакомого полицейского сержанта, выбежавшего в магазин купить хлеба, и спустился с ним в подвал, где он служит. Подвал круглый и гулкий, как огромная бочка, и запах в нём тоже точно из бочки – винной. Словом, попал в медицинский вытрезвитель. Сержант справляет здесь службу полтора десятка лет без перерывов, не пьёт совершенно, но у него больные почки, печень, и глаза в красных прожилках, как не у опохмелившегося.

– Болячки мои от алкоголизма, – убеждён он.
– Ты же совсем не употребляешь...
– Надышался, – вздыхает он. – А молоко за вредность не дают...

Позднее утро, ночных постояльцев давно отпустили, и в подвале тихо. Только в какой-то дальней трубе шумит вода. Неприятно так – будто человек храпит-хрипит, задыхаясь.

– Ты слесаря бы вызвал, – советую сержанту.

Всё просчитано заранее. Сержанту никогда в голову не придёт, что его ведут к «объекту», необходимому мне и которого я видел лишь на фотографии. Сейчас старожил вытрезвителя должен удивиться, услышав про слесаря, и он удивляется:

– Зачем? – спросил, кромсая ножом на ломти буханку. К чаю, потихоньку закипающему на плитке. Ночь была сложной, как выразился сержант, и у него во рту и макового зёрнышка не было. А надо бы, раз больной, диеты придерживаться.

– Да чтоб трубу слесарь подправил. С ума ведь сойти можно, этот храп-хрип слушаешь...

– Да не труба храпит-хрипит, – ухмыляется сержант. – Не проспался просто ещё один. Феномен, скажу тебе! – произносит уже уважительно.

Про «феномен» личности с фотографии мне ничего не известно. Даже намёком. Не сказали – значит, не положено. Да я и знать ничего не хочу. Меньше знаешь – спокойнее поживаешь.

– Феномен! – повторяет сержант, перестав кромсать буханку и надеясь, конечно, что я засыплю его вопросами. Глядишь, опять его фамилия в газете мелькнёт, как месяц назад после того, как я и появился впервые в этом вытрезвителе яко-

бы для написания репортажа. Репортаж, конечно, написан и напечатан, но тогда ходка оказалась пустой – «объект» в «бочке» не появился, как предполагалось. Но теперь накладка исключена. А на чью-то феноменальность мне наплевать, поэтому спрашиваю без особого интереса, чтобы не молчать:

– По храпу этому?

– А вот увидишь сам, как проснётся, – загадочно обещает сержант.

Мы пьём крепко заваренный чай с хлебом. На чай сержанту ещё хватает – на масло наскребает по праздникам. Содержание, как он величает зарплату, не соскучишься, хотя и за него спасибо. Вытрезвитель-то, оставшийся в городе единственным, вроде подпольного. Как казино. И сержант в официальных документах участковым числится, но без участка, – за штатом. Сейчас, правда, появилась надежда легализоваться – Нургалиев на каком-то совещании обмолвился, что вытрезвители возвращать надо, иначе сопьётся русский народ вчистую. А мусульманский что – сплошь трезвенники?

– А про заработки работающих в вытрезвителях ничего не сказал, – сетует сержант. – И вообще про содержание младшего полицейского состава молчит. Лейтенант, мол, станет получать полста тыщ, генерал – несколько сотен, а рядовой или сержант, как я, – рот на замке. Вот и живи, как живётся, – никак, получается, – задумывается сержант, ещё не ведая, как и я, что скоро главного полицмейстера страны отправят в отставку. И я задумываюсь с ним за компанию, жалея служивого. Если совесть и позволяла бы ему обирать поступающих на вытрезвление, взять с них в большинстве случаев всё одно нечего. Не тот контингент пошёл, просвещает меня, выйдя из задумчивости, сержант. Бомжи, бывает, сразу рассчитываются за пребывание в «бочке», а у мастеровых людей разве что штаны описать можно. Да их ни на одной барахолке не купят. Безработные или годами содержание не получающие – такие вот мастеровые.

– Зарплаты, то есть, – поясняет опять сержант.

– Но ведь на что-то пьют, – говорю я.

– Ну, это дело нехитрое – выпиться, – говорит сержант. – На пузырь-другой всегда можно зашабашить.

– Так в семью и надо бы нести эту шабашку – деньги тоже немалые, а хлеб всегда дешевле водки, – не понимаю я. – То же, в общем, содержание.

– Ну, нет, – не соглашается, прихлёбывая чай, сержант. – Шабашка – так уж приучила Советская власть – нетрудовые доходы, потому и пропивается. А содержание, которое зарплата, – совсем другая статья...

Я тоже зарплатой обделён – шабашу в газете на договоре, перебиваясь для других вроде бы гонорарами. Но мне неведомы на собственном опыте денежные проблемы ни сержанта, ни тех, кого он обслуживает. На мой счёт в банке «контора» отстёгивает регулярно и без задержек.

– А на пенсионерах плана не вытянешь, – жалуется сержант. Значит, в вырезателях план по денежному сбору всё же есть, отмечаю я. – Хотя пенсионеры попадают – о-го-го! – воодушевляется, пытаюсь не выказать зависти, сержант. – За десять тыщ их пенсии, бывает, зашкаливают! Как у твоей «трубы», например, – кивает он в сторону, откуда доносится храп-хрип. – Мы его «На два пальца» зовём.

– «На два пальца»! – деланно удивляюсь я, хотя про себя удивляюсь искренно, поскольку и про это прозвище «объекта», известного мне по фамилии, слышу впервые. Открыто искренность проявлять ни к чему. Нас наверняка слушают. – Почему «На два пальца»?

– Когда пьёт, наливает себе ровнёхонько на два пальца, – вот поэтому, – не очень вразумительно отвечает сержант. А ведь косноязычием не страдает. – Выпьет на два пальца – и всё. Ни грамма больше. И с копыт. А потом, если ему повезёт-не повезёт, – к нам или там остаётся, где пил.

– Да брось ты! – не верю я, опять же прикидываясь, чтобы раскрутить собеседника на дальнейшие откровения. Пусть те, кто нас слушает, просчитывают, насколько сержант информирован об «объекте», до которого мне нет дела. Он интересен «конторе», а мне только велено через него выйти на храпяще-хрипящего. – Выпить на два пальца – это не больше пятидесяти грамм. А с них не вырубисься.

– Это смотря как на два пальца пить и смотря какие пальцы, – обижается за своего феномена сержант. – Впрочем, – прислушивается, – скоро сам убедишься.

Храп-хрип, и правда, резко прекращается, слышно скрипит скрытая стенкой кровать, по-

сле чего из палаты в приёмник выходит ничем не примечательный мужик в семейных – по колени – чёрных трусах и в обвисшей на впалой груди майке. На пенсионера, если даже предположить, что он не просыхает месяц, феномен не тянет. Лет пятьдесят пять, не старше. И глаза не пьяницы вовсе. Печальные только очень. О таких типажах, если не смотрят им в глаза, бабы говорят – ни рыба, ни мясо. Я тоже отношусь внешне к этой категории представителей сильной половины человечества, но умею, в отличие от интересующего «контору», держать свои глаза всегда под контролем, не выражая ими чувств. Научили в спецшколе под Новосибирском, курс в которой мне предложили пройти после окончания института. Журналистика – очень удобная крыша для сотрудничающих в «конторе». Ещё привлекательнее для неё – писатели. Каждый третий из писателей, знаю не понаслышке, – сексот. Секретный сотрудник, значит. Но я пока в писатели не вышел. Иначе вращался бы в более высоких кругах, а не травился перегаром в «бочке»...

– Опохмелиться дадите? – спрашивает, интеллигентно поздоровавшись, вышедший из палаты. – А то, насколько помню, вчера меня к вам пустым привезли...

– На два пальца? – серьёзно, без насмешки, интересуется сержант.

Вышедший из палаты прикрывает глаза, как бы вслушиваясь в себя. Руки его, обращая я внимание, сжаты в кулаки и напряжённо подрагивают. Но это не тремор, вызванный похмельным синдромом. Так бывает, скажем, перед дракой у эмоционально неустойчивых, когда они накачиваются энергией, взвинчивая себя. Или, напротив, сбиваются в комок напряжённых нервов, чтобы обострилось восприятие. В утиную охоту на зорьке, слушая прекрасную музыку, в любви, наконец, объясняясь. А тем временем, пока его анализировал, сжатые кулаки человека со странным прозвищем расслабились, он открыл глаза. Своё фото, к слову, он напоминает весьма отдалённо. Гораздо невзрачнее вживую, чем на мёртвой бумаге.

– Нет, пока не взорвусь, – сказал странно. – На два пальца, может, сегодня и не придётся. А сотку бы не мешало – горло прополоскать. Дерёт горло, как наждачной бумагой.

– Тогда оденься сначала. – Сержант бросает обладателю пока неизвестного для меня феномена ключ с биркой, на которой химическим карандашом выведен номер шкафчика, где сложена одежда клиента медвырезателя. Брошенное тотчас оказывается в его руке. Реакция явно не алкоголика. Он делает шаг к проёму, ведущему

в гардеробную «бочки», но останавливается, услышав сказанное как бы про себя сержантом:

– А есть и на два пальца...

– Правда? – спрашивает, не оборачиваясь, направившийся одеваться.

– Я когда-нибудь, Тимофеев, вам врал? – очень официально вопрошает сержант.

«На два пальца», фамилия которого мне известна, но, понятно, будто бы услышанная впервые, оборачивается, сводит, припоминая, едва видные и точно выжженные брови. Ресницы, замечаю, на его веках отсутствуют вовсе, отчего и взгляд пронизывающий. Долго такого взгляда не выдержать.

– Нет, не припомню, – говорит он без тени заискивания. Как факт констатирует. – А коли так, – переминается в раздумье с ноги на ногу, – может, ради профилактики на пару пальцев и вдарить?

– Ради профилактики – можно, – соглашается сержант.

Я понимаю: на служебный проступок сержант решается ради меня, чтобы, наглядно убедившись в покуда неведомом мне феномене мужика, я обрисовал затем его в газетной публикации, не забыв, естественно, упомянуть в ней и сержанта. И дома похвалиться можно будет, и начальство, глядишь, по службе продвинет или в звании повысит. Засиделся сержант в сержантах и в вытрезвителе. А водка и вино, порой и коньяк с шампанским, в «бочке» всегда найдутся. Не сами сотрудники вытрезвителя, сейчас отсыпавшиеся, а для представительства оставившие сержанта – его очередь подошла, – конечно, покупают – от иных забулдыг остаётся. Им, когда они отрезвеют, спиртное надо бы возвращать, да хозяева вытрезвителя «забывают» это сделать, чтобы очухавшиеся клиенты не надрались снова, едва выбравшись из подвала. А некоторые из них оставляют полные ёмкости сами: мол, и вспомнить-то об алкоголе тошно – не то что пузырь в руки взять. Списывают потом милиционеры эту «прибыль», выливают, пускают в продажу, выпивают сами или уносят домой – чего не знаю, того не знаю. Спросить – не неловко, а просто не моя это забота. А вот, как корреспонденту, спросить бы надобно. Да ведь правды не скажут. А главное, начни спрашивать, проколюсь – перед «конторой». Слишком умным сочтёт, а слишком умные моё начальство настораживают...

Сержант, должно быть, и расщедрился из имеющегося запаса. Наверное, налёт из бутылки в гранёный стакан Тимофееву ровно на два пальца, если их поставить от дна к стенке стакана по-

перёк. А это, если пальцы даже очень толстые, пусть не пятьдесят, но не более ста граммов. А от сотки и последний пропойца с ног, которые сержант окрестил копытами, не свалится. Тимофеев же, не впечатляющий своей внешностью, костью крепок, мышцы под кожей, видно, жгуты, а такие помощнее шаровидных, и ему полбутылки без закуски – что слону дробина. Словом, мудрит что-то сержант. Небось, розыгрыш подготовил или у его феномена феноменальная болезнь – балдеть от одного вида или запаха спиртного, как токсикоман балдеет от «Момента», ещё клея и не нюхнув. Да ладно, что гадать: поглядим – увидим.

– Ну, если можно, тогда давай, – возвращается к столу Тимофеев.

– Да ты оденься сперва, пошёл ведь одеваться! – строго напоминает сержант, уже нашаривая бутылку где-то под столом. – А после и вдарись на свои два пальца. Только по полной программе. Корешок мой не верит, – показывает на меня. – Договорились?

– По полной программе – так по полной, – тыкает меня взглядом Тимофеев. Я не выдерживаю, как и предполагал, его безресничного взора. Отвожу глаза. – А вера – дело наживное, – говорит Тимофеев то ли мне, то ли сержанту, то ли себе. Наверное, сержанту, поскольку начинает обращаться к нему по имени: – Знаешь, Паша, коли на два пальца, то обмундировываться мне ни к чему. Брякнусь ведь, а тебе снова меня рассупонивать придётся.

– Резонно, – соглашается сержант.

Бутылка «Русской» уже на столе. Ёмкостью пятьсот граммов. С винтовой пробкой и наклеенной на неё акцизной маркой. Шестидесять процентов гарантии, что не левая. Стакана, поставленного для Тимофеева, не наблюдается. А наши с чаем пусты лишь наполовину. Но Тимофеева отсутствие стакана не смущает. Он подтягивает, как перед забегом, трусы и принимается быстро-быстро сжимать и разжимать кулаки. Потом, разогнав в венах кровь, трясёт кистями рук. В левой непонятно как оказывается поллитровка, только что украшавшая стол, заваленный чистыми и заполненными протоколами, какими-то бланками и другими официальными бумагами, с горкой хлеба на очищенном пяточке.

– Масла, увы, Тимофеев, нет, – извиняется сержант. – Не знал, что тебе придётся на два пальца демонстрировать, а то разорился бы. Может, хлеба чуток? – закусишь...Мякоть одну, а?

– Нет, и мякоть сейчас в глотку не полезет, – отказывается Тимофеев.

– Тогда давай так, – виновато говорит сержант, – а то начальник скоро заявится...

«Чего «давай»?», – думаю я, но додумать не успеваю. Тимофеев делает резкое, почти неуловимое движение правой рукой, и от нераскрытой бутылки отлетает, точно срезанное, горлышко с покатыми «плечиками». Точь-в-точь по риске налитой в бутылку водки. При этом ни капли её не проливается. Тимофеев подносит распечатанную таким образом ёмкость к губам и медленно выливает содержимое напрямик в горло. Сержант, вскочив, услужливо пододвигает ему стул. Он садится, не сгибая спины. Бутылка без горлышка, ставшая похожей на большой стакан толстого стекла и совершенно пустая, по-прежнему в его руке. Забирает её сержант и ставит на стол, как вещественное доказательство.

– Видишь? – скашивает он на меня глаз.

– Вижу, – отвечаю ошарашенно, поражённый не столько выпитым – выпивали махом, доводилось наблюдать, и большую дозу, – сколько расправой с бутылкой. Такие приёмы или манипуляции возможны лишь в кино. Или в дешёвых – не по цене – детективах. Кирпич переломить надвое ребром ладони – результат не очень сложных навыков, отсечь же, словно срезая, твёрдое и круглое литое стекло – фантастика. Или, наверняка, фокус, подготовленный сержантом заранее. Впрочем, он не знал, что я ему повстречаюсь, как не ведал о встрече и я, по его разумению. Тогда, рассуждая здраво, просто я попал в нужное место в нужное время, когда всё было подготовлено к нужной, пусть и для кого-то другого, демонстрации. Такое в жизни редко, но случается. Любое чудо можно объяснить логикой, если находиться в твёрдой памяти и в трезвом уме. Поэтому я лениво зеваю.

– Ну и как? – ждёт сержант восторженных излияний.

– Обыкновенно, – отвечаю я, будто бы подавляя зевоту и с издевательской интонацией. – Бутылка без горла, но выпита она не на два пальца, а на полкило. На халяву не пьют только больные или подлюки, – ляпаю, как приговор, пошлость.

– Я – больной! – точно протыкает меня взглядом Тимофеев. Но в глазах его нет угрозы, как и в голосе. Он кажется совершенно трезвым, только лицо побелело. Что, похоже, начинает беспокоить сержанта. Он обращается к Тимофееву совсем по-братски:

– Лёша, наш гость про «на два пальца» не верит.

Имя Тимофеева, значит, Алексей. Мне сообщили только его фамилию. Через фамилию без имени «контора» давала мне возможность проявить инициативу в рамках дозволенного. Что ж, в отчёте присовокупим к фамилии и имя, что от-

разится плюсом в моём послужном списке. А сержанта, вспоминаю, зовут Павлом. Алексей и Павел годки и явно симпатизируют друг другу, но сержант держит себя за старшего брата, хотя Тимофеев на старшего похож больше. Информация к размышлению, конечно, интересная, но не в масть. Впрочем, я не знаю и знать не хочу, интересен ли «конторе» сержант. Моя задача – расколоть Тимофеева. Паша пойдёт, видимо, к нему «прицепом». Прощупать сотрудников вытрезвителя «контора», возможно, поручила кому-то другому. Все они, скажем так, якшались с Тимофеевым – пусть и по долгу службы. Каждому – своё.

– Слышь, – тормозит сержант Тимофеева, начинающего засыпать, – он не верит...

– Вера – дело наживное, – повторяет тот уже раз им сказанное и протягивает правую руку к бутылке. Я вижу, но не верю своим глазам: средний и указательный пальцы, опущенные в бутылку, превращённую в стакан, спокойно достают дно. Причём другие, прижатые к ладони и один к одному, нависают над срезанными краями стекла, край не касаясь. Я видел длинные пальцы – у пианистов, у часовых дел мастеров, почему-то у шахматистов, у воров, промышленяющих карманными кражами, само собой, но чтоб такие длинные... И ещё, странно, эти умопомрачительной длины пальцы не кажутся уродливыми.

Тимофеев вынимает из бутылки пальцы, поднимается со стула.

– Лёша, тебе помочь? – подсказывает к нему сержант.

– Я ещё успею, Паша, – отказывается Тимофеев от помощи и прямо, не сгибая спины и колен, уходит туда, откуда нарисовался в приёмнике меньше часа назад. В палату, словом. Скрежещет, готовая развалиться под рухнувшей на неё тяжестью, кровать. И – мёртвая тишина. Ни храпа, ни хрипа.

– Готов, – возвращается за стол сержант. – Храпеть и хрипеть, как труба, примется к вечеру. Когда проспится, но ещё досыпая. Уйдёт, значит, к ночи домой. Ночами Лёша на два пальца не пьёт. Ночами он не боится. Ночами я за него спокоен. Я и на эту подлянку пошёл лишь потому, – кивает он на бутылку со срезанным горлышком, – чтобы он не взорвался сегодня днём. Но, может быть, ему только мнится, что он взорвётся. И всё-таки здесь ему лучше, надёжнее.

– А чего он боится? – почему-то шёпотом спрашиваю я.

– Я же говорю – взорваться, – прячет сержант то, что осталось от бутылки, под стол.

– Ничего ты не говоришь! – раздражаюсь я. – А если и говоришь, то понятно лишь для себя. А я, уж извини, ни черта не понимаю. Болезнь у него, что ли, какая?

– Ну.

– Шизофрения?

– Болезнь, и всё, – дёргается сержант и смотрит на меня, как на недоумка. – Болезнь, понимаешь? Без названия. Потому и не указана ни в одном его документе. Просто списан в запас по выслуге лет.

– Он что, служил, твой феномен?

– Ну. В нашем спецназе. Не у нас, конечно, а в Москве. Это уж, как списали, у нас квартиру дали, чтобы подальше от глаз высокого начальства. И от Чечни тоже, и от Афгана, где он начал, вообще от «горячих точек». Да и родом Тимофеев из наших краёв – в детском доме здесь воспитывался. Сирота он. А может – я точно не знаю, – и не сослали его сюда, а порадели ему: мол, чужбина калечит, а родина – лечит...

– Да от чего лечиться, если болезнь неизвестна? – теперь я смотрю на сержанта, как на придурка.

– От болезни! – почти завывает тот. – Он боится, понимаешь, взорваться. Взрывником он, понимаешь, в спецназе был. Или минёром, что, наверное, то же самое. Я в этих тонкостях не очень маракую. Короче, ас он по взрывному делу, взрывным устройствам. И по их придумке, и по установке, и по обезвреживанию. И по конструированию, насколько я догадываюсь.

«Зря догадываешься», – жалею я сержанта, а вслух выражаю недоумение:

– Придумка и конструирование – не одно ли это и то же?

– Нет, конечно! – смотрит на меня сержант свысока. – Придумка – это идея, а воплощают её в реальность, если взять технику, конструкторы. А Тимофеев вообще, ходят слухи, академик.

– Где ходят? – небрежно интересуюсь я.

– Ну, везде, – пожимает плечами сержант. – Бывает, вырубится Тимофеев с каким-нибудь бомжем, а нам бомж не нужен, мы гоним его от машины, а он сам в неё лезет: «Не оставлю академика!..» Или полковника, кто как...

– Что, и звание у твоего «академика» имеется? – не верю я.

– Ну. Полковник. Только, поскольку из спецназа, без права ношения формы.

– Это он вам наплёл? – уже специально подначиваю я сержанта, а сам как бы вновь вижу срезанное взмахом руки стекло, невероятно длинные пальцы; слышу сказанное Тимофеевым совершенно трезво: «Нет, пока не взорвусь...»

Судьба, похоже, у этого полковника-академика и впрямь необычная, если не из ряда вон, и кому-то угрожающая, коли им интересуется «контора», не сама по себе гуляющая в отличие от киплинговской кошки...

– Да нет, язык у него всегда на замке. О его звании и службе в спецназе мы по своим каналам выяснили, когда он к нам впервые попал, не успев полностью на свои два пальца выпить. Допью, упирается, и сам лягу, а мы его сломать пытаемся, чтобы раздеть и уложить. А бутылка, как вещдок, на этом вот столе стоит, – показывает сержант на свой стол. – Точно такая же, какая и при тебе была. Только мы тогда подумали, что он себе такой стакан из бутылки сделал напильником, чтобы перед другими алкашами выпендриваться. Или, знаешь, наливают в пузырь воды, сколько надо, замораживают в холодильнике, а потом под струю горячую – и ненужное стекло отваливается, как срезанное... И, чтобы у него надежда на выпивку в вытрезвителе пропала, мы из этого «стакана» водку и вылили. На пол прямо, чтоб знал – не у тещи в гостях. А тут ещё одного ханурика притаскивают. И не с одним вещдоком, а с двумя. Даже нераспечатанными. Так Тимофеев, которого мы никак скрутить не можем, хотя он вроде бы и не сопротивляется, у этого новенького и интересуется: «Выпить хочешь?» Тот, конечно, завсегда готов, как пионер. «Шутник ты, однако», – говорю я Тимофееву, разозлившись, и хотел его болевым в плече завалить... И тут у меня в голове точно что лопнуло. Всё вижу – ничего не слышу, а сам вон к той стенке, – сержант показал стену между палатой для вытрезвления пациентов и гардеробом, довольно длинную, – прилипший. А рядышком со мной прилипли и все наши. Нас тогда четверо было. Висим, прилипшие, и смотрим, как Тимофеев из бутылок стаканы делает, потом пьёт вместе с новеньким, и они уходят. Не из нашей «бочки», не наверх, где свобода, хотя запросто могли, а сюда, в палату, на просыхание. Отлипли как, за дубинки – и к койке его. А он спит, как младенец, только не розовенький, а белый весь. Мы по запарке сразу-то в его документы не посмотрели, думали, и нет их вовсе, а тут как глянули – мать честная! Полковник! Причём почти нашенский. Пусть и отставной. Позвонили, конечно, тотчас, куда следует. Приехали моментом, увезли. И ещё с полгода за Лёшей приезжали, а у него к нам ходка раз в месяц обязательная. Живёт неподалёку. Потом рукой на него махнули, видно. Да и безвредный он. Дома чаще пьёт, как накатывает. Но порой эта болезнь на улице его поддавливает. А у нас, говорю, ему надёж-

нее, чем дома даже. Особенно днём. Пьёт-то редко в одиночку. А против лома, известно, нет приёма. Нож в спину – и никакая спецвыучка не поможет. А ещё он взглядом кровь останавливает. У нас тут один лезвие бритвенное за щекой спрятал, а затем, как выпить не дали, по венам полоснул. Картину, конечно, хотел прогнать, имитируя попытку самоубийства, да пьяный и не рассчитал. Переборщил, короче, с бритвочкой. Вены развалил, и кровь – фонтанами! А Лёша как раз проспался. Этот же придурок, узрев, что с собой натворил, в обморок брякнулся. Мы его руку жгутом перетягиваем – кровь сильнее хлещет. «Скорую» стали по телефону накручивать, а там гудки и гудки – занято. Ну, думаем, помрёт наш клиент, а нам за него отвечать. А Лёша к нему присел, на разрезы уставился – и всё: фонтаны иссякли. Говорят, к утру и шрамов не осталось. Но уж тут клясться не буду, сам не видел, – этого «лезвенника» от нас в психушку увезли, там, говорят, шрамы и затянулись без остатка...

– Выходит, твой феномен ещё и экстрасенс? – уже не подначивая, серьёзно спрашиваю я. «Контора» должна отметить мою старательность, с какой я разрабатываю «объект», а также его восприятие теми, кто с ним контактирует.

– Ну. Выходит.

– А почему же он сам свою болезнь вылечить не может?

– Так и он не знает, что у него за болезнь! – разгорячился сержант. – Боюсь, говорит, взорвусь, а от чего именно – не понимаю. Может, говорит, от внутреннего напряжения. А может, раз проговорился, в него внедрили самоликвидатор. Как раз такую штуковину, которую он придумал ещё в Афгане. Сигнал какой-то вроде ультразвука подаётся, и кровь в венах закипает, разрывая человека. Ему говорили, что эту штуковину будут использовать только в случаях международного терроризма. А он её использование в Чечне просёк, где, известно, конфликт локальный. Дудаева так, намекнул, ликвидировали, а не ракетами с истребителя, будто бы перехватив сигнал с его спутникового телефона. Скандал закатил. Его в какой-то спецсанаторий. Там убедили, что заблуждается. Нервы, мол, истрепались. Снова в Чечню вернулся, трупы обследовал – нет, ничего, и правда, похожего. Значит, и впрямь заблуждался. А если его обвели вокруг пальца, то рано или поздно всё одно он об этом узнает, – и тогда, уверен, точно взорвётся. Самоликвидируется. Вот он эту болезнь, как она в нём зашевелится, и глушит дозами на два пальца.

– А он после санатория заболел?

– Нет, говорит, позже, когда его в госпиталь к чеченской девочке привезли. Она коз пасла, наступила на что-то, а это «что-то» – взрывное устройство. Мелкое, как ранетка-дичка, и всё в усиках. К усикам этим не то что прикоснуться – дышать на них нельзя. Выше колена в девочку и влипло. Хирурги выковыривать – ни в какую. И технари тоже. Тимофеева на консультацию и привезли, поскольку он в числе авторов этой подлянки. Посмотрел: точно, не обезвредить. Только взрывать. А это значит – ногу у девочки по пах отнять, отнести затем отрезанное куда подальше и бросить, скажем, в яму. Там и взорвётся. А девочке лет шесть, красивая, в сознании. «Дядя, – плачет она нашему Тимофееву, – а вы её пальчиками выньте...» Ну, Тимофеев и вынул...

Голос сержанта сел, он странно хлопнул носом и стал хлебать, маскируя это хлопанье, давно остывший чай. Я, признаться, тоже немного прослезился, и допил чай свой. Но стакан не опускал, сжимая его в руке. Мне не хотелось видеть, как дрожат мои пальцы. Другой рукой вцепился в край стола. Но тремор бил всё тело. Теперь я понял, почему у Тимофеева такие длинные пальцы. Два – средний и указательный. На руке они самые подвижные, самые приспособленные к захватам, самые чувствительные. А ещё, знал я из нетрадиционной медицины, именно средний и указательный пальцы лучше и чище всех других частей тела человека впитывают энергию земли и космоса. А значит, сильнее всего и концентрируют её, если рассудить логически. Именно этими пальцами читают слепые. И знаменитая Калугина...нет, Кулешова...видела этими пальцами скрытые за стеной и бронированными дверцами сейфа предметы. Без кавычек в глаголах «читать» и «видеть». И Тимофеев, конечно, не вынимал в прямом, буквальном смысле мини-мину из ноги девочки. Ведь на её сенсорные устройства – усики – и дышать-то было нельзя. Значит, он вытягивал разрушительное устройство только собственной энергией, сконцентрированной в подушечках среднего и указательного пальцев. Но так, чтобы между ними и сенсорами было пространство. Мёртвая или индукционная зона, если по-научному. Иначе взрыв был неминуем. Каким напряжением это ему удалось, свидетельствуют пальцы. И ещё, догадываюсь я, выжженные его брови и лишённые ресниц веки. Когда уже за стенами госпиталя в пустом месте он не смог более удерживать своей волевой энергией подлое устройство, оно, упав на каменную землю, достало огненным хлопком его лицо. Хирург-

ги, чуть было не ампутировавшие девочке ноги, сделали тогда всё, чтобы он не остался с изуродованной физиономией. Но восстановить кровообращение в капиллярах до нормального было им не по силам. Поэтому алкоголь способствовал не расширению, как обычно, а, напротив, их сужению. У алкоголиков, каждый знает, лица в красных прожилках. Это как раз расширившиеся или лопнувшие капилляры. А ресницы и брови «кормят» жизнью как раз капилляры лица. Бровям Тимофеева повезло чуть больше, чем ресницам. Что обрели, удлинившись, его пальцы – известно, наверное, только одному ему. Я лишь предполагаю, что горлышко у бутылок он «срезает» не ребром ладони, а именно пальцами. Может, даже действуя ими, как ножницами. А пьёт на два пальца, демонстрируя их необычность, не из кичливости или скоморошества, а чтобы не забыть и о своей причастности к смерти, созданной человеческим разумом. И такими вот пальцами, подаренными Богом для добрых дел...

Тогда я провёл у сержанта в вытрезвителе весь день и весь вечер. Якобы для того, чтобы написать уже не репортаж, а аналитический материал: почему люди пьют, что заставляет их пить, как с пьянством и алкоголизмом бороться, если вытрезвители, каких теперь почти не осталось, только отстойники, а лечебно-трудовые профилактории для страдающих этим недугом ликвидированы? Но эту лапшу на уши я вешал не сержанту и наконец появившемуся его начальнику, а начальству своему, наверняка продолжавшему слушать «бочку». Не шизик Тимофеев, внушал я слушающим, интересуется меня, а только выполнение поставленной передо мной конкретной задачи: выйти на «объект» и разговорить его, как и тех, кто с ним общается. И ещё собственное благополучие под редакционной крышей. Хоть и по договору я в газете, но отмечаться в ней следует ежедневно. Теперь есть оправдание, почему пропал на день, – провёл день на задании, инициированном лично в интересах общего дела. А что, когда Тимофеев проснулся, пошёл к нему домой, об этом знаю только я. Квартира его наверняка

не прослушивалась, иначе бы в моём появлении в вытрезвителе не было нужды...

С Тимофеевым я просидел всю ночь. За чаем и кофе. И мы почти не разговаривали. Он только сказал, что название его болезни – страх. И ещё стыд и раскаянье за ту штучку, придуманную им в Афганистане. «Мальчишкой тогда был, и не осознавал последствий от своей придумки», – покаялся он запоздало. По сравнению с ней та, от которой он избавил чеченскую девочку, детский лепет. С ней не управиться ни Господу нашему, ни дьяволу. Даже ему, её создавшему. Что это за «штучка», он не расшифровал, а в закипающую, по словам сержанта, в венах кровь я не очень верю. Быть может, сказал ещё Тимофеев, он когда-нибудь и расскажет и объяснит всё до последнего нюанса. А может, и не расскажет. Вот удостоверится...

– Впрочем, – спохватился он, – давайте лучше слушать друг друга. Молча. А через пару дней забегайте. К ночи. И мы с вами не только поговорим, но и выпьем. На два пальца по-настоящему. Из гранёных стаканов.

И мы молча слушали друг друга до утра. И молча расстались. Как я и опасался, навсегда. Для него, конечно. Поэтому и не сказал ему, уходя, ни «до свидания», ни даже «до встречи». Не сказал нарочно, подтекстом. Я надеялся, он поймёт. Россия, конечно, не СССР, не прежняя страна в одну шестую часть земной суши, но всё равно огромная. В России ещё можно затеряться. Хотя бы на время. Но он меня не понял. Он был академиком в своём деле, но никудышным спецназовцем, пусть и бывший полковник этого рода войск. Иначе бы не сгорел в собственной квартире другой ночью. Якобы от курения в постели в нетрезвом состоянии, как сообщили в криминальной сводке по городу...

А сержант вытрезвителя Паша действительно оказался алкоголиком. Его лечат от алкогольных психозов. Но болезнь сержанта настолько запущена, что надежды на выздоровление почти никакой. И, скрашивая его кончину, врачи наливают порой сержанту водки в стакан ровно на два пальца. В точности исполняя его желание.

Все они останутся на льдине...

* * *

Когда теряю веру вовсе,
а жизнь бессмысленно пуста,
я слышу, как вбиваю гвозди
сквозь плоть казнимого Христа.

Так явственны, реальны звуки,
что отступает морок дня,
и кажутся пустыми муки,
тоской казнящие меня.

Страх малодушия былого,
боль наносимых мне обид,
стыдом излечивает слово
Того, с кем сердце говорит.

15.07.12

Сверхзвук

Как часто звуки важнее смысла,
чтоб песня пелась,
где всё в округе, значенья, числа –
смыкает мелос,
и волны в море на гребне самом,
вскипев, белеют,
и овны в поле проходят стадом
и нежно блеют.

О чём трезвонит, присев на ветку,
беспечный зяблик?
О том, как тонет бумажный в клетку
листок-кораблик,
как школьник следом бежит вдоль речки,
спасти стараясь,
а позже, дедом, у тёплой печки
встречает старость.

Запала нота, частичка света –
эффект обыден:
звук самолёта отстал от следа,
который виден.
Из-за предела уже не слухом –
сознанием высшим
волну без тела, кто пел сверхзвуком,
сейчас мы слышим.

Фет Афанасий, Рубцов и Бродский,
и кто там дальше? –
труд не напрасен; пусть фразы броски,
но нет в них фальши,
нет ни намёка, что жизнь – жестока;
лишь полной мерой –
печальный опыт, который добыт
трудом и верой.

2011

Борису Панкину

Поэту и программисту
(Посвящение к подаренной ему книге
«Образ действия – обстоятельства»)

Скажи, а не приходят мысли,
что для борзеющих верхов
потребней больше программисты,
а не слагатели стихов?

Скажи, не кажется, что пеньё
уже не стоит ни шиша,
что голос – волеизъявленье
ценнее, чем твоя душа?

Скажи, поэт, в последнем слове,
подлодкою ложась на грунт,
безмолствовать, как в «Годунове»,
не значит ли – готовить бунт?!

13.12.2011

Все они останутся на льдине притча

В городе, где мат торчит в заборе,
кладбище и храм посередине,
каждую весну уносит в море
рыбаков, поймавшихся на льдине.

И, когда качает телевышку,
власти призывают всех к порядку,
где зубатку ловят на мормышку,
а столоничальников – на взятку.

Сколько их, безбашенных, поймалось,
сколько не поднялось их по борту,
где весною – морось, морось, морось,
а зимою – ветер... всюду – в морду!

В час призывов проступает калька
то с хурала, то с корейской хунты,
где зимою скользко, очень скользко,
а весною – выборы и бунты.

Утверждают всякие пророки,
что недолго ждать осталось миру:
будет в установленные сроки
темное возмездие Нибиру!

И в ушко игольное не влезть им,
не протиснуть собственной гордыни,
мастерам отката, липкой лести...

Все они останутся на льдине.

Владивосток,
30.01.2012

Когда зацветает бурьян

Свете Чернышовой

Огонь пробужденья неистов,
и всяк начинающий — рьян.
Ты полон загадочных свистов,
когда зацветает бурьян.

Бог знает, какая холера
с тобой по соседству живет,
но в рифму счастливая вера,
как щит, прикрывает живот.

Тебе, вовлеченному в битву,
когда покидаешь роддом,
стихи заменяют молитву,
цветущую в сердце твоём.

И ранясь, и сам поражая,
и впредь прикрываясь от ран,
живешь и не ждешь урожая,
когда зацветает бурьян.

И прочь,
разрубив плоскогорье,
течет, но не может истечь,
как речка в Японское море,
последняя русская речь.

декабрь 2011

* * *

В толпе людской
и среди пустынь безлюдных...
М.Ю. Лермонтов

Я к дружеству запойному остыл,
и — не прощаясь — уйду с попойки
по кладбищу бродить промеж могил,
и — про себя — вопить навроде сойки.

Там крик — некстати, слово — невпопад:
там умершие смотрят с фотографий,
и сладость земляники — вдоль оград —
лишь оттеняет горечь эпитафий!

Прочту и выпью. Выпью и прочту...
Мне ль привыкать к хуле и укоризне?!
Дай волю мне, я б в каждую плиту
вбивал стихи как оправданье жизни!

По стыкам рельсов простучит состав.
И по кресту пропрыгает синица.
И смолкнет стук. И птичка, отсвистав,
исчезнет с глаз... А отзвук — сохранится!

Не в том ли суть, что отзвука ищущу,
где нет людей, и умершему внемлю?
Где пусто так, что тихо я грущу,
с ладоней — с грустью —
стряхивая землю.

09.09.2012

День Независимости

1.

Полная луна встает над лесом,
за которым катится Транссиб
всем своим невероятным весом
под локомотивный нервный сип.

А соседи, кажется, гуляют:
фейерверки падают в овраг.
Лишь собаки в промежутках лают,
да лягушки стонут у коряг.

Наступило лето, а не жарко.
Тем, кто повод к радости отверг,
Родины во тьме
по-детски жалко
в миг, когда сгорает фейерверк.

Праздник вроде,
а гордиться нечем:
отдан Байконур, оставлен Крым...
Фейерверки...
Точно бисер мечем
перед капиталом мировым.

2.

Все мы дети обветшавшей догмы,
криво сшитой, поротой по шву...
Если б

Блок
все это видеть мог бы,
он бы слег.
А я пока живу!

Нет на свете дела интересней,
чем мечтать...
Там, вопреки всему,
боль любая, возгораясь песней,
отвергает всяческую тьму.

Даже если от видений тошно,
как в калейдоскопе, на бегу,
благодарен Богу я за то что
наслаждаться зрением могу.

2011

Первое апреля

Валит снег на первое апреля.

Не шутя,
настойчиво,
всерьёз.

Жизнь прекрасна радостью без хмеля,
мир хорош пунктирами из грёз.

Прилетела чёрная ворона,
отворив калитку на весу...
Каркнула,
как в трубку телефона,
птице той,
что каркает в лесу.

Озираюсь медленно,
кайфую:
хочешь, верь в иную благодать,
хочешь, смерть загадывай,
какую
ты себе способен загадать!

01.04.2010

Вороньи свадьбы

Вороны стаями взлетают с кладбища
в снегах глубоких
С мест, где оттаяли любви ристалища
на солнцепёках.

На лес прореженный,
на зелень ельника лёг неба вырез,
не синий – бежевый... глянь,
холм отшельника из снега вылез!

Летит встревожено по редколесному
пространству птица.
Жизнь подытожена,
жмуру безвестному спокойно спится.
И ели лапами упали грубыми
на крышку гроба.
Над ним с лопатами, ломами гнутыми –
три землекопа.

И снега крошево, и глины месиво,
и все поддаты.
«Всего хорошего!» – играют весело
ломы, лопаты.

* * *

Устал, озяб...
не торопи,
дай мне оттаять понемногу.
Глянь,
листья, будто воробьи,
слетают стайкой на дорогу.

А лес,
пустой осенний лес,
так чуток к шороху и плачу,
что слово, обретая вес,
больнее бьёт...
но боль я спрячу.

Смолчу.
Пусть птицы говорят.

Так пуст неисправимо
грешник,
что сквозь него проходит взгляд
колючий,
как лесной орешник.

Прости,
похожа ты на куст
с колючими его плодами,
когда слова опали с уст
и зябко воздуху меж нами.

29.12.2010

31-я годовщина бракосочетания
06.01.2011 – сочельник

О великом человеке и артисте

Спустя два месяца после основания «Литературного меридиана» я отправил письмо Евгению Яковлевичу Веснику с предложением войти в Общественный совет издания. К письму приложил вышедшие на тот момент номера, как мог объяснил цели создания ежемесячника, пригласил маэстро к сотрудничеству. Ответ не заставил себя ждать. Евгений Яковлевич в тёплых строках отклика дал согласие и на сотрудничество, и на участие в жизни «Литературного меридиана» в Общественном совете.

Светлой памяти друга нашего издания, которому 15 января 2013 года исполнилось бы 90 лет, мы посвящаем публикацию избранных воспоминаний о Е.Я. Веснике из книги «Я собирал вас к себе в душу...» (М., 2011, издательство «Вагант») и рассказа Евгения Весника «Письмо от Игната Любушкина».

Владимир Костылев

Весники объединили нас всех!

Работая в санатории работников органов прокуратуры «Истра», что в Истринском районе Московской области, я имел возможность не только наслаждаться прекрасной природой Подмосковья, но и встречаться с интересными людьми. Самым ярким впечатлением было знакомство с семьёй великого актёра Евгения Яковлевича Весника.

В обычный рабочий день ко мне в кабинет пришла Марина Ниловна бронировать номер для Евгения Яковлевича и его супруги Нонны Гавриловны. Честно сказать, я не поверил, что такой известный человек будет отдыхать у нас. И я благодарен судьбе за этот подарок. Встреча с великим актёром в реальной жизни, а не на экране – это незабываемое впечатление.

Общение с Евгением Яковлевичем всегда было праздником. Человеком он был добродушным и приветливым. Так случилось, что, не сговариваясь, мы часто встречались на прогулке, и он с удивлением восклицал: «Нонна, посмотри! Опять Сергей Владимирович!» Эти встречи, наверное, не случайны. К таким людям, как Евгений Яковлевич, всегда тянет, разговоры с ним, его советы – это большая жизненная помощь.

Помню его творческий вечер в санатории, на который пришли и местные жители. Как мы готовились и волновались! Я откровенно думал, что народ у нас инертный и будет мало присутствующих. Но зал был переполнен, на встречу пришли все, даже местный священник отец Владимир.

Вечер прошёл великолепно!

Как известного актёра Евгения Яковлевича мы с Аней знали «с пелёнок», а как писателя узнали, когда познакомились с ним ближе. Читая его книги, всегда удивлялись и восхищались – какой светлой памятью и чувством юмора обладал Весник. А его умение рассказывать о своей жизни, о событиях, участником которых он был, о поездках, встречах, выступлениях, о театре и кино, о своих учителях и друзьях – это огромный талант. А он был замечательно талантливым рассказчиком!

Евгений Яковлевич любил, когда в санатории мы приходили к нему с нашим чёрным терьерчиком Катей. И когда разговаривали, Катя сидела рядом и лизала ему руку, собаки всегда чувствуют доброго и хорошего человека. Евгений Яковлевич любил животных, и наша Катя это хорошо понимала... Да и мы знали об этом по его рассказам в книгах, где описаны жизненные ситуации, в которых присутствовали и братья наши меньшие.

Хочется рассказать о любви и уважении Евгения Яковлевича и Нонны Гавриловны. Всем известно, что люди творческих профессий вспыльчивы и неуравновешенны. Но Нонна Гавриловна имела «ключик» и подход к мужу. Она была верным и надёжным спутником Евгения Яковлевича. С виду хрупкая, тихая, мягкая женщина, а внутри у неё заложен стержень сильного и волевого человека. Они прожили вместе более сорока лет, и их любовь всегда помогала и спасала их в трудные минуты.

Помню, однажды поздним вечером раздался телефонный звонок. Это был Евгений Яковлевич. Он сказал, что Нонна Гавриловна заболела и ей необходимы лекарства, но он не может оставить её одну... а обратиться в данный момент больше не к кому. Я немедленно сел за руль, привёз лекарства и увидел, с каким волнением, трепетом, заботой ухаживал Евгений Яковлевич за женой.

А сколько времени Нонна Гавриловна провела у постели Евгения Яковлевича, когда тот болел, как часто она ездила к нему в госпиталь, в больницы, чтобы он не ощущал одиночества и всегда чувствовал её тепло и заботу!

Нонна Гавриловна и сейчас подаёт пример нам всем. Она всегда в курсе событий, всегда поздравляет друзей и знакомых со всеми праздниками, днями рождения, мы все чувствуем её заботу и внимание. Когда она звонит, и мы слышим, казалось бы, её слабый, тонкий, мягкий голосо-

чек, знаем: эта женщина обладает очень сильным и стойким характером.

Мы благодарны Марине Ниловне, нет, Марине за то, что она познакомила нас со своей семьёй, со своей мамой. Марина, как и мама, располагает к себе мягкостью, женственностью, добротой, умением выслушать, несмотря на её твёрдый характер. Когда наша дочь Маша познакомилась с Мариной и Мишей, она была в восторге от общения с ними. Они нашли с ней общий язык, общались на равных, несмотря на большую разницу в возрасте. Марина и Миша, как и Весники, очень гостеприимные и внимательные люди, отличные друзья.

Фамилия Весник связывает многих людей, с которыми нам посчастливилось познакомиться не только на вечерах памяти, но и в жизни. Весники объединили нас всех! Спасибо им за это.

Сергей АРЕФЬЕВ

2011, сентябрь

Приносить людям радость

У Евгения Яковлевича была сольная концертная программа, с которой он, как многие артисты, а тем более такие популярные как он, ездил по стране. Так как Евгений Яковлевич являлся артистом Академического Малого театра и занят в репертуаре был довольно много, основное время «халтуры» (так это называлось в 80-е годы) приходилось на летний период. Москонцерт или Росконцерт давал определённые «точки». В основном это были курортные зоны.

В год Олимпиады мне посчастливилось поехать вместе с мужем, Еремеевым Сергеем Сергеевичем, артистом Малого театра, летом на такие гастроли. Сергей Еремеев играл вместе с Евгением Яковлевичем две-три небольшие сценки, давая, таким образом, немного отдохнуть мастеру. Месяц, который мы провели с Евгением Яковлевичем, стал самым ярким впечатлением. Это был человек-праздник, человек-фейерверк.

Вспоминается один эпизод: едем из города Ростова-на-Дону поездом. Ночь. Остановка

на станции «Белореченская». Евгений Яковлевич исчезает. Не успеваем мы опомниться, как он возвращается с корзиной винограда «Изабелла», ароматом которого наполняется всё купе. Надо сказать, что такое количество винограда мы не в состоянии были бы съесть даже за несколько дней, но в этом был весь Евгений Весник.

Широта его человеческого, а отсюда, может быть, и актёрского дарования была беспредельна. Где бы мы ни находились, всюду его окружали любовь и почитание. Он так щедро дарил людям свой талант, что это не могло не отозваться в душах людей. Он мог пригласить за стол малознакомых людей и потчевать их, как самых дорогих гостей. Абсолютный бесребреник, он совершенно не понимал тягу к накопительству. Мне кажется, у него «была одна, но пламенная страсть», как сказал поэт – приносить людям радость.

Анаида ЕРЕМЕЕВА

2011, июнь

«La Serge!»

Это очень трудная задача – писать коротко о Евгении Яковлевиче Веснике. Практически не было дня, чтобы я не вспоминал о нём.

Первая встреча произошла на репетиции спектакля «Ревизор», в котором Евгений Яковлевич играл Городничего, а я был приглашён на роль Хлестакова. По просьбе мастера я прочитал монолог из «сцены вранья», и очень старался. По

окончании Евгений Яковлевич сказал: «Ну... во-первых, надо успокоить артиста...». И это мне запомнилось на всю жизнь. Мы сыграли премьеру, и после спектакля Евгений Яковлевич, уставший, сказал мне: «La Serge!» – этим французским именем он, любя, называл меня, – «La Serge, а мы сыграли спектакль на 40 минут быстрее». Он был самым молодым исполнителем роли Городничего

в истории театра, а я был самым молодым Хлестаковым, с этого дня началась наша дружба.

А потом он пригласил меня участвовать в его сольных концертах, и мы объездили с ним пол-России, а я гордо называл себя «директором Весника». На этих гастролях он дал мне ещё одну профессию – профессию артиста эстрады.

Умение общаться со зрителями напрямую, не как в драматическом театре – это очень сложный процесс, и не многие артисты могут это делать, но Евгений Яковлевич был таким убедительным, таким обаятельным, таким весёлым, что заражал

Он соединил пламя с блеском

Размышляя об искусстве, французский мистик и проповедник Бернар Клервоский, живший в XII веке, высказался так: «Блестать бесполезно, гореть мало: совершенство соединяет пламя с блеском».

Евгений Весник соединил пламя с блеском.

Образ пламени, огня подходит к творчеству и жизни этого прославленного артиста, самобытного писателя, мужественного гражданина своего Отечества.

Каждое его появление на театральной сцене и на киноэкране, будь то главная роль или короткий эпизод, освещало нас блеском таланта, ослепляло творческим самосожжением, обжигало неповторимой манерой речи и движений.

Чтение его книг с рассказами о друзьях и событиях, пересказами снов или просто абракадабрами, отнюдь не бессмысленными, можно сравнить с пребыванием у костра или камина, когда

меня и всех окружающих. Эти уроки я запомнил на всю жизнь.

Говорят, что нет незаменимых людей, это неправда! Никто не заменит Евгения Яковлевича, ни как артиста, ни как доброго, великодушного, весёлого, очень остроумного человека. И сейчас в театре явно не хватает такого мастера, и мы, актёры уже старшего поколения, много видевшие на сцене и в жизни, это понимаем.

Сергей ЕРЕМЕЕВ

2011, июнь

огонь доставляет наслаждение, настраивает на размышления о вечном и истинном, согревает тело и душу.

Его боевые ордена и медали, как в дальнейшем почётные актёрские звания – это не только оценка ратных и творческих дел, но и признание гражданских поступков человека, который через всю жизнь пронёс патриотический огонь, не озлобился, не очерствел после несправедливых репрессий, постигших его семью.

И вместе с тем, он оставался человеком независимым и принципиальным. Он сжигал любые мосты, если не мог больше по ним ходить.

Так он соединил пламя с блеском.

Удивительный, неукротимый, любящий и любимый Евгений Весник.

Георгий ЗУБКОВ

2011, сентябрь

Тысяча и одно лицо Весника

Яблоко и яблоня

Для начала отмотаю киноплёнку памяти далеко назад. В начало августа 94-го. Высотка у метро «Баррикадная». Жму на кнопку звонка.

Он ошарашил меня буквально с порога. Заглянул в глаза, спросил вкрадчиво и не без лукавства:

– Скажите, а «Красная звезда» смелая газета?

– У вас есть повод сомневаться, Евгений Яковлевич? – ответил я вопросом на вопрос.

– Думаю, что нет, потому и позвонил вашему главному редактору. И кого же он мне прислал?

Я коротко представился: редактор отдела культуры, член редколлегии.

– При звании?

– Полковник.

Весник хмыкнул: «Извиняюсь, я всего лишь старший лейтенант. В отставке». И уже без всякого перехода:

– Когда-то ваша газета рассказала о моём опальном отце, отметила его круглую дату. Так вот, подросла очередная. На днях ему исполнилось бы сто лет. Нонна (это к жене), куда запропастился портрет?

Ловлю себя на мысли, что больше вслушиваюсь в звучание его голоса, нежели в смысл слов. Знаете, есть такие знакомые голоса, которые ни с какими другими не спутаешь. Тембр, ритм речи, обертоны... Это как голос легендар-

ного футбольного комментатора Вадима Синявского или Юрия Левитана, или прославленных актёров Ефима Копеляна, Зиновия Гердта... Голос народного артиста СССР Евгения Весника из той же обоймы. Ещё с детства. Запал и всё. Благодаря киноэкрану, сцене Малого театра, радиопостановкам... Ироничный, напористый, с лёгкой хрипотцой, блестяще поставленный. И узнаваемый с первых же секунд. Будь-то гоголевский Городничий или Алексей из «Оптимистической трагедии», Остап Бендер в Театре Сатиры, или Кальдерон в Театре Станиславского, или... Впрочем, когда у артиста более 140 ролей в театре и более 90 в кино – лучше не входить в этот лабиринт, запутаешься.

Мы действительно писали о его отце. В ряду исторических личностей советской эпохи имя Якова Весника в одном реестре с Калинин, Кировым, Орджоникидзе, Куйбышевым, Тухачевским, Корком... «Ярый большевик», по словам Елены Стасовой. А можно сказать и пламенный. Потому что родился как личность в пламени 1-й мировой войны новобранцем царской армии (солдат 119-го Коломенского полка), а закалился в пламени революции. Классическая стартовая площадка. От штурма Зимнего (во главе отряда Выборгской стороны) до боёв под Царским Селом на Пулковских высотах. Возглавлял реввоенсоветы 8-й и 11-й армий. Комиссар 1 ранга, четыре ромба в петлицах. Храбрости невероятной, мечен тяжёлыми ранениями. Два ордена Красного Знамени. В 24-м – начальник Военно-строительного управления Красной Армии. Первый строитель и первый директор «Криворожстали», за что и награждён орденом Ленина. Словом, прошёл огонь, воду, медные трубы и партийные чистки. И, увы, не менее классический, в духе эпохи, финал: в 37-м арестован и расстрелян. Возводил голгофу для мирового капитала, но стал жертвой голгофы, которую ему уготовили мастера из НКВД.

Евгений Яковлевич с минуту смотрит на фотографию отца и вспоминает эпизод трогательный и романтичный, ставший семейной историей:

– В феврале 21-го в боях у станции Аг-Гягли, что в Карабахе, отец, в ту пору армейский комиссар, был тяжело ранен в обе ноги и доставлен в госпиталь. Приподняли врачи простыню и решили единогласно: одну ногу не спасти – только ампутировать. В ночь перед операцией дежурная медсестра из обрусевших чешек – Евгения Кестранкова, глядя на бледное лицо комиссара, тихо молвила ему, пришедшему в сознание: «Я люблю

вас. И если вы останетесь без... я буду с вами». Отец мог ответить только взглядом. Ампутации удалось избежать, и днями спустя повеселевший комиссар кликнул вестового и потребовал узнать, кто из сестёр дежурил в ту самую ночь. А узнав, позвал Евгению. И без всякого предисловия: «Так вот, Женя, теперь я вам делаю предложение: предлагаю руку и сердце».

Как принц датский Гамлет, Евгений Яковлевич всю жизнь будет ощущать на себе тень отца. Высокую и трагическую. Сын с боями пройдёт Восточную Пруссию по следам своего родителя. В 1914-м Яков Весник месил грязь боёв по дорогам Кибортая, Бакенфельда (где был ранен), Фишгаузена, Кёнигсберга, Пилау... В 45-м лейтенант Евгений Весник, командир артвзвода, а затем и батареи будет месить те же хляби, по тому же маршруту, продвигая вслед пехоте свои 152-мм гаубицы. И будет ранен неподалёку от Бакенфельда, корректируя огонь пушек в должности адъютанта командира артбригады. И встретит Победу близ Пилау.

Он, круглый отличник, закончит прерванную войной учёбу в родном Щепкинском училище при Малом театре, дважды будет заполнять анкету для зачисления в штат Малого, в котором уже играл крохотные роли. И так и не будет зачислен. Потому как бдительные кадровики усомнятся в его политической благонадёжности – как-никак сын врага народа. И не в счёт, что гвардеец, что кавалер орденов Красной Звезды и Отечественной войны, что добыл в боях две святые для военного человека медали «За отвагу» (обе за захват «языков»). Но...ни-з-зя!

Он всё равно придёт в Малый (с дальних подступов театров Сатиры и Станиславского) и стартует в нём в маленькой бессловесной роли молоденького офицера-гостя в доме Фамусова. И обретёт все мыслимые и немыслимые в СССР для артиста почётные звания, прикрепив к боевым наградам ордена Трудового Красного Знамени и Дружбы народов. Но никогда не выкорчует из сердца и памяти, что в 14 лет навсегда потерял отца, а затем на долгих 18 лет и мамушку. Да-да, приснопамятные лагеря, куда угодила Евгения Эммануиловна, между прочим, одна из немногих женщин, награждённых орденом Трудового Красного Знамени как инициатор «всесоюзного движения жён инженерно-технических работников за улучшение быта трудящихся».

Но между жизнью как таковой и жизнью творческой у большого мастера, к счастью, всегда есть угол расхождения. И когда Весник говорил мне: «Я – человек счастливый», – верил. Он работал с партнёрами блистательными, давно внесенными

в анналы звёзд нашей культуры – Анатолием Папановым, Еленой Гоголевой, Евгением Самойловым, Элиной Быстрицкой, Борисом Тениным... Он был согрет дружбой с Александром Остужевым и Алексеем Диким, Михаилом Яншиным и Борисом Андреевым, Эрастом Гариным и Алек-

Маршальский жезл

– Я когда слышу фразу: «Он прошёл славный путь от рядового до маршала», – страшно задираю нос. Потому что и в моей карьере есть маршальский эпизод.

Меняю плёнку на диктофоне и уже через минуту погружаюсь в историю удивительную, сыгранную Весником на одном дыхании. Жаль лишь, не могу воспроизвести его голос.

– Да, я сыграл маршала. Василия Ивановича Чуйкова. Сыграл человека, который в Бога не верил, но, отдав на войне приказ, крестился кулаком, ударяя себя в лоб, в живот и сердце. И при этом добавлял несколько непечатных слов, которыми пользовались на фронте мы все – от рядового до маршала.

Весник расхохотался и заиграл по столу кончиками пальцев.

– Я спросил у его биографа, – продолжил он, – почему неверующий Чуйков крестился? И услышал в ответ: «Он так себя взбадривал». Но биограф будет потом. Сначала ночной телефонный звонок мне на квартиру в начале июля 72-го. Звонил из ЦК КПСС наш главный начальник от культуры Шауро.

– Евгений Яковлевич, тебе надо срочно вылететь в Волгоград. Там ставят спектакль «Сталинградцы». Премьера пойдёт на всю страну в прямом телеэфире. Будет сам Чуйков. Его родственники считают, что ты очень похож на него, молодого, и просят заменить на сцене актёра, который якобы на него совсем не похож.

– Когда вылетать?

– Рано утром. Вечером спектакль.

Мать честная! Ну и дела! В 7.10 я уже приземлился в Волгограде. И сразу в театр. Заучиваю роль, гримируюсь, выхожу на сцену. Зал забит битком. В шестом ряду Василий Иванович. Актёры – милейшие люди, очень доброжелатель-

сандром Вертинским, Михаилом Светловым и Лялей Чёрной. И вернул им эту дружбу в главах своей прекрасной книги «Дарю, что помню». А память у него была покруче компьютерной.

ные. Играю первое действие. Антракт. Ко мне в гримёрную входит Чуйков. Басит протяжно:

– Ну, спасибо, спасибо. Тронул.

И после паузы эдак с ехидцей:

– А кто тебе сказал, что я крестился кулаком?

– А ваши биографы.

Он хмыкнул весело:

– Трепачи!

Вновь пауза, вновь ехидца в его голосе:

– А когда ты поворачиваешься при этом в профиль и что-то прищёптываешь губами, это что?

– Обозначаю, как вы ругались, Василий Иванович.

Чуйков довольно усмехнулся:

– Ну, трепачи!

Неожиданно он обнял меня, глаза его увлажнились:

– Давай отметим знакомство.

Вошёл его адъютант и молча разлил в два стакана водку. Я остолбенел:

– Не могу, Василий Иванович, мне ж вас через десять минут доигрывать, товарищ маршал.

– Обижает! (вместе с Весником мы эту фразу причесали, поскольку маршал выразился более круто, с «перцем» – В.К.). Помнишь, как на фронте – сто граммов выпивали, и воевать шли, а со мной не можешь и пятидесяти выпить? Не валяй дурака!

Пришлось. И вот конец спектакля. Овации. Публика встала, все повернулись лицом к Чуйкову. В это время телевизионщики сделали для прямого эфира перебивку: крупным планом показали плачущего от избытка эмоций маршала и моё залитое слезами лицо. Минуло время. Когда пришло печальное известие, что Василия Ивановича не стало, у меня было ощущение, что я потерял одного из самых близких людей. Хотя знал его всего три минуты.

Я не политик, я актёр

Я вслушиваюсь в шум старенького диктофона и испытываю состояние почти мистическое. Будто разговариваю с Весником сегодня, вживую. В масштабе один к одному. Окна его квартиры выходят на станцию метро «Баррикадная». Совсем рядом – Белый дом. Понятно, что трагическая осень 93-го больно резанула сердце артиста. Мы не могли не вспомнить эти дни. И не перебросить мост памяти к его отцу и к сегодняшним судьбам фронтовиков.

– Евгений Яковлевич, есть старая библейская заповедь: чти отца своего. Легко ли чтить, если на его поколение сегодня пытаются возложить вину за всё, что с нами ныне происходит.

Весник помрачнел, в молчании прошёлся по кабинету.

– Знаете, я не политик, я актёр. И всё же... Суд истории – категория философская. Вы уверены, что на этот суд не попадут иные из нынешних чиновников? За разграбление России. За разгул преступности. За обнищание одних и невероятное, несправедливым путём нажитое богатство других?

Мы долго молчали. Каждый думал о своём. Весник шелестел страницами семейного альбома, и в воздухе отчётливо слышался шелест минувших лет. Он вновь вернулся к моему вопросу.

– Да, я чту отца своего. Он пришёл в этот мир бесребреником и таким же ушёл: человеком обострённого чувства справедливости, не признающим привилегий, фанатиком дела. Он был директором крупнейшего завода, но получал партмаксимум – это в два раза меньше оклада моей матери, заведовавшей птицефермой. Он стеснялся надеть новый костюм, отдавал его брату, а затем носил уже поношенный. Орджоникидзе выделил ему автомобиль, но отец ездил на трамвае, поскольку отдал машину для перевозки рабочих, женщин и детей. В бараках с рабочими и праздники встречал. И в памяти народной остался. Революционный романтизм? Слишком просто. Тут, скорее, надо поразмышлять о чистоте, праведности, убеждениях, поступках, нравственных примерах. При-ме-рах!

В эти минуты Весник казался мне рассерженным ёжиком, вдруг выпустившим все свои иголки. Он вообще-то был запальчив, прямолинеен в оценке нынешних общественных нравов и в пику им переводил своё поколение на другую сторону нравственного полюса. «Плохо ли, хорошо ли мы воевали – не в этом суть. Все мы были чисты и объединены одной задачей – победить. Нам говорили – вперёд, и мы шли вперёд. Если сегодня

бросить этот клич – одни пойдут влево, другие вправо, третьи улетят вверх, а четвёртые вообще никуда не пойдут. Но, простите, на чём воспитывать нынешнее поколение, которое в чём-то считаю потерянным?»

Вот так круто, без полутонов. В этом же стиле Весник выступал и перед государственными мужами, когда его приглашали в качестве гостя на официальные мероприятия. Не могу не признать, «полюс» Весника очень ностальгичен. Я побывал на нём не раз и словно переселялся в до – и послевоенную Москву, с её дворовыми спортплощадками, стадиончиками, зимними катками, всевозможными спортивными секциями. С её мальчишками, которые, по словам Весника, «хотели казаться девочкам сильнее, ловчее, красивее, а не по-нашенски, по-сегодняшнему – богаче, круче, безжалостнее». Помню, однажды он, жестикулируя, носился по комнате и с жаром вспоминал подвижничество Петра Болотникова, который, несмотря на титул прославленного олимпийского чемпиона, при всех своих регалиях шёл к дворовым пацанам и занимался с ними спортом, пестуя при этом молодые души.

– Нужен сегодня его пример? – спросил он меня. – А пример великого Николая Озерова? Даже лишившись ноги, он продолжает сеять разумное, доброе, вечное. Кто востребует наш опыт? Государство? Ему не до этого. Оно «осчастливило» нас, фронтовых стариков, показушной, холодной, лишённой сердца и ощущения храма, Поклонной горой, но не оставило надежд на уважение. Да чего там – на безбедное существование!

Выпустив пар, Весник успокоился, хитро сощурил глаза, перешёл на полупёпот:

– Знаете, что всем нам сегодня надо? Перестать трепаться, завидовать тем, кто лучше нас живёт, и начинать работать. Такое впечатление, что пол-России сдаёт бутылки, а вторая половина дебатировует, как нам выходить из кризиса.

От его монологов шёл мороз по коже, и я как-то заметил, что его драйва так не хватает Малому театру, хотя и знал его позицию: при всей любви к «альма-матер» он ушёл из него навсегда. По собственному желанию. Он оказался лишним в театре, который, по мнению мастера, стонит острой, волнующей всех современной проблематики и безнадежно утратил роль «второго университета», коим считался в глазах общественного мнения в пору золотого века русской культуры.

– Я частник, я собственник своего времени! – воскликнул он. – Какое счастье! Я пишу книги, ставлю спектакли, тружусь на радио, снимаюсь, где хочу и у кого хочу. У Хавенко снялся в комедии «Пистолет с глушителем», а у Меньшова – в комедии «Ширли-Мырли». На днях послушайте на радио мою постановку «Горячего сердца» Островского. Между прочим, играю вояку

Самый грешный день

Когда не стало Евгения Яковлевича, первое, что пришло в голову, это поэтические строки: «Какие рухнули деревья, какие карлики взошли!» Агрессивность и упитанность этих самых карликов, их невероятная страсть к размножению пока ещё не убили Россию окончательно. Но карлики на верном пути: ныне им обеспечена благодатная среда обитания.

Причём здесь Весник? Такие люди в искусстве, литературе, медицине, экономике – везде – высотой своей культуры и нравственных достоинств, результатами своего подвижнического служения выполняют роль крепёжных снастей в нашем потерявшем ориентиры обществе. Нет крепёжки – множатся прорехи, расползаются дыры, которые не залатать даже с помощью МЧС.

Были ли мы друзьями с великим артистом? Сложный для меня вопрос. Просто однажды я оказался в нужный час и в нужном месте рядом с Евгением Яковлевичем. В качестве интервьюера. Симпатия оказалась взаимной. Одна встреча потянула за собой другую. Он стал давать мне для ознакомления рукописи своих книг-воспоминаний. Некоторые отрывки мы печатали в «Красной звезде». Всё, что я отбирал для «Звёздочки», привозил Веснику домой для согласования моей литературной правки. Банальная истина: если человек талантлив, он талантлив во всём. Погружаясь в рукописи, в стремительно бегущие строки автора, пульсирующий ритм его мыслей, я ловил себя на том, что испытываю магию Весника-писателя не меньшую, чем магию Весника-актёра.

Править Евгения Яковлевича надо было крайне осторожно. Эмоции, как штормовые волны, били из него через край. Ему мало было одного восклицательного знака. Он ставил четыре, в одну шеренгу, как солдат на плацу. Он использовал знаки пунктуации как актёрскую речь. Каждая пауза играла, каждое описываемое действие шло в том темпе, каким он управлял с лёгкостью необычайной, то «при-

Градобоева, капитана, участника русско-турецкой войны. Со мной Глузский, Полякова, Ташков...

Я послушал. И вновь убедился: среди тысячи лиц, вороха кино – и театральных ролей Весник сохранил своё единственное и неповторимое лицо, которого мне (да разве мне одному?) так сегодня не хватает.

тормаживая» запятыми, то ускоряя тире, то философски обрывая многоточиями. Всё точно, всё расставлено по своим местам, как в мизансценах, которые работают на развитие сюжета и образов.

Я помню, что испытал чувство озноба, когда получил от Весника рукопись его рассказа, в котором он описывает с документальной точностью свой «самый напряжённый, самый грешный, самый неприятный день за всё ... «пребывание» на фронтах Отечественной войны, может быть, и жизни».

Он назвал рассказ «Сто метров войны». Эта стометровка отделяла весной 45-го на берегу Куршского залива десант немецкой морской пехоты, высадившийся с кораблей для захвата плацдарма, от наших бойцов, находящихся в засаде в прибрежной зоне. Немцы в изрядном подпитии, идут напролом, спотыкаются, падают, но идут.

Весник разбил повествование на короткие главки. 90 метров. 80 метров. 70 метров. И так до последней, 27 метров. В каждой главке – стремительно меняющиеся картинки приближения врага к нашим позициям и фрагменты прожитой Весником жизни. Мама, друзья детства, дымящиеся остатки городов, предательская измена труса. Цитата из Ветхого завета: «Блаженны миротворцы...»

Немцы угодили в жуткий капкан и были уничтожены кинжальным огнём. В упор. Весник едва успевал перезаряжать пистолет.

«Я не знаю, не помню, сколько времени прошло до падения последнего немецкого пехотинца. Позже говорили, что по всему побережью полегло несколько тысяч фашистов. Не хоронили. Был сильный шторм. Куда-то их унесло.

В течение полугода я плохо спал, просил у Бога отпустить мне грех.

Ответа нет!

Сейчас на меня наступают годы: 70, 71, 72, 73, 74...

Когда они сразят меня?

Ответа нет...»

Приходи потреться о джазе

Каждая наша «литературная» встреча растягивалась на часы. Весник произносил длинные монологи, в лицах рассказывал о своих великих партнёрах по сцене, уносился в прошлое, давал очень жёсткие оценки дням сегодняшним, балагурил. По ходу действия мы перемещались из просторного кабинета с великолепной библиотекой на кухню. А там милейшая, не растерявшая былой красоты жена Евгения Яковлевича Нонна Гавриловна уже сооружала закуски, из холодильника извлекалась и воцарялась на столе запотевшая «водовка». Впрочем, Весник почти не пил. Но пристально следил, чтобы моя чарка не подсыхала.

На этих импровизированных посиделках я остро ощущал, как же не доставало ему ушедших друзей и партнёров по сцене, с оглушительными по популярности фамилиями, титулами, почётными званиями. Долгие-предолгие годы это была среда обитания Весника. Его судьбы, мнением которых он свято дорожил и с которыми дышал одним воздухом великой русской культуры. И не только русской – мировой. Наше донельзя политизированное время лишило мастера экологии общения, а на меньший уровень личностей он был не согласен. Потому и внутренне страдал. Рискую ошибиться, но я был для Евгения Яковлевича одним из тех, кто помимо дел творческих мог поучаствовать в процессе, именуемом «А поговорить? А послушать?»

Однажды я пригласил его на концерт, который вёл в рамках абонемента «Памятные даты мирового джаза» в Московском международном Доме музыки. Он перезвонил в тот же вечер, и я с радостью услышал, что Весник стал называть меня на «ты», заменяя имя на фамилию. Верный признак хорошего настроения.

– Каушанский, откуда ты узнал, что я обожаю джаз? Если будет ещё что-то приличное – зови!

Когда он хворал, его тон по телефону менялся на детски-обиженный: «Каушанский, ты почему не звонишь? Если бы ты знал, как мне хреново!»

По соображениям деликатности я не грузил его пустыми разговорами, но старался поздравлять Весника с днём рождения и обязательно с «его датами» – Днём Победы и Днём защитника Отечества. И, конечно, по возможности приглашал его «на джаз», выбирая программы самые демократичные – музыку Гленна Миллера, Дюка Эллингтона, Бенни Гудмена. Джазовая классика его пленяла и делала счастливым.

Однажды он позвонил и вкрадчиво произнес:

– О джазе хочешь потреться?

– То есть?

– У меня радиопередача. Тема: музыка моей молодости. Цфасман, Варламов, Утёсов... Ну, и так далее. Понемногу обо всём. Будет Капитолина Лазаренко. Я ей уже звонил. Капа согласна.

Я был заинтригован. Эта певица была необычайно популярна на советской эстраде в 50-х-60-х годах, выступала солисткой в оркестрах Утёсова, Эдди Рознера, пела в 90-х, всё также задушевно и искренне.

Благодаря тонким и шутливым замечаниям Весника, выступавшего в роли ведущего, шутливым «соло» Капитолины Андреевны, разговор получился весёлым и каким-то праздничным. В тот день у Евгения Яковлевича очень болели ноги. Он морщился, ворчал и всё же затеял поход в ближайшую харчевню, чтобы отметить наше пребывание в радиоэфире. Все попытки отправить его на машине домой были пресечены в зародыше: «Каушанский, сейчас же прекрати командовать. Хоть ты и полковник, будешь подчиняться старлею Веснику! Вопросы?». Он заказал закуску, разлил в рюмки водку (сам лишь едва пригубил). И те два часа, что мы провели, стоя за маленьким столиком, облучались по полной программе байками Весника. В забегаловке был аншлаг, и посетители оборачивались, слыша наши взрывы хохота. Весник смеялся вместе с нами, а в глазах вспыхивали искры боли. Вся программа дня, которую он наметил, была выполнена от и до.

Но каждый шаг домой давался ему через муки...

Что это? Упрямство? Страсть к безоговорочному лидерству? Привычка во всём оставлять за собой последнее слово? Неугасимое во времени волевое начало командира? Теперь-то я знаю доподлинно и потому повторяю: за всем этим стояло желание продлить ту ауру жизни, которую он считал для себя единственно возможной, и которая, он это чувствовал, ускользала в новые для него, да и для всех нас времена.

Веснику вполне хватало славы народного артиста СССР. Он по-прежнему был любим публикой, востребован даже на скукоженном как шагреневая кожа культурном поле, на котором уже всходили другие имена. И другие герои, живущие по канонам ходульных сценариев – смеси гламура и осовремененной Мурки. Он мог язвительно высмеивать идеологический идиотизм советской эпохи, но при этом с нежностью и страстью лелеял и оберегал тот мир, в котором царили нетленные для него ценности: высоты творчества, большое искусство и большая литература, това-

рищество, фронтовое братство, тепло семейного очага, верность слову, жажда человеческого общения, неподкупность и непродажность.

...Откуда-то с облака вдруг пришла эта музыка и эти слова Высоцкого: «Мне не стало хватать его

«Я – ковбой...»

В этот дом я впервые пришла, кажется, в 2000-м, с двумя молодыми и талантливыми – поэтессой Галиной Нерпиной и прозаиком Алексеем Гелейном. Своеобразная делегация литературного журнала «Кольцо А», в котором тогда начал печататься один из уникальной плеяды мастеров театра и кино Евгений Яковлевич Весник, в литературе – философ и поистине кудесник слова и образа. Забегая вперёд, скажу: с тех пор мы почти из номера в номер представляли читателям – ещё до выхода книг Евгения Яковлевича – его афоризмы, повести-мистерии, увлекательную прозу и острую публицистику. У него была личная рубрика в нашем журнале «Записки артиста», в которой появлялись почти из номера в номер и рассказы, и главы из книг, и воспоминания, и различные диалоги, в которых правда жизни виртуозно переплеталась с фантазией и подчас звучала гротескно, парадоксально. Многие в этой самобытной прозе были по остроте взгляда и языка, по точности и беспощадности наблюдений и обобщений родственно творениям Салтыкова-Щедрина и Гоголя. В тот же год Евгений Яковлевич Весник стал членом Союза писателей Москвы, а немного лет спустя – лауреатом литературной премии «Венец».

Наш поход был вызван предложением автора послушать только что им написанное. Словом, нас пригласили, и мы пришли. Послушать Евгения Весника, да ещё в домашней обстановке, – это же везение, удовольствие, праздник.

Высотка напротив метро Баррикадная внешне выглядела вполне монументально, если не считать «слепых» витрин первого этажа. Внутри, конечно же, из прежнего великолепия (ковровые дорожки в вестибюле и на лестнице, хрустальные люстры, безукоризненно отдраенный мрамор стен) мало что сохранилось. Но консьержка всё ещё сидела у входной двери в вестибюле.

А в квартире Весников дразняще витал масленичный блинный дух. И Алёша Гелейн, сладко прижмуриваясь, явно предвкушал не только блины, но и то, чем они обычно на Руси сопровождаются. И не ошибся. Сопроводились блины любимой «авторской» настойкой водки на кал-

только сейчас, когда он не вернулся из боя». Спасибо за счастье хоть немного побыть с вами на этой грешной земле, Евгений Яковлевич!

Владимир КАУШАНСКИЙ
2011, август-сентябрь

гане, которая Алёше чрезвычайно понравилась, и, подозреваю, это было одной из причин, по которой нас в этом составе на блины больше не звали. Вкуснее, чем у Нонночки Весник, я их не пробовала ни до, ни после.

Но сначала было то, ради чего мы, собственно, собрались, – послушать артиста, писателя, человека с величайшим и разносторонним жизненным опытом, чрезвычайно эрудированного, памятливого на неожиданные детали в той или иной истории, наделённого природным чувством юмора и сарказмом, с не простой – изначально – судьбой. Послушать – разобраться в разрозненных листках его рукописей, распределить, что и в каком порядке будем печатать. Кстати, ни одна публикация Евгения Весника в «Кольце А», тогда ещё выходившем в бумажном варианте, а не в цифре, как теперь, не прошла незамеченной читателями.

Рабочий стол хозяина, занимавший почти весь небольшой холл квартиры, был завален рукописями, причём большая их часть представляла собой разрозненные листки, исписанные невероятно крупным непонятным почерком, смахивающим на каракули (наша компьютерная наборщица негодовала: неужели так трудно попросить автора отдавать материал хотя бы в отпечатанном на обычной машинке виде?!). Не трудно – неудобно было.

В тот вечер Весник читал нам выборочно отрывки из разных произведений, сопровождая и дополняя их воспоминаниями, шутками, забавными историями. Словом, замечательный был вечер.

Тогда же было решено провести творческую встречу нового члена Союза писателей Москвы с литературными коллегами, с авторами журнала – в Малом зале ЦДЛ, в рамках ежемесячно проводящегося нами до сих пор «Клуба Кольца А». В зале был аншлаг. Помимо прозы, Весник, конечно же, всех увлёк устными рассказами. Их, кстати, у Е.Я. вполне могло набраться на объёмную энциклопедию сатиры и юмора, что и подтвердили впоследствии его многочисленные

книги. В заключение вечера нами была принята попытка доставить выступавшему дополнительное удовольствие – дать возможность предстать перед мэтром небольшому самодеятельному молодёжному коллективу с какой-нибудь сценкой из их репертуара. Участники приехали после работы из разных концов Москвы и даже Подмосковья, запыхавшиеся, торопливо переоделись, очень волновались, очень старались сыграть живо и хорошо и, конечно, надеялись на слова если не похвалы, то поддержки или снисходительной критики. Но мастер подошёл к оценке бескомпромиссно: критиковал жёстко, комментировал хлётко и, в конце концов, начал сердиться на ребят, на зал, и мне даже показалось – на самого себя: как всякого мастера его раздражал непрофессионализм во всём. Особенно в том, чем был для него ТЕАТР. А ребята и были не профессионалы, но беспредельно преданные тому ТЕАТРУ, который в тот вечер материализовался для них в знаменитом любимом артисте. Они очень хотели показать ему себя с лучшей стороны. Не получилось. Мне было жалко ребят. Жалко разгневанного Весника, мохнатые сердитые брови которого ходили ходуном, словно возмущённо переговариваясь друг с другом. Смущена была и Нонна Гавриловна.

А тут ещё в переполненном гардеробе один из искренних поклонников артиста решил оказать Весникам услугу – взять их пальто без очереди. Не беда, если бы он сделал это тихо, не привлекая внимания. Но эмоциональный, как всякий поэт, молодой человек, с горящими глазами, врзался в народ, воздев два гардеробных номера над головами, и во всю силу молодых лёгких, даже как бы со всем отчаяньем переполнявшей его любви возопил звонко и торжественно, на весь вестибюль: «Пальто народному артисту СССР и его супруге!!!» Очередь онемела, распалась надвое, обеспечивая прорыв поэта к гардеробщице. Конечно, никто не протестовал, даже напротив – все отнеслись с пониманием. Я усмехнулась: очень похоже получилось на то, как объявляют после посольских приёмов: «Машину господину N и его супруге к подъезду!» На мгновение показалось, что тут не обошлось без незримого присутствия булгаковского Коровьева. Молодой поэт – справедливости ради отмечу – по характеру и тогда и теперь был и есть человек чрезвычайно отзывчивый, искренний, им всего лишь руководило благое намерение избавить мастера от лишних хлопот...

Эта сцена, в общем-то, безобидная, хоть и комичная, окончательно испортила настроение Евгению Яковлевичу. На все мои попытки на-

строить его на весёлый лад, он даже на улице не переставал повторять на все лады одно-единственное: «Позор!» Не в его, фронтовика, не в его, интеллигентного человека, правилах было продирается без очереди, куда бы то ни было, расталкивать людей, потрясать своими званиями, регалиями, привилегиями. Не в его правилах было и позволять это делать кому-либо от его, Весника, имени.

Однажды мне позвонила Нонна Гавриловна и попросила съездить с ней в военный госпиталь, в котором тогда лежал Евгений Яковлевич на обследовании. Надо было отвезти туда, помимо прочего, 5-литровый баллон питьевой воды. Конечно, ей одной это было не под силу.

Госпиталь был огромный, назывался, кажется, «госпиталь ветеранов трёх войн». Находился где-то на окраине, мы ехали с пересадками на метро, потом на маршрутке и, наконец, добрались. Был какой-то неуютный промозглый день поздней осени, когда и светает нехотя, и темнеет уже раньше летнего.

Постучав, вошли в крохотную палату.

Евгений Яковлевич встретил нас без особого энтузиазма – только что закончилась очередная неприятная для него процедура. Он с грустью показывал большие синие пятна на тыльных сторонах ладоней – следы кровоизлияний. Я попробовала его разговорить – спросила про кипяток для чая, всегда ли есть он в больничном коридоре.

Весник мой ход принял и ответил, что кипяток тут есть всегда, а кипятильник он больше вообще с собой не берёт, потому как в одной из предыдущих больниц он включил кипятильник прежде, чем опустить его в кружку с водой. А когда кто-то позвал его из коридора, он машинально положил включенный кипятильник на тумбочку. Хорошо, что разговор с соседом не увёл его далеко от палаты. Вскоре из-под двери пошёл едкий дым и просочился запах горящего пластика. Весник распахнул дверь и, ни минуты не раздумывая, в ту же секунду бросился всем телом, плашмя поперёк койки, дотянулся до розетки и выдернул штепсель. Был Евгений Яковлевич тогда уже очень немолод, грузен, одышлив, но – реакция! Подумалось: так же мальчишкой на фронте он мог броситься на землю, заслышав свист снаряда. Вот только комплекция тогда была иная...

Значительного ущерба больничному имуществу это происшествие не нанесло, но что-то, кроме тумбочного пластика, кажется, обгорело.

Как-то позвонил Е.Я.:

– Таня, что-то вы пропали, не звоните. У вас всё нормально? «Кольцо А» выходит? Это хорошо. А у меня книжка новая, я уж и подписал вам.

Зашла и провела часа полтора в удивительно тёплой домашней обстановке: снова были весёлые и грустные рассказы, добавилась экскурсия по небольшой двухкомнатной квартирке, Е.Я. и Нонночка знакомили с настенными фотографиями, среди которых было немало семейных. Потом мы с Е.Я. обменивались мнениями о только что прочитанной нами обоими небольшой книжке «Культура как фактор национальной безопасности» академика Николаева, перечисляли друг другу запомнившиеся места. Весник цитировал: «культура... всегда предлагала проверять военную политику и отношения между государствами – интересами простого человека... Культура поддерживает и возвышает человека. Это – сильная основа духовной и иной безопасности человека, общества, государства...».

Со многими положениями этой книги трудно не согласиться, когда о культуре и о людях, её творящих, государство склонно «забывать».

Потом разговорились о только что вышедшей книге Весника, многое из которой было напечатано в «Кольце А».

Если не ошибаюсь, это была книга, составленная из различных афоризмов, принадлежавших известным философам, писателям, учёным. Автор «сталкивал лбами» на одной странице несколько разнополюсных или однотипных высказываний и затем подытоживал их своим исчерпывающим комментарием, объединяющим и осовременяющим мысли предтеч.

За чашкой чая время летело незаметно, я уже собиралась попрощаться с хозяевами, как Евгений Яковлевич остановил меня неожиданным вопросом:

– Таня, скажите, в вас течёт какая-нибудь кровь, кроме русской?

Я улыбнулась:

– Ну конечно. У меня по маминой линии один из прадедов был грузином, по отцовской – прабабка полька, кажется, и немцы с папиной стороны были. Ну и, возможно, как в каждом русском, если покопаться, есть хоть капля татарской крови.

– Нонна! – зычно вскричал Евгений Яковлевич, – Нонна, что я тебе говорил?! Как только в человеке есть примесь другой крови, – нормальный человек!

Трудоголик по натуре, Евгений Яковлевич, уйдя из Малого театра, не мог оставаться без

дела. Десять лет он регулярно с площади Восстания ездил на Павелецкую – в студию звукозаписи московского городского радиовещания. Слушателей этого сугубо городского вещания уже тогда оставалось немного. Большинство москвичей, делая ремонты или переезжая с квартиры на квартиру, избавлялись от городских радиоточек.

Перечислить всех классиков и их произведения, озвученные голосом и талантом Е.Я. Весника, просто-напросто невозможно. Впрочем, это не было литературной читкой – тут был Театр, всякий раз захватывающий всей полнотой своего действия, широким кругом персонифицированных действующих лиц, многовариантностью интонаций. И всё это держалось на одном-единственном человеке, не получавшем, насколько я знаю, за свой колоссальный труд ни копейки и удостоенном через десять лет «сотрудничества»... Почётной грамоты. О дороговизне жизни, цене лекарств и квартплаты как-то и говорить не хочется. Слава Богу, остались диски с записями тех передач.

Я была несколько раз на этой радиостанции. Подниматься в студию звукозаписи там надо на третий этаж по невероятно крутой лестнице с длинными маршами. Я вскарабкивалась с трудом. Как поднимался все 10 лет Евгений Яковлевич, страдавший тяжёлой формой астмы, не представить даже в кошмарном сне...

...Приближалось 85-летие артиста. В Малом театре планировался торжественный вечер. За несколько дней до этого я сидела как-то вечером у Нонночки и Евгения Яковлевича в том же самом холле и за тем же самым столом, что и в первый раз. Разговор зашёл о предстоящем юбилее. Я поинтересовалась, как Е.Я. себе его представляет.

– Никакой речи не будет. Я просто выйду на авансцену, опущусь на колени перед зрительным залом и поблагодарю всех зрителей. И поклонюсь им до земли. Вот и всё.

Я тихо спросила:

– А встать с колен сможете?

– Да, это надо, действительно, продумать, – спохватился он. И тут же нашёлся с ответом: – Пожалуй, я попрошу выйти со мной двух молодых актёров и встать по обе стороны от меня. После коленопреклонения и поклона они меня возьмут под локти, поднимут и поставят на ноги, и я поклонюсь публике ещё раз.

Наверное, всё так и было.

Примерно в 2005 году главный редактор крупнейшего русскоязычного еженедельника «Панорама» в Америке (Лос-Анджелес) Ирина Паркер

попросила меня взять в Москве у нескольких именитых соотечественников поздравления редакции и русским читателям «Панорамы» с Новым годом. Среди тех, к кому я обратилась, были Римма Казакова, Людмила Улицкая, Борис Васильев, Евгений Весник. Его поздравление звучало так:

«Дорогие читатели и редакторы «Панорамы»! Во-первых, я хочу сказать, что имею прямое отношение к Америке, потому что с трёх до пяти лет жил на вашем континенте вместе с родителями, которые там тогда работали. Когда мне стукнуло пять лет, мы должны были вернуться на родину. Я не вовремя заболел, у меня поднялась температура, и мама волновалась, что нас не пустят на пароход. Она несла меня, нахохлившегося, завёрнутого в тёплое одеяло, и чиновник, проверявший билеты перед посадкой, спросил, посмотрев на меня: «А вы, сэр, что так печальны? Не заболели ли вы?» И тут я встрепенулся и так бодро, как только мог, ответил (я тогда говорил по-английски не хуже любого американского мальчишки): «Да нет, просто мне жалко покидать Америку!» – и в подтверждение своих слов неожиданно запел песенку, которую во дворе распевали мои малолетние дружки: «Я ковбой, я ковбой, я ковбой, пока мне отдаются девчонки!» Чиновник, смеясь, пропел со мной последнюю строчку и признался, что это и его любимая песня. И мы благополучно поднялись по трапу на палубу.

Как ваш – почти – соотечественник я желаю всем вам здоровья и счастья, «Панораме» – отличных авторов, Америке – процветания. Ваш Евгений Весник».

«Давай работать!»

Евгений Яковлевич Весник...

Какие мысли приходят, когда вспоминаешь это имя? Множество эпизодов работы и дружеских посиделок с рассказами и размышлениями на все темы... Они путаются, мешают и перебивают друг друга. Когда меня попросили написать несколько слов о Евгении Яковлевиче, я не раз пытался начать, но ничего не получалось! А потом понял, что рассказ о таком Человеке и Артисте не может быть изложен в небольшой форме воспоминаний, настолько масштабна его личность! Но призыву на помощь хронологию наших отношений, для краткости опуская некоторые детали. Хотя в деталях, наверное, есть особая прелесть.

Итак.

Позже в книге «Дарю, что помню» я нашла этот эпизод. И прочитала короткую авторскую ремарку: «Не в этот ли миг родился во мне азарт к перевоплощению и лицедейству?»

...Его не стало 10 апреля 2009 года. На панихиду в Малый театр собралось огромное количество народа. Звучали торжественные скорбные прощальные слова о незаменности и тому подобном, приличествующем ситуации.

А мне, выступавшей одной из последних, захотелось воскресить в памяти пришедших гениального артиста Евгения Яковлевича Весника, переполненного творческой и жизненной энергией, неутомимого фантазёра на сцене и в книгах, невероятного труженика, жадного книгочея, поразительного бессребреника и, наконец, неукротимого ковбоя, преданного более сорока лет одной из самых красивых, самоотверженных и добрых женщин на Земле – Нонночке, Нонне, Нонне Гавриловне.

И тогда я рассказала залу о раннем таланте лицедейства и о находчивости пятилетнего мальчика Жени, и прочитала слова его американской песенки.

...В телефонном автоответчике до сих пор живёт его голос: «Добрый день! Я прошу вас записать, всё, что вы бы хотели сказать, после звукового сигнала» – и куда-то мимо трубки, в сторону: «Вот так вот».

Услышите ли, Евгений Яковлевич? Уверена – да.

Вот так вот.

Татьяна КУЗОВЛЕВА
2011, сентябрь

Познакомились мы в конце восьмидесятых. Я – молодой режиссёр, недавно пришедший на радио, Евгений Яковлевич – всеми любимый и знаменитый народный артист, Мастер, который много записывался на радио и успешно работал как режиссёр. Пригласив его на небольшую роль в одном из первых своих спектаклей по сказке Гауфа, я очень волновался и, честно говоря, немного побаивался, будучи наслышан о том, что Евгений Яковлевич был человеком, который никогда не лез за словом в карман, и всегда говорил то, что думал. Он не терпел халтуры и некомпетентности с апломбом, и я не раз был свидетелем того, как он резко одёргивал зарвавшегося, невзирая ни на какие звания и должности.

Мы как-то сразу нашли общий язык. А моё трепетное отношение к спектаклю сыграло свою роль. Я поборол своё стеснение и добивался того, что мне нужно, не оглядываясь на разницу возраста и опыта. На этом мы и сошлись, ведь для Евгения Яковлевича дело было превыше всего!

Потом было ещё несколько спектаклей, в которых принимал участие Евгений Яковлевич, мы много работали, он помогал мне и учил мастерству режиссуры. У нас сложились тёплые и доверительные отношения.

Но вернёмся к хронологии.

Настали трудные девяностые. Я ушёл с радио, организовал свою студию, записывал рекламу, заказные и коммерческие программы – нужно было как-то выживать. Для таких записей необходим был профессиональный артист, и я предложил Евгению Яковлевичу сотрудничество. Он согласился и часто приезжал ко мне на студию. А подружились мы, когда я пригласил его записывать юмористическую рекламную (и такое было!) передачу. Работали много, но по окончании записи как-то не хотелось расходиться... И мы долго говорили на разные темы. Конечно, говорил больше Евгений Яковлевич, а я слушал воспоминания о людях, с которыми ему довелось встречаться, работать, дружить, а для меня ставших уже легендой, и ощущал связь поколений, словно и я был с ними знаком, настолько яркими и образными были его рассказы. Говорили и о политике, и о нравственности. Да о чём мы только не говорили? Очень интересно было слушать его рассуждения, которые позже я находил в книгах Евгения Яковлевича. Может, тогда на мне он, сам не сознавая этого, их оттачивал и проверял? Наверное, не ошибусь, сказав, что эти ощущения посещали многих, кому посчастливилось в дружеской беседе что-то обсуждать с Евгением Яковлевичем.

Пропускаю забавные случаи, связанные с этой передачей и совместный круиз по Средиземному морю. Это достойно отдельного сюжета!

Хочу рассказать о работе над сказками М.Е. Салтыкова-Щедрина. Это была инициатива Евгения Яковлевича. Все сказки! 14 часов звучания, как это выяснилось потом. Записывали мы эти сказки больше года. Я понимаю, почему они привлекли его внимание. Он нашёл в них ту мудрость великого писателя, сейчас несколько подзабытого, которая перекликалась с его мыслями о сегодняшнем дне. Работа была большая, трудная, но очень интересная. Да что об этом говорить? Это

нужно слушать! После записи так же оставались и говорили, говорили бесконечно... В общем, это как-то стало традицией!

Шло время. Я уже построил большую студию звукозаписи для разнообразной коммерческой работы и программ, для озвучки компьютерных игр и пр. Но в душе жила потребность творить, ставить и записывать спектакли!

И я решил на свои средства записать «Ночь перед Рождеством». За очень небольшие гонорары пригласил соскучившихся по творческой работе замечательных артистов – В. Невинного, Л. Дурова, Дм. Назарова, А. Ленкова, И. Муравьёву, А. Покровскую, А. Леонтьева....

Записал сцены. Но кто же прочтёт сложнейший авторский текст? Попробовал одного артиста, другого...

А эфир на «Радио России», с которым я договорился, приближается! Скоро 2000 Новый год! А там и Рождество!

Сознаюсь в режиссёрской ошибке. Я искал артиста, который читал бы от лица автора, а Николай Васильевич написал свои повести, указав, что их рассказывает пасичник Рудый Панько.

Эврика!

После ночи монтажа утром звоню Евгению Яковлевичу:

- Выручайте! Вы! Только вы сможете!
- Когда запись?
- Сегодня! Скоро эфир!

Евгений Яковлевич не обиделся на такую «пожарную команду», а за несколько часов подготовился, и ближе к вечеру у меня уже был записан мастерски исполненный авторский текст. Спектакль получился!

Потом министерство печати дало мне грант, и мы продолжили цикл радиопостановок по повестям Н.В. Гоголя. Так родились ещё и «Майская ночь, или Утопленница», «Вий», «Сорочинская ярмарка». И везде Евгений Яковлевич блистательно читал сложнейший гоголевский текст, даже не читал, а сыграл того самого лукавого и мудрого пасичника, рассказ которого составляет основу этих спектаклей!

Евгений Яковлевич погружался в эту работу целиком, отдавая всё своё время, душу и мастерство, всю свою любовь к классике. Он жил этим. И я счастлив, что судьба подарила мне возможность не только видеть работу Мастера, но и близко соприкоснуться с ним.

Затем была работа над мудрыми и поучительными сказками для детей Л.Н. Толстого. Кстати, тоже инициатива Евгения Яковлевича. А ещё – «Гранатовый браслет» А.И. Куприна, где мудрого генерала Аносова, рассуждающего о любви, тоже представлял Евгений Яковлевич.

Вы спросите, почему я часто употребляю слово мудрый? А, наверное, как режиссёр и как друг, я воспринимал Евгения Яковлевича как мудрого, но постоянно сомневающегося и ищущего человека. Его творческий и жизненный опыт, его работа и над ролями, и над книгами очень красноречиво говорят об этом.

Генерал Аносов стал последней ролью, записанной на моей студии. Но нужно знать Евгения Яковлевича – неугомонного творческого человека!

Однажды он мне позвонил:

– Витя! Очень хочу записать рассказы Виктора Астафьева! Но как быть? На студию приезжать мне уже тяжело...

И мы решили устроить студию звукозаписи у него на квартире. Я привёз хорошую аппаратуру – и работа закипела. Она растянулась на несколько месяцев.

Я звонил, спрашивая о самочувствии и спрашивал:

- Можем сегодня работать?
- Можем!

И я снова у Евгения Яковлевича.

Нонна Гавриловна очень трепетно относилась к нашей работе – закрывалась в одной из комнат, или уходила на кухню, всегда готовая прийти на помощь, если Евгению Яковлевичу вдруг станет плохо или между записями будет необходимо прилечь и немного отдохнуть. Чудесная и добрая жена!

Их отношения заслуживают целого романа.

Но вернёмся к записи.

Мудрые, лиричные и короткие, как стихотворения в прозе, рассказы Виктора Астафьева, с которым Евгений Яковлевич был хорошо знаком, он читал, словно они были написаны им самим – очень лично. Совпадали и мысли и чувства двух фронтовиков – великого русского писателя и великого русского артиста!

Так появилась ещё одна, к сожалению, на этот раз последняя запись – «Затеси». Мы успели записать только одну тетрадь из десяти, входящих в эту книгу...

Но не отпускает ощущение, что раздастся звонок, и я вновь услышу знакомый голос:

– Ты куда пропал? Давай работать!

Виктор ТРУХАН
2011, сентябрь

О друзьях, которые написали о Е.Я. Веснике:

АРЕФЬЕВ Сергей Владимирович – старший советник юстиции, полковник.

ЕРЕМЕЕВ Сергей Сергеевич – народный артист России.

ЗУБКОВ Георгий Иванович – журналист-международник, писатель, профессор.

КАУШАНСКИЙ Владимир Яковлевич – журналист, джазовый комментатор, заслуженный деятель Всероссийского музыкального общества.

КУЗОВЛЕВА Татьяна Витальевна – главный редактор литературного журнала «Кольцо А».

ТРУХАН Виктор Федорович – радиорежиссёр.

Письмо от Игната Любушкина

(Окая) Евдений! Приезжай к нам скорее – уж больно хорошо весной! Божья благодать. На куличи и Пасху уже не успеешь, но на лето соберись обязательно. У нас теперь, как в огороде: разные дом на доме (за Щельковым) – как опята и малята, повысыпали. И дома-то все круглый год, окромя летних двух-трех месяцев, пустые, холодные, человеком не надышанные, не отоплённые. Стоят они, скучают, сорняком обрастают, пока хозяева не приедут из разных городов! Да если и приедут, бывает, то и сорняк не трогают – добрые, потому. Ведь хлеб растить или лён – ничего этого не надо; дом-то для того только, чтоб подышать воздушкой, грибков посушить – у нас ты, Евдений, знаешь – их бывает в удачный год, как капель с неба в дождь! Бывало, с ножницами в лес ходишь, со стволов опята срезаешь. Люблю я опятчиков – они, как букет цветов, напоминают мне ребятню, которая из школы вся разом толкается, когда вылетает на переменку, а если бы ещё шляпки у ребятни были на голове буро-серо-желтоватого цвета – ну, прямо, орава опят-то, потому как лес подгнивает. Никто хворост не убирает, ветки на деревьях, отжившие свой век, не ломает. Никому до леса дела нет, окромя чтоб срубить его побольше. Раньше гоняли за хворостом мужичков боле для того, чтобы лес не портился, а все думают только для того, чтобы печки греть! Нет! Не только для печки. Эх, Евдений, хорошо-то как весной! Всё изменяется, добрее становится! Тут к нашенской крайней избе медведь-муравьед, с мордой длинной который, небольшой он такой – наведываться стал. Садится на зад и давай реветь! Собаки по конурам, петухи-курочки по своим насестам, люди боятся выходить. И так кажное утро. Дали знать Борису-ветеринару, в Островское. Он приехал. Стрельнул в косолапого – усыпил его патроном. Осмотрел. И что же ты думаешь? Лапа у него задняя насквозь железякой проткнута. Железяка острая, наступил, значит, Михаил Михалыч на нее. Борис ему, сонному, операцию прорезал, ранку залил чем-то, заклеил, и втроём мужики его за кладбище метров на триста на тачке отвезли, на показавшуюся из-под снега моховую кочку положили. Спро-

сишь: «Чегой-то все с ним так возятся, охотника что ли нет на него?» Отвечу: «Просьба приходила из области: медведей-муравьедов пять лет не стрелять. Они все меченные обручальными кольцами на шеях – следят за ними. А потом скажу тебе – они дисциплину на коров наводят. Муравьед на корову никогда не нападет, а корова его боится и потому от стада не уйдёт. Это и нам, пастихам, подмога. Вот так-то.

Что же ты думаешь? Через пять дней слышат, опять голос подаёт. Глянули в окно – он на задних лапах стоит и вроде бы поёт. Метрах в двадцати от дома. Хозяин вышел на крыльцо. Мишка его увидел, ещё малость что-то пропел и уковылял. Что он хотел сказать? Никто не понял, Борис-ветеринар из Островского – говорит: «Прощался и благодарил!» Мы все: «Да ну! Да не может быть!» А он нам, милай, такое порассказал. Я перед тем, как пересказать тебе, от себя кое-что хочу добавить. Вот весной всё меняется, дружно природа после Пасхи к обновлению идёт, медведь человеку доверяет, а у нас наши правители, руками водящие, все скисли, как тесто, они в своих заскорузлых распрях уже весны не могут увидеть, и нам-то все надоели, особенно думские некоторые – они лапы свои и головы чем-то поранили, и нет на них ветеринара! Им всем разойтись надо бы и молодым людям, весенним людям, уступить бы свои берлоги, боками намятые и злостью пропахшие, чтобы новые-то, молодые всё прибрали, проверили и нам на радость заработали.

А теперь слушай, что Боря-ветеринар сказывал. На какой-то нашей дальней границе, не то с Китаем, не то с Монголией, не помню, к летнему лагерю для наших змееловов подошла тигрица и метрах в пятидесяти остановилась, села на задние лапы и сидит. На людей глядит. Люди тоже пригляделись – пасть, видют, у неё всё время открытая. В бинокль глянули – из пасти кровь. А в лагере том наши бывалые охотники и змееловы, тигров не раз видали и, значит, решились они к ней подойти поближе. Один смельчак идёт к ней без ничего в руках, а чуть позади другой шагает, но со взведённым автоматом в руках, первый идёт, в глаза ей глядит. А там, в глазах у ней, всё

написано: злится она или нет, желает ли полакомиться человечком или не до того ей. Первый-то кто идёт к ней, вплотную подошёл, заглянул в пасть – мать честная! – кость здоровенная на попа стоит и, видать, острым своим концом в нёбо впиалась, и оттуда кровь течёт. Сзади человек на-чеку, – если озлится тигрица или нападёт на первого, он её сразу – бац-бац – и прикончит красавицу... Подошёл, значит, первый, ласково с ней разговаривает: «Ах ты, дескать, хорошая моя, да что ж ты так неосторожно закусил зайчиком или чем другим побольше? Дайкося я попробую вынуть кость-то...» Залезает он рукой в пасть – тигрица не шелохнётся! Пробует вынуть – эээ!.. так просто не вытащишь, надо посильнее дёрнуть, и нажать, и тянуть. Производит он все эти операции (она только карие глаза закрыла – и опять не шелохнётся) – и выдрал он кость. Стоит с ней в руке. Тигрица продолжает сидеть, глотает кровь, язычком облизывается. Потом чуть приподнялась, сделала шаг в сторону «хирурга», длинным языком облизала руку его в крови, тихонько развернулась и так же тихонечко, как кошка по комнате, пошла. Куда там, не знаю – то ли в лес, то ли в воду, то ли... В общем, не знаю. Вот такая, брат, история. И ещё одна – это уж такая, что прямо не верится. Чудо какое-то. А касается это чудо не людей, а опять животинки, или, лучше сказать, твари ползучей, да такой твари, что человеку учиться у ней надо. Речь о змее пойдёт.

Где-то, тоже далеко, если не ошибаюсь, то ли под Баку, то ли под Ташкентом, а может, в Таджикистане, но скорее всего не у нас в Костромском крае, а там же, где тигрица живёт, солдат змею то ли подобрал, то ли она в казарму залезла, то ли хворающая она или раненая была. В общем, он её чем-то покормил или напоил и взял её к себе в казарму. Каким образом она у него в постели оказалась – не помню (приедет Боря-ветеринар, и если не забуду – спрошу), наверно, он её выхаживал, болезную... В общем, получилось так, что она никого не трогала – а была она ядовитая – и спала с солдатом в кровати, под подушкой. Кормил он её, молоком поил, всё хорошо у них происходило, и вдруг солдат тот то ли на границе, то ли на учёбе – погиб... Змея-то из постели не вылезала, пищи и воды ни от кого не принимала и померла от голода! Хочешь верь, хочешь – не верь, а вот такая, значит, любовь была на нашем шарике земном – змеиная любовь. А теперь вообще волосы у тебя сдвоятся – слушай внимательно. Ходили-ходили эти наши змееловы, искали-искали змей разных, больших и малых, доили их – то есть выдавливали из них яд, и вдруг отставший от них товарищ возьми да и провалился

в яму, замаскированную людьми для поимки разного зверя. Провалился, значит, он, болезный, в яму эту и сидит в ней, «загорает». А окромя этого всё думает, как это ему оттуда выбраться. Глубина-то в два человеческих роста – и стенки у ямы гладкие-прегладкие. Начал он руками скрести по стенкам – ступенечку себе под ногу выскрести, чтоб потом вторую, третью – и выбраться. Надежды малые, потому как для ноги ступеньку выскрести, а руки куда девать? Закавыка большая! Лёг он на дне спать. Утром просыпается, глянул наверх, а там огромная змея со щеками надутыми на него глядит – изучает, значит. Он и стал по-прежнему выскрести ступеньку. Змеища глядела-глядела и вдруг, Евдений, смотри, не упадь со страху! – хвостом – конец туловища своего, окончание, значит ему вниз опускает, да ещё чуть приподнимает конец туловища так, что как бы сидение образовывается, и замирает... Змеелов чуть живой к одной стенке ямы прижался и думает: «Чегойто она мне хвост подаёт, а не ядовитую пасть с зубами, ядом и прочими всякими киноужасами?» Думает, значит, он, немножко смелеет, подходит к этому «сидению», трогает его – ничего, спокойно; садится верхом и... что ж ты думаешь, Евдений, – помогает ему змея выбраться наружу, на землю, по которой человеки ходят и в яме жить не желают.

Когда он оглянулся – видит, что она передней своей частью, где все «киноужасы» находятся, с деревом обнялась и использовала его – дерево-то – как упор, как крюк, и змеелова-неудачника вытащила, он потихоньку поклонился змее, как сказочной фее, и тихонько поплёлся к своим, в лагерь на границе... Рассказал, дурачок, про всё и получил от самых опытных объяснение: «Змея в этой яме жила и от тебя её очистила. Рассказывали, как лет пять тому назад в этой же яме оказался человек. И было это поздно вечером, когда он, значит, провалился. Так змея спустилась вниз, овила его, трясущегося от страха и холода, согрела своим телом и так с ним и переспала ночь, наутро выползла и таким же макаром, как и тебя, выволокла оттуда».

Евдений! Погоди – ещё не всё! Не подымай ещё волосы дыбом. Скоро подынешь! Обязательно! Змееловы давно порешили, что змея-спасительница уползла куда-то или просто подохла... И вот, узнав, что она жива, – устроили ей засаду и поймали. Эх-ма, спасённому не надо было выдавать её! Принесли её в лагерь в клетке на носилках, клетка с ячеей мелкой-мелкой – не выползет. Змеелов, который рассказывал, где её яма, увидел её в клетке и как заорал на товарищей: «Что ж вы, сволочи, наделали – вас Бог накажет за то, что

мою спасительницу погубить хотите!» Он знал, что из таких змей не только яд брали, но и шкуру снимали с них, и о том, чтобы её выпустить, не могли даже и подумать, народ там суровый, они над защитником, значит, посмеялись, а когда защитник змеи подошёл к ней близко-близко, чтоб поговорить с ней, грех с души снять, она... как плюнет ему в лицо струйкой яда! И у него на всю жизнь незаживающая язва на щеке осталась. Он за предательство получил наказание. Извини меня, Евдений, плюнула она ведь всем нам, человекам, за поведение наше друг с дружкой, за то, что людей губим и предаём, убиваем, выслеживаем, как волков, и в рабство крадём! Евдений, прости меня, пастуха глупого, но чует моё сердце – ты согласный со мной будешь. С письмом вдобавок посылаю посылочку – там медок и самогончику малость. Люська Румянцева едет на продовольственной машине в Москву – она тебе занесёт всё домой.

Обнимаю тебя, привет тебе от свояченицы моей глухонемой. Я ей записку написал, что посылаю тебе письмо и гостинчик, так она присовокупила к посылочке мяты и зверобою засушенного; да грибочков белых связку и показала на сердце – значит, от чистого сердца тебе это передаёт. От всех коровок тебе приветы. Они писать письма ещё не научились, так я за них тебе приветы передаю.

Приезжай! Жду! Торопись, а то вдруг помру! Я ведь гриб-то уж не белый, а так – сыроежка сморщенная. Игнат Любушкин.

И ещё: зря людишки не учатся у зверья. Зверьё-то человечнее, чем мы. Правильно в Ветхом Завете сказано о том, что Бог между нами и животинкой никакой разницы не провёл. Шебуршимся мы, шебуршимся, человечки-муравьишки, а всё одно – вся эта шебуришня называется «суета суета», а страдания наши – «томления духа». Ах, Евдений, как хорошо это сказано!

Что-то милое и давнее...

Осенний сонет

Душа болит, сентябрь окрыляет –
Два чувства уживаются во мне.
И горестно, и радостно вдвойне,
И лёд обиды незаметно тает.
Светлеет лес, и солнышко играет,
Дышать легко

в прохладной тишине.

Так хорошо, как будто бы во сне
Моя душа по воздуху летает.
Прозрачна даль, и сопок синева
В торжественность печали

повергает,

Желтеет придорожная трава,
Слышны уже прощальные слова,
Вожак в дорогу стаю собирает...
Дочитана последняя глава.

11.09.06

Другу

Из пустого в порожнее
Целый день воду лить.
Ты за истину ложную –
Я за то, чтоб любить.
У тебя бездна времени –
Я по горло в делах.
Коротки дни осенние,
Мы у мира в гостях.
Да и что, по-хорошему,
Значит вера в людей?
Ты всё к прошлому, к прошлому –
Может, я без корней?
Ах, дымы привокзальные,
Автострады разлёт!
Знать бы, друг мой, заранее,
Где звезда упадёт.

* * *

Февраль назойлив,
как простуда.
На книжной полке канитель –
В ушко игольное верблюды
Бредут, как девки на панель.
Опять затёртая пластинка

Слегка фальшивит и хрипит.
В стране сурепки и суглинка
Распространился суицид.
И купоросовое небо
С овчинку кажется уже,
Но удивительная небыль
У времени на вираже!

Он и мы

(акrostих)

Ю. Кабанкову

Кабак ли примет мужика?
Апостольской научен правдой,
Боюсь, он бьёт наверняка,
А мы играть собрались в нарды.
Нет, братец мой, остепенись.
Кому ты хочешь сделать больно?
Он круто взвинчивает мысль
Вокруг всё той же колокольни.
Увы, нам в толк никак не взять:
Юдоли мы другой достойны –
Риторикой марать тетрадь.
Ему же стих подвластен вольный.
2005 февраль

Ветшает слог

Я износил подошвы старых строф,
(Ветшает слог
от пристального взгляда).
Но что мне делать, если мир не нов
И в каждом слове кроется досада?

Когда-то, помню, другом был диктант.
Слова встречались
вроде «капельмейстер».

Я уважал учительский талант
И вид в окне невзрачного предместья.

Теперь эрзац какой-то подают
При полном безразличии к народу.
Я стёр подошвы о земной уют,
Но не обрёл желанную свободу.

27.04.2002

Ноябрь

Попробовать сосредоточиться,
Сказать, что яблоком пропах
И этот снег, и дар пророчества,
И привкус горький на губах.

1997, 2005

Работа

Чадила печь, как в заводской вагранке.
Шла перебранка гаек и ключей.
Была видна кустарщины изнанка,
Но мастерство присутствовало в ней.

Катился день, деревенели руки,
Но думалось свободно и легко:
Лет пять ещё, а там уж наши внуки...
(Боюсь не обойтись без дураков).

Они, возможно, где-то за Байкалом,
На север эдак вёрст сто пятьдесят,
Отгрохают завод цветных металлов.
В конце концов природу победят...

Так думалось, и шли часы без счёта.
Чадила печь, всё было на местах.
Кончался день, но шла ещё работа,
Привычная, как вести в «Новостях».

26.12.2001

* * *

Судьба удачами не балует,
И все мечты мои – утопия.
А за окном метели шальные
Грозят засыпать город хлопьями.

В такую замать мне мерещится
Кибитка и дорога дальняя,
На тёмном небе долька месяца
И что-то милое и давнее.

27.01.2002

Бесснежье

/с. Елабуга/

Мной заново всё переписано.
Зима на зиму не похожа.
А всё ж дымы стоят над избами,
Морозцем обжигает кожу.

Декабрь вроде, и метелице
Пора хозяйкой быть на улице,
Да только пыль клубами стелется,
Да небо вечерами хмурится.

Московский гость в недоумении:
Какие там снежки и санки?!
И после стопки за пельменями
Ему играют на тальянке.

10.12.2001

* * *

Вот и декабрь своим безразличьем
Вновь, как обычно, берёт в оборот.
С небрежностью выбелив
бок электрички,
Снегами седыми метёт и метёт.

Вокзала дымы
на прохожих бросаются,
Крепчает мороз, все куда-то спешат.
Глазами косят светофоры по-заячьи,
По-заячьи скачет ватага ребят.

Я с ними знаком,
я у них в послушании –
Попросят – на санках с горы прокачу.
Вот только за край
загляну мироздания,
И можно спокойно затеплить свечу.

17.12.2001

Молодое лето

С детства, помню, радовался солнцу,
Что всходило на Востоке строго.
В старом доме низкое оконце
Было ниже стёртого порога.

Дверь скрипела петлями отменно,
Лаял пёс дворовый на прохожих,
И саднило сбитое колено...
Лето было на сто лет моложе.

2001 июль

* * *

В подлунной глухо. Вечереет.
Не жду ни выгод, ни наград.
В день Первозванного Андрея
Надежды нет на снегопад.

Гудок протяжный электрички
С вокзала долетел сюда.
Ни тарантаса нет, ни брички –
Забудь о прошлом навсегда!

Сиди и комкай мыслей ворох –
Беду не выставишь за дверь.
Что толку в светских разговорах?
Молиться надобно теперь.

19.12.2000

2000 год

Год двухтысячный. Мрачно и пусто,
Словно душу зажали в тиски.
Здесь в быту умирает искусство
И в карманах живут сквозняки.

Я не зол на февральскую смуту –
Горечь боли испита до дна.
Неизменным ночным атрибутом
В мутном небе маячит луна.

Город горд, как обычно, и весел –
Он живёт по законам своим.
И от этой безудержной спеси
Заслонился крылом Серафим.
20.02.2000

* * *

Нет на мне ни Божьей благодати,
Никаких особенных заслуг.
Может, я с ума сегодня спятил,
Счастье взял и выпустил из рук?

Да и что я в этом мире значу...
На пустынном берегу реки
То ли ветер, то ли Ангел плачет
От моей пронзительной тоски.

Но ещё пронзительней и ярче
Луч закатный озарил прибор.
Слава Богу, я сегодня зрячий –
Значит, буду всё-таки с Тобой.
03.07.2000

* * *

Мне снилось море, ты и я,
И шум классический прибора.
И солнечная чешуя
Струилась сквозь иголки хвои.
Лениво плыли облака,
И бархатистое сиянье
Напоминало нам слегка
О часе с морем расставанья.
И было так тепло душе,
Так радостно и так спокойно,
Как будто мы не здесь уже
И встретил нас Господь достойно.
09.09.1999

Дети культа личности

В нас не дремлет дух застоя,
Он живет всех живых.
От советского застолья
Скатерть в пятнах мировых.

И застиранная простынь
От прабабушки войны.
На бутылку нищий просит,
Не согнув своей спины.

Та же гордая осанка,
Тот же сталинский портрет.
И метёт снежок, как манка,
На церковный парапет.
18.01.1999

* * *

Дом, подворье, запах сена,
Колокольня, талый снег...
Неужели во Вселенной
Обитает человек?

Беспредельное пространство,
Хаос, пыль небытия...
И минута постоянства:
Дом, подворье, ты и я.
14.03.1999

* * *

Как важно однажды ненужным,
Никчемным себя посчитать.
Остыла картошка на ужин,
Белеет пустая тетрадь.

И нет ничего бесполезней
Забытого карандаша.
Бессонница в форточку лезет,
И дрожью исходит душа.

Утро

Зима слегка накренится,
Как ялик на реке.
Смолистых дров поленница
На согнутой руке.

Морозный воздух искрится,
И варежки в снегу.
Синоним к слову «мистика»
Придумать не могу.

Ты – хрупкое создание,
Былинка на ветру.
Окутанная тайнами,
Проснёшься поутру.

А в горнице натоплено,
Потрескивает печь...
Смешна моя утопия,
И непонятна речь.
07.02.1999

Я помню

Мне душу потрошили так умело,
Что в 33 я помню этот день,
Когда моё физическое тело
Пожизненно ушло на бюллетень.
11.10.1998

* * *

Мне кажется, зрячий ослеп бы,
Зайди он однажды сюда –
В домов и вокзалов «вертепы»
И в баров ночных невода.

Чудовищное безразличье
К любому порядку вещей.
Какие там рамки приличья
В «свободной» России вообще?!

Вот повесть о том, что случилось.
Ты глупому счастью не верь.
Нам явлена Божия милость,
Но слишком узка эта дверь.
07.11.1998

* * *

Как сочетается порой
Всё то, что мне казалось «липой»,
С какой-то странною игрой
Людей, машин, стереотипов.

Я в повседневности хотел
Найти хотя бы часть отличья
От этих меркантильных дел,
От мерзости и неприличья.

Своё шлифуя ремесло,
Пытаясь вычислить пространство,
Я бился мухой об стекло –
И в этом мера постоянства.
17.11.1998

* * *

Вот и кончен рассказ.
И чего только ради
Я писал без прикрас
О ночном снегопаде,
О сторожке глухой,
Заметённой по крышу,
Где, корпя над строкой,
Чей-то голос я слышал.
Это стало в душе
Откровенным признаньем,
О котором уже
Говорят с пониманьем
Перекрёстки дорог,

Перелески и пашни,
Вспоминая мой долг
И прощая вчерашний.

За бескрылостью дел,
Ради чёрствого хлеба
Я всего-то хотел
Оглянуться на небо.
11.11.1998

Тревожная ночь

Из углов таращатся химеры,
Дух парализован пустотой.
Это поколение новой эры
Бредит лихорадкой золотой.

Это, если вам угодно, будни,
Бунт страстей и наволочек хруст.
Странно: мне приснился ночью Бунин,
Взгляд его был холоден и пуст.
1998

Смирение

Опять блудницы возле церкви,
И строить планы ни к чему.
Вагон любви давно отцеплен,
И он не нужен никому.

Лишь иногда сюда приходят
По шпалам путники в ночи.
А ты о том, что в сердце бродит,
На всякий случай промолчи.

Молчи, застигнутый разлукой –
Ты к ней давным-давно привык,
Испытанный небесной мукой
Нечеловеческий язык.
08.04.1998

Ночь во Владивостоке

Сижу на краешке дивана,
На кухне ходики стучат.
И все химеры Нотр-Дама
Со мною в эту ночь не спят.

Какая гибельная морось,
Какой угрюмый океан!
В какую я заброшен область
Через оптический обман?

Вот так всегда – в обычном мире,
В разнообразности людской,
Когда я сплю в чужой квартире,
Неладно что-то с головой.
16.04.1998

Невеста

Поезд был южного направления и обслуживался проводником-кавказцем. «Наглец», – механически отметила Ольга. Краем уха она слышала затевающуюся свару – проводник что-то злорадно выговаривал высокому широкоплечему парню. Тот сжался, забился в угол – он сидел напротив Ольги за столиком.

Кавказец пошел по вагону дальше, угрожающе бросив:

– Через два часа большая станция, там тебя высадят.

Парень обиженно заморгал, снял с пояса мобильник, стал тыкать пальцами в кнопки – писал сообщение.

Ольга пыталась смотреть в мутное, грязное окно – проносились огни, полустанки, серый снег, сугробы у придорожных столбов.

«Вот и всё, вот и всё», – беспомощно стучали колёса.

– Меня высаживают, – парень говорил негромко, и оттого Ольга невольно прислушалась к его речи. – Мы должны были с отцом ехать, он и билеты брал, а когда сдавал – перепутал, сдал мой; теперь из-за того, что инициалы не сходятся, меня с поезда высаживают.

Женский голос что-то горячо зачастил в трубке.

– У меня денег нет, – ещё тише, опустив глаза, отвечал парень. – Положи мне на телефон, сейчас связь оборвётся.

И впрямь, деньги, должно быть, закончились, женский голос в трубке пропал.

Парень сидел, опустив голову, досадливо вращая на столе мобильник в разные стороны.

– Готовься, готовься, – заметил ему проводник, возвращаясь с другого конца вагона. В голосе его чувствовалось плохо скрываемое ликование. – Я из-за тебя своё место терять не собираюсь. – Парень открыл рот, но ничего не сказал. – Я шестерых кормлю! – гордо добавил кавказец.

Ольга, конечно, встряла. («Брянцева у нас с активной жизненной позицией, не то, что некоторые», – говорила, бывало, Мариша.)

– Уважаемый проводник, – холодно заметила она, – если у вас в вагоне по недействительному билету находится пассажир, которого вы сами пропустили, то это – ваша вина.

Парень с надеждой взглянул на Ольгу, скулы его ровно-смуглого лица чуть порозовели.

– А вы не влазьте не в своё дело, – грубо оборвал её проводник, – это вас не касается!

– Да что вы говорите! – саркастически всплеснула руками Ольга. – Вы даже не представляете, до какой степени это меня касается!.. Из-за таких работников, как вы, нечетко исполняющих свои обязанности, у нас и теракты происходят. Почему вы паспорт и билет не проверили у гражданина на входе, как положено?

Кавказец что-то злобно заурчал.

– Сидите здесь, а я пойду к начальнику поезда, – Ольга дала указания парню и двинулась в штабной вагон.

Начальник, тоже кавказец, кажется, уже был предупреждён: да-да, ничего страшного, зачем же шуметь, сейчас переформируем билет и всё – наша недоработка, бывает, знаете, в такой суете... Он был сама любезность.

Брезгливо морщась, Ольга вернулась на своё место. Парень застенчиво её благодарил:

– Спасибо вам... А то сиди ночью неизвестно где... А мне к сроку надо прибыть...

Она покачала головой:

– Что это вы перед ними пасуете? У кавказцев наглость – второе счастье. За себя надо уметь постоять.

– Да я, видите ли, не очень эти законы знаю... – Слово за слово, парень разговорился. Оказывается, он служит контрактником во взводе разведки; участвовал и в чеченской компании – ещё по призыву. У него и награды есть боевые, и вообще он чемпион округа по единоборствам – действительно, под чёрной водолазкой у парня бугрились нехилые мышцы.

«Защитничек, – хмыкнула про себя Ольга. – Готов был с поезда безропотно слезть! С ума сойти».

Этот дорожный эпизод отвлек её от тяжелой, сосущей тоски. Но потом всё вернулось. Она вдруг отметила, что они с парнем одинаково одеты – черные водолазки, чёрные джинсы. Для контрактика – обычная дорожная одежда, а для неё – траурная. Ольга ехала на похороны.

Ночью, цепляясь за короткую узкую полку – поезд отчаянно мотало туда-сюда – она вспоминала... Картинки шли густо, теснили одна другую, и всё «кино» было покрыто серой паутиной тоски.

«Вот и всё, вот и всё...»

Мариша любила петь. И умела – под гитару. «Вот и листья разлетаются, как гости, после бала, после бала, после бала...» Они часто пели вчетвером – Мариша, Ольга, Шура-светлая и Шура-тёмная. Жили в одной комнате общежития, и – ни разу не поссорились. Хотя Шура-светлая любила, например, слушать радио (телевизор они не держали – по принципиальным соображениям; Мариша вещала в настенном «Комсомольском прожекторе»: «Телевизор воспитывает лень, пассивность...»). Радио Мариша тоже на дух не переносила – оно мешало ей «учиться». Ольге было всё равно – она никогда толком не училась, и уж, тем более, не слушала радио, у неё и без этого был «внутренний голос» – он что-то нашептывал ей, и Ольга всё пыталась к нему прислушаться, понять его зов.

А Шура-тёмная любила гладить. Она была первой красавицей на курсе, и очень тщательно одевалась – с иголочки. Из-за этой её страсти Ольга всё время жила «под напряжением» – шнур от утюга к розетке тянулся через её кровать. А как-то на Ольгин день рождения они приготовили целый тазик винегрета и забыли его заправить! («Девичата, – говорил им один из гостей, коренастый и кривоногий рабфаковец Саня, – мне кажется, что масла тут маловато...» «Позор нам!» – хваталась Мариша за голову. И все смеялись – тазик был почти пуст, всё съели и без заправки.)

А ещё вспоминалось, как Шура-тёмная встречалась с «мальчиком Мишей» и перед каждым свиданием завивала чёлку на бигуди! Иногда по два раза на день! А Шура-светлая всеерьез проповедовала, что ни одного поцелуя без любви давать нельзя. Тут же всплыл Терентьев в её памяти, свадьба – почти сельская, с гармошкой (хотя был и магнитофон с «Бони эм»); у Ольги сохранилось чёрно-белое фото, где Мариша в подвенечном платье, в шляпе (это был крик моды!) рядом с нарядным женихом Терентьевым, он – в светлом костюме, молодые – в окружении родни...

Потом Ольга вспомнила, как по просьбе Мариши она приезжала к Терентьеву в армию, привозила ему гостинец – апельсины. Стоял дикий мороз, зима. Терентьев был в ушанке, изо рта у него валил белый пар, щеки рдели закалённым кирпичным цветом. Шинель или ватник были на нём? Кажется, шинель. Коричневое плотное сукно. Он засовывал апельсины, похожие на оранжевые мячи, в карманы... Два года отслужил, уже будучи женатым. Мариша ездила к нему на побывку, и из этих свиданий привезла дочь Алёну, она родилась как раз к возвращению Терентьева.

Все считали его красивым. А Ольга – нет. Он был для неё понятным. Терентьев, рубаха-парень без слуха и голоса, играл на гитаре. Стихи сочинял складно – к «случаям». Умел сбить любую компанию в спянный коллектив. Прирождённый руководитель, это да. Мариша ему и сына потом родила, Феденьку. Ольга ни разу не видела мальчика – только на фото, которые присылала Мариша...

«Спать, спать», – уговаривала себя Ольга, пытаясь заслониться воспоминаниями от горя. В сладостных поездных грёзах Мариша была живой и весёлой.

Весь следующий, похоронный день, – Ольга удивлялась себе, – она провела правильно и ровно. Откуда и силы брались! Купила белые розы (ничего другого в киоске не было, ну, ещё гвоздики). Живые цветы она положила в гроб Марише.

Мариша была в голубом – любимый её цвет – голубое платье, голубой плат. Золотые, уже потускневшие волосы. Мёртвые, одеревенелые черты лица.

«Вот и всё, вот и всё», – застучало у Ольги в висках, по артериям и венам побежал «поезд» – к концу жизни. Промежуточная станция – смерть Мариши. Она вышла здесь – в этом времени и в этом месте, а они поехали дальше.

Нелепая смерть, бессмысленная. В ванной «пробило» фен, Мариша пыталась выключить – мокрой рукой, стояла на мокром полу... «Физику надо учить! Эх, Мариша!» – Ольга услышала горестное восклицание Терентьева. Она впервые увидела его плачущим. Он был с непокрытой головой, кудри его посидели неровно – затылок был чёрный, а виски и чуб – пегие. От Терентьева даже в горе веяло защитой, мощью. Дочь жалась к нему, он прижимал её к своему грубому полушубку – воротник каракулевый, в кудряшках, ворот расстёгнут и видны белые кольца хорошо выделанной овчины.

– Вот и нет Мариши, – он заплакал, увидев Ольгу, и обнял её. Она ткнулась носом в его полубочок, пахнувший табаком и кожей.

Мариша жаловалась – в письмах и в разговорах, что Терентьев пьёт, как собака, и что никто – ни родители, ни она – не в силах его остановить. Как же они были непохожи! Мариша – такая тщательная, педантичная, въедливая чистюля, чуть флегматичная, «медленная», и Терентьев – мотор-холерик, «первый парень на деревне», склонный к разгулу и авантюре. И вот всегда трезвая, разумная Мариша погибает от нелепой случайности! А лихой Терентьев (и за руль он, бывало, садился в стельку), и прочая, прочая – он и сам иногда не помнил, что творил – уцелел?! Он был похож на кудрявый, раскидистый дуб – даже в горе он излучал силу, она шла от его высокой, статной фигуры, от гордой шеи, от красивой, буйнокудрявой головы. Значит, всё-таки есть судьба?

Моя участь давно решена:
В ветхих книгах записано точно –
Где, когда и какого числа...
Только это пока что не срочно.

В юности Ольга болезненно-остро чувствовала «токи», извивы, переливы судьбы; она писала стихи, не признаваясь в этом никому, даже Марише и обоим Шурам. Потом она прочно (ей казалось навсегда) избавилась от этого изнуряющего увлечения, и вот, у гроба Мариши, вдруг всплыли эти давние строки. Жизнь, оказывается, складывалась из слов, чувств, поступков...

Хоронить повезли в родную деревню – двадцать километров от райцентра, где на сельском кладбище уже лежал отец Мариши. Мать, качаясь от горя, плакала из последних сил. Ольга смотрела в сторону – чтобы не разрыдаться и не усиливать общий накал отчаяния.

День был холодный, стылый; но на кладбище распогодилось – нетронутые снега сияли под ярким солнцем, от высоких деревьев легли резкие, синие тени. У свежевырытой ямы было натоптано. Земля – коричнево-бурая, глинозём. Да уж какая теперь разница!.. Феденьке Ольга привезла радио. На кладбище мальчика не было – он болел. Дочь Мариши, Алёна, в чёрном платке, была похожа на молодую бабушку. Терентьев держал за плечи свекровь – та всё порывалась подойти к самому краю ямы, будто хотела лечь в землю вместо дочери. Терентьев возвышался над ней, да и над всей кладбищенской толпой, как пограничный столб.

Были речи, потом поминки в столовой. Шура-темная уехала рано, ещё до похорон – иначе она не успевала на автобус. Она была счастливая мать, показывала фотографии дочери, разряженной в пух и прах, посреди цветочной клумбы. Вроде бы не место и не время, но... когда мы ещё встретимся?! – вопрошала Шура-темная. Жаль, Мариша никогда уже не увидит этих фотографий, не порадует за неё. Терентьев, помнится, писал из армии наставления окружению Мариши. Они хохотали над его словами, адресованными Шура-темной: «Сиди и жди, тебя выберут!» Так и вышло, правда, дождаться пришлось очень долго...

Шура-светлая совсем не изменилась, только чуть раздалась вширь. Благослови, природа, постоянство – на Шуру всегда можно было положиться. У неё были самые подробные конспекты, самые качественные шпаргалки, самые стойкие моральные принципы. А жизнь, наверное, противится «отсутствию диалектики» – успех посещал других – безалаберных (иногда и беспринципных), «безбашенных», корыстных, эгоистичных... Но Шура-светлая всё рано не изменила себе – Ольга восхищалась ею. А вот в Марише соединялось всё – и основательность, и кокетство, и мечтательность. Ольге она доверяла больше, чем другим.

На выходные обе Шуры уезжали домой – они жили недалеко от города. А вот Ольга с Маришей приехали учиться из «медвежьих углов», потому часто оставались в комнате вдвоём. Терентьев, тогда ещё жених, на выходные тоже отправлялся к родителям.

Ольга помнит: вечер, на столе стеклянная банка с букетом из кленовых листьев и рябиновых веток. Уютно было у них в комнате, потому сюда любили приходить ребята – попить чаю, поболтать, а ещё – попеть вместе с Маришей:

Боже, какими мы были наивными,
Как же мы молоды были тогда...

Мариша легко брала высокие ноты, а Ольга «примеривала» на себя этот романс – ей казалось, что пели про её жизнь. Ольге недавно исполнилось восемнадцать, и она глубококомысленно думала, что многое уже пережила. (Теперь ей смешны тогдашние страдания!)

По коридору скитался вечный второкурсник баскетболист Янин – его выгоняли бессчётное количество раз за «хвосты», потом восстанавливали – за спортивные заслуги; он был высокий, белокурый, в красном фирменном спортивном костюме. Янин кормился исключительно за счёт

«общества»: ел он аккуратно и много – «в запас». На выходных Ольга с Маришей стали от него запираться – нахлебник стал докучать.

В тот вечер, когда они не пели, опасаясь, что их услышит Янин и начнёт ломиться в дверь, когда на столе горела свеча (почему-то выключили электричество), Мариша сидела на кровати, нежно перебирая гитарные струны, смотрела в темноту и рассказывала:

– Его звали Рома, Рома-цыган – из-за тёмных-тёмных волос, очень густых и кудрявых. Знаешь, он был самый красивый парень, из тех, которых мне довелось увидеть. Но Тереньтев ведь тоже красивый, правда?

Ольга кивала, хотя никогда не думала о том, красив ли Тереньтев.

– Рома играл на гитаре в нашем эстрадном ансамбле, в клубе. Знаешь, всё так странно и счастливо совпало в тот вечер! Городишко наш утопал в садах, и всюду, куда не пойдешь, дорожки у палисадников были заметены яблоневыми лепестками. Пахло вишнёвой корой, чернозёмной землёй, пахло ливнями, уже бродившими по окраинам.

После танцев никто не хотел расходиться – молодёжь толпилась у клуба. Помню, как приглушенно звучали голоса в сумраке вечера. Парни – в расклеванных брюках, в рубашках, ушитых в талию – по последней моде. А девчонки – в коротеньких платьицах, в туфлях на платформе – силуэты из журнала «Советский экран». Женственно-загадочные, старше своего возраста, с тщательно прорисованными, кукольными лицами. У меня так никогда не получалось, это Шура-тёмная – спец...

Перед танцами я посмотрела в зеркало и ничего не увидела, кроме своих блестяще-тревожных, счастливых глаз – он здесь! Я полюбила его с первого взгляда, с первого звука его голоса. У тебя так было? (Ольга покачала в темноте головой, но Мариша, увлечённая воспоминаниями, кажется, и не заметила её ответа.) Любовь моя росла с каждым днём, крепла во мне, и я почему-то была уверена – Рома не может меня не услышать, он обязательно откликнется! Мне казалось, что в моём чувстве, таком светлом, есть безусловное право – идти вдвоём по заметной яблоневой метелью тропинке, прикасаться к шёлку его багряной рубашки, и – неужели это возможно?! – гладить его кудри – жесткие, жгуче-чёрные, слушать его густой, с лёгкой хрипотцой голос, обращённый только ко мне...

Мы, девчонки, такие глупые, правда? (Ольга неопределённо пожала плечами; в глубине души она не считала себя глупой.) Я почти не танцевала в тот вечер (только несколько «быстрых»,

когда подружки тащили в круг), а больше слушала Рому, солиста ВИА «Искатели». Он – мудрый, сильный, всезнающий! Подойдя к самому краю сцены, он пел: «Призрачно всё в этом мире бушующем, есть только миг, за него и держись...»

Я не в силах была отвести взгляда, когда встречались с ним глазами. Меня будто накрывало горячей волной; казалось, что я уже никогда не выплыву, утону в этих словах. Знаешь, в них чудился такой глубинный смысл – всё настоящее, прошлое и будущее моей жизни. Ладони стали влажными – от страха! Я вдруг остро ощутила своё одиночество, меня охватило отчаяние – как всё-таки он далёк от меня! А после, через мгновение, вернулось чувство благодарности: моя любовь к нему так велика, так непохожа ни на что другое, что она, даже безответная, делала меня счастливой. Только бы видеть его, слышать его голос...

После шумного зала на улице было особенно гулко. А может, это чувства мои были обострены?! Азартный собачий лай, рев мотоцикла «Ява» – кто-то из парней с шиком заложил вираж на площади и исчез в проулке. Я стояла с девчонками у дверей клуба – вечер тёплый, да и просто не хотелось уходить, хотелось продлить ощущение праздника, тайны.

И тут на ступенях появился Рома вместе с барабанщиком Олегом. Мне Олег казался неприятным – самоуверенный, некрасивый и грубый. Любил анекдоты сальные, шуточки двусмысленные. Я знала: сейчас Олег закурит, они с Ромой пожмут друг другу руки и разойдутся; и всё – душа моя затрепетала бабочкой – до следующей субботы.

И тут случилось чудо.

– Привет, девчата! – Рома сам подошел к нашей компании и улыбнулся располагающе, дружески. Девчонки загалдели, а я не могла вымолвить ни слова – сердце у меня распухло и билось в горле. Самоуверенный Олег уже рассказывал анекдот, все смеялись – возбуждённо и громко. А я никак не могла поверить своему счастью. Он был рядом! Мне казалось, что я слышу тепло его тела, силу его рук – надежных и бережных. «Мариша, – сказал он мне просто, – можно я тебя сегодня провожу?»

...Ольга была оглушена откровенностью Мариши – сама она никогда никому не посмела бы рассказать о своей любви (впрочем, ей пока и нечего было рассказывать). Продолжение этой истории доходило до её слуха будто бы сквозь вату. До сознания Ольги долетали отдельные фразы: «Рома учил играть меня на гитаре... Я пела вместе с ним на сцене... Всё, о чем я и не смела мечтать,

сбылось...» Мариша как-то скомканно, неясно объясняла причины их расставания – похоже, она и сама не понимала их – до сих пор. «Он даже ничего не сказал, просто однажды отвернулся от меня... Но почему, почему? Он будто окаменел. Я не верю в колдовство, привороты-отвороты, но мне подружка говорила: посмотри, он стал сам не свой, чужой».

Где теперь этот Рома? Осталась ли в его сердце хоть капелька памяти о Марише?..

Ольга невольно оглянулась на людей за поминальным столом – в поисках кудрявого красавца-гитариста. Но на глаза попался только Терентьев – трезвый, горько-деловитый, он распоряжался поминками, следил, чтобы на столах было всего вдоволь. «Эх, Мариша, – горько вздохнула Ольга, – не пожила ты власть...»

На миру горе легче переносится – оно словно бы «развеивается», «разделяется» на части между теми, кто пришел почтить память умершего. Ольга точно знала – они с Шурой-светлой честно, не жульничая, увозят часть здешней скорби с собой. Это, может быть, последнее, что они могут сделать для Мариши. «Спасибо, девочки, что приехали!» – обнимал их на вокзале Терентьев. Он уже вполне овладел собой, и Ольга видела – с горем он справится. Даже про пьянство говорить не нужно – не дурак, удержится. Сквозь стылое стекло поезда они помахали его одинокой фигуре.

Шура-светлая села на поезд с Ольгой, чтобы выйти через два часа – на своей станции. Трудный день вымотал обеих – разговор шел вяло. Да, впрочем, с Шурой можно и не говорить – она и так всё понимает. «Интересно, – подумала Ольга, – какая я в глазах других? Ну даже и близких мне людей? Странная, наверно. И скрытность моя им смешна... Всё же видно, что я думаю, как...»

– А я, Оль, всё-таки не верю в Бога, – заговорила вдруг Шура. – Ну нету там ничего, кроме наших выдумок. Надо жить на земле, тут человеком быть. А там – только могила, земля сырая.

– А ты знаешь, куда Мариша торопилась утром в субботу? – отвечала Ольга. – Она же в ЗАГСе работала, молодоженов регистрировала. Фен включила – хотела быть красивой, чтобы ничем не омрачать праздник.

– Да... А вышло всё наоборот...

– Я вот что думаю, – раздумчиво продолжала Ольга, – должен же быть во всем этом какой-то смысл... Вот в этой сцепке событий... Неужели смысл только в том, что надо аккуратнее обходиться с электричеством?!.. Неужели только в этом – урок Маришиной жизни?!

Шура шумно вздохнула. Ольга взглянула в её лицо – родное лицо, отметила она, а ведь они не родственники, и давно – почти пятнадцать лет – не виделись.

– Знаешь, – Ольга не могла остановиться, – я, когда стояла на кладбище, потом три горсти земли этой мёрзлой бросала, я всё думала: неужели это – всё? Вообще – всё?! Мы же ничего о ней не знаем! Только какие-то внешние вещи. Как жила Мариша? Верила ли она в Бога? Были ли у неё предчувствия, что жить ей осталось недолго? Что она успела понять о жизни? О чём жалела? И как всё это, что произошло, связано с нами?

Шура неодобрительно взглянула на Ольгу – она не любила «философии» и «копаний».

– Я не верю, что в жизни нет никакого смысла, – Ольга не могла остановиться. – И если этот смысл есть, значит, у Мариши в жизни была какая-то «роль», «задание». Мы просто этого никогда не понимали!..

Шура так ласково и сочувственно посмотрела на неё, что Ольга смутилась и замолчала.

Но был, был у них с Маришей ещё один разговор... Они встретились в прежних «декорациях» – в комнате общежития, но жизнь их уже причудливо разбросала, развела по «направлениям».

Шура-светлая болела – её скосила мудрёная, неопределяемая врачами инфекция, температура держалась уже два месяца. Возможно, виной всему предательство – парень, которого она честно ждала два года из армии, отслужив, бросил её и ушёл к замужней бабе с детьми. Шура-тёмная, напротив, пустилась во все тяжкие, связавшись с женатым мужчиной, заочником Кунгуровым. Они жить не могли друг без друга, дни и ночи проводили вместе, возбуждая в окружающих противоположные чувства – от восхищения до презрения.

Мариша родила дочь, доучивалась на заочном. Терентьев вернулся из армии, работал на заводе по специальности, им дали квартиру. Получилось, что пока только у Мариши всё складывалось «по-людски» – дом, семья, муж, ребёнок... В личной жизни Ольги бушевали такие бури, что она не знала, уцелеет ли, выплывет?! Неожиданно для себя она стала матерью, перевелась на заочное. И чувствовала, что не управляет жизнью, не владеет собой, не понимает будущего.

Она переписывалась с Шурой-светлой и с Маришей (Шура-тёмная ограничивалась передачей приветов). Ольга чувствовала себя, в общем-то, несчастной, но старалась не показывать вида. Она вспомнила, как «выковывала» в те времена

волю: купила в книжном магазине репродукцию картины Репина «Бурлаки на Волге», прикрепила изображение к стенке над кроватью, и каждый её день начинался теперь со взгляда на подневольный труд. Произведение искусства отчасти примиряло с нелюбимой жизнью.

Мариша писала: «Мама моя может посидеть с Анютой, а я, наверное, выйду на работу – не хочется упускать такой случай; у нас найти что-то подходящее трудно... А тут «блатное место» внезапно освободилось – вести церемонию бракосочетания в ЗАГСе. Пусть не по специальности, но зато работа красивая. Меня всегда тянуло к сцене, я не тушуюсь на людях, и мне кажется, что я смогу достойно вести «венчание». Жаль, что петь не нужно – вся музыкальная часть под магнитофон. Ты много читаешь, прошу тебя, пришли стихи, подходящие к торжественному случаю, чтобы нетривиальные и не затасканные... Каждой паре мне хотелось бы сказать что-то особенное».

Ольга перелопатила гору поэтических книг и поняла: задание невыполнимо. Всё, что писали о любви, было создано о чувстве несчастном, трагическом, ущемленном, либо об отношениях грешных, запретных, либо о разрушительных, как цунами, страстях. Музы молчали, когда молодые шли под венец по взаимной первой любви и общему согласию – то ли такие случаи не попадали в поэтическую «статистику», то ли их вообще не существовало, то ли счастье своё стихотворцы прятали подальше от жадных читательских глаз... Наконец Ольга всё-таки насобираала для Мариши десятка два банальных речений-пожеланий.

И снова был вечер в общежитии – на этот раз весенний, в большое окно их комнаты на четвертом этаже медленно вползали сумерки. Шура-тёмная ускакала с Кунгуровым, Шура-белая хворала дома. Ольга выпросила у рабфаковца Сани гитару. Инструмент был расстроенный, с грязным розовым бантом на грифе. Мариша долго отнекивалась, говорила, что не хочет петь, нет настроения, но Ольга упросила – будто знала, что больше они не встретятся.

Песни лечили. Поздней весной они пели про раннюю осень:

Отговорила роща золотая,
Берёзовым весёлым языком...

– Получила ли ты стихи про семейную жизнь? Пригодились? – спрашивала Ольга.

– Да, спасибо... – Мариша вздохнула, отложила гитару в сторону. – Знаешь, я пережила такое сильное потрясение! Не знаю, мог ли кто такое выдержать?! – она посмотрела на Ольгу, будто бы решая, говорить ей дальше или нет.

Они помолчали.

– Ты знаешь, я тебе писала, что это место мне случайно досталось, по великому благу. А до меня Эльвира Сергеевна, есть у нас такая дама, в ЗАГСе главенствовала. Но ей нужно было операцию срочно делать, и тут я им чисто случайно под руку подвернулась. Они видят – человек без связей, в любой момент можно выгнать, ну и поставили. Тем более, я к самостоятельности отношение имела. И знаешь... – лицо Мариши вспыхнуло, гримаса боли исказила лицо, – это был третий день моей работы. Обычно я вечером смотрю, кто на следующий день регистрируется, какого возраста, первый ли это брак, торжественная церемония или обычная. А тут секретарь утром приносит документы, говорит, что вот эту пару попросили срочно расписать, всё договорено и проч.

Теперь, когда я пережила это состояние, я поняла, что значит – «стоять, как громом пораженная»! Женихом был Рома, мой Рома, первая любовь, а невеста – ну, я её не знаю, первый раз в жизни увидела...

Как я это перенесла?! Секретарь говорит, что всё прошло нормально, как всегда. Она вообще ничего не заметила и не поняла! А у меня всё внутри тряслось. От жалости к себе, от позора (почему-то было очень стыдно мне, неловко), от страха что-то сказать, сделать не так, как должно. Народу пришло много, может, кто-то и знал, помнил, что у нас с Ромой что-то было. Я, когда открыла рот и начала говорить: «Уважаемые невеста и жених! Сегодня – самое прекрасное и незабываемое событие в вашей жизни. Создание семьи – это начало доброго союза двух любящих сердец. С этого дня вы пойдёте по жизни рука об руку, вместе переживая и радость счастливых дней, и огорчения», – ну и т.д., мне в сердце будто укол анестезии сделали – я замёрзла, заледенела внутри. И в то же время я боялась расплакаться, разрыдаться. От обиды и чудовищной мстительности судьбы.

Очень я боялась с Ромой глазами встретиться. Что в них увижу? Может, он «не узнает» меня? Или... От невероятного «сгущения» чувств я обрела сверхпроницательность в те минуты. Лишь искоса на молодых взглянула и поняла: Рома не по любви женится!.. В голове моей – рой мыслей, ноги подкашиваются, за стол одной рукой держусь. Говорю затверженное: «Создавая семью, вы добровольно приняли на себя великий долг друг перед другом и перед будущим ваших детей. Перед началом регистрации прошу вас ещё раз подтвердить, является ли ваше решение стать супругами, создать семью искрен-

ним, взаимным и свободным», – а сама в ужасе: Рома, Рома, зачем ты это делаешь?!

Пока шла церемония – «да», «да», регистрация, обмен кольцами, поцелуями, Рома ни разу на меня не посмотрел. Но по тому, как он мгновенно побледнел, я поняла – переживает, больно ему! За меня. И когда я закончила, пошли поздравления от родственников, тогда только мы с ним и поговорили. Взглядами.

Он: Прости меня.

Я: Эх, ты!..

Он: Я виноват!

Я: Ничего теперь уже не сделаешь...

А потом они сели в машины и уехали свадьбу гулять. И я поняла: до самого нынешнего дня я его ждала, на что-то надеялась!.. Уже замужем за Терентьевым будучи, уже и дочь у меня, а я, даже самой себе не признаваясь, любила его. И вот теперь – всё...

– И что? – робко спросила Ольга.

Мариша покачала головой:

– Ну, я, конечно, дома поплакала тайно от Терентьева. А Рома... Он словно умер для меня с этого дня. Его больше нет. Его никогда не будет! И знаешь, во мне тоже что-то умерло. Никогда не думала, что от любви можно такую боль испытывать. А главное – непонятно: за что мне это всё?!

Ольга вернулась домой рано, стараясь не шуметь, вошла в квартиру. Здесь всё было так, как будто она никуда не уезжала – разбросанные вещи в комнате у сына (настоящий бедлам – джинсы, диски, гантели – всё вперемешку); сам он спал, накрывшись с головой, высунув ноги из-под одеяла. Ольга ласково взяла его за пятку – он слабо пошевелил пальцами – в знак приветствия.

Шторы на кухне были плотно задернуты – Ольга терпеть этого не могла, тотчас разогнала их в стороны. Начиналась метель – косяя, плотная и долгая.

После обеда, ближе к вечеру, они наконец-то встретились с Ильёй – в мастерской его «далековатого друга», богемного художника Игоря.

Они истово любили друг друга, а после лежали на тесном коротком диванчике, вокруг были разбросаны «атрибуты искусства» – искорёженные тюбики, картонки, тряпки, рейки для подрамников, баночки с гуашью, свитки старых и новых холстов.

На мольберте стояла новая работа Игоря – «Невеста». Девушка славянского типа с венком из ромашек. Она смотрела вдаль, кажется, совсем не подозревая о своей красоте. Странная работа для конъюнктурщика Игоря, погрязшего в авангарде и постмодерне. «Влюбился, наверное», – подумала Ольга. Но нет, что-то неуловимо показывало, что девушка родом из прошлого – может, ситчик на платье (сейчас уже не встретишь такого наивного рисунка), или выражение лица, не осквернённого тяжелым и ненужным знанием.

– Мне кажется, – говорила она Илье, голос её почему-то звучал глухо, – каждая из нас, женщин, рождена для верной и единственной любви... Что было бы со мной, если бы мы не встретились?! – она выговорила это и тотчас ужаснулась, представив на мгновение свою жизнь без Ильи.

Ольга приникала к родному плечу, ей хотелось ещё много рассказать о своём чувстве, но Илья начинал её целовать, за окном гуляла весёлая, праздничная метель, в мастерской, окрашенной мягким светом торшера, было тепло и уютно, и могильный холод, горечь потери, постепенно отодвигались от Ольги. Что-то торжествующее, вечное и простое было в их взаимном и потаённом чувстве, одиноко-трагическое и неизбежное. А невеста с портрета смотрела чуть в сторону – серьёзно и доверчиво. Жизнь обещала ей счастье!..

Осенью, в листопад

Осенью, в листопад, Ольга всегда вспоминала Владимира Григорьевича. По правде говоря, она неправильно жила – суетливо, запыленно, короткими мыслями и никчемными (с точки зрения вселенских масштабов) делами. А вот чего-то стала его упорно вспоминать. Сердце просило.

Владимир Григорьевич был крупным ученым-физиком. И лириком – он писал стихи. И артистом – играл в их любительском театре. Боже,

как же он был красив! – Ольга вздохнула. Такие люди больше не встретились ей в жизни. Он обнимал её на сцене – по ходу пьесы – и душа её взлетала ввысь, будто на качелях. Нет-нет, никаких «чувств» Ольга себе не позволяла. Владимир Григорьевич жил в иных, недоступных ей, измерениях, среди квантовых частиц, он управлял скрытыми энергиями и, будучи физиком-ядерщиком, вершил судьбы мира. Он казался ей

пришельцем с далёких планет – так совершенны были черты его лица, так обаятельна и располагающа – без намерений нравится – улыбка. Он будто светился изнутри, и когда его сильные руки касались её – того требовала роль – что-то менялось в жизни Ольги, словно он выносил её на озарённую солнцем поляну. Казалось, что возвращается юность, когда чувства были остры, сердечны, а в жизни виделся головокружительный и всё же постижимый смысл. «Странно, – теперь думала она, – что же это было со мной?! Неужели...»

Она боялась думать дальше. Пора листопада настраивала на элегический лад – золотой невесомый лист, танцую, опускался к её ногам. Ей больно было вспоминать Владимира Григорьевича. И она сторонилась мыслей о нём, убегала от них. А он всё возвращался в её жизнь. Зачем? Или она всё это выдумала?!

Вчера, щёлкая пультом телевизора, она попала на советский фильм эпохи «застоя». Люди на экране всерьёз жили производственными страстями. С болезненным интересом, упустив из внимания сюжет, Ольга всматривалась в лица актёров, в их смешную одежду – расклешенные брюки, летящие вороты сорочек, удлинённые полы костюмов; а вот прямые коротенькие платица на героинях, высокие, «башней», причёски... Время походило на бурную реку – как быстро оно уносит от вчера ещё родных берегов; плыть против течения бесполезно; остаются только «слепки», фотографии, картинки прошлого; и то, что вчера казалось жизненно-важным, единственно-верным, вдруг теряет смысл. Почему же так?!

Она нечасто возвращалась к этому воспоминанию – то был день, когда она встретила Владимира Григорьевича в трагический момент его жизни. Он шел по их городку, по абсолютно безлюдной улице, был стылый ноябрь. Снег не выпал, так, только серой крупой присыпало. Тучи тоже стояли низкие, грязные. Ольгу тогда поразили его глаза – Владимир Григорьевич даже нашел силы улыбнуться ей – ясные, они кричали от внутренней боли. Некоторое время она ещё медленно брела, потрясённая, а потом не выдержала, оглянулась. И он – обернулся. И что-то в этой синхронности было тайно-стыдно-радостное для неё. Владимир Григорьевич помахал ей рукой. Словно говоря: «Всё в порядке». А она всё-таки ещё раз потом оглянулась – стесняясь, чуть воровато. Он шел твёрдо, прямо, одинокий, по центру пустого тротуара. Если бы он тогда оглянулся... Ольга, наверное, побежала бы к нему со всех ног. Зачем? Это она не могла объяснить. Всё-таки они

были очень разными людьми. В жизни Владимира Григорьевича всегда была определённость, щеголеватая чёткость. Так ей казалось... А Ольга жила по наитию, будто в тумане. Она была обычной, в общем-то, женщиной. Ей суждено было с ним встретиться, чтобы понять разницу. Ольга не роптала на судьбу – она восхищалась Владимиром Григорьевичем и никогда, даже в мыслях, не смела приближаться к нему. Но в тот миг, если бы он оглянулся – побежала бы, не раздумывая. Как друг-донор. Как медсестра на фронте. Ну даже как собака, которая врачует раны любимому хозяину. Но он – не оглянулся.

Тогда, в год самого жесткого противостояния СССР-США, дочь Владимира Григорьевича вышла замуж за американца, сотрудника ЦРУ. Любовь, видишь ли, поразила её в самое сердце! Люсенька училась в Москве, в институте иностранных языков, американец обретался там же, проходил стажировку. Неизвестно, может быть, Майкла специально «ориентировали» на дочь засекреченного физика, или всё вышло по известной поговорке «любовь зла...». Люсеньку нельзя было назвать глупенькой девушкой (при такой наследственности!), но чувства управляли ей, а не долг, и уж тем более, не «государственные интересы». В общем, она пренебрегла всеми этими условностями, и смело упорхнула в Вашингтон жить семейное гнёздышко. Дома оставалась родина (но что значит сия абстракция по сравнению с любимым мужчиной?!) и разрушенная жизнь родителей. Майкл победил – он для Люсеньки значил больше, чем всё её комсомольско-пионерское прошлое, больше, чем секретный городок, где она выросла, больше, чем родной язык, друзья, подруги...

Это неправда, что от Владимира Григорьевича все отвернулись, нет. Его жалели. В городке все знали друг друга. Люсеньку пытались понять и даже оправдать, когда собирались за чаем и коньяком на интеллигентских кухнях и слушали сквозь трески заглушки радио «Свобода». Пытались... Но – не получалось оправдания. Во всяком случае, у Ольги. Если бы отцом Люсеньки был, например, Арнольд Наумович – тоже видный физик-ядерщик, советский еврей, то её побег был бы вполне объясним – что кочевому народу чужая страна?! Да и сам вид Арнольда Наумовича – желчно-унылый, будто у него постоянно болела печень, со страдающе-всклокоченными остатками волос на огромном черепе подталкивал если не к побегу, то к радикальной перемене участи. Но как можно было нанести такой удар Владимиру Григорьевичу, Ольга не понимала. Что-то беззащитно-доброе было во всём

его облике, и в то же время притягательно-мужественное – нет, такого отца невозможно бросить, оставить навсегда! А Люсенька – смогла.

Своего отца Ольга любила без памяти. Он пришёл с войны без ноги – оторвало под Сталинградом. Ольга любила отца больше, чем мать – за сердечную нежность. Был он человеком ранимым, чувствительным. Больше всего на свете не любил вспоминать про войну, на которой пробыл только три дня. А мать... Матери тяжело пришлось – с мужем-калекой. Ну, она сама его выбрала – жениха убили на войне. Ольге рассказывала эту трагическую историю бабушка, то ворча, то причитая. Она слушала старушечий стон-вой в детстве, и – не особо переживала. Не из душевной чёрствости. Просто она была счастлива, так, как это бывает в пору цветения жизни. У неё был отец, мать, младший брат и целый мир в придачу. Лес начинался прямо у самого дома, и она, очарованная, мечтала, что вот-вот появится на золотой опушке Иван-царевич и увезет её в своё царство-государство, в волшебный дворец...

Может, и Майкл был для Люсеньки Иван-царевичем?! Может, действительно, предрассудки это всё – царства-государства, гонки вооружений, социализм-капитализм, а на самом деле миром правит любовь?! И надо идти на её голос во что бы то ни стало, отметая прошлое – пусть даже это прошлое – отец и мать – потому что будущее в победительном, бесстыдном, биологическом зове?! Но не получалось у Ольги стать на сторону Люсеньки. Она не осуждала её лишь потому, что та была дочерью Владимира Григорьевича. Ольга молчала во время кухонных посиделок. А в душе, конечно, считала Люсеньку неблагодарной дурочкой.

Владимира Григорьевича вместе с женой (Валерия Ингемаровна тоже была физиком) вывели из научной темы, на заседании профкома приезжий чин из Москвы требовал от них отречься от дочери – прекратить с Люсенькой всякие контакты, переписку. Взамен кэзэбэшники обещали Владимиру Григорьевичу оставить лабораторию и дать ему другую тему, менее секретную. Но он от дочери отказываться не стал, и вместе с женой стал прочно невыездным – теперь уже не только из страны, но и из городка тоже.

Вот в эти дни Ольга и встретила с ним на безлюдной улице. Может, потому, что городок их был отгороженным от мира, ей казалось, что чувства, переживаемые им, Валерией Ингемаровной, Люсенькой «носятся в воздухе», что они понятны всем обитателям этих мест. И ничего удивительного не было в её порыве – непременно

но спасти Владимира Григорьевича. Если бы он, конечно, обернулся...

А Люсенька, получается, предвосхитила общемировые процессы – вскоре начались «перестройка», «гласность» и «разоружение». И генсек Горбачёв возлюбил президента Рейгана не менее страстно, чем она – Майкла. О Люсеньке в городке теперь многие говорили с гордостью, как о героине. И только Владимир Григорьевич молчал, не поддерживая этих разговоров и болезненно морщась.

Ольга помнит, как на волне низвержения всего и вся, они с Владимиром Григорьевичем играли в любительском спектакле новомодную пьесу «Свалка». Оформление сцены было зловещим – огромные разорванные фото, кое-как сложенные, как символ изломанных судеб. Для усиления эффекта на переднем плане висели три доски – будто бы гробовые, и уж совсем с целью убойного воздействия по центру качалась верёвочная петля. Ольга, по ходу действия пьесы, трогала её. Петля колебалась зловещим маятником...

Через неделю после этого спектакля Валерия Ингемаровна повесилась.

Говорили всякое: «из-за дочери», «из-за потери смысла жизни», «в состоянии аффекта», «депрессия», и даже – «довела советская власть». А Ольга чувствовала, что Валерия Ингемаровна просто не могла больше видеть этот мир, вот и всё. Не было никаких причин, кроме самой жизни. А может, во всём виновато «искусство»? Люсенька соблазнилась голливудскими картинками, а Валерия Ингемаровна отравилась «Свалкой» – чернушной пьесой про выброшенных из жизни людей. Ольга не знала, что и думать. Они играли в клубе, в помещении, где когда-то был православный храм. В этом Ольга видела даже что-то символичное – «храм культа» сменил «храм искусств». Честно говоря, она не испытывала никакого трепета, выходя на сцену, где прежде располагался алтарь, – жизнь среди учёного люда, расщепляющего атом, сделала её материалисткой. И всё же мистика присутствовала: Ольга помнит, как после одного из спектаклей из жизни врачей ночью её увезли на «Скорой» с болезненным приступом (в пьесе она играла женщину с аппендицитом). Очнувшись от шока, она первым делом подумала про Владимира Григорьевича: а что с ним? У него была роль – умирающий от инфаркта человек...

«Свалку» они больше не играли. Хватило и одного представления. Владимиру Григорьевичу было теперь не до театра, и вообще, жутким казалось повторить этот спектакль, переживать всё заново. В то время Ольга была увлечена новой

постановкой – она участвовала в пьесе про голого короля – современный бурлеск, с намёками на текущую политическую ситуацию.

Через неделю после представления ей звонил однокурсник Олег Леонов. «Слушай, правда, что у вас в храме голый человек на сцене был?» Бывший геофизик, перспективный учёный, в перестроечные времена Леонов вдруг всё бросил и ударился в веру, поступил в Духовную семинарию в Ленинград. «Во-первых, это было не в храме, а в клубе, – охлаждала его пыл Ольга. – Во-вторых, человек был условно голый, что же мы, сумасшедшие что ли?! Он в плавках был, мы его тазиком прикрывали». Олег охал на другом конце трубки: «Вы не ведаете, что творите! Ладно, буду за тебя Богу молиться...»

А потом пришли ельцинские времена. Боже правый!.. Оказалось, что всё – разрешено. До такой степени, что суперсекретного Владимира Григорьевича безо всяких проволочек, по одной его робкой просьбе, выпустили в Америку, к дочери. И он полетел в Вашингтон, чтобы увидеть двух внуков (родная кровь!), посмотреть на домособняк с бассейном и люсичкино счастье – что ж, её «американская мечта» удалась.

А Ольга похоронила отца. От горя она была как в тумане – всё вокруг рушилось, мир потерял чёткость, очертания. У неё была такая сердечная боль, будто у неё оторвало ногу. Она всё вспоминала папу и рыдала от жалости к нему. Особенно, когда встретила на улице военкома – вся его грудь была в орденах и медалях. «Петр Савельевич, – насмелилась она, – откуда у вас столько?» Она знала, что в войну ему было годика два, не больше. «Так это же юбилейные, Олечка, их всем дают», – объяснял военком. Она заплакала тут же, на улице, и пошла, жалкая, ссутулившись. У отца её не было ни одной медальки. Он радовался, как ребёнок, когда его как-то «представили» к юбилею Победы, принесли бумажку из военкомата. («Книжечку дали, а медаль потом, – объяснял он Ольге, сияя, – сейчас нету, не завезли»). Но он так и умер, не дождавшись награды. «Любить надо при жизни», – твердила Ольга, и никак не могла унять слёзы.

С Владимиром Григорьевичем она встретилась случайно. Стояли в очереди в магазине – со снабжением были ощутимые перебои, а уж цены-то, цены! Говорили на бытовые темы, про Америку Ольга из деликатности не спрашивала. «Постарел, осунулся, – с горечью отмечала она, видя, как меняется выражение его лица – от растерянности к надежде. – Но, может, не напрасны были все эти его жертвы, раз дочь счастлива?!» Вспоминали любительскую труппу – она распалась,

условное искусство театра теперь было не нужно, вон, по телевизору та-кое показывают!.. «А, в сущности, в прошлом было много хороших, забавных случаев. Жаль, что его не вернуть». Поговорили и разошлись.

Осень пришла дождливая, слякотная. Но иногда проглядывало солнце, расцвечивало багрянец аллеи, и что-то просыпалось, пробуждалось в её душе – смутный образ будущего, надежда на счастье. В воскресенье Ольга стояла у окна, смотрела вниз, на усыпанную крупными желтыми листьями детскую площадку. Вдруг звонок телефонный. Муж взял трубку: «Алло?» Вместо ответа – гудки. Через три минуты снова звонок, теперь уже сын, Димка, подошёл. Та же самая история. Сын улыбнулся, покачал головой: «Мам, это тебя, наверное. С нами не хотят говорить».

И точно: позвонили в третий раз, Ольга взяла трубку. А там, без приветствий – «живая музыка», песня под гитару. Ольге неловко – муж и сын рядом стоят, смотрят вопросительно.

– Простите, голос такой знакомый... – Она, конечно, узнала его! – Но мне трудно угадать, кто вы...

Владимир Григорьевич рассмеялся:

– Да это же я, Оленька! Вот решил вам позвонить, удивить...

– Я и не знала, что вы песни пишете...

– Вы многое про меня не знаете, Оля...

Чувствовалось, что ему хотелось поговорить, попеть. Но рядом были домашние, и она, извиняясь, стала с ним прощаться.

Димка спросил строго:

– Кто это тебе серенады поёт?

– Владимир Григорьевич.

– А-а...

Костя (муж) расхохотался:

– Ты гляди, как воспрял мужик! Вон что Америка с людьми делает!.. Смотри, а то и ты с ним эмигрируешь, а у нас картошка на участке не убрана. Будешь нам гуманитарную помощь посылать!..

С шутками-прибаутками они отправились на огород. А Ольга весь день про этот звонок думала. Пыталась понять, что он значил, зачем Владимиру Григорьевичу это было нужно. Уже много позже узнала – он позвонил в день своего рождения. Значит, пытался себе праздник устроить, новую жизнь начать. И для Ольги в этой жизни, наверное, нашёл какое-то место. Может быть, роль благодарного слушателя?! Или – вдохновителя. Или – страшно сказать – Музы. Потому что заподозрить Владимира Григорьевича в мелкой интрижке она не могла – не такой он человек. Даже ревнивый Костя это понимал. Да, впрочем,

кто такой Владимир Григорьевич, и кто – Ольга?! Они были страшно далеки друг от друга, находясь на двух полюсах научного мира. Если бы не «храм искусств», никогда бы ей не побывать в его объёмах. Но может, великим людям тоже иногда нужны простые смертные? Для утешения, отрады?

И вроде, да, жизнь его стала налаживаться. До Ольги доходили слухи, что Владимира Григорьевича зовут в Москву, в академический институт, и он решил перебраться в столицу – открывались замечательные перспективы, его ждала новая работа.

И тут настал октябрь 1993 года.

Владимир Григорьевич жил тогда у родственников. Смотрел телевизор, как Ельцин из танков расстреливал Дом Советов. И – сердце его не выдержало. Он умер от инфаркта. Может, он и выкарабкался бы – это говорили его родственники, но «Скорая» приехала поздно, с огромной задержкой, потому что все машины были там, где крушили парламент.

Ему было шестьдесят лет, Ольге – сорок пять.

Хоронить его привезли домой, в городок. Дочь младшая, Наденька, выхлопотала. Осень стояла сухая, звонкая, радостная. Ольга помнит: день выдался – загляденье. Кладбище в городке – в берёзовой роще. И вот по этой золотой тропе несли гроб с Владимиром Григорьевичем. Народу было видимо-невидимо – все, кто мог ходить, пришли. Любили его очень – светлый был человек, и, как оказалось, одиноко-беззащитный.

После похорон Ольгу окружили бывшие артисты их театра: давай, мол, помянем Владимира Григорьевича. Сели за кладбищем, на полянке. У Ольги было три яблока, у Вани – шоколадка, у инженера Карпиновича – фляжка с коньяком. Славно посидели, повспоминали. До поминок у неё на душе было плохо – тревожно-тягостно-давяще. А тут вроде бы и отступило это чувство.

Вернулась Ольга домой с кладбища, и расстроилась – потеряла серёжку! Специально надела эти украшения – червлёное серебро, внутри камень чёрный – морион, и от него вроде как брызги – мелкие слёзки-камушки. Ольга стеснялась в траур обряжаться (ну, кто он тебе, скажут, тут и породнее есть!), а вот серёжки с морионом она специально для Владимира Григорьевича по-

добрала. Такая вот «деталь», чуть театральная... Жалко Ольге стало серёжку, расстроилась она.

А наутро досада от потери прошла. Легче на душе стало. Но что-то так властно вдруг потянуло её на кладбище! Будто сила какая. Ольга внимательно прислушалась к себе, и решила: пойду. Рассуждала: «Надо папу проведать, давно у него не была, вчера не зашла, вот теперь совесть и мучает. Ну, и Владимира Григорьевича навещу – как он там лежит теперь?!»

Ольга шла по дорожке к кладбищу, берёзы кланялись ей плакучими золотыми ветвями. Всё кругом – золотое-золотое, радостное, яркое. И – листопад! Ольге казалось, что звучит едва слышная музыка невидимых сфер – торжествующая гармония мира. А листьев на тропу нападало! И все они яркие, нежные, чистые, – настоящее богатство. Ольга не выдержала, и, как в детстве, зачерпнула их в ладони. Прижала к лицу. И – вот уж чудо, так чудо – в этой охапке – потерянная серёжка! Не искала, а нашла. Ольга с удивлением стала рассматривать украшение: одной чёрной капельки-слёзки на серёжке не было. Потерялась. Вроде как Владимир Григорьевич себе её забрал... Чудно!

Потом ещё прошли годы... Много лет. Теперь в бывшем клубе, где играл их театр, храм. Отпевают покойников, венчают молодых. Ольга не очень верит в Бога, но всегда, когда приходит сюда, вспоминает Владимира Григорьевича. А ещё она думает о нём, когда наступает пора листопада. Как-то сам собой он к ней приходит, и всю золотую осень – с ней.

Как это объяснить?! Ну, даже с точки зрения квантовой физики? Сколько лет прошло, она уже старше его, жизнь под гору пошла. А вот почему-то остался он, запечатлелся в её памяти, и с каждым годом образ его становится всё яснее, ярче. Может, в чём-то он даже стал лучше, «сказочней», что ли. Хотя Ольга, конечно, пытается быть честной с собой, и, вспоминая, ничего не приукрашивает. С тихой грустью, зачарованно, она смотрит на листопад, на то, как невесомые золотые лодочки плывут к земле, своему последнему пристанищу.

Ольга думает: что же ждёт её там, впереди, в величественных антимирах, за горизонтом обыденности?!

Право на Российский Престол

Вопрос, вынесенный в заглавие этой статьи, весьма сложен и труден, он вызывает страстные споры и дискуссии среди настоящих монархических направлений в России и ныне живущих потомков Дома Романовых за рубежом. Но я полагаю, что найдется немало читателей, которые пожмут плечами и спросят: «А какое это имеет значение в стране с демократическим строем?» И сначала мне хотелось бы ответить именно тем, кто считает эту проблему абстрактной, чисто теоретической, не имеющей отношения к ситуации в Новой России.

Как много зависит от точки зрения, от масштаба восприятия! Как часто мелочи, рассматриваемые слишком близко и подробно, в отрыве от всего остального, заслоняют весь мир, кажутся чем-то огромным и важным. Но если взглянуть на все российские проблемы, беды, войны и неурядицы с точки зрения тысячелетней российской истории – что же мы увидим? Полагаю, что в нынешнюю эпоху разрушения временно избранная власть новой России просто исчезнет, не войдя в историю, из поля зрения, а глобальные, неразрешимые проблемы, возникшие по их вине, окажутся очередной помехой, с какими не раз сталкивался русский народ. Лишь пристрастие ко всему чуждому, неуважение к своей истории (а точнее, незнание своего великого прошлого) завело безграмотную власть в тупик, из которого, кажется, нет выхода. А выход есть и с правильной, естественной точки зрения хорошо виден каждому, кто любит Отечество. Уникальное, единственное в мире сочетание православия и монархии – вот истинно русский путь, данный нам Богом, нашими предками и великой историей.

Более чем тысячелетняя история России – это история монархии. И хотя западные историки и политики упорно называют российскую историю кровавой и жестокой, а народ до сих пор считают агрессорами и оккупантами, позвольте напомнить, что в прошлые века Россия не знала ни инквизиции, ни религиозных войн, не уничтожала завоеванный народ и страны.. В самых неблагоприятных географических и климатических условиях, в окружении агрессивных соседей возросла и распростерла крылья великая держава, Российская Империя – изумляя весь мир своей военной мощью, духовностью, культурой, наукой. миролюбием, а главное – неуничтожимостью, дивным даром возрождаться из пепла после любого посягательства на ее независимость и целостность. Разве это не чудо? Разве одно это не доказывает, что монархия – единственно возможное для Новой России государственное устройство?

И семидесятилетнее отступление от этого принципа привело наше Отечество к таким немислимым бедам, к таким трагедиям и потерям, каких не было, кажется, за всю предыдущую историю России. Но если смотреть с точки зрения всей русской истории, то этот краткий период – всего лишь мгновение, эта перемена государственного устройства – отнюдь не прогресс, не историческая закономерность, а всего лишь отклонение, болезнь.

Даже с точки зрения легитимности – всеобщее убеждение, что отречение Императора Николая II от престола знаменовало собой крушение монархии, есть заблуждение и ошибка.

Николай II отрёкся от престола в пользу брата Михаила, но он не отрёкся от монархии, от образа правления, от государственного строя, не отменил его, не освободил своих подданных от присяги.

В 1922 году СССР был зарегистрирован в Лиге Наций как государство, действующее на территории Российской Империи, считающейся временно недееспособной. Из чего следует, что и мировое сообщество не восприняло «отмену» российской монархии как нечто законное и само собой разумеющееся.

Это изначальное беззаконие привело ко множеству больших и малых беззаконий.

И вновь потрясения и жестокие испытания выпали народу России.

Не возвращение на истинный путь, но тупик авантюрной демократии и дикого капитализма предпочли близкие авантюристы, захватив власть в переломный момент. В начале XXI века мы пожинаем плоды полутора десятков лет этого «демократического развала». Разрушение национальных устоев, унижение страны, бездуховность и, миллионы соотечественников, оказавшихся за границей в положении людей

второго сорта, а в России – миллионы нелегальных мигрантов, захватывающих землю и рабочие места, падение рождаемости, развал образования... Это и есть демократия?

Монархия – гарант совести. Монарх – надежда на совесть власти. Я утверждаю, что в России в начале XXI века нет патриотических сил, способных спасти и возродить страну. Но есть патриоты, которые разделены, разъединены, и нужен стержень, вокруг которого объединятся десятки миллионов людей, все, кому небезразлична судьба России. Этот стержень, эта связующая сила и основа процветания России – русский Государь.

Кто может помешать восстановлению монархии в России? Временно избранное бюрократическое правительство, те, кто не хочет делиться властью.

Я уверен, что необходимо провести всенародный референдум о возрождении монархии в России. Это была бы главная историческая миссия российского народа в XXI веке.

К сожалению, подавляющее большинство моих соотечественников плохо представляют себе, что такое монархия, какова ее историческая роль в становлении и развитии государства Российского и как она сегодня необходима для благополучия народа и целостности государства. Монарх – это третейский судья между властью и народом в новой России.

Вот почему я занимаюсь созданием цикла документально-художественных альбомов, посвященных Великим Князьям Дома Романовых: чтобы вы могли сравнить ту эпоху и нынешнюю, Россию с царём и без царя.. Осознать, что вы, ваши дети и потомки заслуживаете не того жалкого существования, которое вынуждены владеть в новой России, а достойной жизни в великой исторической державе с постоянным монархом, который будет верой и правдой служить своему народу и Отечеству.

* * *

Так кто же имеет право на российский престол в XXI веке?

Прежде, чем рассмотреть этот весьма сложный вопрос, в сущности, не имеющий на данный момент однозначного решения, напомним, хотя бы кратко, историю престолонаследия в России.

Видимо, следует сказать несколько слов о том, как появились в России титулы «царь» и «император». Эволюция именованья государя России отражает не столько изменения в системе управления, сколько расширение пределов страны.

Собственно говоря, с филологической точки зрения *царь*, *король* и *император* – разные формы одного и того же слова. Слово «царь» – произошло от *цесарь* (Caesar); ему равносильны такие формы, как *кесарь*, *греч.* *каїсар*, *нем.* *Kaiser*, т.е. император. Но с исторической точки зрения царь не равен ни королю, ни императору.

Титул **царя** устанавливался в России сложно и постепенно. Московского князя Василия Темного (1425–1462) хотя и называли боговенчанным царем православия во вселенной, но это, скорее, отражало его заслуги в становлении самостоятельности Православной Церкви. Политическое же освобождение Руси от татаро-монгольского ига ознаменовалось тем, что впервые в новой пасхалии 1492 года Иоанн III был назван государем и самодержцем Всея Руси. С этих пор титул самодержца усваивается московскими государями. Первым русским царем стал в 1547 году Иоанн IV Грозный.

В других языках нет того различия, которое русский язык делает между царями и королями, называя первым именем почти исключительно монархов древнего Востока и классического мира, а также русских государей с XVI века, и давая имя королей главным образом западноевропейским государям в средние века и в новое время.

Но дело не только в пути заимствования титула, но также и в том содержании, которым этот титул наполнялся.

Ярче всего это выразилось в письме Иоанна Грозного к польскому королю Сигизмунду-Августу (Послание Сигизмунду II Августу от имени М.В. Воротынского, 1567 год):

«Наших великих государей вольное царское самодержество не как ваше убогое королевство, а нашим великим государям не указывает никто, а тебе твои панове как хотят, так укажут... а наши все государи самодержцы, и никто же ин им чем не может указа учинити, и вольны добрых жаловати и лихих казнити».

Таков был идеал московских государей – царь не людским и не собственным хотением оказывается на престоле, но Божиим провидением.

Св. Иосиф Волоцкий (1439/1440–1515, преподобный, чудотворец, церковный и политический деятель, вошедший в историю как последовательный защитник монастырского землевладения и обличитель ересей) учил, что московские государи доставляются от Бога самодержцами и государями Всея Руси, что Бог избрал их на земле вместо себя и посадил на свой престол, даровав

им милость и живот; поэтому они должны спастись врученное им стадо от волков, погубляющих тело и душу, т.е. от еретиков. Не исполняющие этой главной своей обязанности государи становятся слугами сатаны и несут ответственность перед Богом в земной и будущей жизни, так как за грехи царя Бог казнит не только самих царей, но и всю землю.

Подобное воззрение на царя и царскую власть принадлежало не только правящей элите, но и всему русскому народу. Видимо, поэтому после введения в России титула императора титул царя не исчез, не утратил своего значения, а остался существовать параллельно, особенно в народном сознании.

Император (Imperator) – уже в древнейшие времена римского государства так называли главнокомандующего римской армией, т.е. того, кому принадлежало над ней *imperium*, верховная власть. Это был почетный титул, не существовавший на официальном языке. Позже, во время Второй Пунической войны (218–201 до н.э.), вошло в обычай давать название императора главнокомандующему после первой большой победы. Юлий Цезарь носил постоянно титул императора, так что трудно сказать, считал ли он его почетным званием или символом высшей власти. Цезарь ставил его обыкновенно непосредственно после своих собственных имен и не отделял от официальных титулов. Октавиан, приняв титул императора, изменил его употребление. Он стал писать его во главе своих имен и именовался: *Imperator Caesar Divi Julii filius*. С этих пор вошло в обычай считать титул *imperator* чем-то вроде постоянного, наследственного имени главы государства.

Примерно со II века императором стали называть главу государства. Титул император исчез на Западе с 476 г. Карл Великий (ок. 742–814, король франков и лангобардов, создатель Римской империи на западе, один из величайших правителей в истории) восстановил его в 800 г., заставив с согласия народа и с помощью папы Льва III провозгласить себя в Риме *Imperator Augustus*; но византийские императоры всегда только себя считали законными представителями императорского титула.

В новое время, с XVIII века, императорское достоинство было возобновлено в некоторых государствах, но в применении к новому, главным образом, национальному устройству. Прежде всего приняли этот титул русские государи: в 1721 г. Сенат и Синод в ознаменование Ништадского мира определили просить Петра I принять наименование Императора, Великого и Отца Отече-

ства. Этот акт, ставивший русского царя наряду с единственным тогда Императором "Священно-Римской империи германского народа", вызвал протест со стороны многих европейских держав. Первыми признали новый титул русских государей Пруссия, Нидерланды и Швеция, за ними последовали Турция (1739), Англия [Английская королева Елизавета ещё... величала Иоанна Грозного Императором (*Empereur*).] и Германская империя (1742), Франция и Испания (1745), последние две державы не без оговорок, устраненных декларацией Екатерины II (1762); наконец и Польша признала новый титул русских государей (1764).

Появление нового титула следует связывать с тем, что Россия повернулась на Запад, заявив о своём праве определять политику и мироустройство в Западной Европе. Кроме того, в понимании Петра I Россия перестала быть моноэтническим государством (царством), она расширяла свои владения и становилась многонациональной Империей.

Интересно отметить, что и прочие исторические ситуации принятия титула Императора связаны с расширением страны и усилением её роли в мире. Так, Наполеон I, приняв титул императора (1804), хотел восстановить империю Карла Великого с французским императором во главе. Потом этот титул носил Наполеон III, который на нем основывал притязания на роль некоторого примирителя народов. В 1804 г. Франц I Австрийский, желавший освободить юго-восточную Европу от верховной власти французов и подчинить ее Габсбургскому дому, принял название "апостолического Императора". В 1808 г. появились императоры в Бразилии, в 1811 г. – в Гаити. В 1864 г. австрийский эрцгерцог Максимилиан принял титул императора Мексики. В 1871 г., с объединением Германии, прусскому королю предоставлен был титул императора германского. В 1876 г. титул английской империи был присвоен индийским владениям, причем английская королева была объявлена императрицей Индии.

Проблема престолонаследия всегда остро стояла в России (как при царской, так и в самом начале существования императорской власти) и бывала причиной множества кризисов, благотворных и несчастливых периодов в истории России.

Престолонаследие – это преемство верховной власти в монархиях. В истории европейских монархий существовало три вида преемства: по избранию, по назначению предшественником и по закону (наследственная

монархия). Избрания короля в настоящее время не существует ни в одном из цивилизованных государств. Примерами прежде существовавших избирательных монархий могут служить Польша, Священная Римская Империя германского народа, в средние века – Венгрия и Богемия, а также Шлезвиг-Гольштинские герцогства и Дания, где, впрочем, свобода выбора была ограничена пределами царствующей династии. Избирательная борьба партий нередко приводила государство к самым тяжелым кризисам; монарх, обязанный властью партии, не мог обладать ни независимостью, ни самостоятельностью. Вместе с тем пожизненное избрание безответственного монарха не доставляло государству и выгод, сопряженных с ограниченностью во времени полномочий президентов республик. В настоящее время возможность избрания монарха и сам порядок этого избрания устанавливаются многими конституциями, но лишь на случай прекращения царствующей династии. В России по пресечении династии из рода Рюриковичей престол переходил несколько раз по выбору: в 1598 г. земским собором избран Борис Годунов; в 1606 г. боярами и народом – Василий Шуйский; в 1610 г. – польский королевич Владислав; в 1613 г. избран земским собором Михаил Федорович Романов. Затем в XVIII в. престол два раза доставался по избранию: в 1725 г. сенат, Синод и генералитет избрали Екатерину I, а в 1730 г. Верховный тайный совет – Анну Иоанновну.

Назначение монархом себе преемника путем завещания или специального закона представляет те же неудобства, что и избрание монарха, причем главным объектом происков становится сам монарх. Такая система существовала в императорском Риме; в настоящее время она нигде не практикуется, хотя и не исключается законодательствами некоторых стран, например Англии, где «король в парламенте» в силу принадлежащей ему неограниченной власти может назначить любое лицо наследником престола. Эта система, по-видимому, существовала в России в московский период нашей истории, хотя фактически престол переходил почти всегда от отца к сыну; обыкновенно князья и цари считали себя вольными давать царство, кому хотели, а сыновья видели основание своей власти не в факте своего происхождения, а в воле родителя, благословившего сына на царство (Феодор Иоаннович, Алексей Михайлович и даже Феодор Алексеевич).

Право назначать себе преемника было узаконено Петром Великим 5 февраля 1722 г. и затем подтверждено Императрицей Анной

Иоанновной (17 декабря 1731) и Императором Петром III (23 декабря 1761). По назначению предшественником вступили на престол: Петр II (по завещанию Екатерины I), Иоанн Антонович (по распоряжению Анны Иоанновны), Петр III (по манифесту Елизаветы Петровны) и Павел Петрович, которому, как законному наследнику, присягали при вступлении на престол Екатерины II.

При наследовании по закону, принятому в настоящее время во всех монархиях, порядок преемства определяется или конституцией, или особым законом, не включаемым в конституцию и потому во всякое время подлежащим изменению (это сравнительно редкий случай; к таким государствам относится не имеющая писанной конституции Англия), или, наконец, особыми семейными договорами, устанавливающими права и взаимные отношения отдельных членов царствующего дома.

Закон о престолонаследии в России был разработан Императором Павлом I и обнародован им в 1797 г., чтобы покончить с дворцовыми переворотами, столь характерными для послепетровской эпохи: «Дабы государство не было без Наследника. Дабы Наследник был назначен всегда законом самим. Дабы не было ни малейшего сомнения, кому наследовать».

В 1832 году при Императоре Николае I данный закон в формулировке «Учреждение об Императорской Фамилии» был включен в «Свод Законов Российской Империи».

Император Александр III в 1886 году повелел произвести общий пересмотр Учреждения об Императорской Фамилии. Пересмотр этот был возложен Александром III на особую комиссию под председательством младшего брата, Великого Князя Владимира Александровича. Среди прочих изменений было и вот какое.

Статья, в 1832 году введенная Императором Николаем I, утверждала переход в православие (до брака) всех инославных принцесс, выходящих замуж за членов Российской Императорской Фамилии.

После поправки, внесенной комиссией при Императоре Александре III, она стала звучать так:

Статья 60. Брак Наследника Престола и старшего в Его поколении мужского лица с особою другою верою совершается не иначе, как по восприятии ею православного вероисповедания (ст. 40 Основных Законов).

Но не прошло и трёх лет, как Император Александр III издал специальный Указ Сенату 6 июня 1889 года, где было сказано: «Признав за благо восстановить действие статьи 142

Свода Основных Государственных Законов издания 1857 года, повелеваем: согласно с первоначальным начертанием Основных постановлений о браке Членов Августейшего Дома Нашего, ст. 60 Учреждение об Императорской Фамилии, изложить в следующем виде: “Брак мужского лица Императорского Дома, могущего иметь право на наследование Престола с особой другой веры совершается не иначе как по восприятии ею православного исповедания” (ст. 40)».

То есть малозначительная на вид поправка вывела из-под действия закона боковые ветви Императорской Фамилии, по умолчанию позволяя им браки с инославными супругами. Комиссия под руководством Великого Князя Владимира Александровича отнеслась к вопросу веры достаточно формально, усматривая в православии Государя и Его Супруги, скорее, традицию и условие правления православной страной, прочим же членам Императорской Фамилии дозволив браки с неправославными принцессами, буде они того пожелают. Ни комиссии, ни Великому Князю не пришло в голову, что через несколько поколений может создаться такая ситуация, что в правящей династии православие будут исповедовать лишь Государь и их прямые наследники, остальные же члены Царской Семьи разорвут свою духовную связь с русским народом.

Государь Император Александр III смотрел на это иначе. Возможно, он, доверяя младшему брату и комиссии, не сразу заметил, чем грозит эта «незначительная» поправка. Но когда заметил и осознал, что изменение этой статьи грозит ослабить, а то и вовсе нанести удар основному назначению Государя и Императорской Фамилии – быть опорой и защитой православия, блюстителями веры и самыми преданными её сынами.

Поэтому текст статьи был восстановлен явно и торжественно – именным Указом Государя, ибо эти несколько строк были делом государственной важности.

Можно предположить, что в особом отношении Государя к этой проблеме сказался его личный печальный опыт: его отец, император Александр II, долгие годы находился в открытой связи с княжной Е.М. Долгоруковой, а в июле 1880 года вступил с нею в мorganатический брак, что вызвало возмущение всей императорской фамилии. Александр III хотел, чтобы запрет на мorganатические браки выглядел совершенно недвусмысленно, и чтобы в будущем династия была защищена от подобных огорчительных событий.

Кроме того, Государь Александр III, несомненно, полагал, что именно Царская Семья должна

быть примером для всякого подданного в отношении в вере, семье, ко всем тем непреходящим ценностям, на которых стояла и стоит Россия.

В своё время замечательно выразила это убеждение вдовствующая Императрица Мария Федоровна, супруга Императора Павла I, которая в течение 19 лет отказывала своему сыну Великому Князю Константину Павловичу в согласии на развод с супругой его, Великой Княгиней Анной Федоровной. Вот, что она ему писала:

«При самом начале приведу Вам на память пагубные последствия для общественных нравов, также огорчительный для всей нации опасный соблазн, произойти от этого долженствующий; ибо по разрушении брака Вашего последний крестьянин отдаленнейшей губернии, не слыша больше имени Великой Княгини, при церковных молитвах возглашённым, известится о разводе Вашем, с почтением к таинству брака и к самой вере поколеблется. Он предположит, что вера для Императорской Фамилии менее священна, нежели для него, а такового довольно, чтобы отщепить (неупотребимое ныне слово, см. у Даля: отщепить что – соделать тщетным, суетным, бесполезным, пустым, лишить чего, оставлять ни с чем) сердце и умы подданных от Государя и всего Царского Дома. Сколь ужасно вымолвить, что соблазн сей производится от Императорского брата, обязанного быть для подданных образцом добродетели! Поверьте мне, любезный мой Константин Павлович, единою прелестью неизменяющейся добродетели можем мы внушить народам сие о нашем превосходстве уверение, которое обще с чувством благоговейного почитания утверждает спокойствие Империи. При малейшем же хотя в одной черте сей добродетели нарушении общее мнение ниспровергается, почтение к Государю и его роду погибает».

Вот слова, которые следовало бы помнить всем правителям России, во все века...

Последняя поправка была внесена в статью 188 при Императоре Николае II в 1911 году (причем в смысле ужесточения этой статьи: если ранее в законе о престолонаследии говорилось лишь о том, что неравнородные браки Великих Князей и Великих Княжен лишают их потомство прав на престол, то новое дополнение прямо запрещает такие браки).

Закон этот весьма обширен и подробен, содержит шесть глав, 223 статьи, но в данный момент нас интересуют требования, предъявляемые к лицу, претендующему на российский престол.

Итак, вот эти главные условия, исполнение которых абсолютно необходимо.

1) принадлежность к Императорскому Дому Романовых;

2) первородство по мужской линии, которое определяется по старшим сыновьям Императора – они имеют преимущество перед братьями Императора;

3) равнородность браков его родителей;

4) рождение от православных родителей и бескомпромиссная верность православной вере и ее канонам;

5) соблюдение присяги на верность Основным Законам царствующего на их основании Императора и его наследника;

6) пригодность к занятию Престола с религиозной точки зрения;

7) по пресечению мужского потомства право на Престол переходит к представительнице женского пола, удовлетворяющей всем этим требованиям.

Законы эти логичны, ясны и понятны каждому. Правда, при нынешнем нашем образовании и воспитании, в начале XXI века, они мало кому известны. Поэтому притязания потомков Великого Князя Кирилла Владимировича («Кирилловичей») на российский престол, на право представлять династию Романовых многим кажутся законными и возможными и даже активно поддерживаются в России средствами массовой информации и некоторыми представителями власти, плохо знающими собственную историю и законы Российской империи.

Но если хотя бы кратко рассмотреть биографии Романовых этой ветви, то станет ясно, что никаких прав на престол у Кирилловичей нет и быть не может – именно потому, что ими оказались нарушены практически все основные условия престолонаследия.

Итак, Великий Князь Владимир Александрович (сын Императора Александра II) в 1874 году вступил в брак с герцогиней Мекленбург-Шверинской, не принявшей православия до брака (она перешла в православие через 34 года после замужества). Поэтому дети, рожденные от этого брака, могли претендовать на престол лишь в резервном порядке, если бы в династии не осталось мужчин, рожденных от православных браков (согласно статье 185 Основных Законов).

Рожденный от этого брака Великий Князь Кирилл Владимирович в 1905 году женился на Виктории-Мелите, урожденной принцессе Саксен-Кобургской, которая прежде была замужем за Великим Герцогом Гессен-Дармштадтским – родным братом Императрицы Александры Федоровны. Женился, вопреки запрету Императора Николая II, на неправослав-

ной, на разведенной, да еще и на собственной двоюродной сестре, что было невозможно не только для члена Августейшей Фамилии, но и вообще для любого православного человека, так как православная церковь категорически запрещает близкородственные браки.

По этой причине Кирилл Владимирович был лишен всех званий, выслан из России и, естественно, по букве и духу Основных Законов, и он сам, и его потомство были лишены прав престолонаследия.

События тех лет изложены в письмах Императора Николая II к матери, вдовствующей Императрице Марии Федоровне.

«Петергоф, 5 октября 1905 г.

Милая дорогая Мама,

На этой неделе случилась драма в семействе по поводу несчастной свадьбы Кирилла. Ты, наверно, помнишь о моих разговорах с ним, а также о тех последствиях, которым он должен подвергнуться, если он женится: 1) исключение из службы, 2) запрещение приезда в Россию, 3) лишение всех удельных денег и 4) потеря звания Великого Князя.

На прошлой неделе я узнал от Ники (принц Николай Греческий, сын Королевы Эллинов Ольги и Короля Георга I), что он женился 25 сентября в Tegernsee. В пятницу на охоте Ники мне сказал, что К. приезжает на следующий день! Я должен сознаться, что это нахальство меня ужасно рассердило – нахальство потому, что он отлично знал, что не имел никакого права приезжать после свадьбы.

Желая предупредить возможность появления Кирилла в нашем доме, я послал за Фридериксом и поручил ему отправиться в Царское и объявить Кириллу те 4 пункта и кроме того мое негодование за его приезд и приказание тотчас же выехать за границу. На другой день в воскресенье, как нарочно, мы должны были принять Fridrich Leopold (oiseau de mauvais augure – вестник бедствия, франц.), (Фридрих-Леопольд – Принц Прусский, муж Принцессы Луизы-Софии, сестры супруги Императора Вильгельма II), он завтракал у нас с дядей Владимиром.

Затем я имел с бедным отцом очень неприятный разговор. Как он ни заступался за своего сына, я стоял на своем и мы расстались на том, что он попросил уйти со службы. В конце концов я на это согласился.

Кирилл уехал в воскресенье, предварительно побывав в кают-компании Гвардейского Экипажа, как говорят, чтобы проститься с товарищами.

С этого дня мы ничего не слышали из Царского, за исключением письма от Ники, который

был в отчаянии от всего происшедшего и умолял о смягчении наказания Кириллу.

Морской приказ уже вышел, дни проходили, а бумага о лишении его титула Великого Князя все передельвалась, т.к. это был первый случай.

Вместе с тем меня брало сомнение, хорошо ли наказывать человека публично несколько раз подряд и в теперешнее время, когда вообще к семейству относятся недоброжелательно. После долгих размышлений, от которых наконец заболела голова, я решил воспользоваться именинами твоего маленького внука (Цесаревича Алексея) и телеграфировал дяде Владимиру, что я возвращаю Кириллу утраченное им звание.

Само собою разумеется, что остальные виды наказаний остаются в силе. По мнению тех, которых я спрашивал, эти три взыскания достаточны, лишь бы они продолжались долгое время!

Уф! Какие это были скучные и неприятные дни! Теперь это дело решено, как будто гора с плеч свалилась! Интересно, что думает тетя Мишен («Михень» – Великая Княгиня Мария Павловна, урожденная Мария Александровна Елизавета Элеонора, принцесса Мекленбург-Шверинская, супруга Великого Князя Владимира Александровича, мать Кирилла Владимировича)? Как она должна была нас ненавидеть!

Мы так надеемся, что они поедут за границу, потому что дяде Владимиру необходимо лечение. Вот почему мы еще хотим оставаться здесь.

Надеюсь, милая Мама, Ты оправдываешь мой поступок и не находишь, что я действовал мягко.

Сегодня, по-моему, был именно для оказания милости настоящий день.

Не знаю, сообщила ли Тебе тетя Мари (Великая Княжна Мария Александровна, единственная дочь Императора Александра II, супруга второго сына английской королевы Виктории Альфреда Эрнеста Альберта, герцога Саксен-Кобург-Готского, графа Кентского, герцога Эдинбургского), об этой свадьбе, мы от нее ничего не слыхали.

Извини, что все письмо наполнено только этим предметом, но я хотел бы, чтобы Ты узнала всю правду от меня.

Прощай, моя дорогая милая Мама, я постоянно мысленно с Тобою. Крепко обнимаю Тебя и милого Апапа.

Христос с Тобою!

Всем сердцем горячо Тебя любящий Твой

Ники».

А вот краткая записка, относящаяся к декабрю того же года.

«Милая моя Мама,

Посылаю Тебе для прочтения более чем странное письмо от дяди Владимира, которое я только

что получил! Презрение будет моим ответом на это! Упрямый и грубый человек.

Завтра я приеду в 7 с четвертью и, если позволишь, поеду с Мишей слушать «Дубровского». Крепко Тебя обнимаю.

Сердечно твой Ники».

Великий Князь Владимир Александрович, требуя признать брак сына, в выражениях не стеснялся и пытался оказать грубое давление на Императора Николая II. Когда же это не оказало желаемого действия, он опустился до шантажа – пригрозил подать в отставку со всех своих государственных постов. А ведь он был – ни много ни мало – главнокомандующим войск гвардии и Санкт-Петербургского военного округа. Что можно сказать о человеке, поставившем узкие семейные интересы выше государственных? Похоже, эта черта была общей для членов семьи Великого Князя Владимира Александровича. И впоследствии, когда его сын, Великий Князь Кирилл Владимирович, в сущности, способствовал отречению Государя и с восторгом принимал крушение монархии, он проявлял ту же черту – установление личных выгод выше интересов Отечества.

Император Николай II не стал уговаривать раскапризничавшегося дядю, а просто принял его отставку. Ибо он не собирался менять законы Империи ради родственных чувств.

Отношение Императора Николая II в качестве Главы Императорского Дома и блюстителя нравственных устоев и вдовствующей Императрицы Марии Федоровны к браку Кирилла Владимировича никогда не менялось. Мало того, оно было официально оформлено согласно законам Российской Империи. Публикуем текст письма Председателя Совета Министров П.А. Столыпина министру юстиции. Под грифом «Совершенно секретно».

«Господину Министру Юстиции.

Министр ИМПЕРАТОРСКОГО Двора, отношением от 16 сего Января, за № 351, уведомил меня, что на представленном им на благоусмотрение ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА журнале ВЫСОЧАЙШЕ учрежденного, под моим председательством, Совецания для рассмотрения вопроса о возможности признания брака ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ КИРИЛЛА ВЛАДИМИРОВИЧА с бракоразведенною супругою Великого Герцога Гессен-Дармштадского Викториею-Мелиттою, ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ, в 15 день сего Января, благоугодно было собственноручно начертать: «Признать брак Великого Князя КИРИЛЛА ВЛАДИМИРОВИЧА Я не могу. Великий Князь и могущее произойти

от него потомство лишаются прав на престолонаследие. В заботливости Своей об участии потомства Великого Князя КИРИЛЛА ВЛАДИМИРОВИЧА, в случае рождения от него детей, дарую сим последним фамилию Князей Кирилловских, с титулом Светлости, и с отпуском на каждого из них из Уделов на их воспитание и содержание по 12.500 руб. в год до достижения гражданского совершеннолетия».

О таковой ВЫСОЧАЙШЕЙ резолюции имею честь сообщить Вашему Превосходительству.

*Председатель Совета Министров
П. Столыпин».*

Таким образом, Император Николай II, по настойчивым просьбам родителей Кирилла, признал его брак великокняжеским (это обеспечивало соответствующее денежное содержание). Но лишение его и его потомства прав на Престол никогда не отменялось. Мало того, защитники прав Кирилловичей на престол, охотно упоминая о признании Николаем II брака Кирилла, словно бы забывают, что именно в этот момент Государь запретил потомкам Кирилла носить фамилию Романовых, и по закону они сейчас должны называться князьями Кирилловскими. Хотя сам Кирилл Владимирович оставался Романовым, поскольку нельзя отнять у человека имя, положенное ему по праву рождения, то его потомки – по прямому указанию Государя императора Николая II – к династии Романовых уже не принадлежат. Они являются князьями Кирилловскими. Называясь Романовыми, претенденты на престол по линии Великого Князя Кирилла Владимировича нарушают волю и установление последнего российского Императора.

20 января 1907 года у Кирилла Владимировича и Виктории Федоровны родилась дочь Мария. По многочисленным и настойчивым просьбам Великого Князя Владимира Александровича и всего клана «Владимировичей» Государь несколько смягчил свой суровый указ от 16 января (но понадобилось полгода, чтобы убедить его):

Указ Правительствующему Сенату.

Снисходя к просьбе Любезнейшего Дяди Нашего, Его Императорского Высочества Великого Князя Владимира Александровича, Всемилостивейше повелеваем: Супругу Его Императорского Высочества Великого Князя Кирилла Владимировича именовать Великою Княгинию Викторией Федоровною, с титулом Императорского Высочества, а родившуюся от брака Великого Князя Кирилла Владимировича с Великою Княгинию Викториею Федоровною Дочь, нареченную при Св. Крещении Мариною, признавать Княжною

крови Императорской, с принадлежащим Правнукам Императора титулом Высочества.

Правительствующий Сенат к исполнению сего не оставить сделать надлежащее, в чем следует, распоряжение.

На подлинном Собственною Его Императорского Величества рукою подписано:

Николай

Петергоф, 15 июля 1907 г.

Скрепил: Министр Императорского Двора, генерал-адъютант барон Фредерикс.

Этот документ ни в коей мере не отменяет Указа от 16 января, ибо он решает совершенно иную проблему – не права на престолонаследие, а всего лишь формальной принадлежности новорожденной дочери Великого Князя Кирилла Владимировича к династии Романовых. Несомненно, Император Николай II оказался в сложном положении. Брак, лишивший потомков Великого Князя Кирилла Владимировича прав на престолонаследие, однако, был законный и равнородный, и следовало как-то определить положение его дочери. Под давлением родственников Государь явил свою милость провинившемуся Великому Князю, и это точно сформулировано в тексте документа – «снисходя к просьбе Любезнейшего Дяди Нашего». Но милосердие Императора не простёрлось до нарушения Закона. Ни единого слова об отмене Указа от 16 января не было сказано. Следовательно, он остался в силе. И обязывает до сего дня.

Обратим внимание на такую тонкость в этой ситуации. Ранее Государь пожаловал «из Уделов на их воспитание и содержание по 12.500 руб. в год до достижения гражданского совершеннолетия». То есть – пока дети Великого Князя Кирилла Владимировича остаются несовершеннолетними членами великокняжеской семьи, финансово они обеспечиваются из Уделов династии Романовых, но достигнув совершеннолетия, они делаются князьями Кирилловскими и теряют право на удельные капиталы. А в данном случае речь идёт о дочери, которая будет владеть пожалованным титулом до замужества, после которого примет титул и имя мужа. То есть, оказывая эту милость, Государь не рисковал нарушить свой предыдущий Указ. Мы не знаем, как он решил бы эту запутанную проблему, родись у Кирилла Владимировича сын. Потому что следующей родилась снова дочь – Кира Кирилловна, которая получила от Императора Николая II точно такой же титул, что и Мария Кирилловна. А единственный сын Кирилла Владимировича – Владимир Кириллович – родился в августе 1917 года, когда Император Николай II уже

отрёкся от престола, и ему не пришлось решать эту проблему.

И поскольку при жизни Государя Императора никаких изменений в Указе о лишении Великого Князя Кирилла Владимировича и его потомков прав на престол, а также на родовое имя Романовых, не было сделано – ни единого слова, ни единой запятой – то мы считаем этот Указ остающимся в законной силе.

Российский Закон о престолонаследии был, пожалуй, самым точным и подробным среди европейских монархий. Он был создан не как ритуал, но как прочная основа правления; его учреждение и последующие уточнения – результат горького исторического опыта и желания предусмотреть все возможные (почти даже невероятные) ситуации, в которых может оказаться правящая династия. Преступить этот закон значило вынуть краеугольный камень из фундамента государства и свергнуть Империю в хаос безвластия.

Следует ли напоминать, что в ту пору существовало немало отпрысков императоров и великих князей, как незаконнорождённых, так и вполне законных, но родившихся в мorganатических браках. Немалые хлопоты доставляли дети Императора Александра II от Екатерины Долгорукой (светлейшей княгини Юрьевской), долго не оставлявшей стараний войти в династию и проложить своему сыну Георгию дорогу к трону, тем более, что сам Александр II намеревался короновать её и сделать сына Цесаревичем в обход наследника, Великого Князя Александра Александровича. Бог знает на какие действия вдохновило бы её явное нарушение закона о престолонаследии Государем!

Побочные дети великих князей (например, дети Великого Князя Константина Николаевича от балерины Анны Кузнецовой, которым Император Александр III пожаловал отчество Константиновичи и фамилию Князевы, а также потомственное дворянство), может быть, и не стали бы претендовать на престол, но могли бы пожелать войти в семью своих родственников – то есть в династию Романовых... Страшно представить, как всё это могло бы отразиться на репутации династии, на ситуации в государстве.

Именно поэтому закон был непреложен. Следует различать личное, семейственное милосердие Государя, его деликатность, жалость, в конце концов, – и нарушение закона.

В Придворном календаре на 1917 год Великий Князь Кирилл Владимирович упомянут, но это лишь указывает на его принадлежность к семье, но никак не на права на престол, поскольку в том же календаре упомянуты и другие члены

Династии, не имевшие прав престолонаследия (например, княжна Татьяна Константиновна, дочь Великого Князя Константина Константиновича, которая в 1911 году официально подписала отречение от своих прав на престол из-за брака с князем Багратион-Мухранским, который был признан неравнородным). Если упоминание в Придворном календаре не возвращает княжне Татьяне Константиновне прав престолонаследия, то почему мы должны считать, что упоминание в том же календаре Великого Князя Кирилла Владимировича отменяет Указ Императора Николая II и вновь возвращает его в число наследующих? Вовсе нет.

Никаких документов, указывающих на отмену Указа, нет, а милосердие Государя по отношению к провинившемуся родственнику закона не нарушает и не преступает его.

Следует заметить, что, не подчиняясь ни воле Государя, ни законам Российской Империи, Кирилл Владимирович, между тем, рассматривал Императора как естественный источник благосостояния своей семьи, пребывающей за границей.

Вот выписка из ещё одного интересного документа, который тоже ранее не публиковался, – из духовного завещания Великого Князя Кирилла Владимировича от 4 февраля 1917 года:

«V. Решаюсь просить ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА сохранить за возлюбленной Супругой моей Великой Княгиней Викторией Феодоровной пожизненно все получаемое мною содержание, дабы дать Супруге моей возможность докончить дни свои в тех условиях, в коих она находилась при жизни моей.

Подпись: Кирилл».

Февраль 17-го! Крушение Империи! Решается судьба России! А чем озабочен Кирилл Владимирович? Сохранением за супругою своего денежного содержания...

В 1917 г. Кирилл Владимирович сам письменно отказался от своих прав престолонаследия (хотя и давно не существовавших), присоединившись к отказу Великого Князя Михаила Александровича, брата Царя, в пользу Учредительного собрания.

И когда Кирилл Владимирович в 1922 году провозгласил себя блюстителем престола, а в 1924 году – Императором, вдовствующая Императрица Мария Федоровна была потрясена этим его поступком – во-первых, она до конца жизни не верила в гибель сына, внука и внучек, и восприняла это как узурпацию престола; во-вторых, она, Императрица, даже не была извещена заранее, а лишь поставлена перед

свершившимся фактом. Во многих её письмах того времени отражены гнев и презрение к Кириллу Владимировичу. Вот, например, о чём она писала в открытом письме к Великому Князю Николаю Николаевичу:

«Ваше Императорское Высочество,

Болезненно жгало сердце Мое, когда Я прочитала Манифест Великого Князя Кирилла Владимировича, объявившего себя Императором Всероссийским.

До сих пор нет точных сведений о судьбе Моих возлюбленных Сыновей и Внука, а поэтому появление нового Императора я считаю преждевременным. Нет ещё человека, который мог бы погасить во Мне последний луч надежды. Боюсь, что этот Манифест создаст раскол и уже тем самым не улучшит, а наоборот, ухудшит положение и без того истерзанной России.

Если же Господу, по Его неисповедимым путям, угодно было призвать к Себе Моих возлюбленных Сыновей и Внука, то Я, не заглядывая вперёд, с твёрдой надеждою на милость Божию, полагаю, что Государь император будет указан Нашими основными Законами в союзе с Церковью Православною совместно с Русским Народом.

Молю Бога, чтобы Он не прогневался на Нас до конца и скоро послал Нам спасение путями, Ему только известными.

Уверена, что Вы, как старейший Член Дома Романовых, одинаково со мною мыслите.

Мария, Хвидор.

21 сентября (4 октября) 1924 года».

Кажется, нельзя яснее и убедительнее выразить суть российского закона о престолонаследии применительно к той ситуации, которая сложилась в ту эпоху. И именно следуя неукоснительно законам Империи, вдовствующая Императрица до конца дней своих прав Кирилла Владимировича на престол не признавала.

Великий Князь Николай Николаевич, как и многие члены Августейшей Фамилии, оказавшиеся в эмиграции, не признал самопровозглашение Кирилла Владимировича законным. Вот его ответное письмо – тоже открытое – вдовствующей императрице Марии Федоровне:

«Я счастлив, что ее Императорское Величество государыня Императрица Мария Федоровна не усомнилась в том, что Я одинаково с Нею мыслю об объявлении себя Великим Князем Кириллом Владимировичем Императором Всероссийским.

Я уже неоднократно высказывал неизменное Мое убеждение, что будущее устройство государства Российского может быть решено толь-

ко на Русской Земле, в соответствии с чаяниями русского народа.

Относясь отрицательно к выступлению Великого Князя Кирилла Владимировича, призываю всех, одинаково мыслящих с ее Величеством и Мною, к исполнению нашего истинного долга перед Родиной – неустанно и непрерывно продолжать святое дело освобождения России. Да поможет нам Господь.

Великий Князь Николай Николаевич.

7/20 октября 1924 года, Шуаньи».

Того же мнения придерживался принц Николай, сын Королевы Эллинов Ольги, да и все дети Ольги Константиновны были единодушны в своем непризнании новоявленного русского царя. Много интересного об этом периоде русской истории мы могли бы узнать из писем вдовствующей Императрицы Марии Федоровны к Королеве Эллинов Ольге, но, к сожалению, архивы греческой королевской семьи находятся в Лондоне и в Греции, и остается лишь надеяться, что когда-нибудь найдутся люди, которые возьмут на себя труд заполнить этот пробел в отечественной истории.

Вообще, нет никаких официальных документов, подтверждающих легитимность самопровозглашения Великого Князя Главой Династии Романовых. Между тем, этот поступок привел к расколу среди эмигрировавших Романовых и их потомков, последствия этого раскола и сейчас не позволяют ныне живущим членам Дома Романовых выработать единую линию поведения по отношению к тому, что происходит в России, по отношению к ее будущему.

А вина за это прискорбное разделение среди потомков Российских Императоров полностью лежит на Великом Князе Кирилле Владимировиче и его потомках, упорствующих в этом заблуждении.

Личность Великого Князя Кирилла Владимировича вызывает интерес у многих россиян, и это естественно, ведь его прямые потомки претендуют на российский престол. Не имея возможности в этой краткой статье полно и всесторонне охарактеризовать жизнь, деятельность и характер Кирилла Владимировича, мы предлагаем вашему вниманию уникальный документ, который никогда раньше не попадал в поле зрения историков. Это «Проект тронной речи, представленный на благоусмотрение Государя Великим Князем Кириллом Владимировичем 12 февраля 1917 г.».

Оставалось две недели до Февральской революции, три недели – до отречения Императора Николая II...

Документ этот интересен во всех отношениях. Написан от лица Государя, и предполагалось, что Император Николай II не только подпишет, но и произнесет эту речь. Невозможно придумать что-либо более непохожее на образ мышления и особенности речи Государя. Длинный, нелогично построенный текст, написанный тяжелым, невыразительным слогом. Достаточно сравнить его с Манифестом от 17 октября 1905 года, чтобы почувствовать разницу.

Попытаемся извлечь основное содержание из нагромождения вялых темных словес.

Итак, предлагая средства для преодоления кризиса, возникшего в России в начале 1917 года, Великий Князь Кирилл Владимирович для начала на двух страницах ругает немцев, что, однако, не мешает ему на следующих десяти страницах предлагать их в качестве образца как в военном деле, так и в оздоровлении экономики.

Затем, для воодушевления армии, Великий Князь предлагает ввести в обиход «особые металлические знаки на дверях последних перед войною жилищ убитых и умерших от ран воинов». А также установление «нагрудных знаков двух родов: для непосредственных участников сражений и для подвергшихся опасности от сражения, хотя и не состоявших в строю сражавшихся». Впрочем, Кирилл Владимирович предлагает и более существенные средства: организовать попечительные комитеты, оказывающие помощь раненым и семьям погибших (каковые комитеты давно уже существовали), в «стройную и широкую сеть, объединенную каким-либо одним общим наблюдением центрального государственного или общественного учреждения». А также распространить Указ Императора Николая II о наделении земельными участками георгиевских кавалеров на всех участников войны (где взять столько свободной земли, Кирилл Владимирович не уточняет).

Далее идут предложения посерьезнее. Установить всеобщую трудовую повинность (приводится в пример Германия). Все трудоспособное население в возрасте от 16 до 60 лет составляет «трудовую армию», существующую по военным законам – сотни, роты, полки, дивизии и т.д. Об оплате труда ничего не говорится.

Для борьбы с дороговизной и недостатком продуктов, государство должно регулировать распределение и устанавливать цены. Сокращение товаров и продуктов должно караться, как и мародерство, – вплоть до смертной казни.

Упразднить золотодобывающую промышленность, поскольку накопление золотого фонда «совершенно не нужно», отменить золотое обес-

печение бумажных денег и даже удалить соответствующую надпись с банкнот.

Установить государственную монополию, то есть провести национализацию (опять-таки опираясь на опыт Германии) железных дорог, хлебной торговли, хлопковой, нефтяной, каменноугольной, лесной, сахарной и спичечной промышленности. Национализировать все банки и страховые общества. Монополизировать внешнюю торговлю. Понизить проценты по внутренним займам (из этого следует не совсем логичный вывод, что подобная операция облегчит лежащее на русском народе бремя).

И напечатать много-много бумажных денег. «Опыт всех ныне воюющих стран достаточно наглядно показал, что значительно (в несколько раз) усиленный выпуск новых государственных бумажных денег вполне возможен и не представляет сам по себе никакой опасности».

Не забывайте, всё это должен был произнести Император – от своего имени!

Потом идет долго рассуждение о том, почему министры, назначаемые Государем, ненадежны, и почему Государь не может избежать «тайных влияний». Вследствие чего Император Николай II должен был предложить следующее решение государственного кризиса:

«...Мы, под влиянием возникшей и распространившейся ныне идеи о всеобщей трудовой повинности, признали за благо привлечь к делу служения государству и всех членов Императорского Дома, рожденных в православии и достигших 25-летнего возраста, образовав из них новое государственное учреждение – Совет Императорского Дома, предназначенный Нам к сильному содействию Нам в рассмотрении разрешаемых Нам государственных вопросов. Члены Императорского Дома, так же, как и сам Государь, в отличие от всех других граждан государства, поставлены совершенно вне борьбы классов и сословий, вне борьбы за существование, ибо существование их обеспечено самим государством и тесно связано лишь с существованием этого последнего, от которого они и получают все для них необходимое по единоличному усмотрению Государя. Это дает им возможность при обсуждении многих государственных вопросов проявить наибольшее беспристрастие и тем быть наиболее полезными сотрудниками и советниками своего Государя».

В заключение Кирилл Владимирович предлагал отменить черту оседлости для евреев и амнистировать всех политических преступников (то есть революционеров и террористов – накануне революции как раз вовремя!).

Как показала история, практически все предложенные Великим Князем меры были реализованы захватившими власть большевиками – трудовая повинность, национализация промышленности и банков, амнистия политических преступников, выпуск огромных масс ничем не обеспеченных бумажных денег... Правда, золотодобывающую промышленность большевики не упразднили – так далеко даже они не пошли.

Для себя Кирилл Владимирович зарезервировал самое приятное – разделить с Государем власть, не принимая на себя никакой ответственности.

Конечно же, этот проект «тронной речи» так и остался проектом. Император Николай II никогда и ни при каких условиях не мог согласиться на подобные «реформы». Он мог быть только самодержавным Государем, а когда оказалось, что он им быть не может, то Император отрекся от престола. И ни один из Великих Князей не согласился этот престол занять. Потому что пользоваться частицей власти, заседая в «Совете Императорского Дома» – это одно, а единолично отвечать за судьбы огромной державы и народа – это совсем другое...

Оказавшись в эмиграции и объявив себя Императором, Кирилл Владимирович почему-то совершенно оставил идею о «трудовой повинности» и не пригласил всех остальных Романовых, «достигших 25-летнего возраста и рожденных в православии», разделить с ним тяготы своей государственной деятельности. И предпочел передавать свой сомнительный титул своим прямым потомкам – и только им...

С потомками, впрочем, были проблемы.

Единственный сын Кирилла, Владимир Кириллович, повторяя «ошибки» отца, также женится на разведенной, урожденной княжне Багратион-Мухранской, да еще и неравнородной (известно, что князья Багратион-Мухранские в Российской империи были приравнены в правах к прочему дворянству и, подобно многочисленным Рюриковичам, не считались равнородными царствующему дому). Вдобавок, в момент бракосочетания супруга Владимира Кирилловича даже не имела права называться княжной Багратион-Мухранской, так как право это она утратила, выйдя замуж за гражданина США мистера Кирби. А Владимир Кириллович, в свою очередь, не имел права называться Великим Князем, ибо этот титул не передается далее внуков Императора. Тем более не имеют прав на эти титулы нынешние потомки этой линии, то есть Кирилловичи.

Вот что сказано в «Учреждении о Императорской Фамилии» от 1886 года, утверждённом Императором Александром III. Раздел «О титулах, гербах и прочих внешних преимуществах»:

19. Титулы, принадлежащие Членам Императорской Фамилии суть:

1) Наследник, Цесаревич, Великий Князь и Императорское Высочество.

2) Великий Князь, Великая Княгиня, Великая Княжна и Императорские Высочества.

3) Князь, Княгиня, Княжна Императорской Крови и Высочества.

4) Князь, Княгиня, Княжна Императорской Крови и Светлости.

20. Титул Наследника, Цесаревича, Велико-го Князя и Императорского Высочества принадлежит единому, объявленному всенародно Наследнику престола. Супруга Наследника Престола именуется Цесаревною и Великою Княгиною с титулом Императорского Высочества.

21. Титул Великого Князя, Великой Княжны и Императорского Высочества принадлежит сыновьям, дочерям, братьям, сестрам в мужском поколении и всем внукам Императоров.

22. Титул Высочества, Князя и Княжны Крови Императорской принадлежит правнукам Императора, от мужского поколения происшедшим, а в роде каждого правнука титул Высочества присвоется только старшему сыну и его старшим, по праву первородства, потомкам, мужского пола и поколения. Если лицо, носившее титул Высочества, скончается, не оставив потомка, то титул переходит в боковые линии, в порядке, установленном для наследования заповедными имуществами.

23. Титул Светлости, Князя и Княжны Крови Императорской присвоется от младших детей правнука всем последующим родам, в мужском поколении от Императорской крови происшедшим.

Так что, если следовать законам Российской Империи, то все нынешние Кирилловичи – никакие не Великие Князья и не Великие Княгини. Впрочем, они даже и не Романовы, что мы доказали выше – такова была воля Императора Николая II, исключившего в 1907 году Кирилла Владимировича из династии Романовых и сделав его родоначальником династии князей Кирилловских. Просто князей, даже не императорской крови.

Собственные семейные обстоятельства не помешали Владимиру Кирилловичу объявить свою дочь, Марию Владимировну, единственной законной претенденткой на престол, поскольку все представители Дома Романовых

по мужской линии состояли в неравнородных браках.

Мария Владимировна вышла замуж за прусского принца, родила от него сына Георгия, вскоре развелась, и теперь пытается с его помощью осуществить давнишнюю семейную мечту о восшествии на Российский Престол, несмотря на то, что по общепринятому христианскому правилу ее сын причисляется по отцу к династии Гогенцоллернов.

Даже этот краткий исторический экскурс не оставляет никаких сомнений в том, что линия Кирилловичей, столь популярная среди новой правящей российской элиты и желтой прессы, никаких прав на российский престол не имеет. Поддерживают их определённые круги, блюдущие свои корыстные интересы – материальные либо политические. А высшие власти поддерживают Кирилловичей вовсе не по злому умыслу, а всего лишь потому, что недостаточно хорошо ориентируются в истории и в законах Российской Империи о престолонаследии, они неправильно информированы так называемыми экспертами и советниками, которые, похоже, не только не имеют соответствующего образования, но и элементарного здравого смысла, житейского опыта и понимания нужд народа. Когда-то русские Государи приближали к трону людей высокообразованных, мудрых, имеющих большие заслуги перед Россией. Теперь же – увы! – дорога открыта ловким, агрессивным, полуобразованным и корыстолюбивым. А иначе чем объяснить такую историческую нелепицу: Россия, страна с республиканским правлением, использует монархические символы, в частности, малый герб Российской Империи, на который не имеет никакого права. Может быть, поэтому нынешним российским политикам и бизнесменам морально близки незаконные претенденты на Престол, которые с такой же легкостью раздают дворянские титулы и ордена (конечно, не имея на это никакого права), с какой Российская Федерация использует монархического двуглавого орла, скипетр и корону Российских Императоров.

Но беда в том, что их активные действия не встречают достойного сопротивления ещё и потому, что альтернативы нет: по основным Законам Российской империи никто из живущих ныне мужских потомков Рода Романовых уже не имеет прав на престол, поскольку все они происходят от неравнородных, а то и неправославных браков.

В русской истории похожая ситуация уже была, когда угасла династия Рюриковичей. А поскольку

конец династии вовсе не означает гибели самого принципа монархии, то, скорее всего, легитимно решить эту сложную проблему, не предусмотренную в Законе о престолонаследии, мог бы Всероссийский Земский Собор – по примеру 1613 года.

Но значит ли это, что всенародно призванная к правлению династия Романовых окончательно сошла с исторической сцены? Династия, которой Россия обязана тремя веками славы и могущества, расцветом культуры и науки, великими победами и своим значением в мировой истории, не может исчезнуть бесследно. Нам кажется, не время еще говорить о новой династии, тем более, что в подобной ситуации в 1613 году на русский трон взшел Царь, родственник Рюриковичам, то есть историческая преемственность была соблюдена. Не разрушать историю Отечества, не разрывать связи между различными эпохами, но восстанавливать их – вот основная задача XXI века в нашей стране. И, если Богу будет угодно, XXI век ознаменуется великим судьбоносным событием – возвращением в Россию русского монарха. Может быть, 400-летний юбилей Дома Романовых (в 2013 году) даст нам надежду на восстановление династии.

Мы уверены, что большая роль в этом должна принадлежать всем потомкам Дома Романовых, рассеянных по разным странам. Потомки Дома Романовых не могут оставаться в стороне от судеб своего Отечества, равнодушно взирая на то, что ныне творится в нашей многострадальной Отчизне. Пора Романовым забыть все свои розни ради великой цели, собраться в России, придти к согласию о кандидатуре будущего монарха и представить народу России претендента на престол, учитывая все законы о престолонаследии. Нам кажется, что именно члены династии Романовых имеют право и должны участвовать в восстановлении монархии в России. Тем самым они еще раз докажут российскому народу верность своей исторической миссии, свою любовь к России. А все патриотические и монархические силы России должны содействовать тому, чтобы это столь значительное историческое событие могло совершиться в XXI веке.

Но для законного участия в политической, экономической и культурной жизни современной России не последнее значение имеет и то, что Романовым следовало бы привести в порядок иерархию ныне живущих потомков династии, причём в соответствии с Законами Российской Империи и с учётом воли последнего Российского Императора, Николая II.

Следует раз и навсегда признать, что ветвь Кирилловичей, согласно указу от 1907 года,

не имеет никаких прав на фамилию Романовы, ибо Император Николай II повелел им называться князьями Кирилловскими с титулом Светлости. Вследствие чего все потомки Великого Князя Кирилла Владимировича находятся в кровном родстве с династией Романовых, этого никто не отрицает, но в династию не входят.

А ведь пишутся тысячи статей, издаются сотни книг, в которых Кирилловичи представляются реальными претендентами на престол. И сами Кирилловичи непрестанно предъявляют свои требования к России – Россия должна их признать, принять, предоставить, профинансировать... Хотелось бы спросить, что сами они сделали для России? Кто сегодня из европейских монархов признаёт их права? Кажется, никто. Только клика их псевдо-подданных в России, заинтересованных карьерно или материально, продолжает шумную рекламную кампанию.

Пожалуй, следует упомянуть и о том, что одна ложь влечёт за собой другую. Брак Великого (?) Князя Владимира Кирилловича с княжной Леонидой Георгиевной Багратион-Мухранской никак не может считаться равнородным, какие бы хитроумные расчёты и выводы не делали сторонники Кирилловичей. История словно нарочно опрокидывает их хитросплетения простейшим примером: подобный брак уже имел место в династии Романовых.

Дочь Великого Князя Константина Константиновича Княжна Императорской Крови Татьяна Константиновна вышла замуж за князя Константина Александровича Багратиона-Мухранского. Но этот брак не был ни тайным, ни незаконным (как брак Великого Князя Кирилла Владимировича, родоначальника ветви Кирилловичей). Ему предшествовали долгие обсуждения и переговоры. Наконец, Император уступил просьбам влюблённых и их семей, а также желанию своей матери, вдовствующей Императрицы Марии Фёдоровны.

В августе 1911 года все столичные газеты опубликовали дословный текст именного высочайшего Указа за номером 1588, в котором говорилось:

«Ея Высочество Княгиня Татьяна Константиновна представила Нам, за собственноручным подписанием, отречение от принадлежащего Ей, как члену Императорского Дома, права на наследование Императорского Всероссийского Престола.»

...На подлинном собственной Его Императорского Величества рукою написано: "Николай".

Петергоф, 24 августа 1911 года.

Скрепил Министр Императорского Двора, генерал-адъютант барон Фредерикс».

Тем же днем был датирован и другой именной Указ, за номером 1589. В нем дочери Константина Константиновича Романова определялся титул – Высочество – и содержание, но специально оговаривалось, что дети, рожденные от этого брака, будут носить фамилию отца и "пользоваться принадлежащими ему сословными правами". Права на титул "Высочество" они уже не могли иметь.

И сама Татьяна, и её супруг приняли эти условия как нечто само собой разумеющееся, они знали, что брак их морганатический, и дети их прав на престол иметь не будут. И они чтити законы Российской Империи и волю Государя Императора. Чего не скажешь о линии Кирилловичей, которая нарушает эти законы в каждом поколении. Почему, например, сын Марии Владимировны (урождённой княгини Кирилловской, если следовать указу Императора Николая II) и принца Франца Вильгельма Прусского считается Великим Князем Романовым, когда естественнее ему было бы считать себя Гогенцоллерном и именно у этой немецкой династии искать поддержки и прав на престол.

И в заключение хотелось бы обратить внимание наших читателей на то, что в многочисленных публикациях на эту тему практически не упоминаются потомки Великой Княгини Ольги Константиновны.

Между тем, именно они имеют права на российский престол, причем права эти куда весомее, чем у некоторых самозванцев, чьи предки дискредитировали себя еще при жизни последнего Императора Российского.

Вот что указано в Главе Второй Основных Государственных Законов «О порядке наследия Престола» от 1886 года:

27. Оба пола имеют право к наследию Престола; но преимущественно принадлежит сие право полу мужескому по порядку первородства; за пресечением же последнего мужеского поколения, наследие Престола поступает к поколению женскому по праву заступления.

35. Когда наследство дойдет до такого поколения женского, которое царствует уже на другом престоле, тогда наследующему лицу предоставляется избрать веру и Престол и отречься вместе с наследником от другой веры и Престола, если таковой Престол связан с законом; когда же отрицания от веры не будет, то наследует то лицо, которое за сим ближе по порядку.

Королева Эллинов (с 1876 г.) Великая Княгиня Ольга Константиновна – старшая дочь Великого Князя Константина Николаевича, второго сына Императора Николая I. Вступила в равнородный

брак с царствующим монархом. Правда, супруг ее, Король Георг I был лютеранин, но этот православный монарх правил в православной стране и стал родоначальником православной династии. Кроме того, приведенная выше статья 27 Основного закона не отнимает совершенно права на престолонаследие у лиц, «царствующих на другом престоле».

Дети Ольги Константиновны – все православные, все вступили в равнородные православные браки, удалив таким образом даже то затруднение, которое могла бы представлять религия их отца. Причем трое из них сочетались браком с членами Дома Романовых: принцесса Александра вышла замуж за Великого Князя Павла Александровича, принц Николай женился на Великой Княжне Елене Владимировне, а принцесса Мария вышла замуж за Великого Князя Георгия Михайловича. То есть их потомство уже имело права на российский престол как по линии матери, так и по линии отца.

В дальнейшем многочисленные потомки Королевы Эллинов Великой Княгини Ольги Константиновны в третьем и четвертом поколениях, переживая исторические потрясения и различные династические коллизии, вступали в равнородные и неравнородные, православные и неправославные браки, но в ветви Ольги Константиновны всё еще достаточно лиц (в любом поколении), полностью удовлетворяющих всем требованиям Основного закона о престолонаследии.

Кстати, внук Королевы Ольги Константиновны Герцог Филипп Эдинбургский является супругом ныне правящей Королевы Великобритании Елизаветы II, а правнучка София – королева Испании, правнук Ольги Константиновны король Греции в изгнании Константин II женат на датской принцессе, родной сестре королевы Дании. Если потомки Ольги Константиновны хороши для английского и испанского тронов, то чем они плохи для российского престола?

Конечно, это обстоятельство вовсе не означает, что следует немедленно предложить российскую корону Королю Константину II или кому-то из его сыновей, так как они являются прямыми потомками королевы Ольги. Ведь сам вопрос о восстановлении монархии в России не решен и вряд ли будет решен в ближайшее время. (Между прочим, следует помнить, что восстановление монархии невозможно без общенародного покаяния за убийство царской семьи и родственников Государя Николая II, за незаконную национализацию имущества Романовых; покаяние это должно быть не только эмоциональным, но и легитимным, юридически оформленным. Готова ли

нынешняя наша власть к процессам по реабилитации жертв октябрьского переворота и реституции имущества династии?). Не в силах отдельных людей, даже обладающих властью, не в силах каких-то социальных групп или политических партий решить этот вопрос положительно или отрицательно. Только желание всего русского народа и Промысел Божий дадут России Царя.

Монарх этот должен будет пользоваться любовью и доверием своего народа, ибо малейшее сомнение в его легитимности непременно разрушит необходимую историческую, политическую и социальную гармонию. Государь должен быть символом и высшим воплощением любви к России и русскому народу, самоотверженности и верности монархическим принципам. Ибо придет он в смутное время, дабы принять тяжкий крест исправления страшных исторических ошибок и возрождения великой Российской империи.

Но достоин ли русский народ – такой, каким он встретил XXI век – монархического правления? На этот вопрос сейчас никто не может ответить...

Обаяние сильной и благородной личности не слабеет с веками, может быть, даже наоборот: на фоне нынешних временных, безликих государственных деятелей светлый образ Королевы Эллинов Великой Княгини Ольги Константиновны сияет ещё ярче. Работая над этим альбомом, я разыскивал редкие фотографии, читал сотни писем и дневники, не публиковавшиеся ранее исторические документы... Я словно прожил рядом с Королевой Ольгой ее долгую жизнь, чувствовал ее радости и печали, разделял ее надежды и мечты.

Может быть, поэтому одна мысль не выходит у меня из головы: в жизни отдельного человека и в историях целых народов не бывает ничего случайного, незначительного. Божий Промысел сокрыт от нас, грешных, но он, несомненно, существует. Так что же это было, когда почти полтора века назад шестнадцатилетняя Великая Княжна из Дома Романовых отправилась в Грецию, чтобы основать новую династию: один из множества династических браков или исполнение Воли Божией, то, о чем не знала Великая Княжна Ольга Константиновна тогда, и чего не можем знать мы сегодня? Может быть, этим браком был создан некий «запасной», скрытый до поры до времени источник романовской крови и романовского духа, на тот случай, если однажды Россия ещё раз призовет Романовых на престол... Кто знает?..

В это смутное время, которое нависло над Россией, я обращаюсь ко всем членам Императорского Дома Романовых, прошу их объединиться ради торжества величайшей исторической миссии восстановления в XXI веке монархии в России и в 2013 году, когда российский народ будет торжественно отмечать 400-летие Дома Романовых, в соответствии с Актом о наследовании Всероссийского Императорского Престола, Высочайше утвержденным 5 апреля 1797 года, представить народу российскому достойного претендента на Российский Престол. Это величайшее событие должно стать главным моментом в истории России.

Считаем нужным упомянуть, что ветвь Великой Княгини Ольги Константиновны, которая 59 лет находилась на греческом престоле в качестве Королевы Эллинов, – это единственная женская линия Дома Романовых, оставившая после себя законных наследников.

Заключение

После революции 1917 года за пределами России оказались спасшиеся разными путями восемь Великих Князей и одиннадцать Князей Императорской крови, которые вместе с восемнадцатью представительницами Династии и составили Российский Императорский Дом в изгнании. Позднее двое из Князей Императорской крови незаконно получили титул Великих Князей – Великий Князь Владимир Кириллович (1917–1992+), сын от брака Великого Князя Кирилла Владимировича с его двоюродной разведённой сестрой, и Великий Князь Гавриил Константинович (1887–1955). Поясним, что Великими Князьями и Великими Княжнами считались по закону дети и внуки царствующих Императоров, а их более отдаленные потомки – князьями и княжнами Императорской Крови.

Титулы эти были пожалованы Великим Князем Кириллом Владимировичем, который в 1922 году незаконно провозгласил себя блюстителем престола, а в 1924 году – Императором, столь же незаконно.

Он объяснял это тем, что слишком мало осталось Великих Князей Романовых.

Князь Гавриил Константинович был измучен тяжёлой болезнью, не интересовался политической и практически не участвовал в спорах Романовых, оказавшихся в эмиграции. Скорее всего,

Право на Российский Императорский Престол в настоящее время имеют такие особы, как Король Греции Константин II и его семья (он правнук Великой Княгини Ольги Константиновны, Королевы Эллинов); Король Румынии Михай I (он по отцу правнук Великой Княгини Марии, дочери Императора Александра II, а по матери – правнук Ольги Константиновны); Королева Дании Маргретта II, её сыновья и родственники (они все потомки Великой Княгини Анастасии, внучки Императора Николая I); Королева Нидерландов Беатрикс и её родня (они потомки Анны Павловны, дочери Императора Павла I); Принц Уэльский Чарльз (правнук Ольги Константиновны); София, королева Испанская (правнучка Ольги Константиновны) и её дети; Престононаследник Югославии Кронпринц Александр II (потомок Марии, дочери Александра II); внук Великой Княгини Ксении Александровны (сестры Императора Николая II) Михаил Андреевич.

он воспринял титул как некое ностальгическое утешение в его несчастиях, тем более, что в тот момент титул этот был чистой формальностью, не налагавшей никаких обязанностей и не дававшей никаких прав; за ним не стояли ни власть, ни материальные выгоды.

А титул, пожалованный князю Владимиру Кирилловичу незаконно его отцом (который, собственно говоря, даже не имел права на фамилию Романов, а в соответствии с Монаршей волей Императора Николая II указом от 1907 года его потомкам даровалась фамилия князей Кирилловских с титулом Светлости), должен был впоследствии облегчить ему занятие престола Российских Государей.

По закону о престолонаследии главными претендентами на престол должны были выступить прямые потомки и члены семьи императора Александра III, которых условно можно было бы назвать "Александровичами", но среди них к началу 1920 года не осталось лиц мужского пола:

Вдовствующая императрица МАРИЯ ФЕДОРОВНА (1847–1928 гг.);

Великая княгиня МАРИЯ АЛЕКСАНДРОВНА (сестра Александра III) (1853–1920 гг.);

Великая княгиня КСЕНИЯ АЛЕКСАНДРОВНА (сестра Николая II) (1875–1960 гг.);

Великая княгиня ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА (сестра Николая II) (1882–1960 гг.).

Остальных членов Российского Императорского Дома принято делить на пять основных линий:

Потомство Великого князя Владимира Александровича (1847–1909 гг.) – "Владимировичи":

Великий князь КИРИЛЛ ВЛАДИМИРОВИЧ (1876–1938 гг.)

в 1905 г. – морганатический, без соизволения Государя Императора брак с Викторией Мелитой Саксен-Кобург-Готской (потомки – князья Кирилловские)

Великий князь БОРИС ВЛАДИМИРОВИЧ (1877–1943 гг.);

в 1919 г. морганатический брак с Зинаидой Сергеевной Рашевской (1898–1964 гг.)

Великий князь АНДРЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ (1879–1956);

в 1921 году морганатический брак с Матильдой Феликсовной Кшесинской (1872–1971 гг.)

Князь ВЛАДИМИР КИРИЛЛОВИЧ (1917–1992 гг.);

Великая княгиня ВИКТОРИЯ ФЕДОРОВНА (1876–1938 гг.), жена Кирилла Владимировича (принцесса Саксен-Кобург-Готская);

Великая княгиня ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА (1872–1938 гг.)

В 1902 году брак с принцем Николаем Греческим (1872–1938 гг.)

Княжна МАРИЯ КИРИЛЛОВНА (1907–1967 гг.)

В 1925 году брак с князем Фридрихом Карлом Эдуардом Эрвином фон Лейнингеном (1898–1946 гг.)

Княжна КИРА КИРИЛЛОВНА (1919–1967 гг.)

В 1938 году брак с принцем Людвигом Фердинандом Виктором Эдуардом Адальбертом Михелем Губертом Прусским (1907–1992 гг.)

Потомство Великого князя Павла Александровича (1860–1919 гг.) – "Павловичи":

Великий князь ДМИТРИЙ ПАВЛОВИЧ (1891–1942 гг.)

В 1926 г. морганатический брак с Одри Эмери (1904 г.), в 1937 г. – развод

Великая княгиня МАРИЯ ПАВЛОВНА (1890–1958 гг.);

Первый брак – в 1908 г., герцог Карл Вильгельм Людвиг Зюдерманландский (1884–1965 гг.), развод в 1914 г.

Второй брак – морганатический, в 1926 г., Сергей Михайлович Путятин (1891–1966 гг.).

Потомство Великого князя КОНСТАНТИНА КОНСТАНТИНОВИЧА (1858–1915 гг.) – "Константиновичи":

Великая княгиня ЕЛИЗАВЕТА МАВРИКИЕВНА (1865–1927 гг.), жена Константина Константиновича (принцесса Саксен-Альтская, герцогиня Саксонская);

Великая княгиня ОЛЬГА КОНСТАНТИНОВНА (1851–1926 гг.)

Королева Греческая, супруга Короля Георга I
Князь ГАВРИИЛ КОНСТАНТИНОВИЧ (1887–1955 гг.)

Первый брак, морганатический – в 1917 г., Антонина Рафаиловна Нестеровская (1890–1950 гг.)

Второй брак, морганатический – в 1951 г., Ирина Ивановна Куракина (1903)

Князь ГЕОРГИЙ КОНСТАНТИНОВИЧ (1903–1938 гг.)

Князь ВСЕВОЛОД ИОАННОВИЧ (1914–1973 гг.)

Первый брак, морганатический – в 1939 году (развод – в 1956 году), с леди Мери Лайтон.

Второй брак, морганатический – в 1956 году (развод – в 1961 году), княгиня Романовская-Павловская.

Третий брак, морганатический – в 1961 году, Валли Кнуст (княжна Романовская-Кнуст с 1961 года).

Княжна ТАТЬЯНА КОНСТАНТИНОВНА (1890–1970 гг.)

Первый брак, морганатический – в 1911 г., князь Константин Александрович Багратион-Мухранский (1889–1915 гг.)

Второй брак, морганатический – в 1921 г., Александр Васильевич Короченцев (1877–1922 гг.)

Княжна ВЕРА КОНСТАНТИНОВНА (1906–2001 гг.)

Княжна ЕКАТЕРИНА ИОАННОВНА (1915–1937 гг.)

Брак, морганатический – в 1937 году (развод – в 1945 году), маркиз Руджеро Фараче Ди Виллафореста (1909–1970 гг.).

Потомство Великого князя Николая Николаевича (старшего) (1831–1881 гг.) – "Николаевичи":

Великий князь НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ (1856–1929 гг.)

Брак, морганатический – в 1907 г., с герцогиней Анастасией Николаевной, разведённой женой князя Георгия Максимилиановича Романовского, шестого герцога Лейхтенбергского, урождённой принцессой Черногорской (1868–1935 гг.)

Великий князь ПЕТР НИКОЛАЕВИЧ (1865–1931 гг.)

Брак – в 1889 г., Милица Николаевна (1866–1951 гг.), вторая дочь короля Черногории Николая I.

Князь РОМАН ПЕТРОВИЧ (1896–1978 гг.)

Брак, морганатический – в 1921, Прасковья Дмитриевна Шереметьева (1901–1980 гг.)

Великая княгиня МИЛИЦА НИКОЛАЕВНА (1866–1951 гг.), жена Петра Николаевича (княжна Черногорская).

Великая княгиня АНАСТАСИЯ НИКОЛАЕВНА (1868–1935 гг.)

Княжна МАРИЯ ПЕТРОВНА (1892–1981 гг.)

Брак, морганатический – в 1927 году, князь Александр Николаевич Голицын (1885–1974 гг.)

Княжна НАДЕЖДА ПЕТРОВНА (1898–1988 гг.)

Брак, морганатический – в 1917 г., разведена в 1940 г., граф Николай Владимирович Орлов (1896–1961 гг.)

Потомство Великого князя Михаила Николаевича (1832–1909 гг.) – "Михайловичи":

Великий князь МИХАИЛ МИХАЙЛОВИЧ (1861–1929 гг.)

Брак, морганатический – в 1891 г., Софья Николаевна фон Меренберг, с 1891 г. графиня де Торби (1868–1927 гг.)

Великий князь АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ (1866–1933 гг.)

Брак – в 1894 г., Великая Княгиня Ксения Александровна (1875–1960 гг.)

Князь АНДРЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ (1897–1981 гг.)

Первый брак, морганатический – в 1918 г., Елизавета Руффо (1897–1940 гг.)

Второй брак, морганатический – в 1942 г., Нэдин Макдугал (1908 г.)

Князь ФЕДОР АЛЕКСАНДРОВИЧ (1898–1968 гг.)

Брак, морганатический – в 1923 г., княгиня Ирина Павловна Палей (1900–1974 гг.).

Князь НИКИТА АЛЕКСАНДРОВИЧ (1900–1974 гг.)

Брак, морганатический – в 1922 г., Мария Илларионовна Воронцова-Дашкова (1903 г.)

Князь ДМИТРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ (1901–1980 гг.)

Первый брак, морганатический – в 1931 г., разведён в 1947 г., Марина Сергеевна Голенищева-Кутузова

Второй брак, морганатический – в 1954 г., Шейла Чизхолм (1898–1969 гг.)

Князь РОСТИСЛАВ АЛЕКСАНДРОВИЧ (1902–1978 гг.)

Первый брак, морганатический – в 1928 году (развод – в 1944 году), княжна Александра Павловна Голицына.

Второй брак, морганатический – в 1945 году, Эллис Бейкер.

Третий брак, морганатический – в 1954 году, Гедвига фон Шаппуи.

Князь ВАСИЛИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ (1907–1989 гг.)

Морганатический брак – в 1931 году, княжна Наталия Александровна Голицына (1907–1989 гг.).

Княжна ИРИНА АЛЕКСАНДРОВНА (1887–1967 гг.)

Морганатический брак – в 1914 году, князь Феликс Феликсович Юсупов (1887–1967 гг.).

Княжна НИНА ГЕОРГИЕВНА (1901–1974 гг.)

Морганатический брак – в 1922, князь Павел Александрович Чавчавадзе (1899–1971 гг.).

Княжна КСЕНИЯ ГЕОРГИЕВНА (1903–1960 гг.)

Первый брак, морганатический – в 1921 году (развод – в 1930 году), Вильям Лидс (1902–1971 гг.).

Второй брак, морганатический – в 1946 году, Герман Джад.

От автора

Понимают ли амбициозные крикуны, что поддерживают действия, направленные на нарушение законов Российской Империи? Да, именно так я вижу сложившуюся ситуацию – сегодня защитники прав на престол сами проявляют неуважение не только к закону, но и к воле последнего российского Императора, который всей своей жизнью доказал основополагающую исти-

ну – закон должен быть непреложен. В этом смысле я стою на стороне Закона и на стороне династии Романовых.

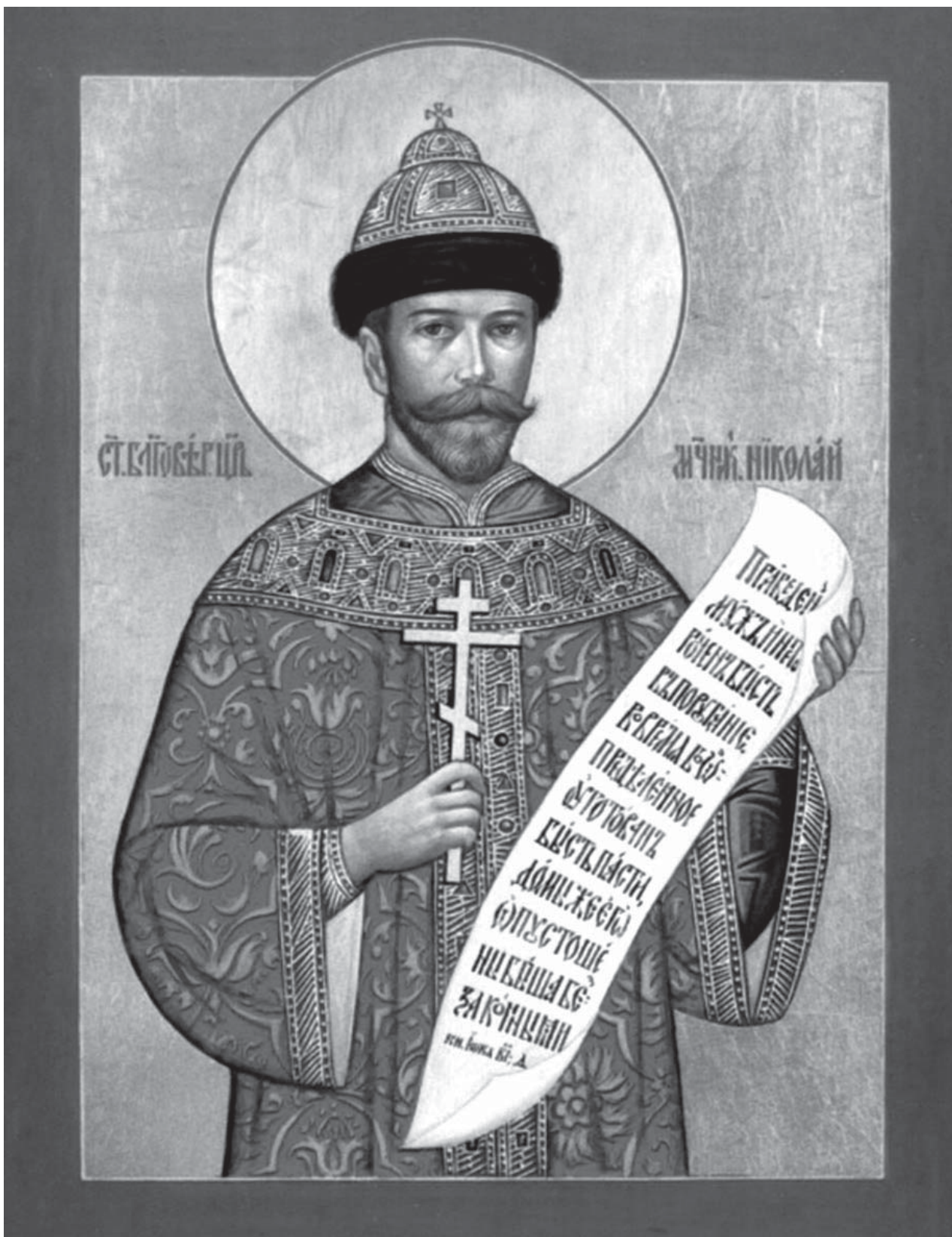
Я понимаю, что я задел вопрос чрезвычайно сложный, вызывающий горячие и даже ожесточённые дискуссии. Я предполагаю, что найдутся люди, которым моё мнение не понравится. Ну, что ж, я настаиваю на том, что оно

единственно и непоколебимо, я лишь считаю, что имею право это мнение высказать. Хотя бы потому, что эта статья – не плод вымыслов, а размышления и результат многолетней работы по восстановлению исторической памяти о великих русских людях, о замечательных государственных деятелях, военачальниках, которые оставили нам в наследство наше Отечество. Я многие годы издавал исторические альбомы, снимал фильмы, организовывал и проводил исторические выставки и исторические мероприятия, посвящённые великим историческим датам, Великим Князьям и Княгиням Дома Романовых (позволю себе сделать маленькое замечание – в последние годы вышли в свет множество книг, фильмов, телепередач, посвящённых Императору Николаю II; это хорошо, но историки и публицисты словно бы забывают, что последний российский

император существовал не в одиночестве, что вокруг было множество не менее достойных нашей памяти и уважения великих людей, но о них-то и не говорится ни слова; я старался заполнить этот культурный и исторический вакуум). То есть исполнял свою миссию – так, как понимал и понимаю её. Я отдал этому большую часть жизни и все силы моей души. И потому полагаю, что имею право спросить у моих оппонентов – загляните в свою душу, что вы сделали для России? Что вы сделали для возрождения памяти о членах Августейшей Фамилии? Что движет вами на самом деле? Стремление к истине или полемический задор, самолюбие или нажива? Личная выгода, карьерные устремления?

И это даёт мне право прямо, честно и без обиняков защищать свои убеждения и свой взгляд на русскую историю.

СВЯТЫЙ ЦАРЬ

СВЯТЫЙ НИКОЛАЙ

ПРИСЛАВНО
МУЖЕВНО
ВОЛЕВНО
СЛОВНО
ВОСТАВНО
ПРЕДАВНО
ВТОРОВНО
БЫТЬ ПАСИ
ДОМЪ СВО
ОМУ СТОШЕ
НИ БЫШЕ
ЗАКОННО

1917 г. Москва

Образ царя-мученика Николая II

Петербург.

5^е Октября
1905^{г.}

Милая дорогая Мама,
На этой неделе случилась
драма в семействе по
поводу неслучившейся
свадьбы
Кирилла. Ты наверняка
помнишь о моих разгово-
рах с ним, а также
о-тветы последствий,
которыми он должен
был подвергнуться если
он желает: 1) исключение
из службы, 2) запрещение
приезда в Россию, 3) лишение
13 всякаго удельнаго дохода и

МИНИСТРЪ
ИМПЕРАТОРСКАГО
ДВОРА.

Совершенно секретно.

Илюстриямъ Государь
Петръ Аркадіевичъ,

25 Сентября /8 Октября/ 1905 г. ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО Великій Князь КИРИЛЛЪ ВЛАДИМИРОВИЧЪ вступилъ, вопреки воли ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, въ бракъ съ двоюродною сестрою Своею, бракоразведенною Супругою Великаго Герцога Гессенъ-Дармштадтскаго Викторіен-Мелиттоу, какъ заключеннаго въ нарушение каноническихъ правилъ Православной Церкви, съ Особомъ, состоящемъ съ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА въ четвертой степени кровнаго родства, не соответствующаго бы соединеннымъ съ ИМПЕРАТОРСКИМЪ Всероссийскимъ Престоломъ защитѣ и охраненію догматовъ господствующей вѣры;

Въ заботахъ объ опредѣленіи положенія и правъ могущихъ родиться у Великаго Князя КИРИЛЛА ВЛАДИМИРОВИЧА дѣтей, ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ благоугодно было ВСЕВЛАСТНЫМЪ повелѣть разсматривать вопросъ о возможности признанія брака ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА въ Особомъ Совѣщаніи въ составѣ Вашего Превосходительства, Министровъ: ИМПЕРАТОРСКАГО Двора, Иностранныхъ Дѣлъ и Юстиціи и Обера-Прокурора Святѣйшаго Синода.

Всесторонне обсудивъ означенный вопросъ, Совѣ-

Его Прев - ству
П. А.
СТОЛЫПИНУ.

Приведенныя соображенія означеннаго Совѣщанія были представлены на ВЕЛИЧЕСТВУ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА благоволеніе и ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ, въ 15 день сего Января, соизволилъ на журналѣ Совѣщанія Собственнолично начертать:

Признать бракъ Великаго Князя КИРИЛЛА ВЛАДИМИРОВИЧА Я не могу. Великій Князь и могущее произойти отъ него потомство лишаются правъ на престолонаслѣдіе. Въ заботливости Своей объ участіи потомства Великаго Князя КИРИЛЛА ВЛАДИМИРОВИЧА, въ случаѣ рожденія отъ него дѣтей, дарую сими послѣднимъ фамилію Князей Кирилловскихъ, съ титуломъ Святости, и съ отпускомъ на каждаго изъ нихъ изъ Удѣловъ на ихъ воспитаніе и содержаніе по 12.500 руб. въ годъ, до достиженія гражданскаго совершеннолѣтія.

Нынѣ, ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ, въ видахъ всесторонняго подробнаго обсужденія всѣхъ вопросовъ, касающихся имѣющей общегосударственное значеніе ВЕЛИЧЕСТВА воли ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА объ устраненіи Великаго Князя КИРИЛЛА ВЛАДИМИРОВИЧА отъ престолонаслѣдія, и въ цѣляхъ установленія порядка приведенія въ исполненіе сего ВЕЛИЧЕСТВА повелѣнія, благоугодно было повелѣть образоватъ Особое Совѣщаніе, подъ председательствомъ Предсѣдателя Государственнаго Совѣта, Статсъ-Секретаря, Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника Графа, въ составѣ: Вашего Превосходительства, Обера-Камергера, Статсъ-

заніе полагало:

1/что ВЕЛИЧЕСТВУ признаніе ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА совершеннаго 25 Сентября /8 Октября/ 1905 г. за границей брака Великаго Князя КИРИЛЛА ВЛАДИМИРОВИЧА съ бракоразведенною Супругою Великаго Герцога Гессенъ-Дармштадтскаго Викторіен-Мелиттоу, какъ заключеннаго въ нарушение каноническихъ правилъ Православной Церкви, съ Особомъ, состоящемъ съ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА въ четвертой степени кровнаго родства, не соответствующаго бы соединеннымъ съ ИМПЕРАТОРСКИМЪ Всероссийскимъ Престоломъ защитѣ и охраненію догматовъ господствующей вѣры;

2/что устройство положенія могущаго произойти отъ упомянутаго брака потомства могло бы быть осуществлено, въ путяхъ МОНАРШЕЙ милости, посредствомъ усыновленія потомства ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ.

и 3/что, въ случаѣ воспослѣдованія ВЕЛИЧЕСТВА ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА соизволенія на оказаніе изъясненной МОНАРШЕЙ милости дѣтямъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, изъясненіе таковой ВЕЛИЧЕСТВУ воли могло бы послѣдовать въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ рожденія въ Именныхъ Указахъ Правительствующему Сенату, съ означеніемъ въ сихъ Указахъ всѣхъ правъ, а равно и почетнаго титула, которые ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ благоугодно было бы даровать усыновляемому.

Секретаря, Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника Графа Палена, Министровъ: ИМПЕРАТОРСКАГО Двора и Удѣловъ, Иностранныхъ Дѣлъ и Юстиціи, Главноуправляющаго Канцеляріемъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА по принятію прошенія, Статсъ-Секретаря, Шталмейстера Барона Будберга, Вице-Предсѣдателя Государственнаго Совѣта, Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника Голубева и Государственнаго Секретаря, Статсъ-Секретаря, Тайнаго Совѣтника Барона Искуль-фонъ-Гильденбанда.

О таковой МОНАРШЕЙ воли имѣю честь уведомить Ваше Превосходительство.

Примите увѣреніе въ истинномъ почтеніи и совершенной преданности

Фредерикъ

№ 387.
29 Января 1907 г.

Письмо барона Фредерикса П.А. Столыпину

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ

Совершенно секретно.

19

СОВѢТА МИНИСТРОВЪ

17

Января 1907 года.

Господину Министру Юстиціи.

№ 306.

Секретно
Кристининъ
М. С. Савининъ

187
1

Министръ ИМПЕРАТОРСКАГО Двора, отношеніемъ отъ 16 сего Января, за № 351, увѣдомилъ меня, что на представленномъ имъ на благоусмотрѣніе ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА журналъ ВКСОЧАШЕ учрежденнаго, подъ моимъ предсѣдательствомъ, Совѣщанія для разсмотрѣнія вопроса о возможности признанія брака ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВКСОЧЕСТВА ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ КИРИЛЛА ВЛАДИМИРОВИЧА съ бракоразведенною супругою Великаго Герцога Гессенъ-Дармштадтскаго Викторіею - Селиттою, ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ, въ 15 день сего Января, благоугодно было Собственноручно начертать: "Признать бракъ Великаго Князя КИРИЛЛА ВЛАДИМИРОВИЧА Я не могу. Великій Князь и могущее произойти отъ него потомство лишаются правъ на престолонаслѣдіе. Въ заботливости Своей объ участи потомства Великаго Князя КИРИЛЛА ВЛАДИМИРОВИЧА, въ случаѣ рожденіи отъ него дѣтей, дарую сикъ послѣднимъ фамилію Князей Кирилловскихъ, съ титуломъ Свѣтлости, и съ отпускомъ на каждого изъ нихъ изъ Удѣловъ на ихъ воспитаніе и содержаніе по 12.500 руб. въ годъ до достиженія гражданскаго совершеннолѣтія".

О таковой ВКСОЧАШЕ. резолюціи имѣю честь сообщить Вашему Превосходительству.

Предсѣдатель Совѣта Министровъ П. Столыпинъ

Письмо Председателя Совета министров П.А. Столыпина министру юстиции.

Поэт о критике

«*Souviens vous de c'eluy a qui comme on demandoit a quoi faire il se peinoit si fort en un art qui ne pouvait venir a la connaissance de guere des gens*». — «*J'en ay assez de peu*», rüpondit-il. «*J'en ay assez d'un fen ay assez de pas un.*»

Montaigne¹

Критика: абсолютный слух на будущее.
М. Ц.

I. Не может быть критиком...

Первая обязанность стихотворного критика — не писать самому плохих стихов. По крайней мере — не печатать.

Как я могу верить голосу, предположим N, не видящего посредственности собственных стихов? Первая добродетель критика — зрячесть. Этот, не только раз — пишет, а раз печатает — слеп! Но можно быть слепым на свое и зрячим на чужое. Бывали примеры. Хотя бы посредственная лирика громадного критика Сент-Бева. Но, во-первых, Сент-Бев писать перестал, то есть поступил по отношению к себе, поэту, именно как большой критик: оценив, осудил. Во-вторых, даже — пиши он дальше, Сент-Бева, слабого поэта, покрывает Сент-Бев, большой критик, вождь и пророк целого поколения. Стихи — слабость большого человека, не больше. В порядке слабости и в порядке исключения. Большому — чего не простишь!

Но вернемся к достоверностям. Сент-Бев, за плечами которого большое творческое деяние, стихи писать перестал, то есть — поэта в себе отверг. N, за которым никакого деяния нет, не перестает, то есть на себе, как на поэте, упорствует. Сильный, имевший право на слабость, это

право презрел. Слабый, этого права не имевший, на нем провалился.

— Судья, казни себя сам!

Приговор над собой, поэтом, громадного критика Сент-Бева — мне порукой, что он плохого во мне не назовет хорошим (помимо авторитета — оценки сходятся: что ему — плохо, то мне). Суд Сент-Бева, критика, над Сент-Бевом, поэтом — дальнейшая непогрешимость и неподсудность критика.

Поощрение же посредственным критиком N посредственного поэта в себе — мне порукой, что он хорошее во мне назовет и плохим (помимо недоверия к голосу — оценки не сходятся: если это хорошо, то мое, конечно, плохо). Ставь мне в пример Пушкина — я, пожалуй, промолчу и, конечно, задумаюсь. Но не ставь мне в пример N — не захочу, а рассмеюсь! (Что стихи стихотворного, умудренного всеми чужими ошибками, критика, как не образцы? Не погрешности же? Каждый, кто печатает, сим объявляет: хорошо. Критик, печатающий, сим объявляет: образцово. Посему: единственный поэт, не заслуживающий снисхождения — критик, как единственный подсудимый, не заслуживающий снисхождения — судья. Сужу только судей.)

Самообольщение N-поэта — утвержденная погрешимость и подсудность N-критика. Не осудив себя, стал подсудным, и нас, подсудимых, обратил в судей. Просто плохого поэта N я судить не буду. На это есть критика. Но судью N, повинного в том, в чем винит меня — судить буду. Провинившийся судья! Спешный пересмотр всех дел!

Итак: когда налицо, большого деяния и большого, за ним, человека, не имеется, следовательно — в порядке правила: плохие стихи стихотворному критику непростительны. Плохой критик — но, может быть, стихи хорошие? Нет, и стихи плохие. (N — критик.) Плохие стихи — но, может быть, критика хорошая? Нет, и критика плохая. N-поэт подрывает доверие к N-критику, и N-критик подрывает доверие к N-поэту. С какого конца ни подойди...

Подтверждаю живым примером. Г. Адамович, обвиняя меня в пренебрежении школьным

¹ «Вспомните человека, которого спросили, почему он так усерден в своем искусстве, ведь его никто не может понять». «Мне достаточно и немногих, — ответил он. — Мне достаточно и одного, и даже ни одного» Монтень (фр.).

синтаксисом, в том же отзыве, несколько строк до или спустя, прибегает к следующему обороту:

«...сухим, дерзко-срывающимся голосом».

Первое, что я почувствовала — невязка! Срывающийся голос есть нечто нечаянное, а не нарочное. Дерзость же — акт воли. Соединительное тире между «дерзко» и «срывающимся» превращает слово «дерзко» в определение к «срывающимся», то есть вызывает вопрос: как именно срывающимся? не: от чего срывающимся?

Может ли голос сорваться дерзко? Нет. От дерзости, да. Заменяем «дерзко» — «нагло» и повторим опыт. Ответ тот же: от наглости — да, нагло — нет. Потому что и нагло и дерзкоумышленное, активное, а срывающийся голос — нечаянное, пассивное. (Срывающийся голос. Падающее сердце. Пример один.) Выходит, что я нарочно, по дерзости, сорвала голос. Вывод: отсутствие школьного синтаксиса и более серьезное отсутствие логики. Импрессионизм, корни которого, кстати, понимаю отлично, хотя подобным и не грешу. Г. Адамовичу хотелось дать сразу впечатление и дерзости и сорвавшегося голоса, ускорить и усилить впечатление. Не подумав, схватился за тире. Злоупотребил тире. Теперь, чтобы довести урок до конца:

Гневно-срывающимся, да. Явно-срывающимся, да. Гневно, явно, томно, заметно, злобно,¹ нервно, жалко, смешно... Годится все, что не содержит в себе преднамеренности, активности, все, что не спорит с пассивностью срывающегося голоса.

Дерзким, срывающимся — да, срывающимся до дерзости — да, дерзко-срывающимся — нет.

Врачу, исцелился сам!
Ряд волшебных изменений
Милого лица...

Не вправе судить поэта тот, кто не читал каждой его строки. Творчество — преемственность и постепенность. Я в 1915 г. объясняю себя в 1925 г. Хронология — ключ к пониманию.

— Почему у Вас такие разные стихи? — Потому что годы разные.

Невежественный читатель за манеру принимает вещь, несравненно простейшую и сложнейшую — время. Ждать от поэта одинаковых стихов в 1915 г. и в 1925 г. то же самое, что ждать его

же в 1915 г. и в 1925 г. одинаковых черт лица. — «Почему Вы за 10 лет так изменились?» Этого, за явностью, не спросит никто. Не спросит, а удостоверит, и, удостоверив, сам добавит: «Время прошло». Точно так же и со стихами. Параллель настолько полна, что продлю ее. Время, как известно, не красит, разве что в детстве. И никто мне, тридцатилетней, которую знал двадцатилетней, не скажет: «Как вы похорошели». Тридцати лет я стала очерченной, значительней, своеобразней, — прекрасней, может быть. Красивей — нет. То же, что с чертами — со стихами.

Стихи от времени не хорошеют. Свежесть, непосредственность, доступность, *beauté du diable*² поэтического лица уступают место — чертам. «Вы раньше лучше писали» — то, что я так часто слышу! — значит только, что читатель *beauté du diable* мою предпочитают — сущности. Красивость — прекрасности.

Красивость — внешнее мерило, прекрасность — внутреннее. Красивая женщина — прекрасная женщина, красивый ландшафт — прекрасная музыка. С той разницей, что ландшафт может кроме красивого быть и прекрасным (усиление, возведение внешнего до внутреннего), музыка же, кроме прекрасной, красивой быть не может (ослабление, низведение внутреннего до внешнего). Мало того, чуть явление выходит из области видимого и вещественного, к нему уже «красивое» неприменимо. Красивый ландшафт Леонардо, например. Так не скажешь.

«Красивая музыка», «красивые стихи» — мерило музыкальной и поэтической безграмотности. Дурное просторечие.

Итак, хронология — ключ к пониманию. Два примера: суд и любовь. Каждый следователь и каждый любящий от данного часа идет назад, к истоку, к первому дню. Следователь — путь по обратному следу. Отдельного поступка нет, есть связь их: первый и все последующие. Данный час — итог всех предшествующих и исток всех будущих. Человек, не читавший меня всю от «Вечернего Альбома» (детство) до «Крысолова» (текущий день), не имеет права суда.

Критик: следователь и любящий.

Не доверяю также критикам — не то критикам, не то поэтам. Не удалось, сорвалось, уйти из этого мира не хочется, но пребывание ущемленное, не умудренное, а соблазненное собственным (неудачным) опытом. Раз я не смог — никто не может, раз нет вдохновения для меня — нет вдохновения вообще. (Было бы у меня первого бы.) «Я знаю, как это делается...» Ты знаешь, как

1 «Злостно» уже не годится, ибо в «злостно» уже умысел (примеч. М. Цветаевой).

2 Дьявольская красота (фр.).

это делается, но ты не знаешь, как это выходит. Следовательно, ты все-таки не знаешь, как это делается. Поэзия — ремесло, тайна — техника, от большей или меньшей степени *Fingerfertigkeit* (проворства рук) успех. Отсюда вывод: дара нет. (Был бы меня первого бы!) Из таких неудачников обыкновенно выходят критики — теоретически поэтической техники, критики-техники, на лучший конец — тщательные. Но техника, ставшая самоцелью, сама и самый худой конец.

Некто, от невозможности быть пианистом (растяжение жилы), сделался композитором, от невозможности меньшего — большим. Восхитительное исключение из грустного правила: от невозможности большого (быть творцом) — делаться меньшим («попутчиком»).

То же самое, как если бы человек, отчаявшись найти золото Рейна, заявил бы, что никакого золота в Рейне нет, и занялся бы алхимией. Взять то-то и то-то и получится золото. Да где ж твое что, раз знаешь — как? Алхимик, где ж твое золото?

Мы золото Рейна ищем и мы в него верим. И в конце концов — отличие от алхимиков — мы его найдем.¹

Тупость так же разнородна и многообразна, как ум, и в ней, как в нем, все обратные. И узнаешь ее, как и ум, по тону.

Так, например, на утверждение: «никакого вдохновения, одно ремесло» («формальный метод», то есть видоизмененная базаровщина), — мгновенный отклик из того же лагеря (тупости): «никакого ремесла, одно вдохновение» («чистая поэзия», «искорка Божия», «настоящая музыка», — все общие места обывательщины). И поэт ничуть не предпочтет первого утверждения второму и второго — первому. Заведомая ложь на чужом языке.

II. Не смеет быть критиком...

*...не должно сметь
Свое суждение иметь.*

Господа, справедливости, а нет — хоть здравого смысла! Для того, чтобы иметь суждение о вещи, надо в этой вещи жить и ее любить.

Возьмем грубейший, то есть наинагляднейший пример. Вы покупаете себе пару сапог. Что вы о них знаете? Что они вам подходят — или не подходят, нравятся — или не нравятся. Что еще? Что они куплены в таком-то, предположим, лучшем магазине. — Отношение свое к ним и фирму. (Фирма, в данном случае, имя автора.) И больше ничего. Можете ли вы судить о их прочности? Носкости? Качественности их? Нет. Почему? Потому что вы не сапожник и не кожевенник.

Судить о качественности, сущности, о всем, что не видимость вещи, может только в этой области живущий и работающий. Отношение — ваше, оценка вам не принадлежит.

То же, господа, и точно то же — с искусством. Вот вам мой стих. Он вам нравится или не нравится, доходит или не доходит, «красив» (для вас) или не красив. Но хорош он, как стих, или плох, могут сказать только знаток, любящий и... мастер. Судя о мире, в котором вы не живете, вы просто совершаете превышение прав.

Почему я, поэт, говоря с банкиром или с политиком, не даю ему советов — даже *post factum*, после банковского или государственного краха. Потому что я ни банка, ни государства не знаю и не люблю. Говоря с банкиром или с политиком я, в лучшем случае, спрашиваю — «Почему Вы в таком-то случае поступили так-то?» Спрашиваю, то есть желаю услышать и, по возможности, усвоить суждение о вещи, мне незнакомой. Не имея суждения и не смея иметь его, хочу услышать чужое. — Поучаюсь.

Почему, в свою очередь, вы, банкиры и политики, говоря с сапожником, не даете ему советов? Потому что каждый сапожник, в лицо вам или себе в кулак, рассмеется: «Не ваше, барин, дело». И будет прав.

Почему же вы, те же банкиры и политики, говоря со мной, поэтом, даете мне советы: «Пишите так-то» и: «не пишите — так» и почему — самое изумительное — я, поэт, никогда еще, ни разу никому из вас, как тот предполагаемый сапожник, не рассмеялась в лицо: «Не ваше, барин, дело».

Есть в этом тонкий оттенок. Сапожник, рассмеявшись, не боится оскорбить — дело «барина» ведь выше. Он смехом только указывает на несоответствие. А поэт, рассмеявшись, оскорбит неминуемо — «поэт» обывательски ведь выше «банкира». Наш смех, в данном случае, не только указание другому места, но указание места — низшего. «Небо», указующее «земле». Так думает, так делит обыватель. И этим, сам не зная, лишает нас нашей последней защиты. Ничего оскорбительного — не понимать в сапогах, полное оскорбление — не понимать в стихах. Наша

¹ Нарочно беру гадательное золото Рейна, в которое верят только поэты. (Rheingold. Dichtergold — Золото Рейна. Золото поэта (нем.).). Возьми я золото Перу, пример вышел бы убедительней. Так, он честней (примеч. М. Цветаевой).

самооборона — оскорбление другого. И много, много должно воды утечь, обиды набежать, прежде чем поэт, переборов ложный стыд, решится сказать в лицо адвокату — политику — банкиру: «Ты мне не судья».

Дело не в выше и не в ниже, дело только в твоём невежестве в моей области, как в моем — в твоей. Ведь те же слова я скажу — уже говорю — и живописцу, и скульптору, и музыканту. Оттого ли что считаю их ниже? Нет. И тебя не считаю ниже. Мои слова и тебе, банкиру, и самому Игорю Стравинскому, если не понимает стихов, все те же: «Ты мне не судья».

Потому что — каждому свое.

Все вышесказанное мгновенно отпадает при наличии одного: перешагнуть через порог профессии. Так, больше чем к критикам и поэтам прислушивалась к словам покойного Ф. Ф. Кошкина, любившего и понимавшего стихи во всяком случае не меньше меня. (Общественный деятель.) Так, больше критиков и поэтов ценю слово А. А. Подгаецкого-Чаброва (человек театра).

Чтите и любите мое, как свое. Тогда вы мне судьи.

Возьмемся к сапогам и стихам. Какие сапоги плохи? Те, что развалятся (сапожник). Те, что развалились (покупатель). Какое произведение искусства плохо? То, что не уцелеет (критик). То, что не уцелело (публика). Ни сапожнику, ни критику — мастерам своего дела — проверка не нужна. Знают наперед. Покупателю же, пары ли сапог, томика ли стихов, нужна давность с вещью, проверка временем. Вся разница в длительности этой проверки. Плохой сапог познается через месяц, для плохого произведения искусства, зачастую, нужен век. Либо «плохое» (непонятное, не нашедшее пророка) окажется прекрасным, либо «прекрасное» (не нашедшее судьи) окажется плохим. Здесь мы уже сталкиваемся с качеством матерьяла сапогов и стихов и всеми его последствиями, с учтимостью материи и неучтимостью духа. Каждый средний сапожник, при первом взгляде на сапог, скажет: хорош или не хорош. Ему на это не нужно чутья. Критику же, чтобы определить сейчас, хороша или нет вещь раз навсегда, нужно, кроме всех данных знания, чутье, дар провидца. Матерьял башмака — кожа — учтим и конечен. Матерьял произведения искусства (не звук, не слово, не камень, не холст, а — дух) неучтим и бесконечен. Нет башмаков раз навсегда. Каждая пропавшая строчка Сафо — раз навсегда. Поэтому (учтимость матерьяла) сапоги у сапожника в лучших руках, чем стихи в руках у критика. Нет непонятых сапог, а сколько непонятых стихов!

Но и сапог и стих уже при создании носят в себе абсолютное суждение о себе, то есть с самого начала — доброкачественны или недоброкачественны. Доброе же качество у обоих одно — неснашиваемость.

Совпасть с этим внутренним судом вещи над собою, опередить, в слухе, современников на сто, а то и на триста лет — вот задача критика, выполняемая только при наличии дара.

Кто в критике не провидец — ремесленник. С правом труда, но без права суда.

Критик: увидеть за триста лет и за тридцать земель.

Все вышесказанное отношу и к читателю. Критик: абсолютный читатель, взявшийся за перо.

III. Кого я слушаю

Слушаю я, из не-профессионалов (это не значит, что я профессионалов — слушаю) каждого большого поэта и каждого большого человека, еще лучше — обоих в одном.

Критика большого поэта, в большей части, критика страсти: родства и чуждости. Посему — отношение, а не оценка, посему не критика, посему, может быть, и слушаю. Если из его слов не встаю я, то во всяком случае виден — он. Род исповеди, как сны, которые видим у других: действуйешь-то ты, но подсказываю-то я! Право утверждения, право отрицания — кто их оспаривает? Я только против права суда.

Идеальный пример такого любовного самодовления — восхитительная книга Бальмонта «Горные вершины», собирательное стекло всех его «да». Почему я верю Бальмонту? Потому что он большой поэт. И потому что он говорит о любимом. Но не может ли Бальмонт ошибиться? Может — и недавно сильно ошибся — в X. Но соответствует ли видению Бальмонта или не соответствует — в своей оценке Бальмонт Бальмонту соответствует, то есть: Бальмонт, большой поэт, дан во весь рост. Глядя на X, увидел себя. Минувя X, видим Бальмонта. А на Бальмонта глядеть и Бальмонта видеть — стоит. Следовательно, даже в случае промаха, суд поэта над поэтом (в данном случае — прозаиком) — благо.

Кроме того, можно ли ошибиться — в отношении? Ведь вся оценка Бальмонтом X — явное отношение. Слыша и видя в нем то-то и то-то, он испытывает то-то и то-то. С чем тут спорить? Настолько единолично, что и учесть невозможно.

Оценка есть определение вещи в мире, отношение — определение ее в собственном

сердце. Отношение не только не суд, само вне суда.

Кто же оспаривает мужа, которому нравится явно уродливая жена? Отношению все позволено, кроме одного: провозгласить себя оценкой. Возгласи тот же муж ту же уродливую жену первой красавицей в мире или даже в слободе — оспаривать и опровергать будет всякий. Отношение, наикрайнейшее и в какую угодно сторону, дозволено не только большому поэту, но и первому встречному — при одном условии: не переходить за границы личного. «Я так нахожу, мне так нравится», с наличностью «я» и «мне» я и сапожнику позволю отрицать мои стихи. Потому что и «я» и «мне» безответственны. Но попробуй тот же сапожник, опустив я и мне, утвердить мою работу вообще негодной — что тогда? — что всегда: улыбнусь.

Можно ли вывести из примера Бальмонта и Х, что поэт, вообще не судья. Нет, конечно. Если лирик, в силу природы своей, тягу суда заменяет роскошью отношения (тягу бесстрастия — роскошью предпочтения), это не значит еще 1) что все поэты — лирики, 2) что лирик не может быть судьей. Он просто не хочет быть судьей, хочет (обратно обывателю) любить, а не судить. Разное: не хотеть и не мочь.

Хочет — может: вся библиографически-критическая деятельность лирика Ходасевича.

Когда я слышу об особом, одном каком-то, «поэтическом строе души», я думаю, что это неверно, а, если верно, то не только по отношению к поэтам. Поэт — утысячеренный человек, и особи поэтов столь же разнятся между собой, как вообще особи человеческие. «Поэт в душе» (знакомый оборот просторечья) такая же неопределенность, как «человек в душе». Поэт, во-первых, некто за пределы души вышедший. Поэт — из души, а не в душе (сама душа — из!). Во-вторых, за пределы души вышедший — в слове. В-третьих, («поэт в душе») — какой поэт? Гомер или Ронсар? Державин или Пастернак — и, не в эпохах разница, а в сущностях — Гёте или Шиллер, Пушкин или Лермонтов, Маяковский или Пастернак, наконец?

Равенство дара души и глагола — вот поэт. Посему — ни не-пишущих поэтов, ни не-чувствующих поэтов. Чувствуешь, но не пишешь — не поэт (где ж слово?), пишешь, но не чувствуешь — не поэт (где ж душа?) Где суть? Где форма? Тождество. Неделимость сути и формы — вот поэт. Естественно, что не пишущего, но чувствующего, предпочту не чувствующему, но пишущему. Первый, может быть, поэт — завтра. Или завтрашний святой. Или герой. Второй (стихотворец) — вообще ничто. И имя ему — легион.

Так, установив, вообще-поэта, наинасущнейшую приметку принадлежности к поэзии, утвердим, что на: «суть — форма и форма — суть» и кончается сходство между поэтами. Поэты столь же различны, как планеты.

Необходимая отмета. В суде лирика (отношение) явно преобладает переоценка. (Просмотреть отзывы друг о друге германских и французских романтиков.) В суде эпика (оценка) — недооценка. Пример надличного Гёте, не доценившего Гёльдерлина, не доценившего Гейне, не доценившего Клейста. (Показательная недооценка — именно современников! И из современников — именно соотечественников! Тот же Гёте, доценивший молодого Байрона и переоценивший Вальтер-Скотта.) Пример, как будто разбивающий мое провозглашение права суда поэта над поэтом. Но только как будто. Право суда не есть еще право казни. Точнее: приговор еще не есть казнь. Или: казнь еще не есть смерть. Никому — даже Гёте — и ничьему слову — даже 80-летнему гётевскому — не дано убить Гейне: есмь! Гёте не доценил, а Гейне пребыл. Но (реплика) — будь Гейне слабей, он после нелестного отзыва Гёте мог бы покончить с собой, человеком или поэтом. Но будь Гейне слабей — он бы не был Гейне. Нет, Гейне — жизнь, и неубиенна. Отзыв Гёте о Гейне только лишний стимул к работе. («Проглядел — увидишь!») А для нас, через сто лет, стимул к мысли. Гёте — и такой промах! Откуда? — Задумываемся. — Сначала о Гёте и Гейне, исконной разнице, потом о возрастах: 80 л. и 30 л., о самом возрасте, есть ли возраст и что он есть, об олимпийстве и демонизме, о притяжении и оттолкновении, о многом...

Следовательно, даже в жестоком случае недооценки поэта поэтом, суд поэта над поэтом — благо.

Это — о поэтах. К кому еще прислушаюсь?

Ко всякому большому голосу я прислушаюсь, чей бы он ни был. Если мне о моих стихах говорит старик-раввин, умудренный кровью, возрастом и пророками, я слушаю. Любит ли он стихи? Не знаю. Может быть, никогда их и не читал. Но он любит (знает) все — из чего стихи, истоки жизни и бытия. Он мудр, и мудрости его на меня хватит, на мои строки.

Прислушаюсь к раввину, прислушаюсь к Ромелу Роллану, прислушаюсь к семилетнему ребенку, — ко всему, что мудрость и природа. Их подход космический, и если в моих стихах космос есть, они его прослышат и на него отзовутся.

Не знаю, любит ли Ромен Роллан стихи, беру крайний случай — что Ромен Роллан стихов не любит. Но в стихах, кроме стихов (стихотворной

стихии), есть еще все стихии. Их Роллан любит достоверно. Ни ему во мне наличность стихии стихотворной, ни мне в нем отсутствие ее — не помешают, помешать не могут. «Я вам скажу по существу...» То есть все, что мне нужно.

Говоря о семилетнем ребенке, говорю также о народе, неиспорченном первичном слухе дикаря.

Кого же я еще слушаю, кроме голоса природы и мудрости? Голос всех мастеровых и мастеров.

Когда я читаю стих о море, и моряк, ничего не понимающий в стихах, меня поправляет, я благодарна. То же с лесником, и кузнецом, и каменщиком. Из мира внешнего мне всякое даяние благо, потому что я в нем — нуль. А нужен он мне ежечасно. Нельзя о невесомостях говорить невесомо. Цель моя — утвердить, дать вещи вес. А для того, чтобы моя «невесомость» (душа, например) весила, нужно нечто из здешнего словаря и обихода, некая мера веса, миру уже ведомая и утвержденная в нем. Душа. Море. Если неправильно мое морское уподобление, рушится весь стих. (Убедительны только частности: такой-то час моря, такой-то облик, облик его. На «люблю» в любви не отыграешься.) Для поэта самый страшный, самый злостный (и самый почетный!) враг — видимое. Враг, которого он одолеет только путем познания. Поработить видимое для служения незримому — вот жизнь поэта. Тебя, враг, со всеми твоими сокровищами, беру в рабы. И какое напряжение внешнего зрения нужно, чтобы незримое перевести на видимое. (Весь творческий процесс!) Как это видимое должно знать! Еще проще: поэт есть тот, кто должен знать все до точности. Он, который уже все знает? Другое знает. Зная незримое, не знает видимого, а видимое ему неустанно нужно для символов. «Alles Verg ngliche ist nur ein Gleichniss».¹ Да, но нужно это Verg ngliche² знать, иначе мое подобие будет ложным. Видимое — цемент, ноги, на которых вещь стоит. (Французское: «Sa ne tient pas debout»³).

Формула Теофиля Готье (сравнить с гётевской!) — которой столько злоупотребляли и злоупотребляют: «Je suis de ceux pour qui le monde visible existe»⁴ обрывается на самом важном: как средство, а не как цель! Самоценность мира, для поэта, вздор. Для философа — повод

1 «Все проходящее — лишь подобие» (нем.).

2 Проходящее (нем.).

3 Букв.: «вещь не стоит».

4 «Я из тех, для кого видимый мир существует» (фр.).

к вопросу, для поэта — к ответу. (Не верьте в вопросы поэтов! Все его: почему? — потому! и: зачем? — затем!) Но в доводах (подобиях) поэт должен быть осторожным. Сравнивая, предположим, душу с морем и ум с шахматной доской, я должна знать и океан и шахматы, каждый час океана и каждый ход доски. Изучить — все — жизни не хватит. И вот, на помощь, знатоки своего дела — мастера.

Стих только тогда убедителен, когда проверяем математической (или музыкальной, что то же) формулой. Проверять буду не я.

Поэтому со стихами о море иду к моряку, а не к любителю поэзии. Что мне даст первый? Костяк — к душе. Что мне даст второй? В лучшем случае — ослабленное эхо души же, меня же. Во всем, что не душа, мне нужен — другой.

Так, от профессий, ремесл — к наукам. От мира заведомого к миру познаваемому. Так, от моряка, лесника, кузнеца, слесаря, пекаря — к историку, геологу, физику, геометру, — все расширяя и расширяя круг.

Ни один поэт, от рождения, не знает почвенных наслоений и исторических дат. Что я знаю от рождения? Душу своих героев. Одежды, обряды, жилища, жесты, речь — то есть все, что дается знанием, я беру у знатоков своего дела, историка и археолога. В поэме об Иоанне д'Арк, например:

Протокол — их.
Костер — мой.

IV. Кого я слушаюсь

*«J'entends des voix, disait-elle,
que me commandent...»⁵*

Слушаюсь я чего-то постоянно, но не равномерно во мне звучащего, то указующего, то приказующего. Когда указующего — спорю, когда приказующего — повинуюсь.

Приказующее есть первичный, неизменяемый и не заменимый стих, суть представляющая стихом. (Чаше всего последним двустихием, к которому затем прирастает остальное.) Указующее — слуховая дорога к стиху: слышу напев, слов не слышу. Слов ищу.

Левой — правой, выше — ниже, быстрее — медленнее, затянуть-оборвать, вот точные указания моего слуха, или — чего-то — моему слуху. Все

5 «Я слышу голоса, — говорила она, — которые повелевают мной...» (фр.)

мое писанье — вслушивание. Отсюда, чтобы писать дальше — постоянные перечитыванья. Не перечтя по крайней мере двадцать строк, не напишу ни одной. Точно мне с самого начала дана вся вещь — некая мелодическая или ритмическая картина ее — точно вещь, которая вот сейчас пишется (никогда не знаю, допишется ли), уже где-то очень точно и полностью написана. А я только восстанавливаю. Отсюда эта постоянная настроенность: так ли? не уклоняюсь ли? не позволю ли себе — своеволия?

Верно услышать — вот моя забота. У меня нет другой.

V. Для кого я пишу

Не для миллионов, не для единственного, не для себя. Я пишу для самой вещи. Вещь, путем меня, сама себя пишет. До других ли и до себя ли?

Здесь нужно различать два момента: момент созидательный и момент по-созданию. Первый без: зачем? весь — в как. Второй бы я назвала моментом бытовым, прикладным. Вещь написана: что с ней будет? кому придется? кому продам? О, не скрываю, что, по свершении вещи, последний вопрос для меня — наиважнейший.

Так, дважды, духовно и житейски: вещь дана, кто ее возьмет?

Два слова о деньгах и о славе. Писать из-за денег — низость, писать ради славы — доблесть. Просторечье и простомыслие ошибаются и здесь. Писать из-за чего бы то ни было, кроме самой вещи — обречение вещи на ровно-день. Так пишутся, и может быть и должны писаться, только передовицы. Слава ли, деньги ли, торжество ли той или иной идеи, всякая посторонняя цель для вещи — гибель. Вещь, пока пишется, — самоцель.

Зачем я пишу? Я пишу, потому что не могу не писать. На вопрос о цели — ответ о причине, и другого быть не может.

За 1917–1922 г. у меня получилась целая книга так называемых гражданских (добровольческих) стихов. Писала ли я книгу? Нет. Получилась книга. Для торжества белой идеи? Нет. Но белая идея, в них, торжествует. Вдохновленная идеей добровольчества, я о ней забывала с первой строки — помнила только строку — и встречалась с ней лишь по проставлению последней точки: с живым, помимо воли моей воплощенным добровольчеством. Залог действенности так называемых гражданских стихов именно в отсутствии гражданского момента в процессе писания, в единоличности момента чисто-стихотворного.

То же, что об идеологии — о моменте прикладном. По написании стихов, я могу прочесть их с эстрады и обрести себе либо славу, либо смерть. Но если я об этом думаю, приступая к ним, я их не напишу или напишу так — что не заслужат ни славы, ни смерти.

Момент до-свершения и момент по-свершению. Об этом говорил Пушкин в строках о вдохновении и рукописи, и этого никогда не поймет простомыслие.

Слава и деньги. Слава — как широко — просторно — достойно-плавно. Какое величие. Какой покой.

Деньги — как мелко — жалко — бесславно — суетно. Какая мелочь. Какая тщета.

Чего же я хочу, когда, по свершении вещи, сдаю вещь в те или иные руки?

Денег, друзья, и возможно больше.

Деньги — моя возможность писать дальше. Деньги — мои завтрашние стихи. Деньги — мой откуп от издателей, редакции, квартирных хозяек, лавочников, меценатов — моя свобода и мой письменный стол. Деньги, кроме письменного стола, еще и ландшафт моих стихов, та Греция, которую я так хотела, когда писала Тезея, и та Палестина, которой я так захочу, когда буду писать Саула, — пароходы и поезда, везущие во все страны, на все и за все моря!

Деньги — моя возможность писать не только дальше, но лучше, не брать авансов, не торопить событий, не затыкать стихотворных брешей случайными словами, не сидеть с или У в надежде, что издаст или «пристроит», — мой выбор, мой отбор.

Деньги, наконец, — пункт третий и важнейший — моя возможность писать меньше. Не 3 страницы в день, а 30 строк.¹

Мои деньги — это, прежде всего, твой выигрыш, читатель!

Слава? «Etre saluй d'un tas de gens que vous ne connaissez pas»² (слово покойного Скрябина, не знаю, собственное или присвоенное).

1 Пункт, меньше всего относящийся ко мне: 1) если я «и жить торопится и чувствовать спешит» — то, во всяком случае, не печатать: так, с 1912 г. по 1922 г. не напечатала ни одной книги; 2) спешка души еще не означает спешки пера: «Мулодца», якобы написанного «в один присест», я писала, не отрываясь, день за днем, три месяца. «Крысолова» (6 глав) — полгода; 3) под каждой моей строкой — «все, что могу в пределах данного часа».

О «легкости» же моего письма пусть скажут черновики (примеч. М. Цветаевой).

2 «Когда вас приветствуют толпы людей, с которыми вы незнакомы» (фр.).

Житейски — увеличенный бытовой груз. Слава — следствие, а не цель. Все великие славолюбцы — не славолюбцы, а властолюбцы. Будь Наполеон славолюбцем, он бы не томился на Св. Елене, сем совершеннейшем из постаментов. Наполеону на Св. Елене не хватило не славы, а власти. Отсюда — терзания и подзорная труба. Слава — пассивна, властолюбие — действенно. Слава — лежача, «почиет на лаврах». Властолюбие — конно, и эти лавры добывает. «Ради славы Франции и своей власти», — вот, в чистоте сердца, девиз Наполеона. Чтобы мир слушался Франции, а Франция — меня. Имя наполеоновской *gloire* — *pouvoir*.¹ О личной славе (чистейшей словесности) он, как прежде всего — человек действия, не помышлял. Жечь себя с двух концов ради рокота толп и лепета поэтов, для этого он слишком презирал и толпу и поэтов. Цель Наполеона — власть, последствия добытой власти — слава.

Славу, у поэта, я допускаю как рекламу — в денежных целях. Так, лично рекламой брезгуя, рукоплещу — внемерному и здесь — масштабу Маяковского. Когда у Маяковского нет денег, он устраивает очередную сенсацию («чистка поэтов, резка поэтесс», Америки, пр.). Идут на скандал и несут деньги. Маяковскому, как большому поэту, ни до хвалы ни до хулы. Цену себе он знает сам. Но до денег — весьма. И его самореклама, именно грубостью своей, куда чище попугаев, мартышек и гарема Лорда Байрона, как известно — в деньгах не нуждавшегося.

Необходимая отмета: ни Байрон, ни Маяковский, для славы не пускают в ход — лиры, оба — личную жизнь, отброс. Байрон желает славы? Заводит зверинец, селится в доме Рафаэля, может быть — едет в Грецию... Маяковский желает славы? Надевает желтую кофту и берет себе фонном — забор.

Скандалность личной жизни доброй половины поэтов — только очищение той жизни, чтобы там было чисто.

В жизни — сорно, в тетради чисто.² В жизни — громко, в тетради — тихо. (Океан и в бурю дает впечатление тишины. Океан и в покой дает впечатление работы. Первое — созерцать в действии. Второе — работник на отдыхе. В каждой силе непрестанное соприсутствие тишины и работы. Покой, идущий на нас от каждой силы, есть наш покой за нее. Таков океан. Таков лес. Таков поэт. Каждый поэт — тихий океан.)

1 Славе — власть (фр.).

2 Чисто, читай: черно. Чистота тетради именно чернота ее (примеч. М. Цветаевой)

Так, воочию, опрокидывается общее место: в стихах все позволено. Нет, именно в стихах — ничего. В частной жизни — все.

Паразитизм славы. Так, в царстве растительном: власть — дуб, слава — плющ. В царстве животном: слава — куртизанка, почиющая на лаврах воина. Бесплатное, хоть и приятное, приложение.

Слава — некое Дионисиево ухо, наставленное на мир, гомерическое: *qu'en dira-t-on?*³ Оглядка, ослышка маниака. (Смесь маний: величия и преследования.)

Два примера беспримесного славолубия: Нерон и Герострат. Оба — маниаки.

Сопоставление с поэтом. Герострат, чтобы прославить свое имя, сжигает храм. Поэт, чтобы прославить храм, сжигает себя.

Высшая слава (эпос), то есть высшая сила — безымянна.

Есть у Гёте изречение: «Не нужно было бы писать ни единой строки, не рассчитывающей на миллионы читателей».

Да, но не нужно торопить этих миллионов, приурочивать их именно к этому десятилетию или веку.

«Не нужно было бы...» Но, очевидно, нужно (было). Скорее похоже на рецепт для других, чем для себя. Блистательный пример того же Фауста, непонятого современниками и разгадываемого вот уже сто лет. «*Ich der in Jahrtausenden lebe...*»⁴ Гёте. Эккерман.

Что прекрасного в славе? Слово.

VI. Разновидности критиков

Обратимся к критику-профессионалу. Здесь различаемы три особи.

Первый — частый — критик-*constateur* (удостоверитель), критик-выжидатель, удостоверяющий вещь лишь по свершении ее, критик с десятилетней давностью. Если истинный критик — пророк, то этот — пророк-назад. Критик-*post factum*, частый и честный, это вся честная (ибо есть и другая) читательская толща. Америк не открывает, в ребенке мастера не узнает, на небезжавшую лошадь (новичка) не ставит, от текущей современности воздерживается и грубо не промахивается.

Культурный читатель.

Но есть другой читатель — некультурный. Читатель — масса, читатель — понаслышке,

3 Что об этом скажут? (фр.).

4 «Я, живущий в тысячелетях» (нем.).

с такой давностью *post factum*, что Надсона в 1925 г. считает современником, а 60-летнего Бальмонта — подающим надежды юнцом. Отличительная черта такого читателя — неразборчивость, отсутствие *Orientierungssinn*.¹ Так, говоря «модернизм», мешает в одну кашу и Бальмонта, и Вертинского, и Пастернака, не отличая ни постепенности, ни ценности, ни места, созданного и занимаемого поэтом, и покрывая все это непонятным для себя словом «декаденты». (Я бы «декадент» вела от декады, десятилетия. У каждого десятилетия — свои «декаденты»! Впрочем, тогда было бы «декадисты» или «декадцы».) Такой читатель все, что позже Надсона, называет декадентством, и всему, что позже Надсона, противопоставляет Пушкина. Почему не Надсону — Пушкина? Потому что Надсона знает и любит. А почему Пушкина? Потому, очевидно, что Пушкину на Тверском бульваре поставлен памятник. Ибо, утверждаю, Пушкина он не знает. Читатель понаслышке и здесь верен себе.

Но — хрестоматии, колы, экзамены, бюсты, маски, «Дуэль Пушкина» в витринах и «Смерть Пушкина» на афишах, Пушкинский кипарис в Гурзуфе и Пушкинское «Михайловское» (где собственно?), партия Германа и партия Ленского (обыватель Пушкина действительно знает с голосу!), однотомный Пушкин-Сытин с Пушкиным-ребенком — подперев скулу — и 500 рисунками в тексте (метод наглядного обучения поэзии. Стихи — воочию. Обыватель Пушкина действительно знает — с виду!) — не забыть, в гостиной (а то и в столовой!) — Репина — волочающую по снегу полу шинели! — вся это почтенная, избыливающая юбилеями, давность, — Тверской бульвар, наконец, с лже-пушкинским двустижием:

«И долго буду тем народу я любезен,
Что чувства добрыя я лирой пробуждал,
Что прелестью живой стихов я был полезен».²

По наслышке (тенора и баритона), по наглядке (уже упомянутое издание Сытина), по либретто и по хрестоматиям — и по либретто больше, чем по хрестоматиям! — вот знакомство русского обывателя с Пушкиным. И вот, против всего и вся — Пушкин и русский язык.

— Что вы любите у Пушкина? — Все. — Ну, а

1 Способности ориентироваться (нем.).

2 Несмытый и несмыаемый позор. Вот с чего должны были начать большевики! С чем покончить! Но лже-строки красуются. Ложь царя, ставшая ныне ложью народа (примеч. М. Цветаевой).

больше всего? — Евгения Онегина. — А из лирики? — Пауза. — Иногда — хрестоматическая реминисценция: «Зима. Крестьянин торжествует». Иногда — ассоциация по смежности — «Парус».

(Обыватель перед памятником Гёте: «*Wer kennt Dich nicht, o grosser Goethe! Fest gemauert in den Erden!..*»³ Шиллер. Колокол.)

Из прозы, непреложно, «Капитанская дочка». Пушкинского Пугачева не читал никогда.

В общем, для такого читателя Пушкин нечто вроде постоянного юбиляра, только и делавшего, что умиравшего (дуэль, смерть, последние слова царю, прощание с женой и пр.).

Такому читателю имя — чернь. О нем говорил и его ненавидел Пушкин, произнося «Поэт и чернь». Чернь, мрак, темные силы, подтачиватели тронов несравненно ценнейших царских. Такой читатель — враг, и грех его — хула на Духа Свята.

В чем же этот грех? Грех не в темноте, а в нежелании света, не в непонимании, а в сопротивлении пониманию, в намеренной слепости и в злостной предвзятости. В злой воле к добру. К читателю-черни я отношу всех впервые услышавших о Гумилеве в день его расстрела и ныне беззастенчиво провозглашающих его крупнейшим поэтом современности. К ним я отношу всех, ненавидящих Маяковского за принадлежность к партии коммунистов (даже не знаю, партийный ли. Анархист — знаю), к имени Пастернака прибавляющих: сын художника? о Бальмонте знающих, что он пьянствует, а о Блоке, что «перешел к большевикам». (Измумительная осведомленность в личной жизни поэтов! Бальмонт пьет, многоженствует и блаженствует, Есенин тоже пьет, женится на старухе, потом на внучке старика, затем вешается. Белый расходится с женой (Асей) и тоже пьет, Ахматова влюбляется в Блока, расходится с Гумилевым и выходит замуж за — целый ряд вариантов. (Блоковско-Ахматовской идиллии, кстати, не оспариваю, — читателю видней!) Блок не живет со своей женой, а Маяковский живет с чужой. Вячеслав — то-то. Сологуб — то-то. А такой-то — знаете?)

Так, не осилив и заглавия — хоть сейчас в биографы!

Такой читатель не только не читает — он не читает. И, не читая, не только относится — судит. К нему и только к нему слово его Пушкина:

«И не оспаривай глупца!»

3 «Кто же не знает тебя, о великий Гёте! Замурованного в землю» (нем.).

Не оспаривать, а выбрасывать за дверь при первом суждении.

Есть и критик-чернь. С легкой поправкой в степени безграмотности, о критике-черни то те, что и о читателе-черни.

Критик-чернь — тот же читатель-чернь, но — мало — не читающий! — пишущий.

О двух типах критиков, являющих современность. О первом — дилетанте — в эмиграции, о втором — справочнике — в Советской России.

Кто в эмиграции не пишет критики? «Дать отзыв», «написать рецензию». (Дать отзыв, как будто бы — отозваться? Увы! Дают отзыв, зачастую, вовсе безотзывные, дают то, чего не дано, ничего не дают.) Пишут адвокаты, молодые люди без профессий, немолодые — профессий посторонних, пишут все, пишет публика. Так, на вопрос: кто в эмиграции пишет критику? ответ: да кто ее не пишет?

Отцвела статья, цветет заметка. Отцвела цитата, цветет голословие. Читаю, предположим, о никогда не читанном мною, совсем новом авторе: фигляр. Что порукой? Имя в конце столбца. Но я его никогда не слышала! Или слышала — в другой области. Где же оправдательный матерьял к фигляру или пророку — цитата? Ее нет. Должна верить на слово.

Критик-дилетант — накипь на поверхности сомнительного котла (публики). Что в нем варится? Темная вода. Темна и накипь.

Все вышесказанное — о критике безымянной, не выдвинувшей, пока, ни одного имени. («Имя» — не протекция, а дар.) Не много радости и от критики именной, бывает даже — именной.

Прискорбная статья академика Бунина «Россия и Инония», с хулой на Блока и на Есенина и явно-подтасованными цитатами (лучше никак, чем так!), должествующими явить безбожие и хулиганство всей современной поэзии. (Забыл Бунин свою «Деревню», восхитительную, но переполненную и пакостями и сквернословием.) Розовая вода, журчащая вдоль всех статей Айхенвальда. Деланное недоумение З. Гиппиус, большого поэта, перед синтаксисом поэта не меньшего — Б. Пастернака (не отсутствие доброй воли, а наличность злой). К статьям уже непристойным, отношу статьи А. Яблоновского о Ремизове, А. Яблоновского о моей «Германии» и А. Черного о Ремизове.¹

Не сомневаюсь, что перечислила не все.

Резкое и радостное исключение — суждение о поэтах не по политическому признаку (отсюда —

тьма!) — Кн. Д. Святополк-Мирский. Из журналов — весь библиографический отдел «Воли России» и «Своими Путиями».

Об одном частном случае, для меня загадочном. Критик (наиболее читаемый, любимый и признанный) говорит о чехо-словацком сборнике «Ковчег».

«...Лучше отметим наиболее интересные страницы сборника. К сожалению, для этого надо пройти мимо „Поэмы конца“ М.Ц. — поэмы, которой, по крайней мере, пишущий эти строки, просто не понял; думается однако, что и всякий другой будет ее не столько читать, сколько разгадывать, и даже если он окажется счастливее и догадливее нас, то свое счастье он купит ценою больших умственных усилий».

Первое, что меня поразило в этом отзыве — кротость. Критик не судит, он только относится. «Я не понял», что это, — суждение? Признание. В чем? В собственной несостоятельности. «Непонятно» — одно, «я не понял» — другое. Прочел и не одобрил — одно. Прочел и не понял — другое. В ответ на первое: почему? В ответ на второе: неужели? Первое — критик. Второе — голос из публики. Некто прочел и не понял, но допускает возможность — в случае другого читателя — большей догадливости и большего счастья. Правда, это счастье будет куплено ценою «больших умственных усилий...» Показательная оговорка. Потрудишься — добудешь, по мне — не стоит. В этом уже не кротость, а, если не злая воля, то явное отсутствие воли доброй. Так может сказать читатель, так не должен говорить критик. Поскольку: «не понимаю» — отказ от прав, поскольку «и не пытаюсь понять» — отказ от обязанностей. Первое — кротость, второе — косность. Натыкаясь на известную трудность, критик просто минует вещь. «Не столько читать, сколько разгадывать...» А что есть чтение — как не разгадывание, толкование, извлечение тайного, оставшегося за строками, за пределом слов. (Не говоря уже о «трудностях» синтаксиса!) Чтение — прежде всего — сотворчество. Если читатель лишен воображения, ни одна книга не устоит. Воображения и доброй воли к вещи.

Мне зачастую приходилось слышать такие отзывы от работников в других искусствах: — «Трудно. Хочется отдохнуть, а тут доискивайся, вдумывайся...» Отдохнуть от чего? От труда в своем искусстве. Стало быть, труд в своем искусстве ты признаешь. Ты только не хочешь того же — в моем. Что ж, может быть по-своему и прав. Делай свое, а я буду делать свое. В таких случаях, кстати, всегда сражала реплика: «А если я у Вас, серьезного музыканта, в ответ на

¹ «Ремизов и эмигрантская критика». Статья, которая еще будет написана. Не мной — так другим. Не сейчас — так через сто лет (примеч. М. Цветаевой)

сонату — трудно! — попрошу вальса, вы что скажете? Я ведь тоже устала от своей работы и тоже хочу отдохнуть». (Чистейшая педагогика!)

Человек понимал и, если не читал моих стихов, то по крайней мере читал мой труд и не просил от меня «легкой музыки».

Но это музыкант, работник в звуке. Что же сказать о критике, работнике в том же слове, который, не желая затраты умственных усилий, предоставляет понимать другим? О человеке слова у меня, человека слова, просящем «легких стихов».

Формула есть — и давняя. Под ней, со спокойной совестью, может подписаться данный:

Тебе поэзия любезна,
Приятна, сладостна, полезна,
Как летом вкусный лимонад.

Лимонада, именно лимонада, хочет от меня (и вообще от поэзии) данный критик. В подтверждение своих слов приведу еще один оборот, уже о другом писателе: «...если бы такой-то делал то-то и то-то, „он бы и сам не оказался усталым, и своего читателя бы не утомил, а напротив порадовал бы его кое-где красивыми переплесками слова“».

Радовать читателя красивыми переплесками слова не есть цель творчества. Моя цель, когда я сажусь за вещь, не есть радовать никого, ни себя, ни другого, а дать вещь возможно совершеннее. Радость — потом, по свершению. Полководец, открывая бой, не думает ни о лаврах, ни о розах, ни о толпах, — только о бое, и меньше о победе, чем о той или иной позиции, которую нужно взять. Радость потом — и большая. Но и большая усталость. Эту усталость свою, по завершении вещи, я чту. Значит было что перебороть и вещь далась не даром. Значит — стоило давать бой. Ту же усталость чту и в читателе. Устал от моей вещи — значит хорошо читал и — хорошее читал. Усталость читателя — усталость не опустошительная, а творческая. Сотворческая. Делает честь и читателю и мне.

К эмигрантскому критику-любителю (этот — не любитель) мы еще вернемся на разительном образце. Обратимся теперь к другому типу критика, утвердившемуся в Советской России и, естественно, обратному эмигрантскому — критику-справочнику. Такого критика я бы назвала певцом дурного избранничества.

Когда в ответ на мое данное, где форма, путем черновиков, преодолена, устранена, я слышу: десять а, восемнадцать о, ассонансы (профессиональных терминов не знаю), я думаю о том, что

все мои черновые — даром, то есть опять всплыли, то есть созданное опять разрушено. Вскрытие, но вскрытие не трупа, а живого. Убийство.

«Г-же Ц., чтобы достичь такого-то эффекта, пришлось сделать то-то и то-то...» Во-первых: как часто — мимо! Во-вторых: кому это нужно — «пришлось», когда это сделано? Читателю? Как внимательный и любознательный читатель ответит: нет. Писателю? Но раз я это сделала и, предположим, сделала хорошо, зачем мне из чужих уст то, что я знаю из собственного опыта труда? В лучшем случае — повторение, подтверждение. Проверка задачи, которая бесспорно решена. То есть — проформа. Молодым поэтам, может быть? Рецепт для получения известных эффектов? Но назовите мне хотя бы одного крупного поэта, писавшего по чужим (всегда единоличным!) рецептам. (Не единоличных, в творчестве, нет.) Кроме того — «что русскому здорово, то немцу — смерть». Теория у поэта — всегда *post factum*, вывод из собственного опыта труда, обратный путь по следу. Я это сделал. Как я это сделал? И вот, путем тщательнейшей проверки черновиков, подсчета гласных и согласных, изучения ударений (повторяю, с этим делом не знакома) поэт получает известный вывод, над которым потом и работает и который и преподносит в виде той или иной теории. Но, повторяю, основа каждой новой теории — собственный опыт. Теория, в данном случае, является проверкой, разумом слуха, просто — осознанием слуха. Теория, как бесплатное приложение к практике. Может ли таковая послужить другим? Может, как проверка. Слуховой путь (того же Белого), подтвержденный уже готовым выводом Белого. Отпадает только труд осознания. Все остальное — то же. Короче: писать по-белому — а не по Белому. Писать по-белому, и, если нужно (?) подтверждать Белым. Но это все, что я могу сказать одобрительного о школах стихосложения и методе формального разбора в применении к газетному рынку. Либо труд ученого — и для ученых (теория стиха), либо живое слово — о живом — к живому (критика).

Критик-справочник, рассматривающий вещь с точки зрения формальной, минующий что и только видящий как, критик, в поэме не видящий ни героя, ни автора (вместо создано — «сделано») и отыгрывающийся словом «техника» — явление если не вредное, то бесполезное. Ибо: большим поэтам готовые формулы поэтики не нужны, а не больших — нам не нужно. Больше скажу: плодить маленьких поэтов грех и вред. Плодить чистых ремесленников поэзии — плодить глухих музыкантов. Провозгласив поэзию ремеслом, вы втягиваете в нее круги, для нее не созданные, всех

тех кому, кому не дано. «Раз ремесло — почему не я?» Читатель становится писателем, а настоящий читатель, одолеваемый бесчисленными именами и направлениями (чем меньше ценность, тем ярче вывеска), отчаявшись, совсем перестает читать.

Поэтические школы (знак века!) — вульгаризация поэзии, а формальную критику я бы сравнила с «Советами молодым хозяйкам». Советы молодым хозяйкам — Советы молодым поэтам. Искусство — кухня. Только бы меньше! Но, для полной параллели, и там и здесь жестокий закон неравенства. Равно тому как неимущий не может вбить в ведро сливок двенадцати дюжин желтков, залив все это четвертной ямайского рома, так и неимущий в поэзии не может выколдовать из себя неимеющегося у него матерьяла — дара. Остаются пустые жесты над пустыми кастрюлями.

Единственный справочник: собственный слух и, если уж очень нужно (?) — теория словесности Саводника: драма, трагедия, поэма, сатира, пр.

Единственный учитель: собственный труд.

И единственный судья: будущее.

VII. Автор и вещь

Часто, читая какую-нибудь рецензию о себе и узнавая из нее, что «формальная задача разрешена прекрасно», я задумываюсь: а была ли у меня «формальная задача». Г-жа Ц. захотела дать народную сказку, введя в нее элементы те-то и те-то, и т. д.

Я (ударение на я) этого хотела? Нет. Этого я хотела? Нет, да нет же. Я прочла у Афанасьева сказку «Упырь» и задумалась, почему Маруся, боявшаяся упыря, так упорно не признавалась в ею виденном, зная, что назвать — спастись. Почему вместо да — нет? Страх? Но ведь от страха не только забиваются в постель — и в окно выбрасываются. Нет, не страх. Пусть — и страх, но еще что-то. Страх и что? Когда мне говорят: сделай то-то и ты свободна, и я того-то не делаю, значит я не очень хочу свободы, значит мне несвобода — дороже. А что такое дорогая несвобода между людьми? Любовь. Маруся упыря любила, и потому не называла, и теряла, раз за разом, мать — брата — жизнь.

Страсть и преступление, страсть и жертва...

Вот — моя задача, когда я бралась за «Мульда». Вскрыть суть сказки, данной в костяке. Расколдовать вещь. А совсем не создать «новую форму» или «народную форму». Вещь написана, я над ней работала, я слушала каждое слово (не взвешивала — выслушивала!), что работа в этой вещи есть — свидетельством 1) ее, для читателя, незаметность; 2) черновики. Но все это уже — ход вещи, осуществление ее, а не замысел.

Как я, поэт, т. е. человек сути вещей, могу обольститься формой? Обольщусь сутью, форма сама придет. И приходит. И не сомневаюсь, что будет приходить. Форма, требуемая данной сутью, подслушиваемая мною слог за слогом. Отолью форму, потом заполню... Да это же не гипсовый слепок! Нет, обольщусь сутью, потом воплещу. Вот поэт. И воплещу (здесь уже вопрос формы) возможно насущнее. Суть и есть форма, — ребенок не может родиться иным! Постепенное выявление черт — вот рост человека и рост творческого произведения. Поэтому, подходить «формально», т. е. рассказывать мне (и зачастую весьма неправильно) мои же черновики — нелепость. Раз есть беловик — черновик (форма) уже преодолен.

Чем рассказывать мне, что в данной вещи хотела дать — я, лучше покажи мне, что сумел от нее взять — ты.

Народ, в сказке, истолковал сон стихии, поэт, в поэме, истолковал сон народа, критик (в новой поэме!) истолковал сон поэта.

Критик: последняя инстанция в толковании снов. Предпоследняя.

VIII. Чем должен быть критик

Бог путей и перекрестков, двуликий бог, смотрящий назад и вперед.

Критик: Сивилла над колыбелью:

Старик Державин нас отметил
И в гроб сходя благословил.

Париж, январь 1926

Сто экземпляров равнодушия, или делай, что должно

В юбилейном номере, конечно, хотелось бы сказать о самом главном, чем живёт-болеет «Литературный меридиан», и представить «по всей форме» самых выдающихся авторов, чьими талантами ежемесячник обрёл своё лицо, за которое мы его ценим и любим. Однако сказать разом обо всех достойных – задача не решаемая. Мне захотелось поклониться Руслане Петровне Ляшевой. Она в ряду наших друзей-соратников, придающих «ЛитМ» широту взгляда и глубину мысли, но место её в этом ряду (как, конечно, у каждого писателя) – своё, особое. При всей определённости и очевидной твёрдости позиции, Руслана Ляшева смотрит на литературу не выборочно, не подвёрстывает её под некую концепцию, а с равной заинтересованностью и уважительным вниманием пытается разобраться в том противоречивом, разнонаправленном явлении, которое мы называем современным литературным процессом.

Это редкое для литературных критиков свойство отчасти проявлено уже в названиях книг и статей Русланы Петровны: «Без лапши», «Точка бифуркации», «Новые застольные беседы», «На евразийских просторах», «Актуальность «старого». Достоевский и Сартр. Нескончаемая полемика», «Киплинг мог бы отдыхать», «Восток дальний – проблемы близкие», «Неравенство от природы или равенство перед Богом. Что важнее?», «Поэзия шествует стезёю русской классики», «Литературная панорама»...

Критик всесторонне открывается в книгах, которые как бы сканируют литературное пространство – иногда кажется, что автор берётся за труд нереальный, поскольку пространство это сегодня так обширно и разобщено, что видится необозримым, заставляя большинство критиков, избегая попытки объять необъятное, искать свою удобную нишу, свою тихую гавань.

Ненамеренно, наугад, выбранный нами скромный томик «Новые застольные беседы» характерен для Русланы Ляшевой и во многих смыслах показателен. Уже и тем, в частности, показателен, что, как прочие книги Русланы Петровны, выпущен в свет Московской городской организацией

Союза писателей России невесомым тиражом в сто экземпляров. Это говорит и о внимании коллег к творчеству Р. Ляшевой, и о скромных возможностях творческого союза. А в контексте общей ситуации в России свидетельствует о расхристанности текущей литературы, смешном самомнении «ведущих жанров» и «передовых направлений», которые не просто ставят критику в более чем стеснённые обстоятельства, но губительно для себя игнорируют её.

В книге собраны 23 статьи и интервью. Среди собеседников автора: критик, прозаик, профессор Литературного института, председатель правления Московской городской организации СП России Владимир Гусев; прозаик, публицист, фотохудожник Юрий Аракчеев с женой, соавтором и помощником Ольгой Аракчеевой; другие талантливые, умные люди, равнодушные к тому, что происходит в жизни и литературе.

«Критика критики» не является нашей целью. Наша цель – насколько возможно, познакомить читателя «ЛитМ» хотя бы с некоторыми, отдельными идеями и мыслями из «Новых застольных бесед», представляющимися важными не только для собственно литераторов, но и для всех сограждан, с уважением глядящих на прошлое и думающих о будущем родной страны.

Уже на первых страницах книги заявлена тема, ныне чрезвычайно актуальная, даже злободневная – тема русского, российского евразийства. Руслана Ляшева цитирует, применительно к литературной ситуации, Михаила Лобанова: «Остаётся всё то же самое противостояние сил национально-традиционных, почвеннических и, с другой стороны, либеральных, космополитических». Далее следует комментарий: «...появилось новое, чему М. Лобанов не придаёт, похоже, большого значения... Это – евразийство, третье течение в общественной мысли и литературе...» Ответные слова Владимира Гусева: «...идея евразийства, которая всеми со всех сторон обругивается, мне лично близка». Но Владимир Иванович, признаваясь, что сам он не евразиец и «вообще не сторонник входить в какую-то бы ни было группу», констатирует: «...евразийство отражается в

литературе не очень». От себя осмелимся добавить: речь идёт не о «какой-то бы ни было группе», а, возможно, о мировидении, образе мыслей и действий, способных вывести нас из тупика, в котором оказалась не только собственно литература. Попутно можно заметить: евразийство едва ли что-то очень новое, появилось оно не сегодня, но именно в нынешних исторических, экономических и прочих реалиях стало приобретать значение, выходящее далеко за пределы простой литературно-критической полемики, на что очень своевременно обращает внимание Руслана Ляшева.

Книга даёт радостную возможность поблагодарить автора за доброе участие в наших делах. Известный столичный критик говорит вдохновляющие слова о дальневосточном журнале «Сихотэ-Алинь», о переиздании в Приморье выдающейся повести Ивана Басаргина «Чёрный Дьявол», о других книгах, вышедших в свет в рамках некоммерческой издательской программы «Народная книга», о самой этой программе. Кстати, и в следующей своей книге («На евразийских просторах», Московская городская организация СП РФ, 2011 г.) Руслана Петровна не забывает дорогой для нас темы, обращая читательский взор и на «Сихотэ-Алинь», и на «Литературный меридиан». Мы как-то не приучены это делать, но давайте поклонимся Руслане Петровне, перед городом и миром признаемся, что дорожим дружбой с нею и любим её!

А теперь попробуем обойтись без авторских ремарок, составим, так сказать, цитатник Русланы Ляшевой, лишь в самой необходимой мере перефразируя выдержки из книги и выстраивая в логичной композиции. Чтобы, с одной стороны, придать им должную стилистическую законченность, а с другой – вложить в «цитатник» как можно больше тезисов, сформулированных в «Новых застольных беседах», над которыми очень стоит подумать. Обратиться к такому экзотическому «жанру» заставляет надежда познакомиться серьёзных читателей с книгой, недоступной в силу заведомой редкости.

О времени, в котором мы живём

Реальность поражает не только масштабом беспредела, но и степенью абсурдности происходящего. До реформ в стране было 2 млн. бедных, а после реформ их стало 74 млн. человек. Одними из главных, если ни самыми главными критериями для оценки действительности являются статус

и самочувствие человека, живущего землёй и на земле, который кормит всех остальных прочих. Сегодня земледельцы не естественным, а, скорее, традиционным для России насильственным способом прижаты к трём формам хозяйствования: кооперативы-колхозы, капиталистические холдинги и фермерство. Из фермеров на плаву удержались единицы, посулы, что они накормят страну, оказались блефом. Нацеленный на немедленную прибыль капитал прихватизаторов сводит сельское хозяйство к монокультурному производству и минимизации затрат. Утром – сев, вечером – деньги, а завтра хоть трава не расти. Только чудом выжившие кооперативы-колхозы противостоят уничтожению органичного для России общинного хозяйствования на земле. Крестьяне единодушны в оценке: «капиталистические реформы» уничтожили все достижения отечественной агрокультуры и продолжают души её остатки. Для крестьянина земля – мать. Для капиталиста земля – только товар. Между тем, бесплатность земли – важнейший фактор безинфляционной экономики, благополучного социального общества. Из-за нерешения этого основополагающего вопроса страну корёжит и ломает, как алкаша с похмелья. А посмотришь либеральную прессу – диву даёшься: всё вокруг тишь, гладь и Божья благодать. В этих условиях на литературу ложится особая ответственность: как всегда, начиная с самых первых времён, вначале остаётся слово.

О русском человеке

Человек ЦЕЛЫЙ, то есть – сформированный христианской религией и русской культурой, отверженный «фундаментальной традицией», на основе которой возникает связанное и связанное философское пространство. Выдержавшего то, что выдержать невозможно, выжившего в условиях, в которых другие выжить бы не смогли, русского человека, знающего, кто есть кто, не одурачишь пустыми сказками. Он разобшён и не может спихнуть нефтяных и прочих магнатов, но хотя бы понимает, что его обворовали – обворовали материально и духовно, лишили заслуженных прав и идеалов.

О писателях и литературе

Писатели и разные жулики провалили репутацию писателя за последние несколько лет. Репутация русского писателя сейчас стоит на нуле,

даже на минус единице. С такой репутацией русская литература никуда не пойдёт. Коммерческую литературу (попсу) и жизнь, как льдины во время ледохода, разнесло течением в разные стороны. В литературе сейчас получается сплошная ложь. Некоторые пишущие оправдываются: мол, искусство и жизнь – разные вещи. Это утверждение антижизненное и античеловеческое. Часто убогим выдумщикам просто не хватает жизненных впечатлений. Вернее, способности осмыслить их. Настоящая литература – не мыльная опера, не телесериал, а художественный барометр общественного умонастроения в России. Художник – и чтец, и певец, и на дуле игрец, тогда его творения – искусство, а не дешёвая попса.

В столице литераторы, особенно молодые, изошряются в стилистических изысках и экспериментах – постмодернизме, концептуализме и т.д. В глубинке люди, к счастью, держатся реализма и любят историю.

О поэзии

Поэзия начала XX века очень долго оставалась в тени; соцреализм стеснялся модерна, как преуспевающие родственники избегают своих бедных сородичей, академическое литературоведение сквозь зубы упоминало о развязных модернистах и особо-то вниманием не баловало. Зато теперь модернизм, вырвавшись из подполья, перестал быть неблагонадёжным андеграундом и в одно мгновение превратился из гадкого утёнка в прекрасного лебедя. Лебедь высоко взмыл ввысь! Однако нынешние постмодернисты в подмётки не годятся модернистам прошлого века, хотя вроде бы – наследники. Незадачливые наследнички, прямо скажем. Современные модернисты – эклектики и стилизаторы, им не хватает мощи духовной, какая была у предшественников. Они клюют по зёрнышку, а, спохватившись, и во все отрекаются от модерна: дескать, это уже повальная мода! Любопытно, что мода на постмодернизм проходит, а вот модернизм начала XX века, наоборот, всё заметнее входит в обиход современной литературы.

Река поэзии течёт в вечность, хотя плещется в берегах современности. Мощь – в беспредельной преданности Родине. Традиции русской классики в поэзии живут и побеждают. Впечатление от попсы, захлестнувшей эстраду, ТВ, кино и литературу, которая вроде саранчи на полях всё закрыла серым цветом, обманчиво. Кажется: эротика, «бабло», и больше ничего нет. Но это не так. Откроешь антологию с ретроспекти-

вой за полвека и с удивлением обнаруживаешь, что литература в глубинных своих проявлениях продолжает жить в напряжённом творческом ритме. Иначе и быть не может. Настоящее творчество всегда рождается не коммерцией (и не для коммерции), а из душевных порывов талантливого человека и из его искренности. А уж тогда не до «бабла»!

О критике

Труднее всех в литературе критику. Поэт и прозаик выражают всё символами, а критик всё должен сказать прямо. «Я так вижу», – имеет право говорить, прежде всего, поэт. Прозаик в меньшей степени. Критик не имеет права на слова: «Я так вижу». Он должен высказываться о проблеме и теме до конца. В этом специфика критики как жанра.

О разных направлениях в литературе

Все затеи постмодернизма – это детские шалости. Что такое постмодернизм? Это иронии и пародии, но ирония и пародия не могут быть сутью литературы.

Философы, музыканты, поэты бросились наперегонки прочь от разума – в шизу, в бред, в игру. Не в шизофрении и безумии надо искать ключ к решению проблем современного человека, а в природе, в здоровых инстинктах.

Приверженцы вымышленной прозы (fiction) не принимают реализма, полагая, что это вовсе не искусство. Но скромная и честная проза ближе к настоящему искусству, чем красивое враньё продвинутых экспериментаторов и авангардистов.

Духовная жизнь стремительно коммерциализируется. У нас нет издательств. Вместо них – бизнес-фирмы, которые к литературе практически не имеют отношения. Там только бизнес и «бабки».

Для новаторства необязательно быть постмодернистом, реалисту никакие пути для творческих поисков не закрыты – было бы что-то за душой для художественного слова, новаторство явится само собой.

О стиле

Стиль – это ключ, отпирающий входную дверь строения или комнаты. Каждое строение

отпирается особым ключом, без него можно только заглядывать в окна. Если всё путается в пределах стиля, значит, перепутаны ключи от дверей. Двери либо вообще не откроешь, либо пойдёшь в одну комнату, а попадёшь в другую.

Бутафорскими мечами, наподобие шутовских игрушек цирковых клоунов, следует назвать пародийные стили в литературе. Когда их авторы высмеивают друг друга, стили сшибаются, и как будто слышится звон мечей, но не всамделишных, а бутафорских. Это и есть пародии.

О телевидении и Интернете

Очень много русских людей оболванены телевидением и стали марионетками «ящика». Новые «игрушки» прогресса – кино, ТВ, Интернет используются для манипулирования сознанием народа. Надо вернуть нашу жизнь в нравственные координаты, воспитывать в гражданах нетерпимость к тому бесстыдству, которым обливают страну с экранов телевизоров.

О библиотеках

Библиотека в России – настоящий бастион культуры. Именно библиотеки на протяжении двух столетий удерживают русскую культуру от пагубных крайностей – левых и правых. Первые шаги просвещения на Руси, как известно, в X–XVIII веках сделало христианство, создавая монастыри, семинарии, приходские школы, гимназии и университеты, при которых и создавались библиотеки. На здании Московского университета не случайна надпись: «Свет Христов просветит». Библиотеки и сохраняют некий «русский стандарт» мышления и поведения человека, дают конкретную книгу индивидуальному читателю, действуют на сознание личности и укрепляют христианский менталитет, льют воду на православную «мельницу».

О путях преодоления кризиса

Космос, то есть Природа, и Человек взаимосвязаны, неразлучимы по самой сути своей. В общественном сознании нынче два возродившихся течения мысли – евразийство и космизм – набирают силу, облагораживая то, что попадает в сферу их влияния – даже ничёмный постмодернизм, уж не говоря об остальном прочем. Человек, если заблудится в лесу, стремится вернуться на прежнее, знакомое место. Надо увидеть ориентиры и идти дальше. Так же и с обществом, и с целым народом – во всех областях, в том числе в культуре. Если смута, вроде нынешней, затягивается, то появляется необходимость вернуться к своим истокам – к фольклору, к тем творческим вершинам, которые достигнуты предтечами, и танцевать дальше от этой тёплой, знакомой, точнее, родной печки. Наше сознание тысячами (или миллионами) незримых нитей связано с народным языком, с историей и культурой России и вообще славянского мира. Приобщение к церковнославянскому языку пробуждает у русского человека генетическую память. Душа поэта откликается на зов предка, как бы воспрянувшего из древнего погребального костра. Такое единение даёт нашему современнику нравственную силу для бытия. Языческий момент не противоречит христианству, а как бы дополняет его природной мощью.

Если сейчас на наших глазах по мере возрождения Православия и церкви учительство возвращается от писателей к священникам, а литература все-таки не растеряла весь былой авторитет и сохраняет очарование для преданных читателей, то это объясняется одним – возвращением пишущих людей к Богу.

Дискуссии в изящной словесности идут волна за волной, опровергая пессимистов, устроивших похороны и поминки по отечественной, в том числе советской литературе, слухи о смерти которой, конечно, несколько преувеличены.

Самое время вспомнить Льва Толстого: «Делай, что должно – и будь что будет».

Окликая случайных прохожих

Лебеда

Всё когда-нибудь кончается,
Как печаль и как вода.
На глухом ветру качается
И рыдает лебеда.

Одиноко долу клонится,
Только верит и она,
Что печаль когда-то кончится
И опять придёт весна.

Говорливая и смелая,
Не выдавшая беду,
И присядет лебедь белая
На рассвете в лебеду.

Перепутает озёрную
И болотистую гладь,
И тоску, такую чёрную,
Ей удастся расплескать.

Лебеда стоит, качается,
Значит, всё ещё жива,
И вовеки не скончается
Эта сорная трава.

Приказ

Дежурный генерал Паисий Сергеевич Кайсаров
и старший адъютант Кутузова Иван Никитич
Скобелев готовили приказ о сдаче Москвы
по итогам Военного совета в Филях

Вошёл Кайсаров, бел, как мел,
Кутузова оставив свите.
И не сказал, а прохрипел:
«Светлейший ждёт приказ... Пишите...

«Секретно»... Скобелев писал,
Рука дрожала на бумаге,
Не верил, что Кутузов сдал,
Лишившись сердца и отваги,

Москву. В глазах было черно –
Москва поставлена на карту
И отдают Бородино
Уже без боя Бонапарту!

И что, напрасно кровь текла,
И сожжены французом сёла?..
Россия подвига ждала,
Но подвиг вышел невесёлым.

Шептал Кайсаров: «Сдать Москву...»,
А Скобелев не верил фразе.
Не верил он, что наяву
Она появится в приказе.

Непобеждённые полки
В рассветном мареве тонули.
Суворовские старики
Вперяли взгляды в них, как пули.

Приказ, на то он и приказ,
Что выполнять солдату надо,
Но слёзы капали из глаз
У тех, кто одолел преграды.

Россия выживет, пока
Идут войска, сверяя карты.
И знают, больше для броска
Не будет сил у Бонапарта.

Кланяюсь в пояс дороге

Тихо по жизни шагаю,
Кланяюсь новому дню,
Строчки для внучки слагаю,
Попусту жизнь не гоню.

Праздную осень и лето,
Счастлив весной и зимой.
И на все стороны света
Кланяюсь жизни самой.

Кланяюсь в пояс дороге
За спину ладя суму,
Вот и выходит, в итоге
Кланяюсь всем и всему.

И никогда не обидно
Чувствам сердечным моим:
Кланяться людям не стыдно,
Стыдно не кланяться им.

* * *

За всё отвечу головой,
Пока живой, пока живой.
За слёзы кроткого бомжа,
За кровь, сбежавшую с ножа.
За перестройку, беспредел
Отвечу я, пока я цел.
За безработный город свой
Отвечу я, пока живой.
За опустевшее село,
За то, что в нём произошло.
За нашу армию и флот,
За тех, кто в пропасть нас ведёт.
За всё отвечу головой,
Пока живой, пока живой.

Русская дворняга

Он пьянел, заказывал закуски,
Прогонял дворнягу от стола,
Но, когда послал её по-русски,
Никуда собака не пошла.

От него не сделала и шага,
Бей, любезный! Что мне? Не умру!
Русская бездомная дворняга
Злобу принимала за игру.

Он храпел, она лежала рядом,
Наблюдала искоса за ним.
И почти что человеческим взглядом
Был уснувший замертво храним.

Молча стол в объёдаках созерцала
И когда проснётся он, ждала.
Не взяла ни хлеба и ни сала,
Ничего без спросу не взяла.

Встал мужик, шатаясь да икая,
И пошёл от пьяного стола,
И за ним, послушная такая,
Русская дворняга побрела.

Мещёра

Какая стынь! И лист неслышно
Листу о чём-то говорит.
И, разодевшаяся пышно,
Рябина горькая горит.

Кричит осенняя пичуга,
Но песнь её -издалека,
И не услышим мы друг друга,
Сквозь толщу лет и сосняка.

Но всё равно узнаем скоро,
Что куст рябиновый горчит.

Молчит усталая Мещёра,
О чём не знаю, а молчит.

Но замечательно чертовски
Гулять и думать, неспроста
Любил заехать Паустовский
В мои мещерские леса.

Октябрь обветренные руки
Несёт к рябинному огню,
И беспричинные разлуки
В лесу сгорают на корню.

Цветы весны

Глаза цветов свели меня с ума,
Куда ни глянь, они уже повсюду.
Как хорошо, что кончилась зима
И унесла последнюю простуду.

О чём мне шепчут первые цветы,
О чём молчат, и не подозреваю.
И как бы сильно ни просила ты,
Я даже для тебя их не срываю.

Сизый голубь

Сизый голубь пьёт из лужи,
Не живёт зимой в тепле.
Но зачем-то Богу нужен
Этот голубь на земле.

Он один на свете знает
То, что людям не понять,
И на ближних не пеняет.
А зачем на них пенять?

Всё летает и летает
И молчать не устаёт.
Он людей не осуждает,
Он в них что-то познаёт.

Не умеет голубь злиться,
Хоть и слёзы бьют из глаз.
Вот, поди ж ты, просто птица,
А терпенью учит нас.

* * *

Юный, ещё не любивший,
В жизни не знавший подруг,
Сквозь закипевшие вишни
Он напрягает свой слух.

Верит, вот-вот отзовётся
Женщина в этом раю,
И, не случайно поётся
Целую ночь соловью.

Село Семион*)

Александр Теренину

Молюсь на церковь Семиона,
На Проню стылую молюсь.
Моя Рязань-моя икона,
Которая спасала Русь!

Как хорошо глядеть с обрыва,
Как ловят рыбу мужики,
И как полощет ноги ива
У среза сумрачной реки.

И не случайно, видно, редко
Душа спускается сюда,
Где жарким летом поит ветки
Незамутненная вода!

Я лишь однажды был у друга,
И слушал сад, и облака,
И понимал, что вся округа
Поёт под дудку ветерка.

И понимал, души не тронет
Другая зябкая заря,
И что мы встретимся над Проне
В двадцатых числах декабря.

*) Село Семион Кораблинского района Рязанской области глубоко уходит корнями в монголо-татарское иго. Имеет старую церковь Преподобного Симеона Столпника и Боголюбской Божией Матери, которая раньше была частью мужского монастыря и в середине XVIII века являлась единственным очагом культуры на территории района. После революции 1917 года церковь была разграблена и в разное время использовалась как склад и сельский Дом культуры. В начале третьего тысячелетия начала восстанавливаться и с 2006 года имеет постоянный приход. Вблизи протекает река Проня.

Дым

Екатерине Сидоровой, создателю
фильма о чернобыльской трагедии
«Горький ветер»

Одному лишь Богу внемлю
И боюсь поднять глаза.
Хоронили «землю» в Землю!
Чашки, ложки, образа...

Безрассудно брали, пряча
Горький стронций на века,
И была тогда незрячей
Хоронящая рука.

Как нам жить с такою ношей?
Нам же внуки не простят!
На Земле моей хорошей
Люди думать не хотят.

Мы же в эту землю ляжем,
В этот цельсиевый дым.
Снова землю мы накажем,
Снова землю предадим.

* * *

В деревне Божьи воды*
Ни капельки воды.
И просят огороды,
Поля, луга, сады:
– Воды, воды, воды!

Поломанные вишни
И бывшие пруды.
И днём и ночью слышно:
– Воды, воды, воды!

И с кладбища, где стоны,
Где мёртвые следы,
Несётся голос сонный:
– Воды, воды, воды!

Согнувшиеся груши
Да стаи лебеды...
И просят чьи-то души:
– Воды, воды, воды!

Но в прошлое нет брода
И в небе ни звезды,
И слышен гул народа:
– Воды, воды, воды!

* Населённый пункт в Рязском районе
Рязанской области

Богиня

Ты проходишь, и сердце грохочет,
Не унять ни на миг, хоть убей!
И чего оно, глупое хочет?
Да улыбки счастливой твоей!

Ты паришь, поднимаешься в гору,
На горе, как богиня в раю,
И, наверное, очень не скоро
Я увижу улыбку твою.

Но сойдешь ты, как солнце, сияя,
Горделивою статью маня...
Видно, правда, что ты не земная,
Если с неба не видишь меня.

273-й квадрат

Двести семьдесят третий квадрат.
Хорошо-то как, благостно, Боже!
И леса меж собой говорят,
Окликая случайных прохожих.

Сколько звуков печальных вокруг!
Сколько вздохов несётся с болота!
И с чего это тянет нас вдруг
Как магнитом к себе позолота?

Увядают кусты и грибы,
И осины дымятся, сгорая.
Ничего не прошу от судьбы,
Кроме этого дикого рая.

Двести семьдесят третий квадрат.
Чьи следы обозначились в иле,
Чьи глаза удивлённо горят,
Чьи шаги в изумленье застыли?

Сихотэ-Алинь

Отроги Сихотэ-Алиня,
Насторожённая тайга.
И день, безветренный и синий,
Готов приветствовать снега.

Они придут уже наутро,
Я это чувствую нутром.
Они торжественно и мудро
Тайгу укроют серебром.

А дальше заскулят метели,
Завоют волки на луну.
И всю рябину свиристели
Склюют, чтоб увидеть весну.

А с кедров будут падать шишки,
И шишки будут собирать.
А в шишках будут и пустышки,
Которым нечего терять.

Не пролетят морозы мимо,
Не обойдёт души зима.
Как жаль, что жизнь неповторима
И сводит каждого с ума.

Отроги Сихотэ-Алиня,
И чей-то удивлённый взгляд:
– Куда же ты в тайгу, разиня,
Не видишь, облака летят?!

ДОХОДНЫЙ ДОМ И СУНДУК С ЗОЛОТОМ

Человек вышел за хлебом и пропал. Булочная находилась в двух шагах. Дома остались жена и четверо детей. Еще пес, которого пустили по следу. Безрезультатно. Бабки во дворе также ничего существенного унюхать не смогли. В милиции заявление не приняли, надо подождать три дня. Это время прошло в надеждах и скорбях. Но именно на третьей сутки он и проявился. Правда, какой-то неузнаваемый, словно его подменили. И дал такое объяснение:

– То были самые героические дни в моей жизни. Знаешь, дорогая, где я был?

– В вытрезвителе! – с отвращением фыркнула жена.

– Не угадала. Попробуй со второго раза.

– Иди к черту, кобель проклятый!

– Опять мимо. Даю третью попытку.

Супруга молча взяла в руки мокрое полотенце. Муж увернулся, загородился стулом и начал рассказывать удивительную историю. Пришли на кухню и дети, чтобы послушать. Они были школьники, но до сих пор любили всякие сказки. Особенно, когда их рассказывал папа. Но прежде следует заметить, что проживало семейство Сапожниковых в самом аномальном месте Москвы – в районе трех вокзалов, на Каланчевской улице. Здесь вообще-то люди пропадают довольно часто, и не на два-три дня, а порою и навечно. Так что жене и детям еще повезло. Вспомним, к примеру, далекое прошлое этой улицы.

В XVII веке ее еще в помине не было, на этом месте расстилалось обширное Каланчевское поле. Название свое оно получило из-за вышки на царском дворце, которое по-татарски так и звучит – «каланча». Жил тут когда-то боярин Шеин (сгинул при Петре Первом), родился великий русский поэт Лермонтов (застрелен подлоем Мартыновым), останавливался на постоя писатель-разночинец Успенский (потерял вкус к жизни и сошел с ума), пребывали в хлопотах и семейном счастье потомственные почетные граждане Мамонтов и Прохоров, купцы Зимин

и Корзинкин да и многие другие хорошие люди (все ушли в небытие при большевиках). Даже ручей Ольховец был заключен в трубу и спрятан под землю, а знаменитые «лесные ряды» удалены с глаз долой. Канули в Лету и «Торговые дома» Перлова и Сапожникова. Да-да, наш чудесным образом нашедшийся герой был потомком известного фабриканта и мецената, не жалевшего средств на нужды города и непосредственно Каланчевской улицы. Но тоже пропавшего навсегда. Такая вот печальная картина, достойная пера Герцена. Словом, бывшее и думы. Скрасил ее лишь рассказ Сапожникова.

– Папа, только не сочиняй, – посоветовал старший сын.

– Я всегда говорю правду, даже когда вру, – строго возразил отец. – Итак, отправился я за хлебом, а вашего любимого «Бородинского» – то как раз и не было. Пошел дальше. И встретил, кого бы вы думали? Витька! Помнишь, милая, он гулял на нашей свадьбе, еще сервиз китайский подарил да сам же его и разбил. На счастье.

– Не помню, – хмуро ответила супруга.

– И не нужно. Не стоит он того, Витёк этот, теперь уж, конечно, Виктор Данилович Перлов. Видела бы ты его в «лексусе», с личным шофером и телохранителем! А ведь это его прадед чуть моего прадеда не разорил. Были они компаньоны, а потом разругались. Да я тебе сто раз рассказывал.

– Не помню, – вновь повторила жена, но уже другим тоном. Заинтересовалась.

– И вот, значит, тормозит этот «лексус» возле меня. Высовывается из него морда Витька и манит меня пальцем.

– Папа, у морд пальцев не бывает, они из рук растут – поправила старшая дочь, отличница.

– Вы дадите мне говорить или нет? – расстроился-разозлился отец. – Умные все стали! Надо было вас не в школу отдать, а коз пасти... Сам знаю, что не бывает. Но это у нормальных людей, а Витёк сплошь состоит из одних загнувшихся пальцев, как осьминог. В прадеда пошел. Так-то

вот, филологи доморощенные. Теперь у него какая-то своя строительная фирма. Заодно и недвижимостью приторговывает. Но это к делу не относится. Говорит он мне, значит: «Ты-то мне и нужен, друг нежный. На ловца и зверь бежит». А я ему: «Не ты ли ловец душ человеческих, мытарь и фарисей в одном сосуде?». Помнишь, родная, Библию?

– Нет, не помню, – в третий раз, как апостол Петр, отреклась супруга, еще и петух не успел прокричать. Впрочем, петухи на Каланчевской улице тоже давным-давно повывелись, со времен «лесных рядов».

– Ну, не важно. Короче, сел я в его «лексус» и мы поехали.

– Куда? – спросила жена.

– А в ресторан, куда же еще-то? Ну, ты, малыш, совсем тормоз. Где же мы, по-твоему, должны были отпраздновать нашу встречу, не под перроном же Казанского вокзала? Там все места заняты. Поэтому мы отправились в трактир «Ермак» в Нижних Мневниках. Видишь, я с тобой как на духу, ничего не скрываю. Какой там подают окорок со шпигованной телятиной и бужениной! А какие котлеты из фазана с соусом из черной смородины, а свиная корейка, запеченная в шалфее и розмарине, а гусь домашний в глазури с печеными яблоками, а какие кедровуха и клюковка! А...

Он бы еще долго мог перечислять гастрономические изыски поваров Ермака Тимофеевича, но супруга остановила его, толкнув в бок.

– И вы всё это вдвоем умяли?

– Отчего же вдвоем? Нашлись помощники.

– Или помощницы?

– Я не приглядывался.

– А позвонить не мог?

– Чтобы и тебя позвать? Как-то не подумал об этом, извини. Да и не мог я позвонить, потому что мобилу дома забыл.

– Ты же, папа, с сотовым ушел, я тебе его сам в карман сунул, – напомнил младший сын.

– Разрядился, – не моргнув глазом, отозвался Сапожников-старший. – Да и не знал я, что задержусь на столько.

– А я тебе его сама заряжала, – добавила дочь младшая.

– Умолкните, отроки и отроковицы, когда вещают боги с Олимпа. Оператор сотовой связи внезапно трагически скончался, успев отключить роуминг. А Нижние Мневники вообще вне зоны доступности. Секретный объект. Так о чем я? Забыл уже.

– О гусе в розмарине, – подсказал старший сын.

Длительные паузы были не в пользу Сапожниковых, оставляли перевес на стороне противника, поэтому он принял мяч на грудь и вновь начал показывать высокую футбольную технику с кулинарным уклоном:

– Отличной была также севрюга с угрем и осетриной, масляной рыбой и раками, гречневая каша с печенью, луком и грибами – дары земли Русской. Как там у Пушкина? Не скоро ели предки наши, не скоро двигались кругом ковши, серебряные чаши с кипящим пивом и вином. Они веселье в сердце лили, шипела пена по краям, их важно чашники носили и низко кланялись гостям... Помнишь, любимая?

– Ты над нами нарочно издеваешься? В доме есть нечего, а он всё про осетрину с хреном! Хлеба даже так и не купил.

– Но я же не виноват, меня заставили всё это продегустировать. Витёк таким подлым гурманом оказался! А за хлебом могу хоть сейчас сходить, по новой.

– Не надо! – хором ответило всё семейство Сапожниковых, включая пса, возмущенно залавшего.

– Тогда продолжим о «Ермаке» и его кухне.

– Хватит. Ты что, совсем меня за идиотку считаешь? Ну, допустим, ты был там. С Витьком этим. И что, все три дня безвыездно в ресторане кутили? – прокурорским голосом спросила жена.

– Плохо обо мне думаешь. Стал бы тогда распинаться. Нет. Это было только начало пути. Главное, радость моя, случилось потом. Перехожу к сути. Витёк обнаружил в старых архивах, что нашим прадедам – Перлову и Сапожникову, кроме родовых гнёзд на Каланчевской, принадлежал и еще один доходный дом, так сказать на паях, с меблированными комнатами. Они его жильцам в наём сдавали. Купили перед Первой мировой войной, а лишились после Гражданской. Дом каменный, сохранился до сих пор. Тут рядом, на Спартаковской улице, во дворах. Теперь там какая-то жилконтора.

– Наш дом? – подивилась старшая дочь.

– Пока еще нет, но будет. Витёк хочет его выкупить и отреставрировать. И превратить в гостиницу, почти как прежде, в старом стиле и духе. В Постоялый Двор. А меня сделать Управляющим, поскольку я также являюсь наследником. Мы бы и даром могли его получить, но закон о реституции еще не принят, а доказывать и мотаться по судам – такая волокита. Проще заплатить кому надо. У Витька денег теперь как у дурака махорки.

– А чего это он вдруг стал к тебе таким добреньким?

– Не знаю. Должно быть, испытывает чувство вины за своего прадеда перед всеми, кто носит фамилию Сапожников. А может быть, для обоснования в Арбитражном суде покупки, что дом этот принадлежал нашим предкам. Так что без меня ему в любом случае не обойтись.

– Вот это вернее всего. Теперь я его вспомнила, Витька этого, жук тот еще. А дальше?

Когда женщина с любопытством спрашивает: «А что же было дальше?», когда в глазах ее горит неподдельный интерес, считай, что полдела уже сделано. Потом пойдет по накатанной, как сани с горы, в которых вы мчитесь вдвоем, крепко обнявшись, к новому старому счастью. Ты сумел увлечь ее и заворожить своими словами, поменять местами причину и следствие, запутать алогизмами и открыть иные горизонты, а те, что были прежде – забыть. Это большое искусство, без которого в семейной жизни не может быть любви и надежды, душевного покоя и умиротворения. В любом другом случае супружество превращается лишь в сплошное оправдание и коммунальную склоку. Нельзя допускать, чтобы обстоятельства пришивались суровыми нитками к твоей судьбе. Надо самому творить их, хотя бы в виртуальном режиме. И главное – всегда можно найти что-то новое. А потом еще что-нибудь. И еще. Неиссякаем кладезь человеческой мысли. Учиться им пользоваться – наша первоочередная задача. Спросите о том Ленина, если не верите.

– Прямо из ресторана мы поехали осматривать доходный дом наших прадедов, – продолжал тем временем Сапожников, разумно полагая, что счет пока ничейный, победа еще не пришла, надо развивать успех. – И сразу же вступили в затяжные бои с жилконторщиками. Те не хотели даже пускать нас на порог, представляешь?

– Вот наглецы-то! – возмутилась жена. – Еще и чужой собственностью пользуются, не их дом-то. Ну откуда такие люди только берутся?

– Совершенно с тобой согласен. Пришлось применять силу. Мы ведь были очень возбуждены и взбудоражены. Хотелось отвоевать наследие предков немедленно. Возможно, мы поспешили, совершили ошибку, не подготовили резервные полки и юристов. Так я оказался в больнице.

– Как? – с неподдельной тревогой вскричали жена и дети. Пес вновь пролаял что-то на своем языке.

– Ничего страшного, – успокоил их отец семейства. – Всего лишь вывих плеча, мне его уже вставили на место. Но почти сутки провел в палате. А позвонить не мог, потому что в больнице

какой-то пьяный санитар все телефоны срезал и продал узбекам. А потом меня Витёк увез в свой загородный дом, долечиваться. К тому же, нам надо было обсудить дальнейшие планы. В этих тяжелых раздумьях о стратегии и тактике нашей борьбы с жилконторой и прошел следующий день. Ни минуты покоя не было, бессонную ночь провел, не веришь?

– Верю, – кивнула супруга. – Бедненький. Как же тебе тяжело пришлось!

– Скоро буду богатенький, – улыбнулся муж. – И повезу вас всех к «Ермаку», на фаршированного поросенка.

– Ура! – заликовали дети, и младшие и старшие.

– Да, кстати, Витёк сказал мне, что по его семейным преданиям, которые передаются из поколения в поколение вот уже почти сто лет, в основании фундамента доходного дома Перлов и Сапожников замуровали сундук с ценными бумагами и облигациями. Ну, на бумаги эти начхать, но там ведь наверняка и золотишко имеется. Кажется, из-за этого сундука они потом и рассорились.

– Гляди, как бы и ты с Витьком не разругался, – предупредила жена. – Теперь ты должен вести себя особенно осторожно и вдумчиво. Проявлять гибкость и фантазию в отношениях с людьми, чтобы на тебя всех собак не навешали. Не оставили в дураках.

– Не беспокойся, чего-чего, а это я делать умею. В смысле, не оставаться тем, кого ты помянула. А дом придется сносить. Чтобы до сундука добраться, – Сапожников вдруг сладко зевнул. – Что-то спать хочется, заболтался я тут с вами совсем.

– Ну, иди, поспи, – отпустила его жена. – Тебе покой нужен. Вон какие тени под глазами.

– Это всё от забот насущных, от тревожных, – пожаловался муж, пробираясь к двери и облегченно вздыхая. Партия казалась выигранной вчистую. А доходный дом предков и сундук с золотом... Да гори они синим пламенем вместе с Витьком! Чтобы не вспоминать больше. Потом что-нибудь другое найдется, позатейливей. Не зря Сапожников в желтую прессу статьи пописывал.

Но жизнь порою, улыбаясь, преподносит самые неожиданные сюрпризы.словно в наказание за слишком прыткие попытки обскакать судьбу. Раздался звонок в дверь. Супруги пошли открывать вместе. Какое-то нехорошее предчувствие сжало сердце Сапожникова прохладной рукой. На пороге стоял помятый временем мужичок в драном пиджачке. Скалил неровные зубы.

– Ви... Витёк? – заикаясь, спросил Сапожников.

– Узнал-таки? – отозвался незванный гость. – Ты тоже мало изменился. Сто лет тебя не видел, со свадьбы вашей! Еле нашел. А помнишь, как я китайский сервиз тогда грохнул?

– Н-не п-помню, – отрекся муж.

– На счастье ведь. Ну, есть оно, счастье-то, или всё ловите его?

– Есть, – жестко ответила супруга, ища что-нибудь сподручное. – Сейчас будет. Уже поймали. Проходите.

Но Сапожников метнулся мимо нее к лестничному пролету, увлекая за собой старого приятеля. И пропал с Каланчевской улицы еще на три дня. Наверное, снова за «Бородинским» побежал. Но это уже, как говорится, совсем другая история. Хотя, если вдуматься, та же самая.

Серенада солнечной дубины

К пятидесяти годам человек вроде бы должен по всем законам природы поумнеть. По крайней мере, остепениться. Но как быть, если в нестареющей душе порою зазвучат дивные звуки шальной юности, когда они вдруг ворвутся в отяжелевшее от семейного бытопорядка сознание и подавят волю к сопротивлению? Остается только одно. Сами знаете. Именно так и поступил Родионов, капитан запаса и крутого закваса. Пошел в «Копейку», взял литр «Богородской» и крепко угнездилился за столом с домашним соленьем, пока жена не вернулась из командировки. А вернуться она должна была только через два дня. Времени хватит, чтобы смотаться еще за парой-другой литрами, ежели звуки музыки не умолкнут. Правда, тут надо сделать одну поправку, касающуюся причины и следствия. Музыка в башне Родионова зазвучала уже потом, в процессе питья, а не наоборот. А впрочем, это не важно. Главное – это любовь, которая нет-нет, да и запоет в сердце. Самой что ни на есть солнечной серенадой.

Служилый уже давно не служил, пребывал в отставке, но офицерскую честь блюл свято. Воину пить в одиночестве не положено, нет такой статьи в уставе. Позвал он приятеля, тоже бывшего капитана. Тот моментально приехал с другого конца Москвы, как по срочному приказу, словно дело касалось оперативной разработки штабных учений. Промедление в таких вещах чревато. Не гражданские, чай. Словом, сели. И «поехали». Разрабатывать эту самую войсковую операцию, в которой противниками были их жены. А кто еще потенциальный враг-то? Кто все время ведет бои местного значения, да плацдармы захватывает? Пилит, давит и в плен берет. То-то. На войне как на войне, хотя б и в мирное время.

Но, надо честно сказать, супруг своих многострадальных наши капитаны любили и уважали. Шутка ли: почти тридцать лет в одном

окопе. За такой срок стерпишься даже с солдатской вошью, тем более, что она столь же кусачая. И опять же, не в правилах военных стратегов менять лошадей на переправе. А семейная жизнь – это и есть одна сплошная длинная переправа, с берега бурных надежд на берег тишины и покоя. Через стремительные и коварные воды, где хватает и омутов, и мелей. Уж сколько утопленников из этой реки выловили – не счесть. Сами виноваты, коли плавать так и не научились.

Но не только речная стремнина, а и морская гладь, и бескрайность океана, и чистота горного ручья, и озерная свежесть, и болотная трясина – всё это семейная жизнь, в тех или иных проявлениях. Даже лужа. Потому что вода – основа основ, а любви в сухую у нормальных людей не бывает. Вот о том капитаны и рассуждали, заставляя икать своих отсутствующих жен и вспоминая не только их, но и других женщин. Тут-то в душе Родионова и зазвучала неожиданно солнечная серенада. Неизвестно, услышал ли ее второй капитан, но хозяин так и застыл на стуле с насаженным на вилку огурцом, поднятой рюмкой и блаженной улыбкой на лице.

– Ты чего? – встревожено спросил приятель. – Не пошла, что ли? Паленая?

– Нет. Просто Иришка привиделась.

– Кака така ириска?

– Да знаешь ты! Я еще до армии тебя с ней знакомил. Первая любовь. Мы с ней в одной школе учились.

Приятель в упор не помнил – за три десятка лет с гаком столько контузий было со всякими своими Иришками, что не до чужих тут. Но, чтобы не обижать хозяина, нацепил радостное лицо.

– Отлично помню! Рыженькая такая, полная.

– Черная как смола. И худая. Да это не важно. Теперь, может быть, и растолстела. Я ведь ее с тех пор не видел. Думал – забыл напрочь.

А тут вдруг – словно встала перед глазами. Вон, за твоей спиной, у двери. И сейчас стоит. К чему бы, а?

Гость опасливо оглянулся, затем не менее боязливо посмотрел на капитана Родионова. Водка бывает не только паленой, но еще и с глюками. Как бы руками хватать не стал, Иришку эту. Тогда совсем беда, пожарных вызывай.

– А может, она того... Усопла? Вот и являться стала ко всяким разным, чтоб попрощаться, – высказал предположение приятель. И добавил: – Ты, Родя, гони ее, не смущайся. А хочешь, вместе толканем отсюда, взащей? Готов помочь.

Он даже привстал со стула, словно только и ждал команды, чтобы ринуться в бой на привидение. Русскому офицеру никакая нечисть не страшна. Тем более, пьяному. Но хозяин лишь усмехнулся.

– Я ведь знаю, о чем ты подумал, – сказал Родионов. – Нет, крыша у меня на месте, не течет. У меня сердце ноет. Будто по нему обухом бьют и бьют. И ни один доктор тут не поможет.

Здесь нужно сделать маленькое отступление. Дело в том, что капитан как раз и проживал на улице Обуха, названной так в память о старом большевике-докторе, заведовавшего отделом здравоохранения Моссовета. Место славное, известное по истории московских улиц как Воронцово поле. Когда-то в XIV веке тут было окруженное лугами и лесами село, принадлежавшее знатным боярам Воронцовым-Вельяминовым, один из них был последним московским тысяцким, то есть военачальником. Почти как капитан Родионов, только повыше званием. Потом его казнили, а село перешло к великому князю Дмитрию Донскому, тому самому, прославившемуся в Куликовской битве. Стоял тут когда-то и загородный дворец Ивана III. А во время польской интервенции здесь размещался с войсками князь Дмитрий Трубецкой и атаман Заруцкий. Был еще и огромный парк князя Потемкина. А уже в двадцатом веке – различные институты Министерства здравоохранения. Вот среди них-то, в глубине дворов и уместилась школа № 4, где в свое время елозили над учебниками юный капитан и загадочная Иришка-привидение. А на фасаде той школы помещалась мраморная доска с цитатами Ломоносова о пользе наук, которые не всем оболтусам пошли на пользу. Словом, многое на своем веку повидало Воронцово поле, но доктор В.А. Обух к проблемам с ноющим сердцем Родионова не имел никакого отношения. Не он лупил его сейчас этим самым обухом, а, судя по всему, чернявая одноклассница, возникшая в табачном дыму и парах бензо-

ла, то бишь водки, что, впрочем, примерно одно и то же.

Бывает ведь и так, что человек живет-живет своей жизнью в меру довольный своей судьбой, но вдруг в какой-то дурной момент вспоминает другого человека, давно вычеркнутого из сердца, и понимает – вот оно, то счастье, которое так коварно прошло мимо. И беззвучно, бесслезно плачет. А всё могло быть иначе... Пусть даже куда хуже, но это была бы истинная его жизнь, капитана Родионова, а не чужая, подобранная как униформа не по размеру. Коварная штука память, словно мина замедленного действия. Может и не взорваться, а может и разнести в клочья.

– Самое обидное, – тупо твердил хозяин, постоянно возвращаясь к навязшей в зубах Иришке, – что разбежались мы из-за какой-то глупости, а ведь хотели уже пожениться и вместе в институт поступать. Не поверишь: пельмени не поделили.

– Как так? – подивился приятель. Уж больно не вязалось это с историей о Ромео и Джульетте с улицы Обуха.

– Оба голодными были. А в морозилке – только и оставалось что полпачки этих самых пельменей. Летопись умалчивает, кто первым на них накинулся, сварил и съел. Но второй обиделся. Причем, смертельно, стал делать из этого далеко идущие выводы, подводить концептуальную базу. «Ах, ты так со мной?». «А что такого?». «А если я умираю от голода?». «А я – нет?». «Ну вот как с тобой семью строить?». «А никак, давай расходиться». «Ну и подавись своими пельменями!». Молодость, чего ты хочешь? Компромиссов не терпит.

– Я хочу, чтобы ты немного остыл, а то чего-то позеленел даже от этих пельменных воспоминаний. Но, честно говоря, раз в такой малости не сошлись характерами, то любви, может быть, и вовсе не было.

– Ты не понимаешь. Просто любовь и пельмени не совместимы. Это как вершина горы и дно оврага. Лирика и физика. Одно убивает другое. А еще был случай...

Родионов уже битый час талдычил про свою первую любовь, казалось, Иришка давно переместилась от кухонной двери к столу и сидела теперь между ними, закинув ногу на ногу и посмеиваясь, только водочку не пила. Приятель украдкой зевнул. Все романтические истории одинаковы, это трагедии у каждого разные. Нечто похожее изрек Толстой. Любимый писатель капитана Родионова.

– Но ты же за все эти годы ни разу о ней не вспомнил, – остановил поток его красноречия

приятель. Он тоже был человеком сведущим в классиках, но предпочитал Шекспира, поэтому добавил: – Что ты Гекубе, что тебе Гекуба?

– Сердце, в котором хранится любовь, открывает свою потаённую дверь в нужное время, когда звучит серенада и прилетают грачи, – философически молвил хозяин. – Глянь в окно, прилетели?

Еще бы немного – и они бы уже перестали друг друга понимать. При чем тут грачи, при чем Гекуба? Это трезвый может все объяснить и разложить по полочкам, а пьяный да влюбленный похож на Ницше в последние годы его жизни, то есть, безмерно счастлив в своем безумии. Но хорошо хоть, что они решили сменить дислокацию. Произошло это так.

– Надо ее найти, – изрек приятель. – И тогда ты сразу успокоишься. Мертвые не потеют.

– Я первый об этом подумал, – сказал Родионов, не желая признавать, что столь замечательная идея родилась в чужой капитанской голове. – Поэтому мы немедленно идем к ней в гости. Вот только допьем и возьмем по дороге новую.

– А ты адрес не забыл?

– Я скорее свой забуду.

Но он все-таки полез в записные книжки, объясняя это тем, что Иришка с улицы Обуха куда-то переехала, кто-то ему из школьных приятелей об этом говорил и даже дал наводку. Наконец, нашел. Оказалось, переместилась пассия не так уж и далеко – на улицу Казакова, надо лишь перейти площадь перед Курским вокзалом. Тут стоит вновь немного отступить от главной темы любви вслепую.

Прежде чем эта улица получила имя замечательного зодчего Матвея Казакова, называлась она Гороховым полем. Здесь находится великолепный дом-памятник графа Разумовского с легкими изящными колоннами и воротами-арками, когда-то окруженный грандиозным парком. Современники говорили, что это место, которое прелестью неискusstvenной природы заставляет забывать, что вы в городе. Шедевр этот построил именно Матвей Федорович, можно сказать, что это лучшее его творение. Но Иришка, к сожалению, проживала не в нем. Не стала она графиней Разумовской, да и спортсменкой тоже, поскольку теперь здесь размещался Институт физической культуры. Она обитала в невзрачной хрущобе в примыкавшем к улице Казакова с юга Нижнем Сусальном переулке. Вот туда-то друзья-капитаны и направили свои армейские боты.

Однако не дошли. Почему-то оказались в пельменной, где Родионов открыл второй том своих мемуаров. Сейчас он начал рассуждать о том, что было бы, если бы на месте его жены все эти годы

была Иришка, каких вершин смог бы достичь. Если бы не эти проклятые пельмени... Он даже с отвращением отодвинул от себя тарелку с ними, словно это были те самые разлучники из прошлого.

– Я мог бы стать Шопенгауэром, – говорил Родионов, вспоминая почему-то чеховского дядю Ваню. – Мог бы слетать в космос...

– Погоди, не заносись. Ты Гагарина-то из себя с Гегелем не строй.

– Ну, хорошо. Мог бы стать адмиралом.

– Тогда уж, генералом, ты ж сухопутный.

– Да какая разница! Главное, всё могло бы быть иначе, если бы женился на Иришке.

– И не надо бы было искать этот чертов Нижний Сусальный переулок, а оставались бы сейчас на улице Обуха, – согласился приятель.

– Кстати, а чего мы здесь-то сидим? Пошли.

И капитаны вновь отправились в путь-дорожку, которая по прямой оказалась намного длиннее, чем по кривой. Расстояние это в двести метров они преодолели всего за пару часов, поскольку преграды встречались на каждом шагу. Пиво-то теперь везде и всюду. За такой неудачный марш-бросок они бы в юные годы погон лишились. Ну, словом, к ночи добрались. Звездное небо над ними и нравственный закон внутри них вошли в полную гармонию. Ничто, казалось, уже не сможет омрачить встречу с первой любовью. Никакие такие пельмени уже не встанут на их пути. Приятель Родионова даже пожалел, что сам он сейчас будет всего лишь свидетелем на этом предстоящем празднике жизни. И почему не ему в голову пришла эта прекрасная мысль: возвратиться к своим истокам? Когда кровь бурлила как закипевшая вода в чайнике, а самого чая подчас и не было, как и многого другого, но зато бурлению этому не видно было конца. Потому что не было еще жены-хозяйки, которая сможет тот чайник выключить. А впрочем, так не долго и выкипеть до дна, что бывает сплошь и рядом.

– Вот эта улица, вот этот дом, – пропел капитан Родионов, сверяясь с картой в руке и идя на звуки музыки. Вполне реальные звуки, не метафизические, поскольку во дворе кто-то наяривал на аккордеоне. Будто только их-то и поджидали.

– Встречают с оркестром, – с уважением молвил приятель. – Только у нас, в России, так любят любить любовь. И ценят тех, кто ее бесценно ценит.

– Она помнит, она ждет, – отозвался главный капитан. – Она не забыла. Мы же не сновидения? Жить во сне и быть самому сном – это

далеко не одно и то же. Первое еще поправимо, второе – нет.

Оба уже немного заговаривались. На лавочке в темном дворе маячили три-четыре фигуры. Сколько было под ней – неизвестно. Видимость была плохая.

– Мужики! – сказал капитан Родионов. – Ира Самсонова здесь живет?

– А у нас с собой и выпить есть, – добавил за чем-то приятель. Широка русская душа.

– Тута! – отозвался аккордеонист, перестав перебирать клавиши. – Вон ее окна, на втором этаже. Наливай тогда. Чего тянуть?

Лавочка потеснилась. Слово за слово – уже и перезнакомились, уже и общие темы нашли, уже и заспорили о чем-то. Славные попались мужики, наши. Да и настроение у всех было какое-то праздничное, скоро же девятое мая. К тому же – аккордеон, не скрипочка, от которой одна сплошная тоска. Тут и песни пошли. Военные, фронтовые. Капитаны даже забывать стали, зачем в этот двор явились. Вкусно сидели, от души. С простым народом всегда вкусно, даже если одним черным хлебом закусываешь.

– Ну а как Ирка-то? – вспомнил вдруг Родионов. – Не замужем?

– Была, развелась, – ответил один из мужиков.

– Нервная какая-то стала, – добавил другой. – Даже подходить боязно. Чуть что – орет.

– Это ничего, – сказал Родионов. – Она всегда орала. Значит, не шибко изменилась. А работает где?

– Да тут рядом, в пельменной.

«Вот ведь какая судьба – по жизни ее пельмени преследуют», – подумал влюбленный капитан. Однако надо было выполнить то, за чем пришли. Родионов поглядел на темные окна на втором этаже.

– Она помнит, она ждет, она не забыла, – вновь повторил он с уверенностью Александра Македонского. – Надо ее разбудить.

И вот, по его приказу, вся рать двинулась к окнам.

– Давай нашу, казачью! – потребовал капитан. – Каким ты был, таким остался!..

И аккордеонист тотчас же подобрал мелодию, запели все разом, правда, на разные го-

лоса и немного невпопад. Настоящая серенада по-русски получилась. Солнечная, несмотря на темную ночь. А Родионов то и дело выкрикивал:

– Иришка, это я, Родионов! Отвори оконце-то! Выгляни!

Оконце отворилось. И оттуда вылетели бранные слова, а вслед за ними – нет, не кастрюля с пельменями, а деревянная чурка, просто дубина какая-то или коряга. Мужики забыли капитанов предупредить, что Ира Самсонова порой, когда они очень уж ей надоедают своими праздниками, бросается из окна чем попало. Снарядов хватает. Вот дубина эта и угодила капитану Родионову, как главному зачинщику, в голову. Не совсем в темечко, а лбу и уху досталось да плечо пострадало. Самое обидное, что солнечный свет в миг погас, будто его и не было. Осталось только холодное звездное небо. Бескрайний Космос, где любви нет и в помине.

– И чтобы я вас тут больше не слышала и не видела, оглоеды! – проорала сверху Иришка, захлопывая окно.

Так проходит любовь, особенно если она уже давно прошла. Дважды войти в одну реку еще никому не удавалось, но счастлив тот, кто хотя бы попробовал это сделать.

Возвращались из травмпункта уже под утро. У капитана Родионова, как после сражения, вся голова была в бинтах и пятнах крови. Выглядел он молодцом. Только повторял то и дело:

– Узнаю тебя жизнь, принимаю и приветствую звоном щита!

Потом, уже около своего дома, он сказал приятелю:

– А знаешь, не то мне обидно, что не признала она меня или не захотела вспомнить, что дубиной по голове огрела. Меня ведь и собственная жена один раз едва шампуром насквозь не проткнула. Было за что. А то больно и печально, что ничего уже больше не вернешь. Ни хорошего, ни плохого. А я бы даже и от плохого не отказался, чтобы попытаться его исправить. Может, и получилось бы.

– Прошное менять бесполезно, надо будущее править, – ответил приятель.

– Это точно. И будем править! – согласился боевой капитан Родионов.

«Платон мне друг...»

МОНОЛОГИ НА ЗАВАЛИНКЕ

*Старик, похожий на солому,
Смалил сигарку и курился.
Всему – небесному, земному
Цеплял свои седые мысли.
И вдруг, закашлявшись, прошамкал
Восково-жёлтыми губами:
«Когда б косить нас было жалко –
Не стали б мы Его хлебами».*

А.Крестинин

2 – 4 января 2011 г.

О.К., Хабаровск

[...] Ты так извиняешься, будто обещал жениться, да раздумал. Поступай как лучше и нагляднее для твоей лингвистики. Я не в претензии в любом случае. Гребни на пицунду японский гордовой! Одно маленькое возражение-дополнение: ты пишешь: «три главных сферы словесности – художественная, научная и публицистическая». Но в своём дискурсе ты оставляешь за бортом две весьма сродные меж собою сферы, которые – по большому счету – имеют к перечисленным трём (согласусь) несколько условное отношение: религиозно-философское слово и – слово поэтическое (их сродность – в изначальной сакральности). Так что брать-то их в оборот – можно и не брать, но оговорить в твоей докторской сию проблемку, на мой нелингвистический взгляд, – необходимо. Маленькое пояснение: в быту говорят: «поэты и писатели», тем самым признавая «отдельность» поэзии в художественной материи слова; философ же никогда не согласится, что он «занимается наукой», тем более – искусством или публицистикой, ведь и Достоевский, к примеру, для них – не философ. А Максим Грек – в качестве переводчика – говорил, что перевести можно что угодно, за исключением поэтических и сакральных (т.е. религиозных) текстов: видишь, он их купно выделяет из всего контекста художественной, научной и публицистической словесности. Но ведь они «имеют место быть» и невозможно их игнорировать:

отрицание (игнорирование) чего-либо предполагает знание о нём, тем самым утверждается его наличие. Извини, что со свиным рылом да в калашный ряд. В том смысле, что научный язык со всевозможными кроссферными модусами и диктумами – это для меня сугубо китайская грамота: предохранители перегорают, и серое вещество плавится и вскипает. Извини. С Новым годом, с грядущим Рождеством Христовым. Привет всем дзяучухам твоим. Счастливо. Ю.К.

P.S. Вот – в тему – цитата из одного моего письма к одному замечательному человечку – на его (ее!) вопрос о моём (возможном) читателе:

«Когда пишу (процесс) – о читателе не думаю; в поддавки с ним что ли играть? Это потом возникают вопросы – для какого читателя? Для любопытного! Имеющего уши, сердце, ну и мозги. Образованность тут ни при чем, было бы желание разобраться. А что касается плотности моих текстов (кто-то сказал: утрамбованность; кто-то – густо, кто-то – вязко), то я ведь не переставал "быть поэтом", а "поэтика Кабанкова скорее квантовая, нежели волновая", "его стих неустойчив, зыбок, меняется в зависимости от точки взгляда, и в то же время твёрд в корнях", "это качество поддерживается равномерной амплитудой колебаний метафор, возникающих, раскрывающихся и исчезающих, не успев раскрыться",

"это поэзия высочайшего духовного напряжения, неизбежной угрозой которого было и остаётся молчание". А коли всему этому верить, то «фиксации процесса» моей мысли, как тебе желается, не предвидится, а предвидится (надеюсь) «процесс мысли» читателя, заполняющий эти "разрывы бухт, и хряц, и синеву". А может, я по-другому и не умею? Я же – по сути – не профессионал-книжник-учёная-вобла, и никогда им не был. Просто был когда-то любопытный зверёк, который от любопытства состарился».

[...] я «пробежал глазами», как ты велел, сии докторские заготовки. Наверняка, всё это хорошо и правильно, но у меня, прости, зубы ломит от этого (и «моего» тоже!) научного стиля. Я не кокетничаю: я просто перестаю понимать в общем-то простые вещи. Всегда хочется попросить перевести на «общеупотребительный». Я понимаю: научные цели, задачи и т.п. Но вот – та же моя замечательная московская корреспондентка (которой я – про читателя) обожает поэзию Светланы Кековой (и я с ней сильно солидарен), но не может она «с лёгким сердцем» читать её (Кековой) замечательные научные работы (тем более, что связаны они с именами Николая Заболоцкого и Арсения Тарковского), и ставит в пример мою «вздохмаченную» околонучную прозу. Смешно! А эпистолярный к какой прозе отнесём? А ведь у меня целый «Исход» опубликован. Но в твоей ситуации – понятно: назвался груздем – полезай в стаю по-волчьи выть. Я, когда писал кандидатскую, просто имитировал наукообразие. А у тебя ведь всё на полном серьёзе. Дерзай, чадо, доктором будешь!

...На заданную тобой тему раздвоения сознания – отвечаю за себя. И только. Определимся: шизофрения («раздвоивание», «растроивание»; у Борхеса, например, рассказ «Борхес и я») это когда в сознании (душе) превалирует центробежное движение – от центра, от целого: расщепление, рас-точение, раз-влечение. Это ощущение (скорее всё же именно ощущение, нежели по сути) всегда сильно при – как ты выражаешь-

ся – нарративе, повествовательности, будь это даже в стихотворном тексте или, как у меня, в «Камнях преткновенных». Показательная штука раздвоения – обращение от имени женщины (девушки) к себе любимому (нигде не публиковалось):

Ну, какие ж это вымыслы?
Мой венок на берег вынесло.
Не смотри, что я доверчива:
Мне цыганка ворожила.
Лучше б ты не подходил к окну!
У меня окно не заперто,
И заборы невысокие.
О тебе я и не думаю!

Хотя, по сути, это раздвоение мнимое, просто оно **проявлено** поэтическим высказыванием. В глубине же нашего сознания (а тем более подсознания) *это* существует одновременно и не разъято. До грехопадения половое различие не было реализовано, следовательно, различия как такового не было; сказано: Бог создал человека (ед.ч.) – мужчину и женщину (в древнееврейском «адам», помимо имени, означает совокупность людей, «человеки», как мы иногда говорим). И во всём так: в корне, в истоках – различия, разнообразия нет, там они только предощущаются как ненормальное состояние в будущем. В поэтическом (ассоциативно-образном) мировосприятии движение – центростремительное, собирательное, целомудренное в прямом и изначальном смысле этого слова, определяющего устремленность к Целостности, а целостен один лишь Бог. В искусстве, если только это не духовное искусство, мы лишь красиво фиксируем расщепленность нашего сознания, преодоление же фрагментарности начинается на уровне духовного («Не внидет Премудрость в душу злохудожну», т.е. лукавую). А поэзия, как сказал поэт, блудная дочь молитвы. Она – в изначальной функции своей – возвращает нас к целостности, и читателя – тоже – всенепременно и обязательно. Она – лекарство от художественной шизофрении.

23-24 марта 2011 г.
О.К., Хабаровск

Спасибо [...], как без хворей? Всё имеется в наличии. Перманентно и с переменным успехом. Отвечаю с конца. Чистой публицистики у меня нет как нет. Она растворена во всех текстах.

Например: «По всей видимости, нам не стоило бы напоминать о том, что окончательной цели своей экспедиция не достигла, ибо в ту пору правительство Японии проводило так называемую

«политику закрытия страны» («сакоку сэйсакү»), установленную за полтора столетия до описываемых здесь событий: с 30-х годов семнадцатого столетия. Эта политика являла собой – по сути – естественную реакцию осознающей себя нации на, скажем так, оголтелое миссионерство западного христианства в лице, прежде всего, Ордена иезуитов. К слову сказать, глядя в настоящее духовное состояние России, стоило бы проанализировать феномен такой политики в свете не только метафизической необходимости сохранения духовного ядра нации. Ведь «при открытых границах гораздо быстрее перемещаются отбросы культуры, а не её вершинные достижения», – вполне резонно замечает современный философ и богослов Андрей Кураев («Первая русская песня в Японии»). Нету у меня публицистики в том виде, в котором ты предполагаешь найти. Кстати, Берязев с энтузиазмом взявшись опубликовать мой опус «О свободе греха и грехе свободы» КАК ПУБЛИЦИСТИКУ, в конце концов заглох. (Я ему: «Володя, хочешь – ещё "скандальную" штучку в "Сибирские огни"? Никто не хочет (или опасаются?) Если хочешь – бери. Только без редакции-корректур»). Он мне: «Замечательный материал. По жанру это, однако, полемическая статья. Поэтому поставим в раздел публицистики. Текст твой и впрямь хорош – и по духу правды, и по точности слова»). Это он собирался напечатать в прошлом году. По-моему, до сих пор нет как нет, и сам он никак не откликается. Вышлю тебе ещё раз на всякий случай. Ежели у меня и есть что-то публицистическое, то это можно окрестить лишь оксюморонно: богословская (или «научно-богословская») публицистика («Обращение», «Власть власти», «Непрощёное воскресенье», «Апология искупления» и т.п.). А публикации 2010 года такие (может, что-то и пропустил): «Надпись на сгоревшей берёсте» в «Дальнем Востоке» № 2; «Магия цифр и соответствий» в «Сихотэ-Алине» № 7; «Человек как мера Божественного времени» в том же номере «Сихотэ-Алиня»; «Живые мощи и мёртвые души православного атеизма» в сборнике «Материалы III Международного симпозиума "Русская словесность в мировом культурном контексте"». – М. : Фонд Достоевского, 2010; «О суетном уме и немысленном сердце» в «Материалах X Международной научной конференции "Приморские образовательные чтения памяти святых и равноапостольных братьев Кирилла и Мефодия"». – Владивосток : ДВГУ, 2010; «Падал прошлогодний снег...» в восьмом номере «Сихотэ-Алиня»...

А что касается А. Белыха, то в «Энхириди-

оне» – глянь – его статья «Негативная поэтика Юрия Кабанкова». Там же, в статье Тыцкого «Уроки Юрия Кабанкова», опубликованы фрагменты моей переписки с Людмилой Луцевич (доктора филологии, профессора Варшавского университета), где, в частности, так: «Людмила Фёдоровна, день Вам добрый! Спасибо сердечное за Ваше глубокое внимание моих каменных опусов. Нам ведь и впрямь не дано предугадать, как слово наше отзовется. Ну и слава Богу, что Вы окучиваете мои Камни. До сего дня подобного серьёзного подхода, сдаётся мне, не наблюдалось. Казначеев и Белых, при всей моей превеликой благодарности, в данном случае не в счёт: у Сергея Казначеева, на мой взгляд, более литературно-критическая, нежели литературоведческая работа, а Саша Белых, спасибо ему, но он, как мне кажется, просто оцепенел в недоумении и всё же пошёл направо «не ведая ни пастыря, ни броду», т.е. отчасти не ведая, что творит. Он ведь и обмолвился, что это у него «Попытка прочтения», а не исследование. А Вы много чего разъяснили мне, чего я и не мог бы в процессе работы понимать – как сороконожка, у которой спросили, с какой ноги она ходить начинает. Для такого анализа нужны особые мозги, которых у меня нет, хотя и обзавёлся к пятидесяти годам ученой степенью».

Ну, вот так. Не знаю, помог ли, может, только запутал. Счастливого семейству. Ю.К.

[...] «О "Новой Никее" и старой башне Вавилонской» – это компиляция из моих писем к В.Я. Курбатову по случаю рукописи художественно-богословского романа его крестника под названием «Новая Никея», романа кощунственного и намеренно еретического. Цепляю файл, касаемо этого вопроса, смотри.

А то, что «Нефилософические письма» написаны по заказу редакции журнала «Вестник ДВО РАН», это так. Но опубликованы там не были; «стилистика текста» как таковая не менялась. Вот (из «Исхода», ДВ № 3 за 2004 год) письмо к Станиславу Минакову от 28 октября 1997 года:

«А Письма не философические я тебе писал как есть два месяца – со времени получения твоего письма. Писал для "Вестника" ДВО РАН, дабы просветить учёных мужей по части "метафизики". Правда, главное (для них) письмо (о метафизике физика Дэвида Бома) ещё не осилил, но им покуда и этого мало не покажется (если опубликуют в конце концов). Так что – вот тебе сразу пять писем (хотя и не вполне ожидаемых) и вчетверо сокращённый их вариант под названием "О ропиущем

тростнике и скудельном сосуде". Прости. Звёздная бездна злится над полем. У поднебесной цвет алкоголя. Бесы трепещут, идя на контакт, и от креста не отхлынут никак. Дай Бог – цвет переменится, и всё станет на свои места».

А вот – от 7 декабря того же года:

«А по "Письмам" моим не-философическим – спасибо тебе на добром слове. В богословскую полемику не буду вязываться, ибо коли возражения имеются (по поводу опричных братьев-христиан, индеев, иудеев и проч.) – следовательно, я невнятно разжевал сей кус. Даст Бог – в другой раз разжую вразумительнее. Хотя – всё это уже весьма профессионально разжёвано дьяконом Андреем Кураевым в его книгах "Вызов экуменизма", "Протестантам о Православии", "Сатанизм для интеллигенции" (О рерихах и Православии) и ещё в дюжине его книг и статей. Самое смешное и прискорбно-радостное для меня: то, что я вымучиваю на самостоятельном уровне, у него давно уже разложено по полочкам – как в аптеке. Чего удивляться: кандидат философии, доктор богословия, 35 лет – энергия бьёт ключом. А мы (то бишь я), до срока состарившись, сидим на завалинке, лаптем щи хлебаем. Он тут намеренно побывал у нас с лекциями, вызвав радостный шок у тех, "кто вмещает слово сие", и – злобную сумятицу в стане "стремящихся к самостоятельному мышлению": рериховцы, кришнаиты, баптисты, цеговисты и прочие американизированные "-исты" отскакивали от него, как блохи от намагниченного ошейника. Ну, ладно... Всучил я ему свои "Письма"; он: "По беглом прочтении принципиальных возражений нет". И на том – спасибо. А то ведь – дал одному местному священнику (угрюмый такой, почти как я), а он: "Я, честно, почти ничего не понял, однако благословить на опубликование не могу, ибо витиеватость мысли уведёт читателя от пути истинного. Да и – кто вы есть, чтобы об этом писать?" Вот так. А с противоположной стороны – учёные мужи в лице академика Жирмунского (биолог, из клана тех, литературных, Жирмунских): "Красиво излагает юноша. Но мир материален, и неча ваньку валять!" Так что – инда ещё побредём, или как там?»

Ныне покойный Жирмунский тогда числился главным редактором «Вестника ДВО РАН».

А насчет написания мною художественной прозы – наверно, можно так сказать, что она по сути своей больше похожа на разукрашивание занавеса, «ширмы», отделяющей от «собственно небесного письма». Проще сказать: худ. проза как таковая не споспешествует приближению к Богу – всё только «здесь и теперь»: горизонталь (с временными аспектами художественности, нравственности, социальности) без вертикали, знаменующей религиозный, мистический аспект как проекцию вечности в этом мире, без которой невозможно пытаться решить какие-либо временные проблемы. Не знаю, может быть, я не прав, но мне скучно писать повествовательную прозу (размазывать кашу по столу), как пить разбавленную водку: или пить сорокаградусную, или вообще не пить. А поэзия иногда и за 96 зашкаливает. Это ж некий мета-код, письмо к Богу, которое и человек может прочесть, но для этого ему потребны определенные усилия и настрой, тут не развалишься в кресле, как с послеобеденным десертом или сигарой. Однако кто-то – не помню – верно заметил, что многие мои стихи, несмотря на метафоры и прочие китайские фонарики, по сути повествовательны. Не знаю, можно ли это отнести к «Неизрекаемому безмолвию». Там всё-таки музыка ведёт. А она, тешу себя мыслью, лучшая публицистика и лучшая проповедь, поскольку императив, который всегда раздражает собеседника, растворён в приливах музыкального ритма: «...видим-не-видим, со дна колодца, зарево Царства Небесного, в сердце, опавшем, как парашютный купол, свет карамельный, мир параллельный, почти стерильный, пряничный домик в устах гаранта, серпом по горлу, всадник без головы, органчик, почти щелкунчик, идол тьмутараканский в ночном скафандре, мыльные пузыри над пашней, они не гаснут, шуришим по листьям опавшим...». Тут, мне кажется, смысл задаётся контекстом, т.е. контекст – не вспомогательный фон, а смыслообразующий «маточный раствор».

Дочка мне подсказала, что персуазивность это убедительность. Так? Очень занятно. А рассказ твой, конечно, прочту на досуге. И в «Сихотэ-Алинь» предложу; чуть бы раньше – в очередной можно было бы: только-только сдали в печать. Ну вот, понаписал ни фиги себе – до фиги себе и всем окружающим. Мало не покажется. Помогай Бог. Ю.К.

9-10 июня 2012 г.
И. Ш., Владивосток

...Извини [...], я перепутал, думал, это твоя оценка «знатного» текста. Но тогда тем более – ежели автор, предлагая свой текст, раздувает щеки и оценивает его вслух и всерьёз как "знатный", то это уже почти лапузинщина. Да и не стоит [А.Е.] сего обсуждения. Объясню своё немилосердие: ты в своём сугубом человеколюбии пожалел бедного, несчастного "пожилого литератора", "окружённого заговором молчания". Я сейчас говорю, скорее, не о нём, а о тебе, поскольку это *ты* попался на крючок. Объясняю: пробивной силы у сего "пожилого литератора" хватило бы на троих-четверых таких, как мы с тобой. Он печатается везде, и книги издаёт – на загляденье: он умеет разжалобить спонсоров [...], потому-то жалеть его не пристало. А "заговора" никакого нет, просто есть естественное молчание вокруг его имени и опусов, но это уж (как сказал когда-то В.Тыцких по поводу другого "несчастливого" литератора) никак невозможно ни организовать, ни преодолеть какими-то энергетическими усилиями. Потому что он, как всякий нормальный шизофреник, мыслит себя пророком и первейшим – хотя бы в округе! – поэтом; и когда это его самовосприятие видимо даже для него не соответствует действительности и читательскому (да и другому) восприятию, – он яростно борется с реальностью, дабы окружающие воспринимали его так, как он сам видит – себя любимого. Так что повода для жалости и помощи я тут в упор, извини, не вижу. А что касается твоего "понимания" религии и всего, что с ней связано, то, мой бесплатный совет, лучше не говорить о предмете, сути которого не понимаешь. Извини [...], твоя позиция в этом вопросе сильно пахнет нафталином: все твои постулаты прописаны в советских атеистических учебниках, и человеку мыслящему должно быть стыдно повторять эти хвосты *идеологии* (которую ты так не любишь). "Религия" нечто совсем отдельное от нашего горизонтального понимания, и с гордым видом всезнающего что-то изрекать в её сторону, – по крайней мере, неприлично. Извини и не сердись. Далее дискутировать я не стану, поскольку многое из того, что я говорю, прописано в той самой моей книге, где «ропщет мыслящий тростник». Хорошая фраза есть в Евангелии: "Имеющий уши да слышит". Твоё нынешнее душевное состояние – состояние неслышащего. То есть, получается, – не любопытного. "Мы ленивы и нелюбопытны", – сказал ас Пушкин. А чтобы полюбопытствовать – нужно ведь смирить свое ощущение всезнания и всепонимания. В религи-

озной вертикали это первая необходимость для гипотетической возможности понимания. На эту тему прочти, если не лень, статью во втором томе «Тростника», которая называется "Живые мощи и мёртвые души православного атеизма", – там, кстати, и на тему сполна дилетантских размышлений А.Е. о Тургеневе и его цензоре Львове. И о многом другом, тебя касающемся, как мне кажется. Поскольку душа твоя "по природе христианка" (как давным-давно – не про тебя – сказано Тертуллианом), ищет возможности "услышать", ищет открытости и, в конце концов, – Бога как абсолютной ценности. Когда я тебя увидел однажды в Казанском храме, я искренне обрадовался тому, что "вот, мол, наконец, [...] избавится от своих любимых бесов, которых сам же пестует и которыми сам же страдает". Извини, ей-богу. Не хотелось бы распалить в тебе полымя раздражения. Извини еще раз. Твой ничего не понимающий в жизни книжник.

[...] извини, братец, я в "религиозную" полемику не вступаю, поскольку мы с тобой в разных, так сказать, весовых категориях: я оперирую выношенным суждением, основанном на знании материала, ты – мнением, основанном на мимолетном впечатлении. Кроме того, ты действительно не слышишь, не пытаешься услышать, вернее, хорошо слышишь себя, и очень слабо – как в испорченном телефоне – собеседника. Ты, со своей стороны, волен говорить-писать-публиковать что угодно, но есть одно "но", непредвиденное для тебя. То, что ты напишешь на эту тему (которой, по сути, не владеешь; прости я не "приватизирую истину", но очень хотел бы, чтобы ты действительно владел темой), то, что ты напишешь, будет более характеризовать тебя (и не с лучшей стороны), нежели меня как «узурпатора истины». Такое уже было – с Сашей Белыхом, когда он сделал подобную попытку в подобной ситуации (про "Негативную поэтику Кабанкова"). В лучшем случае это выглядит смешно (реакция читателей: "Зачем он вообще за это взялся, не владея темой, не ведая что творит?"); в худшем, извини, – просто глупо. А всё потому, что слух замкнут, и резкость не наводится. Множество "личных" истин не дают возможности увидеть-различить одну абсолютную Истину; нужно подвинуться в себе самом, чтобы дать ей место, а это почти невозможно для горделивого ума, который усматривает препятствие на пути к Богу (к вере) в «нерадивых» полах и «неправильной» церкви,

а не в самом себя. Извиняй, брат, полемики не получится. А что касается твоего "демона", то – скажу – не демон тебя водит, а мелкий бес. Вот с ним-то и пристало бы потягаться, а не с "огосуд-

дарствливающимся Православием". "Храни тебя Господь любовью тех, кто рядом" (твоя же строчка). Занавес...

**30 августа 2012 г.
С.М., Харьков**

...всё правильно, но мне, как всегда в таких случаях, не нравится их интонация – истерическая. Мне такое кликушество напоминает ситуацию, когда Христос уснул в лодке, а вокруг разыгралась буря и ученики пришли в ужас: "Тонем!". Он же сказал им: "Малoverные!" и усмирил бурю. То же – с хождением по водам апостола Петра – усомнился и стал тонуть: "Малoverный!" Так что я бы сказал всем подобным авторам: давайте определять, выявлять и указывать зло, но не хлопать в панике крыльями, ибо именно наши страхи (и отсутствие Страха Божия), порожденные малoverием, и порождают те бреши, куда устремляются бесы. Вера – в земной своей функции – защита и ограда; будет вера тверда – они не сунутся. Так что все эти действия супротивных Господу есть указание нашей слабости в вере. Кстати, Византия пала (долго падала!) именно от оскудения веры и святости, а не от нашествия

иноверцев и козней латинян. Они – «орудие», как сказала [бы] Маргарита Павловна (про Велюрова) в финале "Покровских ворот". Да воскреснет Бог и расточатся врази Его, и да бежат от лица Его ненавидящие Его!..

P.S. А вот, глянь на фотографии – храм какой пряничный! Теперь его наполнить ("исполнить") верою надобно. Вот и опять могут какие-нибудь новые молокане нас укорить, что "Бог не в брёвнах, а в рёбрах". И ещё (фото) про "мерзость запустения": почему в "Вие" нечисть облюбовала храм, и молитвы Хомя Брута не помогли? Вера ослабела (уже тогда! как и, кстати, в XIV веке в Византии за сто лет до крушения ея). А та, что и была, растеклась вся по горизонтали. Ну да ладно, вот тебе – зри! – який замечательный котляр – для финала моей реплики и стабилизации нашего "Соляриса".

**31 августа 2012 г.
Anne Faivre Dupaigne, Париж**

Дорогая Аня (Вы так подписались, и потому я позволяю себе такую вольность), день Вам добрый-предобрый, здравствуйте! Я еще 9 августа выслал Вам на парижский адрес свою книгу (и приложил к ней аудиодиск с моими лекциями по курсу «Православие и русская литература»). Отправил, да всё никак не соберусь ответить на Ваше, так обрадовавшее меня, письмо. Бандероль-то отослал, а самому боязно: и в книге моей, и в лекциях как раз много того, о чём Вы так деликатно (в отличие от пишущего это письмо) обмолвились: о проблеме противостояния «католичество – православие». Проблема существует, проблема, понятно, более на богословском уровне, нежели на душевно-человеческом. Потому – простите меня заранее, если что-то в книге или на диске покажется Вам – как сейчас любят говорить – не весьма толерантным. Я никого не желал обидеть или унизить (беру в союзники

Достоевского с его критикой католичества, но не католиков, верующих зачастую, быть может, глубже и чище многих православных). В общем, незадачу, которая может возникнуть при чтении и слушании моих опусов, я обозначил и ещё раз заранее прошу Вашего прощения. Более серьезно и пространно, если случится, можно будет поговорить, основываясь на конкретном материале, на живом впечатлении от него и его спокойном осмыслении. Хорошо? А покуда – счастливо Вам на Вашей милой родине, здоровья Вам и Вашей матушке. Ваш Юрий Кабанков.

А снимки не мои, но – и вправду – красивые, Вам понравятся. Там, среди природных красот, византийская икона Успения Богородицы, 29 августа по вашему Григорианскому календарю, позавчера...

9 сентября 2012 г.
С.М., Харьков

...я там, в этой жнейке, ответил в твою защиту, только не знаю, куда оно укатилось, чайник никелированный! – там фэйсбуковский адрес какой-то. Потому дублирую, чт: «Как, однако, визжат они в твою сторону! “Похабный ханжа”! С Прохановым побратали! Да уж... Ты им даже не на хвост наступил, а на мошонку, которая вместо шлейфа! Такой визг я наблюдал, когда вышел фильм "Гибель империи. Византия: уроки истории". Будто кипятком их ошпарили. Вся их беда в их позиции: «Я и ОНИ» (т.е. мы). Где их ими же хваленый ум? Станут перпендикулярно течению и кричат о подавлении их перпендикулярности.

Не нравится – отойди в сторону, найди другую норку; исторический их опыт в этом плане огромен – почему не пользуются? Вы ошибаетесь, господа либералы, мы любим еврея Павла, еврея Осипа Мандельштама, еврея Исаака Левитана – да мало ли! Только понимать ведь надо, что любовь свободна, не надо требовать нашей любви к себе любимому во что бы то ни стало! "Не поймёт и не заметит гордый взор иноплеменный, что сквозит и тайно светит в наготу твоей смиренной!" Да воскреснет Бог, и расточатся врази Его!..

13 сентября 2012 г.
В.Ч., Красноярск

[...] благодарствую за внимание, особенно – за последнюю строчку. И я туда же. Что же касается «теории стихосложения», то я при всём своём филологизме так же «просвещён поверхностно» в этом вопросе. Пользы для поэта от сего «просвещения» теорией – никакой, а скорее один вред, поскольку ежели сороконожка задумается, с какой ноги она начинает шаг, – тут же утратит «лёгкий бег иноходца». Шучу. Но слегка. Можно заглянуть в замечательный «Поэтический словарь» Квятковского, но я действительно не знаю, как это моё «Неизрекаемое безмолвие» обозвать. «Назови хоть горшком, только в печь не ставь!» Зато и порадовался я – как верно-замечательно Вы ощущаете «технологию» прочтения стихов, и вообще художественных текстов (сюда же – шире-глубже – и сакральные тексты – в первую голову!). Я имею в виду Вашу фразу «стихи я не могу, не умею читать быстро». И слава Богу! Значит, Вы *тот самый* читатель! Который, собственно, не *читатель* даже, а «*вниматель*», который поэтический текст «внимает-в-себя». А это Дар, не меньший, чем дар писания. И совершенно верно Вы поняли «технология» прочтения этого моего «неизрекаемого» опуса; я имею в виду Ваш послы: «Читать этот текст вслух, вероятно, нужно захлѐб, иначе становится непонятным (как бы размывается) синтаксис (визуально он мне понятен)». Очень рад, ей-богу! А «захлѐб» это ведь не обязательно «быстро». Экспрессия может быть и медленной, да? С точки зрения музыки? А «непонятные» слова и фразы и не пытайтесь разъять логически, включите ассоциативно-музыкальное

восприятие, и всё станет на свои места. Моя любимая фраза – из песенки Новеллы Матвеевой о поэтах – «Ах, вопросы нам жить не мешают, ответы – мешают!» Хотя, те непонятки, которые Вы перечисляете, вполне можно объяснить и на пальцах (только объяснения эти не дают искомого объёма). «Свет карамельный» попробуйте сопрячь с «пряничным домиком», светящимся изнутри, («под утро в посёлке включают метель, разводят русалок в морозных окошках» – «японец» Вечеслав Казакевич; в моей книге о Тростнике – дважды о нём); «...чтобы звёзды зажмурились, словно исчезающий во рту леденец» (кореец Роман Хе; из той же книги). Такая «анти-технология»... Ну, а «млечная память» – там ведь рядом «чумацкий шлях», а это ж и есть «Млечный путь»; там и сказано «*меркнувшей* памятью млечной, заживо отключѐнной» – речь-то чуть ли не о «тьме кромешной» и «слепящем безмолвии», извините, Вселенной. Ну, а со «стѐлсами» должно бы быть понятно: самолѐт-невидимка, невидимая, но смертельная угроза, такая же, как и от возможных летающих ящеров, пресмыкающихся олигархов и вулканической лавы «финансовых потоков». Ну а «пустые файлы» – сплошные подмены, пустоты, зияния, эрзацы, иллюзия существования, имитация всего, постоянное «**как бы**» (как метастаза на языке), отсутствие смысла и содержания, когда смыслообразующий вопрос «зачем?» становится до неприличия неприличным: всё только «здесь и теперь». Ну а «Басё с собакой» – это уж такая авторская вольность; там ведь – чуть выше – «всплеск в тишине

(тот самый)» – это ведь из его, Басё, знаменитой хокку (или хайку?) про лягушку, прыгнувшую в пруд. Но собака его, взирающая через море! – это ж она своими собачьими очами видит русский берег сквозь морозящий горизонт Японского моря (хозяин, понятно, не видит), а там, на русском берегу, – Ваш «слуга покорный с псалтирью десятиструнной». Никогда бы не подумал, что смогу так разложить по полочкам свой суггестивно-ассоциативный бред. «Поэт издаека заводит речь, поэта далеко заводит речь» (Цветаева). Ладно. Давно я так не разминался. Цепляю к сему минаковский опус про «слугу покорного с псалтирью десятиструнной» («Паскаль, Тютчев и “Ропущий тростник” Юрия Кабанкова»), а книгу пришлю по почте, коли Вы такой замечательный читатель (если адрес дадите). Всё же она – **кни-и-га** (какая-никакая); восприятие её «текстов» по электронке – как та пилуля от жажды, которую предлагал Торговец Маленькому принцу, чтобы не тратить время на хождение к колодцу и не слышать скрипа ворота («...и колодезный вал тяжело скрипит и вращает оком»). Счастливо Вам и Вашим ближним.

В письмах к Минакову я, бывало, подписывался богословом Халявой, – сей «антипод» Хомы Брута (философа из «Вия», которого нечисть достала-таки) избежал участи своего товарища, на что и я уповаю. Да воскреснет Бог и расточатся врази Его...

И вот Вам – напоследок – Чжуан-цзы, который «...овладел сущностью и не замечает поверхностного, весь во внутреннем и предал забвению внешнее»:

«Циньский Мугун спросил Радующегося Мастерству:

– Нет ли в твоём роду кого-нибудь другого, чтобы послать на поиски коня? Ведь годы твои уже немалые!

– У сыновей [моих, вашего] слуги способности небольшие. [Они] сумеют найти хорошего коня, [но] не сумеют найти чудесного коня. Ведь хорошего коня узнают по [его] стати, по костяку и мускулам. У чудесного же коня [всё это] то ли угастро, то ли скрыто, то ли утрачено, то ли забылось. Такой

конь мчится, не поднимая пыли, не оставляя следов.

Прошу принять того, кто [знает] коней не хуже вашего слуги. С ним вместе сконванный, [я], ваш слуга, носил коромысла с хворостом и овощами. Это – Высящийся во Вселенной.

Мугун принял Высящегося во Вселенной и отправил на поиски коня.

Через три месяца [тот] вернулся и доложил:

– Отыскал. В Песчаных Холмах.

– Какой конь? – спросил Мугун.

– Кобыла, каурая.

Послали за кобылой, а это оказался вороной жеребец.

Опечалился Мугун, призвал Радующегося Мастерству и сказал:

– [Вот] неудача! Тот, кого ты прислал для поисков коня, не способен разобратъся даже в масти, не отличает кобылы от жеребца. Какой же это знаток коней!

– Вот чего достиг! Вот почему он в тысячу, в тьму раз превзошел и меня, и других, [которым] несть числа! – глубоко вздохнув, воскликнул Радующийся Мастерству. – То, что видит Высящийся, – мельчайшие семена природы. [Он] овладел сущностью и не замечает поверхностного, весь во внутреннем и предал забвению внешнее. Видит то, что ему [нужно] видеть, не замечает того, чего ему [не нужно] видеть; наблюдает за тем, за чем [следует] наблюдать; опускает то, за чем не [следует] наблюдать. Конь, которого нашел Высящийся, будет действительно ценным конем.

Жеребца привели, и это оказался конь поистине единственный во всей Поднебесной!»

14 октября 2012 г.
В. Ч., Красноярск

...попробую с ходу ответить, хотя чтой-то мне нынче неможется, – то сахар скачет, то лапы ломит, то хвост отваливается... С праздником Покрова и спасибо за бальзам, добрая душа [...]! Дай Бог, чтобы высокая тональность Вашего восприятия соответствовала, так сказать, объекту сего восприятия (о себе, любимом, веду речь). Дело в том, что Ломоносов и Державин достойны большей филигранности, нежели это явлено в моих «звуковых» лекциях. Кроме того, там есть темы, которые стоило бы разработать более тщательно: например, о свете материальном – у Ломоносова – и нетварном ("фаворском": "Творец, покрытому мне тьмою простри премудрости лучи..."). Сюда же и "Фауст" с Мефистофелем, который лукаво утверждает, что "есть надежда, что когда тела разрушатся – сгорит и он (свет) дотла". Бес, как всегда, тшится представить свет как порождение тьмы: "Свет этот – порождение тьмы ночной, и отнял место у нее самой. Он с ней не сладит, как бы ни хотел, его удел – поверхность твердых тел..." (тот же Мефистофель – Фаусту). Надо бы сию умственную мысль закрепить на бумаге, да силов на всё недостаёт. Да, может быть, и не меня одного Господь надоумил? ("И некому здесь надоумить её, что в руки взяла она сердце моё!", – "Арбуз" Багрицкого). [...] Курс, связанный с зарубежной литературой, я еще толком не разработал, в голове пока три имени обретают объём: Данте, Гете и японец Акутагава. Так что – не до жиру (быть бы живу), то есть – [не

до] всевозможных (и необходимых!) поэтических записей и дисков. А вот что уже записано, но пока еще не отредактировано и не переведено на диск, так это курс "История христианской письменности и патристика" (там особенно весьма-зело лепо – о богопознании у Григория Нисского); авось дойдут и до него руки у "записывающей стороны". Меня поначалу микрофон, понятно, ещё как сковывал и раздражал, хотелось его сбить в сердцах, как большой чёрный одуванчик. Но Ира Хвостова – и как специалист, и просто слушатель – вовремя меня поддержала и успокоила за десять тысяч вёрст: мол, это у всех начальных бывает, это преодолимо. Спасибо ей. А потом пошло само собой: куда деваться с подводной лодки? К тому же я настраивал себя на некий "пофигизм", как говорят дети, ну, типа "Бог не выдаст – свинья не съест". А лекции по длительности такие же, как и у Вас, в Вашей музыкальной Академии, – один стандарт. Просто на диске изъяли всё, что не идёт к делу. Буду закругляться и слать Вам осень – для радости глазного хрусталика – покуда не кончится; а у меня этих чудовных картинок несметно – «не выдоишь за день – устанет рука!». Спасибо за "встречный пал" (термин парашютистов-пожарных – о коих не сужу, затем что к ним принадлежу – уж сорок лет как...). Ваш неперменный богослов Халява. А как Вам Чжуан-цзы?

24 октября 2012
С.М., Харьков

Спасибо, братец, я тоже не знал такого «серебряного» поэта Александра Беленсона (годы жизни: 1895-1949) – покуда ты мя не просветил. Тем более, что он, окромя всего прочего, еще «и издатель нашумевших альманахов "Стрелец"». Стихотворением «Ответ Ахматовой» (это в его книге «Врата тесные. Вторая книга стихов». – Пб, 1922) он «откликается на известное стихотворение Ахматовой "Чем хуже этот век предшествующих? Разве...", из её [будущей] книги "Подорожник"».

*Суров сей век и тягостен без меры –
Век не последних битв и не бесплодных ран.
Мы бродим в городах, покинутых без веры,
А в пустоте небес кружит аэроплан.*

*Обречены незнанью и неволе,
В чаду названий мы забыли имена.
И странно ли, что солнце не восходит боле
В такие времена!
Но дни прейдут, закону следуя земному,
И, может быть, поэт в непонятых стихах
Расскажет по-иному
О веке, ставшем притчею в веках.
Да, много язв на нас, но всех других чернее
Та, что скрывает свет из века в век.
Мы все равны, уже рождаясь с нею,
И сам себе целитель – человек.*

В том же 1922 году в Берлине Ходасевич пишет стихотворение «Автомобиль» – будто оба они из одной, как ты любишь говорить, песочницы:

*...Я забываю, я теряю
Психею милую мою,
слепые руки простираю –
и ничего не узнаю:*

*здесь мир стоял простой и целый,
но с той поры, как ездит тот –
в душе и мире есть пробелы,
как бы от пролитых кислот.*

Я с тобой во многом согласен, но меня сильно зацепил своим перкалевым крылом "в пустоте небес... аэроплан" кружащий, пока мы "бродим в городах, покинутых без веры". Это мне сильно напомнило меня же любимого: "Та родня, которой нет спасенья от мирской и прочей суеты, для которой даже в воскресенье небеса высокие пусты". Но еще больше напомнило зиму 1991–1992 гг. во Владивостоке, куда мы только что приехали-возвернулись из тульской Черни, когда сытый

Плохиш куда-то "отпустил" цены. Я рано-рано утром, ещё до открытия магазина стою в очереди за хлебом. На улице! Лютый мороз, снега нет и не было (и не будет!), мусор летает над головой; поднимаю глаза вослед какой-то целлофановой хреновине парящей, а там – высоко-высоко – коршун кружит. И покуда магазин не открылся (по две булки в одни руки!), покуда очередь не подошла, "всё кружился он над пажитью чужою, всё посматривал, как в мельницах дозорных расщепляются стремительные зёрна. Знал подлец, что этот гром свинцовый не примстится даже Кузнецову!". В общем, жуть какая-то «налипающая на ресницы» из страшного сна, когда просыпаешься – а там опять сон! И что ему было делать над городом!? "А неясить над скошенным лугом всё так же парит, и не знает, как глупое сердце протяжно болит!.."

**6 ноября 2012 г.
В.К., Псков**

Дорогой мой Валентин Яковлевич, простите меня в очередной-то раз! Всё собираюсь писнуть, да рука никак не дотягивается: бес нашептывает, что для В.Я. нужно не просто о-том-о-сём, а – собраться с духом, и – о «самом главном», о последних вопросах, как Алёша и Иван Карамзовы тогда в трактире. И – побеждает. Потому что в последние времена ни на какие «последние вопросы» силов моих недостаточных недостаёт. А брат мой Валентин Яковлевич оставляется без всякой моей весточки. Простите. С праздником Вас прошедшим Казанским, ну и с поборанием поляков и всякой смуты и слякоти в душе нашей. Очень сильно обрадовался Вашему посланию к Славе Минакову (он мне Вас «сдал»). Пряма-таки по толстовскому утопическому завету, чтобы хорошие люди собрались в кучку и побивахом всем плохих. Но всё равно я рад, ей-богу! Спасибочко Вам моё живосердечное, что окликаете; а я ношу,

привыкши, этот оклик, нянькаю, и он меня греет не менее литературных Ваших отзывов и послесловий. Спасибо и за картинки, ей-бо, растеплили! Я Вам тоже кой-чего прицеплю, и быть может (простите, не могу наперёд загадывать), ещё на днях дотянусь до этой космической жнейки. А сейчас надо на лекцию «убегать», время поджидает (но зато я с раннего утра боле-мене живой и бодрый). А вообще-то пора в больничку – под капельницами полежать, послушать – в плеере – «Страсти по Матфею» Илариона (каков митрополит, однако!), – авось, силы потерянные возвратятся. Счастливо Вам. Не сердчайте на меня, я Вас люблю, ей-богу, всем сердцем. Ваш мрачно-маячный и мерцательно-нарицательный богослов Халява.

**5 декабря 2012 г.
В.К., Псков**

...хочется обнять всех. Василий Иванович Белов – предпоследнее звено. У меня твердое ощущение, что – если мы выживем – от всей эпохи «советской литературы» останется лишь то, что

называли (супротивные – с усмешкой) деревенской прозой (сюда же возьму без спросу и городского киевлянина Виктора Некрасова с его сталинградскими окопами и диссидентством поневоле!).

Всё остальное-многое – условно-прилагательное, искусственное: «когда душа молчит, и сердце немо, и Млечный Путь не каплет с потолка...». А тут – заголосила душа... Хорошо, что Вы недоумили про возрождающиеся храмы как некие духовные бастионы, про «стену сопротивления». Большая мысль! Возьму-украду, разовью-расстелю самобранкой – при случае: ежели смогу "бездну времени" замостить да немощи перехитрить! По крайней мере, есть такое жгучее желание.

А я уже опять «на посту» – после каждый раз непривычной больничной неспешности и «шрапнельной – забытой напрочь! – как сорок лет назад матросской каши; уже одним недорослям – Тютчева втемяшивал: «...О, край родной! Такого ополченья // Мир не видал с первоначальных дней! // Велико, знать, о Русь, твое значенье! // Мужайся, стой, крепись и одолей!»; а другим – Григория Богослова – о том, что Христос есть тёмное стекло, сквозь которое мы можем видеть-созерцать-внимать внутренним оком ослепительность Бога-Отца... И никуда нам не деться с этой подводной лодки... Обнимаю Вас от всего сердца. Крепитесь, держитесь. Как-то душа не на месте. Шлю Вам чудовных картинок деревенских – для радости сердца и глазного хрусталика и – памяти Василия Белова. Ваш несуразный богослов Халява. Здравствуйте всегда!

P.S. И вот еще – вспомнил свое стихотворение двадцатипятилетней давности – «Деревня»; цитирую – памяти Василия Ивановича и его «Привычного дела»:

*Таёт в морозных оконцах вода...
Если б живым мне вернуться сюда –
как бы ты, бедная, заголосила!
Тяжкая ль память тебя подкосила?
Боли – и той не осталось следа.*

*Руки набрякли от чёрной работы.
Молвишь:
– Спасибо, не стою заботы;
нашу беду ворошить ни к чему.*

*Много ли нас по беспаятным сёлам?
Было – гуляли на свадьбах весёлых,
только ни сердцу оно, ни уму! –*

*А ведь была – хохотунья и пряха!
Миру – по нитке... Не то что рубаху –
смертное всё на привоз променяв:
– В чём хоронить-то, родимый, меня?*

*«Господи-боже, крепка твоя воля!
Мы-то тебе – посторонние, что ли?
Сладим по чести и саван, и крест!
Вишь, как народец-то твой расходился –
словно задаром на свет народился:
хлеба не просит – смирен и тверез!»*

*Если б живым я вернулся сюда –
я у людей бы узнал без труда:
ветер откуда, и чей это голос...
Пусть бы навеки земля раскололась!
Это кого ж собрались хоронить?!
Гибельный ветер посева колышет;
пашня высоких речей не услышит:
верное дело – зерно заронить!*

*Но не вернуться мне, видно, сюда...
Выше деревни стоит лебеда,
нет ни войны, ни пожара, ни мора;
сход озабочен поимкою вора:
в норку вливают ведёрко воды,
ждут, затаившись и глаз не смыкая;
в норке взиграет пучина морская –
хватить! – и спасён урожай от беды.*

*В землю уходит живая вода...
Если б живым я вернулся сюда –
я бы услышал разумное слово:
мол, уходи подобру-поздорову,
мол, не вернуться уже никогда...*

Крепко стоят на земле города!

Осьминожка

Музыка Н. Губина.
Стихи В. Тыцких.

Набор нот – Алексей Ещенко

Умеренно, весело

Н D7 G C Am H7 Em H7

Em Am H7 Em H7 Em H7

Em Am H7 Em D7 G

Am H7 Em Am D7 G C

Am H7 Em E7 Am D7 G C

окончание

Am H7 Em E7 Em

Осьминожка

Восемь, это очень много:
Два, плюс два, плюс два, плюс два.
Но кроме ног у осьминога
Есть ещё и голова.
Есть большая голова.

ПРИПЕВ:

*Осьминожка, осьминожка,
Потанцуй со мной немножко,
Топни первой и восьмой
И притопни пятой ножкой.*

Значит, есть и ум и сила,
Но хотелось бы узнать –
А для чего ему чернила,
Если не на чем писать?
В море не на чем писать.

ПРИПЕВ.

Интересно знать народу,
Что он пьёт и что он ест,
Но он чернила вылил в воду
И куда-то вдруг исчез.
На глазах у всех исчез.

ПРИПЕВ.

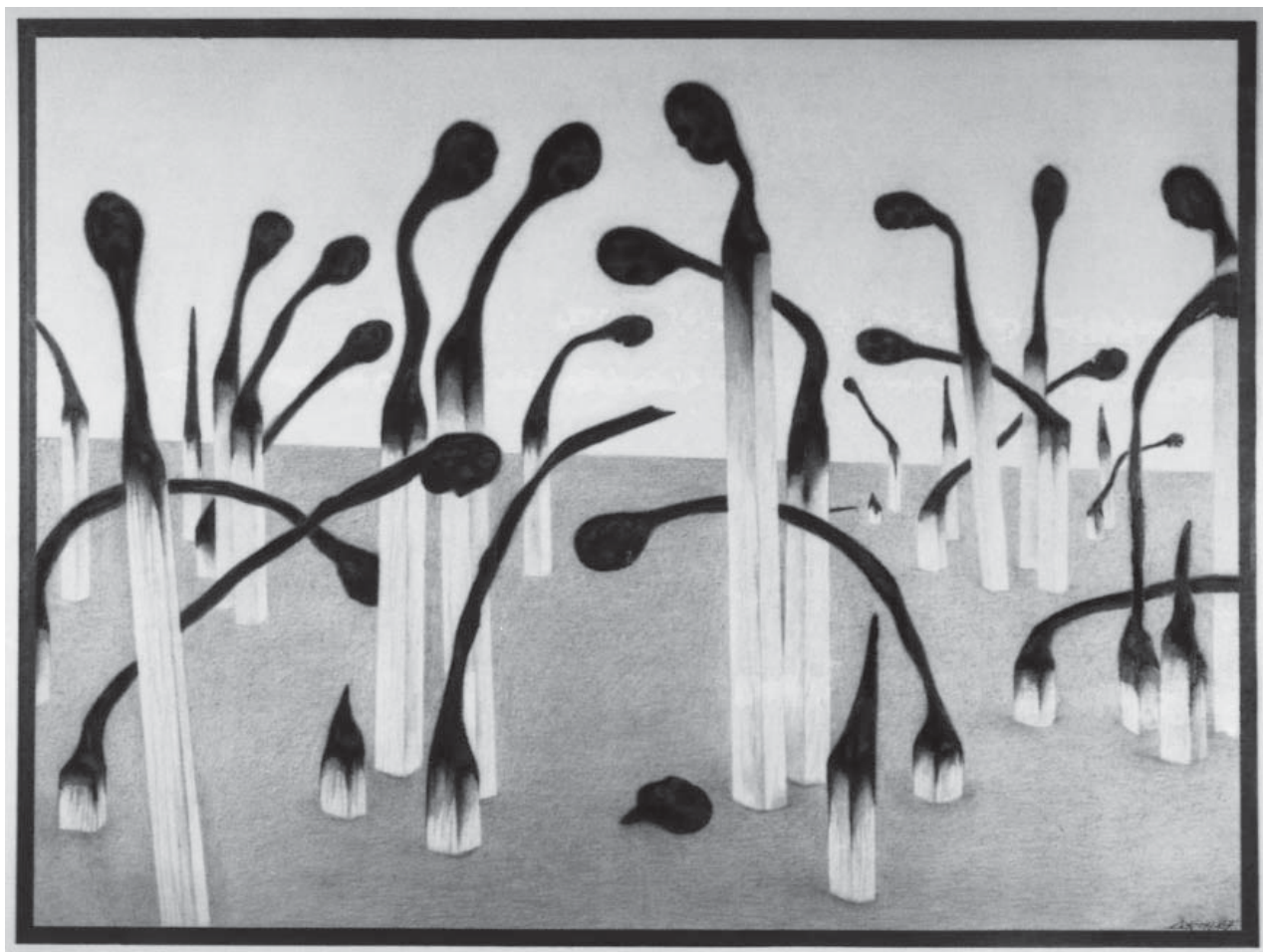
ВНИМАНИЮ КОМПОЗИТОРОВ

Музыкальные композиции (ноты в графическом формате и тексты песен) присылайте музыкальному редактору **Александру Кирилловичу КАПИТАНУ** по электронной почте: **russtrio@mail.ru** с обязательной пометкой – для «Литературного меридиана».

Спички после конфликта

Джон КУДРЯВЦЕВ.

Картон, карандаш, уголь, 600x450мм, 1987.

От редакции

Дорогие читатели! «Литературный меридиан» открывает новую рубрику: «Наш вернисаж». Здесь будут печататься не только репродукции картин художников, но и статьи о них, материалы об искусстве живописи, рецензии на художественные выставки, искусствоведческие заметки. Приглашаем всех, кому интересна эта тема, подписаться на ежемесячник и стать авторами нашего издания. Редколлегия просит учесть, что полиграфические возможности позволяют нам помещать на страницах «Литературного меридиана» пока только чёрно-белую графику, цветные произведения, к сожалению, мы печатать не сможем. Надеемся, со временем нам будет доступно и это, а сейчас нет никаких препятствий для публикации текстовых материалов о всех художниках, независимо от того, в каком жанре они работают или работали. Вести рубрику будет член Союза художников России Джон Кудрявцев, который вошёл в состав редколлегии «Литературного меридиана». Материалы для рубрики просим высылать общим порядком по адресу редакции.

БЕРЕЗОВСКИЙ Николай Васильевич. Родился в 1951 году на Сахалине. Работал в геологоразведке, на заводе, в газетах. Окончил Литературный институт им. Горького. Публиковался в журналах «Юность», «Октябрь», «Уральский следопыт», «Сибирские огни» и др. Автор ряда книг прозы, стихов, публицистики и критики. Член Союза писателей и Союза журналистов России. Живёт в Омске.

БОГДАНОВ Виктор Всеволодович. Родился в 1972 году в Омске. Поэт, прозаик, эссеист, публицист, критик. Пишет и печатается с 1988 года. Публиковался в журналах «Арион» (Москва), «День и ночь» (Красноярск), «Журнал литературной критики и словесности» (Москва), «Литературный меридиан» (Арсеньев), «Омская муза», «Сибирские огни» (Новосибирск), в альманахах «Голоса Сибири» (Кемерово), «Ликбез» (Барнаул), «Складчина» (Омск), в антологиях произведений омских писателей «Сегодня и вчера» (2005) и «Годовые кольца» (2012), в литературных газетах «Литературная Россия» (Москва), «Очарованный странник» (Ярославль) и др. Автор двух сборников стихотворений. Дипломант Всесоюзного поэтического турнира издательства «Молодая гвардия» (1988). Лауреат региональной литературной премии имени Ф.М. Достоевского (2003). Член Общественного совета «Литературного меридиана». Член Союза российских писателей (1996). Живёт в Омске.

БОГДАНОВ Геннадий Валентинович. Родился в 1948 году в Хабаровске. После службы в армии работал художником-оформителем, водителем, автомехаником. В девяностых годах руководил литературным объединением имени Петра Комарова при Хабаровской писательской организации. Публиковался в журнале «Дальний Восток», в литературных альманахах Хабаровского и Приморского краёв, г. Омска. Автор поэтических сборников «Никто», «Пока дышу», «От сего дня», «Этюды». Заместитель главного редактора журнала «Литературный меридиан». Живёт в г. Хабаровске.

ВЕСНИК Евгений Яковлевич. Родился 15 января 1923 года. Народный артист СССР, сыгравший десятки ролей в театре, кино и на радио – «12 стульев», «Золотой телёнок», «Ревизор», «Швейк», «История одного города». Автор книг «Записки артиста», «Абракадабры», «Триптихи с ремарками» и других. Автор книг «Абракадабры», «Записки артиста», «Триптихи с ремарками» и других. Входил в Общественный совет «Литературного меридиана». Умер 10 апреля 2009 года.

ДОНБАЙ Сергей Лаврентьевич. Родился 22 сентября в 1942 году в Кемерово. Учился в Новосибирском государственном инженерно-строительном институте. Публиковался в журналах в журналах «Всерусский собор» (Санкт-Петербург), «Алтай», «Барнаул» (Барнаул), «Москва», «Наш современник», «Поэзия», «Молодая гвардия» (Москва), «Паллоцфельд» (Венгрия), «Сибирские Огни» (Новосибирск), «День и ночь» (Красноярск) и других. Автор книг «Утренняя дорога» (1970), «Прелесть смысла» (1977), «День» (1986), «Смута» (1991), «Проснись у меня на плече» (1992), «Стихотворения» (1996), «Слеза» (2001), «Лесное лето» (детская) (2005), «Силица» (2006) и других. Лауреат премии имени В.Федорова. Награжден грамотой министерства культуры РФ. Главный редактор журнала «Огни Кузбасса» (Кемерово). Член Союза писателей России. Живет в г.Кемерово.

ЗИНОВЬЕВ Николай Александрович. Родился 10 апреля 1960 года в станице Кореновской. Учился в ПТУ, станкостроительном техникуме, на филфаке Кубанского государственного университета. Автор двенадцати поэтических сборников. Секретарь правления Союза писателей России. Лауреат международного конкурса «Поэзия третьего тысячелетия». Его стихи были опубликованы практически во всех литературных журналах России. Сделаны переводы на китайский, сербский и армянский языки. Член Общественного совета «Литературного меридиана». Живёт в г. Кореновске.

ИЛЬИН Иван Александрович. Родился 28 марта (9 апреля) 1883 в Москве. Русский философ, писатель и публицист, сторонник Белого движения и последовательный критик коммунистической власти в России, идеолог Русского общевоинского союза (РОВС).

В эмиграции стал сторонником т.н. монархистов-«непредрешенцев», тяготел к интеллектуальной традиции славянофилов. Умер 21 декабря 1954 г. В октябре 2005 года прах И.А. Ильина и его жены был перезахоронен в некрополе Донского монастыря в Москве, рядом с могилой А.И. Деникина, недалеко от могилы И.С. Шмелёва.

КАБАНКОВ Юрий Николаевич. Родился во Владивостоке в 1954 году. Поэт, критик, публицист, филолог, богослов. Служил на Тихоокеанском флоте, работал парашютистом-пожарным, электро-монтажником, преподавал литературу в сельской школе, редактировал книги. Выпускник Литературного института им. Горького. Член Союза писателей СССР с 1988 года (ныне – СП России), член Всемирной организации писателей International PEN-Club. Автор восьми книг и множества публикаций в центральной, региональной и зарубежной периодике. Лауреат премии издательства «Молодая гвардия» (Москва) «За лучшую первую книгу» («Кто служит ветром...», 1986); лауреат премии критиков Союза писателей РСФСР «Лучшие стихи года» (1990); лауреат премии губернатора Приморского края «За достижения в области литературы и искусства» (Владивосток, 2001). Книга «Камни преткновенные», выпущенная в 1999 году владивостокскими издательствами «Уссури» и «Лавка языков», завоевала в Интернете специальный приз конкурса русской сетевой литературы «Тенета-ринет – 1999». Автор религиозно-философических и богословских книг «Одухотворение текста» и «Последний византиец русской книжности» (ДВГУ: Владивосток, 2006 и 2007 гг.). Доцент кафедры филологических наук. Член Общественного совета «Литературного меридиана». Живёт во Владивостоке.

КАПИТАН Александр Кириллович. Проректор по творческой работе Дальневосточной государственной академии искусств, профессор, заслуженный артист РФ. Окончил Дальневосточный государственный институт искусств по классу «баяна», ассистентуру – стажировку Российской академии музыки им. Гнесиных. Заслуженный артист РФ. Лауреат Всесоюзного конкурса им. И. Паницкого (Бишкек, 1990, диплом 1-й степени), в составе трио «Владивосток» является лауреатом Международного конкурса им. Г. Шендерова, Россия, 1997 г. – Серебряный диплом; 17-го Международного конкурса «Grand Prix», г. Бишвиллер, Франция, 1997 г. – Гран-при и золотая медаль; II Международного конкурса баянистов-аккордеонистов, г. Пекин, 1999 г. – 1-я премия; 38-го Международного конкурса баянистов-аккордеонистов, г. Клингенталь, Германия, 2001 г. – 3-я премия. Автор и составитель сборников концертного репертуара для баяна и ансамблей народных инструментов; автор многочисленных публикаций в периодической печати. Член редколлегии «Литературного меридиана». Живёт во Владивостоке.

КОЖИНОВ Вадим Валерианович. Родился 5 июля 1930 г. в Москве. Советский и российский критик, литературовед, историк, публицист. Автор более 30 книг, основные работы посвящены вопросам теории литературы, русской литературе XIX века, современному литературному процессу (в первую очередь поэзии), истории России. Умер 25 января 2001 г.

КОСТЫЛЕВ Владимир Александрович. Родился в 1974 году в городе Арсеньеве Приморского края. Главный редактор культурно-просветительского художественного издания «Литературный меридиан», член редколлегии Дальневосточного литературного журнала «Сихотэ-Алинь». Автор сборника верлибров «Семнадцать ступеней», книги прозаических миниатюр «Два кофейных зёрнышка». Публиковался в журналах «Литературная учеба» (Москва), «Новый Енисейский литератор» (Красноярск), «Огни Кузбасса» (Кемерово), «Сихотэ-Алинь» (Владивосток), «Южная звезда» (Ставрополь), «Золотое перо» (Москва), «Согласование времен» (Германия), «Московский вестник» и в других. Живёт в городе Арсеньеве.

КУДРЯВЦЕВ Евгений Александрович (Джон КУДРЯВЦЕВ). Родился в 1955 году в Свердловске. Учился в Свердловском художественном училище. Служил в ВМФ, работал на телевидении, в театре музыкальной комедии, художником в Дальневосточном книжном издательстве. Художник, книжный график. Член Союза художников России. Участник владивостокских городских, Приморских краевых и международных выставок. Член редколлегии «Литературного меридиана». Живёт во Владивостоке.

КУРБАТОВ Валентин Яковлевич. Родился в 1939 году в г. Салават Ульяновской области. Окончил Всесоюзный государственный институт кинематографии (ВГИК). Автор многих книг о проблемах и судьбах русской литературы, в том числе о жизни и творчестве Виктора Астафьева, Михаила Пришвина, Валентина Распутина, Семёна Гейченко и др. Член правления Союза писателей России, член редколлегий и редсоветов таких изданий, как «Литературная учёба», «Москва», «День

и ночь», «Роман-газета», член Общественного совета «Литературного меридиана». Автор и ведущий телевизионных фильмов о путях Православия и отечественной культуры. Живёт в Пскове.

ЛЯШЕВА Руслана Петровна. Родилась в 1943 году в г. Петропавловске (Казахстан). Окончила факультет журналистики МГУ и аспирантуру Литературного института. Автор книг «Без лапши», «Актуальность старого», «Достоевский и Сартр», «Точка бифуркации», «Кентавр на берегу вселенной» и др. Активно выступает с критическими исследованиями в центральной периодике. Кандидат филологических наук. Член Общественного совета «Литературного меридиана». Живёт в Москве.

МОЦАРДО Вячеслав Иванович. В детстве и юности пел в хоре мальчиков и занимался музыкой. С 15 лет работал на Киевской киностудии им. Довженко. Закончил Государственное музыкальное училище им. Гнесиных по классу вокала. Им собраны и изданы три исторических фотоальбома, как режиссер и сценарист снял художественно-документальные фильмы о великих князьях. Автор проекта девяти биографических альбомов-фотолетописей о выдающихся деятелях культуры и искусства современности. Директор Международного культурного центра «Слава». Живет в Москве.

ПРОТАСОВ Вячеслав Васильевич. Родился в Германии в 1949 году. Учился в Горьковском государственном университете. Более тридцати лет работал во Владивостокском морском торговом порту. Печатался в альманахе «Литературный Владивосток», в журналах «Сихотэ-Алинь», «Дальний Восток», «Юность», «Октябрь», «Литературный меридиан», в «Литературной России», в «Литературной газете», коллективных сборниках. Автор поэтических книг «Лучший день», «Штиль», «Сердце из моей груди» (переводы стихов Генриха Гейне), «Вишнёвая косточка», «Свобода выбора» и других. Лауреат премии Приморского комсомола. Член Общественного совета «Литературного меридиана». Живёт во Владивостоке.

СЕРБСКИЙ Николай (Никола Велимирович). Никола Велимирович родился в горном селе Лелич в западной части Сербии. В детстве был отдан в школу при монастыре Челие. Затем, окончив гимназию в городе Валево и Белградскую духовную семинарию, обучался на Старокатолическом факультете в Берне. Позже закончил философский факультет в Оксфорде. Вернувшись в Сербию, преподавал в Белградской семинарии. Печатал свои статьи в сербских церковных журналах. После выздоровления от туберкулёза принял в монастыре Раковица близ Белграда монашеский постриг под именем Николай. В 1910 году иеромонах Николай едет учиться в Россию, в Санкт-Петербургскую духовную академию. В 1920 году поставлен епископом Охридской епархии. В 1934 году епископ Николай назначен владыкой Жичской епархии. Во время Второй мировой войны епископ подвергся репрессиям со стороны фашистов и был заключён в концентрационный лагерь Дахау. В мае 1945 года владыка принял решение переехать в США. Скончался 18 марта 1956 года. 18 марта 1987 года состоялось прославление Николая Велимировича как местночтимого святого Шабачско-Валевской епархии. Объявлен святым на заседании Святого архиерейского собора Сербской православной церкви в мае 2003 года. Канонизирован в храме Святого Саввы в Белграде 24 мая 2003 года.

СИЛКИН Владимир Александрович. Родился 14 октября 1954 года в г. Рязске Рязанской области. Поэт, прозаик, журналист, переводчик. Секретарь Правления, председатель Комиссии по военно-художественной литературе Союза писателей России, заместитель председателя Правления, председатель Приёмной комиссии Московской городской организации Союза писателей России, член Исполкома Международного сообщества писательских союзов, председатель Правления Союза писателей баталистов и маринистов, начальник Военно-художественной студии писателей Культурного центра ВС РФ им. М.В.Фрунзе. Лауреат Государственной премии России. Заслуженный работник культуры РФ. Кавалер ордена Почёта. Святейшим Патриархом Московским и всея Руси удостоен ордена Русской православной церкви святого благоверного князя Даниила Московского. Кандидат педагогических наук. Автор более тридцати книг стихотворений, в том числе детских, эссе, песен, переводов. Почётный гражданин г. Рязска, Почётный краевед Рязжского района. Живёт в Москве.

СЫЧЕВА Лидия Андреевна. Родилась в 1966 году в с. Скрипниково Калачеевского района Воронежской области. После окончания школы училась на историческом факультете Воронежского пединститута. Работала преподавателем, журналистом. В 1995 году поступила на заочное отделение Литературного института. В 1998 году дебютировала с рассказами в «Новом мире». Активно выступает в периодике как литературный критик. Автор нескольких книг прозы и публицистики. Главный редактор Интернет-журнала «Молоко» («Молодое око»). Живёт в Москве.

ТРАПЕЗНИКОВ Александр Анатольевич. Родился в 1953 году в Хабаровске. Окончил филологический факультет Московского областного педагогического института им. Н.К. Крупской (1980) и Институт журналистского мастерства. Работал в научно-исследовательских институтах, библиотеке, конструкторском бюро, на часовом заводе; в издательствах «Просвещение» и «Граница»; в газете «Советский спорт»; в журнале «Наш современник»; в литературной части МХАТа Автор более пятидесяти прозаических книг, среди которых и детективы, и мистические триллеры, и философские романы о духовных исканиях: «Игры идиотов», «Тень луны», «Убийственный пароход», «Бороться, чтобы побеждать», «Здравствуй, я твоя С.», «Механический рай», «Великий магистр», «Морг закрыт, расходитесь!», «Добро пожаловать в дом дураков!», «Уговори меня бежать», «Убит – подвинься», «Царские врата». Произведения А. Трапезникова издавались в Германии, Франции, Китае, Болгарии. Его имя вошло в энциклопедию «Русская литература XX века», изданную Российской академией наук. Член СП России с 1994. Полковник Союза казачьих формирований, член православной казачьей миссии. Лауреат премии «Золотое перо Московии», награжден дипломами за лучшие публикации в журнале «Наш современник» и «Советская женщина». Член редколлегии «Литературного меридиана». Живёт в Москве.

ТЫЦКИХ Владимир Михайлович. Родился в г. Лениногорске (Риддере) в 1949 году. Окончил Киевское высшее военно-морское политическое училище, служил на Балтике и Тихом океане на надводных кораблях и подводных лодках. Автор трёх десятков книг, изданных в Москве, Норильске, Владивостоке, Усть-Каменогорске (Казахстан). Печатался в журналах «Байкал», «Бежин луг», «День и ночь», «Звезда», «Знамя», «Москва», «Наш современник», «Студенческий меридиан» и др. Отмечен лауреатскими званиями в Москве, Хабаровске, Владивостоке, Нью-Йорке». Заслуженный работник культуры России. Живёт во Владивостоке.

ШЕПЕТА Иван Иванович. Родился в 1956 на севере Приморья в ныне несуществующем посёлке горняков. Автор 5-ти поэтических книг. Единственный в стране член обоих Союзов писателей и ПЕН-клуба. Стихи печатались в антологиях, толстых и тонких журналах, альманахах и литературных еженедельниках. Произведения переводились на испанский, немецкий, польский и французский. Пенсионер-предприниматель и меценат-издатель. Живёт во Владивостоке.

ЦВЕТАЕВА Марина Ивановна. Великий русский поэт. Родилась в Москве 26 сентября (8 октября) 1892 года. В юном возрасте посещала музыкальную школу, в одиннадцать лет училась в католическом пансионе в Лозанне, затем во французском интернате. Вместе с сестрой Анастасией Марина прошла обучение в Германии (Фрейбург). Ранние произведения и переводы Цветаевой не дошли до наших дней. Автор сборников стихов «Вечерний альбом» (1910 г.), «Волшебный фонарь» (1912 г.), «Из двух книг» (1913 г.) и других. В период с 1922 по 1923 г. за рубежом выходит пять ее книг, в числе которых «Поэма Горы», «Поэма Конца». Трагически погибла 31 августа 1941 года.

Марина Цветаева. Рисунок К.Б. Родзевича. 1960-е гг.

Олег Шелудько в гостях у сына писателя Павла Северного (фон Ольбриха) Арсения Северного (слева). Москва, январь 2013 г. Фото В. Тыцких.

Владимир Тыцких у Андрея Углицких (слева). Москва, январь 2013 г. Фото Олега Шелудько.

***Иван Шепета выступает в библиотеке города Артёма.
Фото Александра Белых (г. Артём).***

***Валентин Курбатов и иерей Константин Мироненко.
Псков, 2011 г.***

***Эльвира Кочеткова и Владимир Костылев.
Автопробег в честь святых Кирилла и Мефодия. Хабаровск, май 2010 г.***

***Юрий Кабанков (слева) и Иван Кончатный.
г. Арсеньев, май 2009 г.***

Виктор Костин.
Арсеньев, май 2009 г. Фото Ивана Кончатного.

Геннадий Богданов.
Хабаровск, 8 мая 2012 г. Фото Владимира Костылева.

***Геннадий Богданов и Василина Орлова.
Хабаровск, май 2006 г.***

***Марианна Смирнова выступает на юбилейном вечере
Вячеслава Протасова. Владивосток, 2009 г.***

**Фотохудожник Владимир Листровой
Автопробег в честь святых Кирилла и Мефодия.
Арсеньев, май 2008 г. Фото Сергея Юдинцева.**

**Валентин Федоров.
Автопробег в честь святых Кирилла и Мефодия.
Хабаровск, май 2006 г. Фото Василины Орловой.**

ОБЯЗАТЕЛЬНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ, ПРЕДЪЯВЛЯЕМЫЕ К ПРИСЫЛАЕМЫМ МАТЕРИАЛАМ

1. Произведение присылается **один** раз.
 2. Отдельные произведения печатаются на компьютере или печатной машинке с двойным интервалом. На обороте листа не писать и не печатать.
 3. Каждый лист рукописи должен быть подписан в правом верхнем углу: фамилия, имя автора (полностью) и наименование населённого пункта (в том числе – каждое произведение в электронном виде).
 4. Фотографии принимаются только контрастные, высокого качества.
 5. Произведения, присланные по электронной почте, имеют приоритет в публикации (**E-mail: Lm-red@mail.ru**). Текстовые файлы принимаются в формате **WORD**.
 6. При отправке корреспонденции в редакцию в графе «Получатель» необходимо указывать имя главного редактора Владимира Александровича Кóстылева.
- Материалы, не соответствующие требованиям, а также работы, написанные неразборчивым почерком, и тем более – ксерокопии и неразличимые компьютерные оттиски **не рассматриваются принципиально** и в работу **не принимаются**.

ПОДПИСКА НА 2013 ГОД

	полгода	год
«Литературный меридиан»	370 руб.	570 руб.

Указанная сумма высылается почтовым переводом на имя главного редактора **Кóстылева Владимира Александровича** по адресу для корреспонденции:

**692342, Россия, Приморский край, г. Арсеньев-12, а/я 16,
ежемесячник «Литературный меридиан».**

Ежемесячник высылается почтой по указанному подписчиком адресу. Никаких дополнительных затрат подписавшийся не несет.

- При перепечатке ссылка на «Литературный меридиан» обязательна.
- Мнение редколлегии не всегда совпадает с мнением автора.
- Редакция в переписку не вступает.
- Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
- Срок хранения рукописей в архиве редакции – 1 год.
- Авторы несут ответственность за достоверность своих материалов.
- Редакция имеет право отказать в публикации.

«Литературный меридиан» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.
Рег. ПИ № ФС 77–33178 от 18 сентября 2008 г.
Учредитель: В.А. Костылев
Объём издания – 86 печатных листов.
Тираж 500 экз. (включая электронную версию)
Цена свободная.
Номер подписан в печать по графику и фактически 10 января 2013 г. в 17-00.
Адрес издателя и редакции:
г. Арсеньев, ул. Островского, 8/1-20.
Отпечатано в ЗАО «Полицентр», г. Арсеньев, ул. Заводская, 5.
Дата выхода номера в свет – 31 января 2013 г.

АДРЕС ДЛЯ ПИСЕМ:

Россия, Приморский край, 692342, г. Арсеньев-12, а/я 16, ежемесячник «Литературный меридиан»,
Кóстылеву Владимиру Александровичу.
Тел. (+7) **914-666-1-999** (с 01.00 до 15.00 по Москве)
E-mail: Lm-red@mail.ru **Наш сайт:** www.Litmeridian.ru
Номер счёта в системе Яндекс-деньги: **41001884919176**

16+

**ИЗДАНИЕ ВЫХОДИТ НА СРЕДСТВА, СОБРАННЫЕ АВТОРАМИ, СОТРУДНИКАМИ РЕДАКЦИИ,
ЧЛЕНАМИ ОБЩЕСТВЕННОГО И ПОПЕЧИТЕЛЬСКОГО СОВЕТОВ, А ТАКЖЕ НА ПОЖЕРТВОВАНИЯ,
И ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ НА БЕЗГОНОРАРНОЙ ОСНОВЕ.**

Редакция «Литературного меридиана» проводит курс на расширение творческих связей с литературными изданиями Российской Федерации:
«Сихотэ-Алинь» (г. Владивосток), «Огни Кузбасса» (г. Кемерово), интернет-журналом «Молоко».

Взгляд. Фото Ивана КОНЧАТНОГО, г. Арсеньев

В снегу. Фото Ольги ЛЕВАШОВОЙ, г. Владивосток

Внимание! Подписка продолжается!

Стоимость полугодовой подписки составляет 370 рублей, годовой – 570 рублей. Указанная сумма отправляется почтовым переводом по адресу для корреспонденции:
692342, Приморский край, г. Арсеньев-12, а/я 16,
редакция журнала «Литературный меридиан»,
Костылеву Владимиру Александровичу

Справки по E-mail: Lm-red@mail.ru
или по телефону: 8-914-666-1-999

Окрестности с. Чугуевка. Фото Владимира ТЫЦКИХ, г. Владивосток.

